

Вятский государственный университет

**ВЕСТИК
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 12

Киров
2017

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор,
президент Вятского государственного университета, ORCID 0000-0002-2706-3904

Заместитель главного редактора

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор,
Вятский государственный университет, ORCID - 0000-0001-7421-0615

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент,
Вятский государственный университет, ORCID 0000-0003-2271-3995

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, Вятский государственный университет, ORCID 0000-0002-4859-8553

Состав редакционной коллегии:

А. А. Печенкин, доктор исторических наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. И. Бакулин, доктор исторических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
Т. А. Закаурцева, доктор исторических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);
Д. А. Редин, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);
Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);
А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0001-8135-4043, ResearcherID Q-3185-2017;
В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0002-2880-8162;
Е. О. Галицких, доктор педагогических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
О. И. Колесникова, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0002-6159-6261;
Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);
D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);
E. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия), ORCID 0000-0002-8271-4909;
Н. Л. Шубина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);
Е. Н. Лагузова, доктор филологических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);
М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
А. М. Дорожкин, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);
Е. С. Черепанова, доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
Е. А. Счастливцева, доктор философских наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. А. Кутырев, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);
Л. Т. Ретюнских, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в «Роскомнадзоре»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя/редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**
Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**
Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Останина О. А. Об исследовании предпосылок междисциплинарности социально-гуманитарных наук.....	6
Едошина И. А. Культурфилософия поэтического текста (на примере двух стихотворений Ф. И. Тютчева).....	13
Гурьянов А. С. Знание как общественно-историческая ценность	19
Гилев Я. Ю. Политическое сознание рабочего класса второй половины XX и начала XXI в.: потенциал и особенности	24

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ершов М. Ф. Общественный протест на маскараде в начале XX в.....	30
Крутоус И. В. Дальневосточная периодическая печать о реализации «сухого закона» в Приамурском генерал-губернаторстве в 1914–1917 гг.	34
Файзуллин С. А. Из истории города Агрыза Татарской АССР: разрушительный июньский пожар 1922 г.	42
Бородулина Е. В. Л. Д. Троцкий о мелкой промышленности на XII съезде РКП(б)	46
Колчанова Ю. С. Завод в жизненном мире советских инженеров.....	51
Колонских А. Г. Укрепленные поселения Уфимско-Бельского междуречья.....	62
Примак П. В., Хайницкая Э. А. Становление института монашества на территории ЕАО в начале XXI в.	68
Васильев В. А. Епископ Герман (Кокель) в новейшей истории русской церкви. К 80-летию трагической кончины епископа Германа (Кокеля)	72
Колесников Б. В. Милан Растилав Штефаник в воспоминаниях Луизы Вайс (к 125-летию со дня рождения известной журналистки и общественного деятеля)	78
Рычков И. А. Волжское пароходство в период преодоления последствий Гражданской войны.....	84

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Капсалькова К. Р. Регулярная армия и традиционное общество в Византийской империи в X – первой половине XI в.	92
Боронников А. Д., Лейбович О. Л. «Хороша страна Америка, а Россия лучше всех!..»: советское vs американское в официальном дискурсе 1959 г.	99
Калинин А. А. Политические аспекты советско-греческих отношений в 1953–1959 гг.	106
Росина М. А. Румынский вектор внешней политики США в 1960–1970-е гг.	117

ФИЛОЛОГИЯ

Постникова С. В. О «промежуточных» явлениях в структуре функционально-семантического поля сравнения (на материале немецкого языка)	124
Кудинова Т. А. Структурно-семантические особенности композитов с последним компонентом «причастие» в английском подъязыке биотехнологий.....	129
Алексеева И. К. Сложносочиненные предложения с союзом и как средство выражения причинно-следственных отношений	134

<i>Гусейнов Г.-Р. A.-K. Codex cumanicus и кумыкский язык. К историко-этимологической и ареальной интерпретации лексико-фонетических изоглосс.....</i>	138
<i>Мугумова А. Л. Позднесредневековые наддиалектные и диалектные (терские) русские лексические элементы кумыкского языка в историко-этимологическом аспекте.....</i>	143
<i>Мележик К. А. О критерии комфортности восприятия речи в транснациональной деловой коммуникации.....</i>	147
<i>Ткачева А. Н. Русские термины-омонимы французского происхождения</i>	153
<i>Кондакова И. А. О применении топонима как средства манипуляции.....</i>	159
<i>Ягафарова Л. Т., Глушкова С. Ю. Топонимические концепты моды (на примере русского и китайского языков).....</i>	163
<i>Кожевникова И. Г., Рыбакова Л. В. О процессуальной модели формирования иноязычной лингвистической компетенции.....</i>	166
<i>Поздеев В. А. Собирание вятского фольклора любителями-фольклористами во второй половине XIX – начале XX в.</i>	174
<i>Ефимова Н. И., Золотова Т. А. Реалии и номинации провинциального городского пространства (на материале микротопонимов города Йошкар-Олы).....</i>	179
<i>Порческу Г. В. Средства создания экспрессивности в сказке и способы их перевода</i>	183

CONTENTS

Ostanina O. A. On the investigation of preconditions of the interdisciplinarity of social sciences and humanities

Edoshina I. A. Culture-philosophy of poetic text (on the example of two verses by F. I. Tyutchev)

Guryanov A. S. Knowledge as a social and historical value

Gilyov Ya. Yu. Political consciousness of the working class of the second half of the XXth century and the beginning of the XXIst century: the potential and peculiarities

Ershov M. F. Public protest at the masquerade at the beginning of the XX century

Krutous I. V. Far Eastern periodicals about implementation of «dry law» in Priamursk general governorship in 1914–1917

Faizullin S. A. From the history of the town of Agryz of Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic: destructive fire of June 1922

Borodulina E. V. Lev Trotsky about small industry at the XII Communist Party congress

Kolchanova Yu. S. The plant in the life world of the Soviet engineers

Kolonskikh A. G. Fortified settlements of the Ufa-Belsk interfluve

Primak P. V., Hainitskaya E. A. The formation of the monastic institute in the Jewish Autonomous Region at the beginning of the XXI century

Vasiliev V. A. Bishop Herman (Kokel) in the modern history of the Russian Church

On the 80th anniversary of the tragic death of Bishop Herman (Kokelles)

Kolesnikov B. V. Milan Rastislav Štefanik in Louise Weiss's reminiscence (for 125th birthday anniversary of famous journalist and public figure)

Rychkov I. A. Volga shipping company in the period of overcoming the consequences of the Civil war

Kapsalykova K. R. Regular army and traditional society in Byzantine Empire in the 10th – first half 11th century

Boronnikov A. D., Leibovich O. L. "A good country is America, and Russia is the best! ...", the Soviet vs the American in the official discourse of 1959

Kalinin A. A. Political aspects of Soviet-Greece relationship in 1953–1959

Rosina M. A. Romanian vector of US foreign policy in the 1960–1970s.

Postnikova S. V. On "intermediate" phenomena in the structure of the functional-semantic field of comparison (on a material of German language)

Kudinova T. A. Structural and semantic features of compounds with the last component "participle" in the english sublanguage of biotechnologies

Alekseeva I. K. Compound sentences with the union and as means of expression of the cause and effect relations

Guseinov G.-R. A.-K. Codex cumanicus and Kumyk language. To the historical-etymological and areal interpretation of lexical-phonetic isoglosses

Mugumova A. L. Late medieval overdialect and dialect (Terek river's) Russian lexical elements of the Kumyk language in historical and etymological aspects

Melezhik K. A. On the criteria of comfort of speech production and perception in transnational business communication

Tkacheva A. N. Russian terms-homonyms of French origin

Kondakova I. A. On applying of toponym as a means of manipulation

Yagafarova L. T., Glushkova S. Y. Toponymic concepts of fashion (on the example of Russian and Chinese languages)

Kozhevnikova I. G., Rybakova L. V. On the procedural model of formation of foreign language competence

Pozdeev V. A. Collecting Vyatka folklore in the second half of the XIX – early XX centuries by amateur folklorists

Efimova N. I., Zolotova T. A. Realities and nominations of provincial urban space (mycrotoponyms in the town of Yoshkar-Ola)

Porchesku G. V. Means of making expressiveness in the tale and methods of their translation

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 001.2/168.52

Об исследовании предпосылок междисциплинарности социально-гуманитарных наук

Останина О. А.

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Вятский государственный
университет. 610002, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

Аннотация: Междисциплинарность стала характерной чертой современной науки. Вопросы, связанные с междисциплинарностью, в том числе социально-гуманитарных наук, широко обсуждаются в философии; их актуальность объясняется потребностью теоретического осмыслиения трансформации науки и обоснования объективности социально-гуманитарного знания, а также тех социальных процессов, к которым наука имеет непосредственное отношение – образование, технологические инновации. Проблема заключается в том, что для понимания сути и всех аспектов междисциплинарности недостаточно исследования только внешних и формальных сторон ее проявления. Важно выяснить основания, предпосылки междисциплинарности, чтобы раскрыть содержание и сущность происходящих в науке процессов. В таком выяснении и заключается цель статьи; для достижения цели применяются социально-эпистемологический и системно-диалектический подходы. Предпосылки междисциплинарности, можно разделить на две группы: первая группа включает внутренние закономерности развития научного познания и знания, а вторая – контекстуальные, куда относятся и философские предпосылки. Междисциплинарность формировалась в процессе обоснования статуса конкретно-научного знания и в ходе дискуссии о «науках о природе» и «науках о культуре», с одной стороны, и о социальных и гуманитарных науках – с другой. Междисциплинарность социогуманитарного знания связана с эволюцией содержания и формы деятельности людей, характера труда, социальных отношений, усилением взаимосвязи сфер общественной жизни. Повороты в философии и науке – лингвистический, культурный – эксплицировали разнообразные факторы в обществе и истории, что поставило вопрос о комплексном применении методов, взаимосвязи познавательных процедур, объяснения и понимания. Учет экологического контекста деятельности людей создает предпосылку для междисциплинарных связей между естественными и гуманитарными науками.

Ключевые слова: междисциплинарность, социокультурные предпосылки, философские предпосылки, внутринаучные предпосылки.

On the investigation of preconditions of the interdisciplinarity of social sciences and humanities

Ostanina O. A.

doctor of philosophical sciences, professor, head of Department of philosophy, Vyatka State University.
36 Moskovskaya str., 610002, Kirov. E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

Abstract: The interdisciplinarity became the characteristic feature of the contemporary science. Questions, connected with the interdisciplinarity, social sciences and humanities as well, are widely discussed in philosophy; their actuality is explained by the necessity of the theoretical comprehension of the transformation of the science and of the substantiation of objectivity of the socio-humanitarian knowledge, as so of such social processes which are directly related to the science – education, technological innovations. The problem is that it is not enough to investigate only superficial and formal manifestations of the interdisciplinarity in order to understand its essence and all aspects. It is important to elucidate foundations, preconditions of the interdisciplinarity to reveal the content and the essence of processes going in the science. The purpose of the article consists in such elucidation; social-epistemological and system-dialectical approaches are used to achieve this purpose. Preconditions of the interdisciplinarity may be divided in two groups: the first group includes inner regularities of the development of the scientific cognition and knowledge, and the second – contextual where philosophical preconditions are related. The interdisciplinarity was formed in the process of justification of the status of the concrete scientific knowledge and during the discussion about «sciences on nature» and «sciences on culture», on the one side, and social sciences and humanities, on the other side. The interdisciplinarity of the socio-humanitarian knowledge is connected with

the evolution of the content and the form of people's activities, the character of the labor, of social relations, of strengthening of the mutual connection of societal spheres. Turns in philosophy and science – linguistic, cultural – explicated various factors in society and history, thus the question on the complex using of methods, interrelation of cognitive procedures, of explanation and understanding was put. The consideration of the ecological context of people's activities makes a precondition for interdisciplinary connects between natural sciences and humanities.

Keywords: interdisciplinarity, sociocultural preconditions, philosophical preconditions, intrascientific preconditions.

Междисциплинарность означает взаимодействие (по методам, целям) между научными дисциплинами, позволяющее получить новое знание о предмете; она выражает интегративный характер научного познания и рассматривается как одна из характерных черт постнеклассической науки. Проблематика междисциплинарности как дискуссионна, так и актуальна: она непосредственно связана с изучением и пониманием сущности протекающих в современной науке процессов, переходом науки от дисциплинарной структуры к междисциплинарной. Для социально-гуманитарных наук междисциплинарность значима, с точки зрения обоснования их объективности, достоверности. И в последние десятилетия междисциплинарность активно формировалась в социогуманитарном знании: структурализм сделал возможным применение методов точных наук в лингвистике, литературе; достижения логики были применены в гуманитарных науках; сменяли друг друга экономическая история, социальная история, культурная история, пока не был поставлен вопрос об их синтезе. Кроме того, общеизвестна взаимосвязь науки и образования, и компетентностный подход, в своем идеале, ориентирован на формирование целостной, социально адаптированной личности, что достигается благодаря междисциплинарному обучению, где важна роль социально-гуманитарного знания.

Одним из недостаточно исследованных вопросов является, если можно так сказать, природа междисциплинарности социально-гуманитарных наук. Чаще обращается внимание на конкретные формы проявления междисциплинарности, на междисциплинарные подходы (синергетика, глобальный эволюционизм), нас же интересуют ее объективные основания, предпосылки, которые могут быть выявлены и раскрыты в контексте социальной эпистемологии и на основе системно-диалектического подхода. Предпосылки, о которых идет речь, могут быть разделены на две группы – вененаучные (контекстуальные) и внутринаучные предпосылки.

Прежде всего, заметим, что проблема междисциплинарности, так или иначе, была поставлена в философии XIX–XX вв. Так, Н. Г. Чернышевский обосновывал интегрирующее значение антропологического принципа, говоря, что «принцип этот состоит в том, что на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру» [1]. Это значит, с одной стороны, науки «сходятся» в проблеме человека, естественные науки изучают физические, химические, биологические явления и процессы не внешней по отношению к человеку природы, а имеющие место в нем самом. С другой стороны, указанные процессы лежат в основе духовно-нравственных сторон жизни человека. Таким образом, естественные и «нравственные» науки образуют единство, имеют общий исток и некий общий закон, лежащий в их основе. О синтезирующей роли антропологии говорил и М. Хайдеггер, правда, выражая критическое отношение к ней [2].

Ф. Ницше в работе «К генеалогии морали» писал о необходимости «привлечь к этой проблеме (о ценности существовавших доселе расценок ценности) (то есть к изучению истории развития моральных понятий. – О. О.) физиологов и врачей» [3], при этом Ф. Ницше подчеркивал роль философов в обеспечении плодотворного диалога между представителями разных наук.

Э. Сепир, рассматривая статус лингвистики как науки, подчеркивал ее междисциплинарный характер [4], а П. Рикер обосновывал значение герменевтического метода, распространенного в гуманитарных науках, для социальных наук [5]. Данный перечень может быть продолжен. Для нас важно то, что постановка проблемы междисциплинарности не является новой, что осмысление направлений и закономерностей развития науки приводило философов к выводу о формировании нового качества науки.

Но именно сейчас междисциплинарность исследуется специально и в разных направлениях. Во-первых, выясняется содержание понятия междисциплинарности, сама суть этого феномена; работы Ф. Е. Ажимова, В. А. Бажанова, И. Т. Касавина, Е. Н. Князевой, А. Н. Книгина, В. М. Розина, А. Рузера посвящены анализу соотношения понятий «междисциплинарность», «полидисциплинарность», «трансдисциплинарность» [6]. В них раскрываются различные аспекты междисциплинарности: одним из них является выражение тенденции к единству науки, с точки зрения, главным образом, методологической. А. Рузер, в частности, видит в этом угрозу редукционизма, когда единство понимается как распространение «успешного» метода на разные области познания, например методов естественных наук или синергетики на социально-гуманитарное познание.

ние. Более того, подчеркивает А. Рузер, наука сохраняет дисциплинарную структуру, предметность, специфичный для конкретной науки язык, благодаря чему она достигает определенных результатов. Возражая А. Рузеру, заметим, что единство науки ни в коей мере не означает ее единство, предметное или методологическое, и дисциплинарная структура науки не противоречит ее глубинному единству, о чем пойдет речь ниже.

Другим аспектом междисциплинарности является ее понимание в контексте формирования нового научного идеала, нового стиля мышления, постнеклассической научной рациональности, о чем говорят В. А. Бажанов, И. Т. Касавин, А. Н. Книгин [7]. Междисциплинарность здесь выступает как содержательный компонент научной революции.

Во-вторых, междисциплинарность исследуется в рамках отдельных наук, например истории [8], где обращается внимание на сближение и взаимодополнение методов разных наук, образование новых областей научного знания в процессе интеграции и дифференциации наук, на взаимодействие наук вокруг конкретного предмета. Так, особенностью истории как дисциплины является ее междисциплинарность; в качестве своей теоретической основы она использовала социологию, психологию, антропологию, экономику, семиотику, акцентируя ту или иную сторону исторической реальности. Таким образом, шел процесс ее становления и вырабатывался стандарт научности. «Многочисленные «повороты», в которые историческая дисциплина вписывалась легко и непринужденно, всегда... приводили к выигрышу истории – разнообразные инодисциплинарные «вызовы» способствовали тому, что историки заимствовали и адаптировали «под себя» детали языка, некоторые категории, особенности методологической рефлексии других дисциплин так, что в результате... происходила модификация и оптимизация своей дисциплинарной матрицы», – пишет М. А. Кукарцева [9], с чем нельзя не согласиться.

Междисциплинарность истории обнаруживается и в ее предмете, который менялся: он мог включать в себя политическую деятельность, деятельность выдающихся личностей, социальные отношения и др. Реальность, которую стремится исследовать история, изучается разными дисциплинами, это создает предпосылку для обмена результатами исследований. В то же время в ходе формирования исторической науки разные дисциплины (социология, психология, география, семиотика, нарратология и другие) объединялись для изучения онтологической реальности, определяемой как историческое бытие. В историческом бытии происходит сложное взаимодействие и переплетение объективных и субъективных, материальных и духовных, коллективных и индивидуальных, структурированных и неструктурированных, рациональных и иррациональных моментов. Такая сложность и создает предпосылку для применения неисторических дисциплин, благодаря чему обнаруживаются новые факты, расширяющие, уточняющие понимание предмета истории. Как верно замечает К. В. Хвостова, «междисциплинарный характер исторического знания предполагает, что историк, изучающий не только недавнее, но и отдаленное прошлое, должен обращаться к опыту других общественных и гуманитарных наук» [10]. При этом речь идет не только о применении методов иных наук, а о сопоставлении выводов историков с выводами социологов, экономистов, психологов и других исследователей при изучении ими аналогичных явлений современного общества, что повышает степень объективности и истинности исторического знания [11].

На примере истории были рассмотрены некоторые внутринаучные предпосылки междисциплинарности. Обратим внимание еще на следующие моменты. Первый из них относится к проблеме соотношения гуманитарных и социальных наук, имеющей три решения. Первое решение отождествляет данные науки (В. С. Степин), второе – разводит их (Л. А. Микешина), третье – говорит о ситуационном подходе, когда в зависимости от цели исследования конкретного процесса и явления применяются методы социальных или гуманитарных наук (В. Г. Федотова). На наш взгляд, наиболее оптимально и соответствует междисциплинарности третье решение. Различные уровни изучаемого явления могут быть исследованы разными методами, что приводит к целостному, истинному знанию, как это, например, показывает В. М. Розин [12].

Второй момент касается обсуждения особенностей «наук о природе» и «наук о культуре (духе)» и отношения между ними. Данное обсуждение показало не только различия между группами наук (и по предмету, и по методу), но и общее между ними: например, наличие социокультурного и исторического контекста естественных наук, применимость исторического метода в разных науках, наличие единой логической модели объяснения и др. Указанные моменты взаимосвязаны, поскольку утверждение о несводимости гуманитарных наук к социальным основано на явном или неявном признании тождественности социальных наук естественным наукам. То есть обвинение историка в социологизме было равнозначно его обвинению в натурализме, редукционизме и т. п.

Внутринаучные предпосылки междисциплинарности связаны с вненаучными предпосылками, основаны на них. Обратимся к выступлению М. Хайдеггера «Время картины мира», где раскрываются глубинные предпосылки своеобразия европейской науки. Вненаучные предпосылки можно разделить на социокультурные и философские предпосылки. Философские предпосылки выделяются в силу их специфической значимости.

Изменения в познании и знании обусловлены видоизменением практики [13], прежде всего, в Новое время это появление и развитие промышленного производства. Наука оказывается обусловленной производством и сама приобретает характер производства. «Под производством прежде всего понимают то явление, что наука, будь то естественная или гуманитарная, сегодня только тогда почитается настоящей наукой, когда становится способна институциализировать себя. Однако исследование не потому производство, что исследовательская работа проводится в институтах, а наоборот, институты необходимы потому, что сама по себе наука как исследование носит характер производства» [14]. Следовательно, производственным характером обладают все науки, в том числе социально-гуманитарные, что и создает предпосылку для их единства и для междисциплинарности; и дело не в самом редукционизме, а в его более глубоких, объективных основаниях. Как и подчеркивает М. Хайдеггер, «на основе своего производственного характера науки достигают необходимой взаимосвязи и единства» [15]. Благодаря своему производственному характеру наука организована как исследование, в котором познание учреждает себя в природе или истории в качестве предприятия, обязательно включающего в себя метод [16]. И это опять-таки справедливо и для естественных, и для гуманитарных наук. В естественных науках ведущую роль играет эксперимент, которому в социально-гуманитарных науках соответствует критика источников. «В исторических науках не меньше, чем в естественных, – говорит М. Хайдеггер, – метод имеет целью представить постоянное и сделать его предметом... В постоянном сравнении всего со всеми самопонятное выходит в общий знаменатель, утверждаясь и закрепляясь в качестве единой схемы истории» [17]. Поэтому постулирование фундаментальных различий между науками о природе и науками о культуре, на самом деле, принимает во внимание то, что находится на поверхности. Более того, тенденция к междисциплинарности вполне вписывается в науку как вид производства.

Превращение науки в исследование, по М. Хайдеггеру, обосновано определенным восприятием сущего и пониманием истины; речь идет о философских предпосылках научного познания. Существует схема природных явлений, схема истории (картина мира), которая предписывает, каким образом «предприятие познания» должно быть привязано к раскрываемой сфере, изучаемому объекту. Данная привязка гарантирует строгость научного исследования; и если в естественных науках строгость обеспечивается математикой, в гуманитарных науках требование строгости оборачивается неточностью, именно она обеспечивает соответствие предмету. В наше время и в социально-гуманитарных науках широко распространено применение математических методов, имеющее, тем не менее, свой предел, когда речь идет о понимании ценностей, мотивов и т. п. По М. Хайдеггеру, основной чертой понимания мира в Новое время, определяющей характер науки, становится превращение его в картину и стремление человека эту картину покорить, заняв в мире центральное место. Такое миропонимание сохраняется и по сей день, несмотря на тенденции формирования постнеклассической картины мира, меняющей место человека в мире и схему природы и истории.

Говоря о социокультурных предпосылках, нужно, конечно, сказать об изменении содержания и формы деятельности людей, характера труда, социальных отношений. Они предполагают «целостного» человека, действительно разносторонне развитого. Это тоже своего рода предпосылка междисциплинарности. Поэтому прогрессивной тенденцией развития образования является его междисциплинарность, трансдисциплинарность. Кроме того, усиливается взаимосвязь сфер общественной жизни, причем речь идет не только об экономике и политике, но и сфере морали, искусства, религии, личного общения; меняются коммуникационные процессы. Вместе с тем важно иметь в виду, что изменения в обществе неравномерны и неоднородны, новый тип цивилизационного развития находится в стадии становления и связан с множеством противоречий; разные сегменты общества находятся на разных уровнях и разных стадиях развития. Поэтому сложно сказать, какой именно будет наука будущего и ее структура.

Важной предпосылкой междисциплинарности является объединение наук, прежде всего, социогуманитарных в проблеме человека: раскрывая разные стороны данной проблемы, науки формируют целостное знание о человеке. И как в реальной жизни переплетены ипостаси человека, так и переплетены знания о нем и способы получения этого знания.

Как пишет Д. Ла Капра, происходившие в XX в. повороты – культурный, лингвистический – позволили обнаружить разнообразные силы и факторы в истории, продемонстрировали значение как социально-экономической детерминации, так и культурных и осмысливающих практик [18]. Это создавало предпосылки для комплексного применения методов, для взаимосвязи процедур отражения, презентации, интерпретации, конвенции, для взаимодополнения объяснения и понимания, реконструкции и нарратива.

Важным моментом современных социогуманитарных исследований становится принятие во внимание экологического контекста жизнедеятельности человека и общества. Здесь акцентируется аспект коэволюции, единства человека, культуры и природы; говорится об «общем» поле исследования для разных наук, подчеркивается значимость природных факторов и знания о них для социогуманитарных наук. В то же время известно экологическое значение духовных факторов, что создает предпосылку для взаимодополнения гуманизма и научного объективизма.

Известно, какое значение в философии науки имеет решение проблемы языка научных высказываний. Язык связан с междисциплинарностью. С одной стороны, существует вопрос о том, возможен ли язык междисциплинарности [19], ведь каждая наука отличается своим «языковым каркасом». Одним из вариантов ответа на данный вопрос является указание на математику как универсальный язык науки, но в социально-гуманитарных науках применение математики ограничено. В то же время разные социально-гуманитарные науки могут пользоваться одним языком, не являющимся строго терминологическим. С другой стороны, научный язык укоренен в обычном, повседневном, литературном языке, который, и это в философии хорошо исследовано, используется и в естественных науках, и в математике. Язык, если придерживаться позиции К.-О. Апеля, является неметафизической предпосылкой познания, своего рода *a priori*, включая в себя все возможные ситуации коммуникации, в том числе и в научном сообществе. Любая наука опирается на данную предпосылку, что также создает основание для междисциплинарности.

Следовательно, междисциплинарность социально-гуманитарных наук имеет как внутренние, так и внеучные, контекстуальные предпосылки развития, которые, несомненно, взаимосвязаны. Междисциплинарность формировалась в процессе обоснования статуса конкретно-научного знания и в ходе дискуссии о «науках о природе» и «науках о культуре», с одной стороны, и о социальных и гуманитарных науках – с другой. Она связана с формированием нового научного идеала и стиля мышления, с образованием новых областей научного знания, взаимодополнением методов научного исследования, с изучением одного предмета разными отраслями знания. Глубинные основания междисциплинарности определены деятельностью людей и ее изменением, языком, пониманием мира, выраженным в философии. Междисциплинарность закономерна, она коррелирует с определенными социокультурными процессами. Дисциплинарная структура науки и междисциплинарность – две стороны современной науки, адекватные контексту современного типа общества, как бы его ни называли (позднекапиталистическое, посткапиталистическое, постиндустриальное). Вместе с тем междисциплинарность социально-гуманитарных наук позволяет выявить новые тенденции в развитии науки, ее структуре, оставляя открытым вопрос об образе науки будущего.

Примечания и список литературы

1. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1987. С. 226.
2. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 41–62.
3. Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 438.
4. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкоznанию и культурологии. М. : Изд. гр. «Прогресс», 1993. С. 259–265.
5. Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук // Герменевтика. Этика. Политика. М. : Изд. центр Academia, 1995. С. 3–18.
6. См.: Ажимов Ф. Е. Что такое междисциплинарность сегодня (Опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований) // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 70–77; Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–74; Книгин А. Н. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 3 (4). С. 14–20; Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10 (112). С. 193–201; Междисциплинарность в науках и философии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И. Т. Касавин. М. : ИФРАН, 2010. 205 с.; Розин В. М. Обсуждение феномена трансдисциплинарности – событие новой научной революции // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 106–116; Розин В. М. Методология познания и конституирование реальности в междисциплинарных исследованиях // Эпистемология и философия

науки. 2016. Т. 48. № 2. С. 141–158; Рузер А. Назад к единству науки? Редукционистское мышление и его следствие для социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 55–69; Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. А. Бажанова, В. В. Шольца. М. : Изд. дом «Навигатор», 2015. 564 с.

7. См.: Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–74; Книгин А. Н. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 3 (4). С. 14–20; Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. А. Бажанова, В. В. Шольца. М. : Изд. дом «Навигатор», 2015. 564 с.

8. См.: Кукарцева М. А. Междисциплинарность и историческая дисциплина: особенности отношений // Проблемы исторического познания : сб. ст. / отв. редактор К. В. Хвостова. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 23–34; Хвостова К. В. Междисциплинарный характер исторического знания и его роль в конструировании истинных исторических высказываний // Проблемы исторического познания : сб. ст. / отв. ред. К. В. Хвостова. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 5–22; *La Capra Dominick. What is History? What is Literature? // History and Theory*. 2017. Vol. 56. Issue 1. P. 98–113. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hith.12007/full> (дата обращения: 16.09.2017)

9. Кукарцева М. А. Указ. соч. С. 28.

10. Хвостова К. В. Междисциплинарный характер исторического знания и его роль в конструировании истинных исторических высказываний // Проблемы исторического познания : сб. ст. / отв. ред. К. В. Хвостова. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 6.

11. Там же. С. 7.

12. Розин В. М. Методология познания и конституирование реальности в междисциплинарных исследованиях // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 48. № 2. С. 141–158.

13. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 41.

14. Там же. С. 46.

15. Там же. С. 47.

16. Там же. С. 42.

17. Там же. С. 45.

18. *La Capra Dominick*. Op. cit.

19. См.: Книгин А. Н. Указ. соч.

Notes and References

1. Chernyshevskij N. G. *Antropologicheskij princip v filosofii* [Anthropological principle in philosophy] // *Sochineniya* – Works: in 2 vol. Vol. 2. M. Mysl'. 1987. P. 226.

2. Heidegger M. *Vremya kartiny mira* [Time of the world picture] // *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* – Time and being: Articles and speeches. M. Respulika. 1993. Pp. 41–62.

3. Nietzsche F. *K genealogii morali* [To the genealogy of morality] // *Sochineniya* – Works: in 2 vol. Vol. 2. M. Mysl'. 1990. P. 438.

4. Sepir EH. *Status lingvistiki kak nauki* [Status of linguistics as a science] // *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* – Selected works on linguistics and cultural studies. M. Publ. gr. "Progress". 1993. Pp. 259–265.

5. Ricoeur P. *Germenevtika i metod social'nyh nauk* [Hermeneutics and the method of social science] // *Germenevtika. EHtika. Politika* – Hermeneutics. Ethics. Policy. M. Publ. center Academia. 1995. Pp. 3–18.

6. See: Azhimov F. E. *CHto takoe mezhdisciplinarnost' segodnya (Opyt kul'turno-istoricheskoy interpretacii zarubezhnyh issledovanij)* [What is interdisciplinarity today (the experience of the cultural-historical interpretation of foreign studies)] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2016, No. 11, pp. 70–77; Kasavin I. T. *Mezhdisciplinarnoe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii* [Interdisciplinary research: concept and typology] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2010, No. 4, pp. 61–74; Knigin A. N. *Mezhdisciplinarnost': osnovnaya problema* [Interdisciplinarity: the main problem] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* – Herald of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2008, No. 3 (4), pp. 14–20; Knyazeva E. N. *Transdisciplinarnye strategii issledovanij* [Transdisciplinary research strategy] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Tomsk State Pedagogical University. 2011, No. 10 (112), pp. 193–201; *Mezhdisciplinarnost' v naukah i filosofii* – Interdisciplinarity in the sciences and philosophy / Rus. Acad. of Sciences, Inst. of philosophy; resp. ed. I. T. Kasavin. M. IFRAS. 2010. 205 p.; Rozin V. M. *Obsuzhdenie fenomena transdisciplinarnosti – sobystie novoj nauchnoj revolyucii* [Discussion of the phenomenon of transdisciplinarity – the event of the new scientific revolution] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2016, No. 5, pp. 106–116; Rozin V. M. *Metodologiya poznaniya i konstituirovaniye real'nosti v mezhdisciplinarnykh issledovaniyah* [Methodology of cognition and constitution of reality in interdisciplinary studies] // *EHpistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2016, vol. 48, No. 2, pp. 141–158; Ruzer A. *Nazad k edinstvu nauki? Redukcionistskoe myshlenie i ego sledstvie dlya social'noj filosofii nauki* [Back to the unity of science? Reductionist thinking and its consequence for the social philosophy of science] // *EHpistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2016, vol. 49, No. 3, pp. 55–69; *Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy* – Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects / edited by V. A. Bazhanov, V. V. Scholz. M. Publ. house "Navigator". 2015. 564 p.

7. See: *Kasavin I. T. Mezhdisciplinarnoe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii* [Interdisciplinary research: concept and typology] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 2010, No. 4, pp. 61-74; *Knigin A. N. Mezhdisciplinarnost': osnovnaya problema* [Interdisciplinarity: the main problem] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* - Herald of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2008, No. 3 (4), pp. 14-20; *Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy* - Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects / edited by V. A. Bazhanov, V. V. Scholz. M. Publ. house "Navigator". 2015. 564 p.

8. See: *Kukarceva M. A. Mezhdisciplinarnost' i istoricheskaya disciplina: osobennosti otnoshenij* [Interdisciplinary approach and the historical discipline: relations] // *Problemy istoricheskogo poznaniya : sb. st. - Problems of historical knowledge* : collection of articles / ed. K. V. Khvostova. M. IVI RAS. 2013. Pp. 23-34; *Hvostova K. V. Mezhdisciplinarnyj harakter istoricheskogo znaniya i ego rol' v konstruirovaniu istinnyh istoricheskikh vyskazyvanij* [Interdisciplinary nature of historical knowledge and its role in the construction of true historical statements] // *Problemy istoricheskogo poznaniya : sb. st. - Problems of historical knowledge* : collection of articles / ed. by K. V. Khvostova. M. IVI RAS. 2013. Pp. 5-22; *La Capra Dominick. What is History? What is Literature?* // *History and Theory*. 2017. Vol. 56. Issue 1. P. 98-113. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hith.12007/full> (accessed: 16.09.2017)

9. *Kukartseva M. A. Op. cit. P. 28.*

10. *Hvostova K. V. Mezhdisciplinarnyj harakter istoricheskogo znaniya i ego rol' v konstruirovaniu istinnyh istoricheskikh vyskazyvanij* [Interdisciplinary nature of historical knowledge and its role in the construction of true historical statements] // *Problemy istoricheskogo poznaniya : sb. st. - Problems of historical knowledge*: collection of articles / ed. by K. V. Khvostova. M. IVI RAS. 2013. P. 6.

11. *Ibid. P.7.*

12. *Rozin V. M. Metodologiya poznaniya i konstituirovanie real'nosti v mezhdisciplinarnyh issledovaniyah* [Methodology of cognition and the constitution of reality in interdisciplinary studies] // *EHpistemologiya i filosofiya nauki* - Epistemology and philosophy of science. 2016, vol. 48, No. 2, pp. 141-158.

13. *Heidegger M. Op. cit. P. 41.*

14. *Ibid. P. 46.*

15. *Ibid. P. 47.*

16. *Ibid. P. 42.*

17. *Ibid. P. 45.*

18. *La Capra Dominick Op. cit.*

19. See: *Knigin A. N. Op. cit.*

Культурфилософия поэтического текста (на примере двух стихотворений Ф. И. Тютчева)

Едошина И. А.

доктор культурологии, профессор кафедры истории Института гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет. 156000, г. Кострома, ул. 1 Мая, 16.
E-mail: tettixgreek@yandex.ru

Аннотация: В статье два стихотворения Тютчева – «Цицерон» и «Silentium!» – классифицируются как условный единый поэтический текст. В качестве основания автором используется тот факт, что они написаны на двух оборотах одного листа в один год, но в разное время. По мнению автора статьи, наиболее адекватно смысл этого поэтического текста может быть понят на основе культурфилософии, то есть на основе выявления сущности и значения указанного артефакта. Сопоставление стихов Тютчева с разными источниками из римской культуры позволяют сделать вывод, что поэт сознательно вводит их в свои стихи, соединяя архаическую и современную культуру в единое целое. В результате раскрывается общий смысл поэтического текста, сложная структура которого адекватно отражает «я» поэта.

Ключевые слова: культурфилософия, поэтический текст, римская культура, русская культура, структурные элементы текста, артефакты.

Culture-philosophy poetic text (on the example of two verses by F. I. Tyutchev)

Edoshina I. A.

doctor of culturology, professor of the Department of history of Institute of humanitarian sciences and social technologies, Kostroma State University. 16 1st May str., 156000, Kostroma. E-mail: tettixgreek@yandex.ru

Abstract: In the article two verses by Tyutchev – «Cicero» and «Silentium!» are classified as the relatively common poetic text. As the basis the author uses the fact that they are written on two turns of one page in one year, but at different times. According to the author of the article, most adequately the sense of this poetic text can be understood on the basis of a philosophy of culture, on the basis of detection of an entity and value of the specified artifact. Comparison of verses of Tyutchev to different sources from the Roman culture allow to draw a conclusion that the poet consciously enters them into the verses, connecting archaic and modern culture in a untied thing. As a result the general meaning of the poetic text is revealed, which difficult structure adequately reflects «Myself» of the poet.

Keywords: culturphilosophy, poetic text, Roman culture, Russian culture, structural elements of the text, artifacts.

...язык Теренциев и Цицеронов... был языком изысканного общества и избалованной просвещенности великосветских кругов, у нас же нет ни достаточно изящной образованности, и говорим мы вовсе не к тем грамотным, только грамотным, которые хотят, чтобы мы говорили как они...
Вяч. Иванов

Осенью 1830 г. Ф. И. Тютчев пишет стихотворение «Цицерон», а позднее (но в тот же год) на обороте этого листа – «Silentium!». При общеизвестном равнодушии Тютчева к публикации своих стихов, что позволяло редакторам их корректировать подчас самым безжалостным образом, он фиксировал (для себя) рождающиеся внутренние переклички написанного стихотворения с тем, которое еще только пишется. «Цицерон» и «Silentium!» тому яркий и не единственный пример. Подобное соединение расширяет смысловой диапазон поэтических текстов, очертания которого я и попробую выявить на примере счастливо дошедшего до наших дней автографа.

Ко времени написания стихов Тютчеву было полных 26 лет. Он окончил словесное отделение Императорского Московского университета, поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел и пребывал сверхштатным сотрудником русской миссии в Мюнхене, где ко

времени написания интересующих нас стихов уже три года был знаком с Шеллингом, личность и труды которого произвели на Тютчева сильное впечатление [1]. В это же время (1830 г.) Шеллинг начинает читать курс лекций, составивший в итоге труд под названием «Философия Откровения», где утверждается идея восстановления единства Бога в сознании тварного существа и действительное воссоединение Бога и человека, обозначаемое понятием Откровение. Мысль о единстве бытия, позволяющая открывать подлинную сущность явлений, например, через прошлое, была воспринята Тютчевым и нашла свое отражение, в частности, в указанных двух стихах.

Наиболее адекватно, с моей точки зрения, смысл этого единства может быть передан через понятие культурфилософии. Содержание культурфилософии заключается в осознании сущности и значения культуры, в данном случае – античной культуры, чье значение ко времени жизни Тютчева давно обрело мифологемные очертания, а сущность раскрывается поэтом через развернутость частной судьбы во внешние («Цицерон») и внутренние («Silentium!») обстоятельства. В обоих случаях частное утрачивает самое себя, становясь формулой бытия человека вообще, творческого – в первую очередь.

Названия поэтических текстов явственно связаны с римской культурой и латинским языком эпохи «золотой латыни», где вынесенные в заглавие слова должны были звучать как KIKERO и SILENTIUM, писаться заглавными буквами. Переход буквы 'K' в аффрикату произойдет только в V в. после Р. Х., обретя более привычное звучание (Cicero и silentium). Благодаря своему домашнему учителю С. Е. Раичу, прекрасно владевшему классическими языками, Тютчев с детских лет приобщился к римской культуре, хорошо знал латынь. Как писал И. С. Аксаков, «ученик скоро стал гордостью учителя и уже 14-ти лет перевел очень порядочными стихами послание Горация Меценату» [2].

Одним из обязательных римских авторов, чьи тексты читались во время обучения латыни, был Цицерон (106–43 до Р. Х.) – оратор, мыслитель, общественный деятель. Его знаменитые речи полны экспрессии, плохо передаваемой на русский язык, но оставляющей сильнейшее впечатление при чтении их в оригинале. В стихе Тютчева следы этого впечатления сохраняются в обилии глаголов и глагольных форм, которые, подобно Цицерону, поэт буквально нанизывает один на другой: говорил, встал, был, прощаясь, видел, посетил, призвали, допущен был, пил – с характерным для речей Цицерона сохранением единого времени.

Но и самая личность Цицерона, давшая название стиху, выходит далеко за пределы частной судьбы, брошенной в тревогу мира. Цицерон есть олицетворение человека, чья судьба совпала с «ночью Рима», он и клеймит эту ночь, и несет на себе ее язвы, породившие «проблему Цицерона». Сущность «проблемы Цицерона» заключается в несовпадении утверждаемого им публично и совершающего в своей частной жизни. Но, как заметил Г. С. Кнабе, высокие критерии «могли реализоваться не столько в жизни, сколько над ней, как пожелание и цель, оставляя неизменную действительность ее противоречиям» [3]. Именно потому Цицерону, застигнутому «ночью Рима», раскрылась в закате «звезды... кровавой» сущность этой «ночи», которая и не ночь вовсе, а время роковых минут мира.

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавой!..

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые –
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил [4].

В этом тексте прямой цитатой являются слова «Я поздно встал – и на дороге / Застигнут ночью Рима был!», взятые поэтом из сочинения Цицерона «Брут, или Диалог о знаменитых ораторах» (ХCVI. 330) [5]. Цицерон создает образ человека, брошенного временем своего рождения

в эпоху заката римской культуры. Хотя, если следовать, например, Дройзену, то вся римская культура располагается в эллинизме, добавлю, в этом многовековом времени античного декаданса.

Хотелось бы обратить внимание на слово «Так!..» со знаком восклицания. В латинском языке его аналог – *Sic!* Это наречие, образованное присоединением к основе энклитической частицы *-се*, которая во времена Цицерона употреблялась для разграничения синонимов. Следовательно, два четверостишия первой строфы суть синонимы, если следовать латинской грамматике. Потому «ночь Рима» – это «закат звезды ее кровавой» с различием грамматической формы, в которую облекается лирический герой: *я* – в первой части, *ты* – во второй. Это личные формы местоимений. В латинском языке: *ego* – *tu* (в номинативусе). Словно следуя логике латинской грамматики, где отсутствует личное местоимение третьего лица (он), Тютчев использует существительное *оратор*. Это имплицитное иноязычие усиливается за счет слов Рим, римская слава, Капитолийская высота, в которых вполне здраво схвачены сущностные характеристики древнеримской культуры, словно проверяемые в момент острого кризиса республиканской власти. А Цицерон и видел своей задачей «вырвать Рим из бездны фатума» [6].

Во второй строфе стихотворения поэт раскрывает причины постановки подобного рода задачи и одновременно дает универсальную модель встречи частной судьбы с ходом истории. Имплицитный условный иноязычный текст формирует устойчивый мотив *всеблагих*, который в усеченном варианте использовался Тютчевым еще в переводе послания Горация Меценату: «Грядущее не нам – судьбине; / Так предадим его на произвол благих!..» [7]. Всеблагие, благие – это боги, призвавшие лирического героя на пир, понимаемый как *symposium* (от греч. *sumposion* 'пир', отглагольное существительное). Этот пир содержит идею совместного действия, где собственно пирушка значима менее всего. Цицерон был заядлым грекофилом, он стремился наполнить римскую культуру высоким содержанием, сопоставимым с высочайшими достижениями греческой мысли. Потому картина, которую рисует Цицерон в финальном четверостишии стиха, заставляет вспомнить классический эпизод из «Федра» Платона: душа, сопутствуя богу, свысока смотрит на то, что именуется бытием, поднимаясь до подлинного бытия [8].

В этом контексте особого внимания заслуживает троекратный повтор Тютчевым местоимения «их» и двукратный – «он», усиленный скрытой формой в глаголе «пил». В силу уже обозначенного отсутствия в латинском языке местоимения «он» лирический герой среди богов пребывает умозрительно, пьет бессмертие из чаши веры в богов, которых было, по Цицерону, немоверное множество (см. трактат «О природе богов»), отразившееся в многократном использовании местоимения «их», аналога которому также нет в латинском языке. Таким образом, имплицитно присутствующие в стихотворении «Цицерон» элементы латинской грамматики в русской верификации формируют особый иноязычный текст, способствующий передаче «духа времени» в присущих ему формах мышления. Здесь сказывается «внутреннее родство душевных конституций и порождаемые им аналогии в образах подсознательного мышления» [9].

Написав на обороте листа с этим стихотворением другое, Тютчев не покидает римской культуры и уже прямо в названии использует латинское слово *silentium*, усилив его смысл восклицательным знаком.

Слово *silentium* является существительным, обозначает 'молчание' и происходит соответственно от глагола *sileo* 'молчать'. Этот глагол использовался в тех случаях, когда нужно было передать состояние того, кто был мистически погружен в созерцание. Так, пифагорейцев именовали как *coetus silentum*, видя в них умеющих скрывать тайное знание (сравни однокоренное: *silentes* – молчаливые, что равно умершие). По мнению исследователей, Цицерон был знаком с учением пифагорейцев, основатель которого, как сообщает Дионисий, «зачаровывал людей своими речами» [10]. Пифагор ценил мысль «превыше всего между людей на земле» [11]. Все это было близко Цицерону, что нашло отражение в его знаменитой первой речи против Катилины. Вот интересующий нас фрагмент: «Quid est, Catilina? ecquid attendis, ecquid animadvertis horum silentium?.. De te autem, Catilina, cum quiescent, probant, cum patiuntur, decernunt, cum tacent, clamant...» [12] (Что, Катилина? Обращаешь ли внимание, замечаешь ли молчание сената? Ими все терпится – и они молчат... Тебе, Катилина, в их спокойствии – их одобрение, в их терпении – их постановление, в их молчании – их крик). (Перевод мой. – И. Е.) Цицерон убежден, что молчание сенаторов свидетельствует об их согласии изгнать Катилину вне судебного постановления, которое требуется в таком случае для римского гражданина.

Выражение *horum silentium?* переводится как молчание сената, которое содержит не высказанную сенаторами вслух мысль. В другом предложении Цицерон использует глагол *tacent* 'молчат', чтобы подчеркнуть противоестественность молчания тех, кто по своей природе обязан шу-

меть (птицы, кузнечики, народ). Приведенное сопоставление помогает уяснить сознательный выбор Тютчевым латинского слова. Выскажу в связи с этим предположение: знак восклицания в названии стихотворения Тютчева «Silentium!» может прочитываться как ответ на поставленный Цицероном вопрос: «*horum silentium?*» В стихотворении Тютчева вопрос из Цицерона, должен ли сенат (люди) погрузиться в молчание, получает ответ: «*Silentium!*» Однако крылатым (читай: общим) станет оксюморон *cum tacent, clamant*.

Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь –
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими – и молчи...

Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум –
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи –
Внимай их пенью – и молчи! [13]

С одной стороны, утверждаемое поэтом молчание носит нескрываемо сакральный характер, отсылающий к пифагореизму с утверждаемым им молчанием как формой тайного знания. Напомню, Аполлонию Тианскому, последователю Пифагора, были ведомы «все людские наре-чия», но «также и человеческое молчание». А когда его спросили, отчего он, такой знающий, не напишет книгу, ответил: «Я еще не намолчался» [14]. Хотя, по мысли С. Н. Трубецкого, молчание пифагорейцев объясняется элементарным неумением выразить «скрытую истину вещей» [15]. Это утверждение не рождает сочувствия, но заставляет вспомнить народную мудрость: «Молчание – золото» или «Слово не воробей». А еще есть исихастское молчание, связанное с «умным де-ланием», но никак не с неумением это молчание объяснить.

С одной стороны, молчание в стихотворении Тютчева сохраняет присущую стилистике Цицерона экспрессию за счет обилия глагольных форм – двадцать две на три строфы. В повели-тельной модальности глаголов (молчи, скрывайся, тай, любуйся, молчи, питайся, молчи, жить, умей, внимай, молчи), обращенной к бытийствованию лирического героя, передается то ли за-клиниание им самого себя, то ли глас «душевной глубины» («пускай встают» и «заходят»). В каче-стве последней являются «звезды в ночи» как образ безмолвия «чувств и мечты». Здесь лич-ность словно утрачивает самое себя, словно растворяется в вечном молчании звезд.

Во второй строфе через риторические вопросы (один из типичных приемов для античной риторики в целом) Тютчев утверждает: «Мысль изреченная есть ложь». Это утверждение станет путеводной нитью в размышлениях другого блестательного знатока античности – Вяч. Иванова, который заметил: «Слово перестало быть равносильным содержанию внутреннего опыта. По-пытка изречь его – его умерщвляет, и слушающий приемлет в душу не жизнь, но омертвевые по-кровы отлетевшей жизни» [16]. Как и в finale первой строфы, Тютчев вновь обращается к сти-хии, но теперь уже водной – «ключи». Хотя, конечно, «ключи» могут прочитываться и как услов-ное течение мысли в веках, которой Тютчев приобщался с живым интересом.

Солипсизм как идеальная форма бытийствования лирического героя утверждается в третьей строфе с помощью синтаксиса – это одно предложение в шесть строк, с двумя тире и вос-клициательным знаком, с многоточием в finale. В этой строфе Тютчев словно расстается с античностью, выдвигая на первый план внутренний мир человека как главную тайну и волшебство его подлинной жизни. Этот легко прочитываемый романтический мотив будет осмыслен Вяч. Ивановым как метафизика молчания в поэзии Тютчева: «Самое ценное мгновение в пережи-вании и самое вещее в творчестве есть погружение в тот созерцательный экстаз, когда “нет пре-грады” между нами и “обнаженной бездной”, открывающейся – в Молчании» [17].

В понимании Тютчевым молчания есть еще один важный личностный оттенок. В письме к князю И. С. Гагарину от 2 мая 1836 г. Тютчев пишет: «... я поистине отчаиваюсь объяснить вам свое молчание. А надобно вам знать, что долгие месяцы это проклятое молчание гнетет меня как кошмар, что оно меня душит, давит... и хотя для того, чтобы нарушить его, достаточно было бы лишь слегка пошевелить пальцами... до сей минуты мне не удавалось сделать это спасительное усилие, прогнать это наваждение» [18]. Это признание объясняет не только специфику творчества Тютчева, о чем писал в свое время В. Кожинов, но и приоткрывает важную сторону его сознания: поэт не может преодолеть самое себя. Его молчание – кошмар и наваждение, с которыми он не может (или не хочет?) справиться. Он бежит от однозначности, одномерности в поэзию, где слово преодолевает словарное толкование, получает ту степень смысловой подвижности, что характерна для жизни с ее всякую минуту изменяющимися частичками бытия.

Таким образом, приведенные поэтические тексты в своей сущности строятся на основе обращения поэта к римской культуре, а в своем значении развернуты в его внутренний мир. Вот это движение от мира, которого давно уже нет, к собственному «я», которое скрыто от всех и явлено только в стихах, может быть определено как культурфилософия этих стихов.

Кстати, используемое поэтом иноязычие не утратило своей актуальности. Так, для post или post-post модернистского сознания иноязычный текст является одной из характерных примет. Ярким примером может быть назван роман Умберто Эко «Маятник Фуко», где в итальянский текст органично входят непереведенные иноязычные слова и выражения, а всей книге предшествует эпиграф на древнееврейском языке. Эко использует иноязычный текст как иронический модус («постиш»): профанный читатель этот текст пропустит, продвинутый – сумеет оценить филологическую изысканность цитатного сознания. Однако и до post или post-post модернизма иноязычный текст использовался в литературе довольно широко, преследуя разные цели. Например, общение на французском языке представителей высшего общества как примета их отчуждения от русской культуры в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Однако у того же Толстого в романе «Анна Каренина» есть оксюморонное присутствие иноязычного текста в образе мужичка, работающего в железе и произносящего странные и непонятные французские слова «il faut le battre, le broyer, le petrir...» («это нужно бить, нужно раздроблять, нужно месить»). Мужичок в железе из сна Анны – лейтмотив ее судьбы. В качестве эпиграфа иноязычный текст широко использовался в русской поэзии, достаточно вспомнить знаменитое «О rus!» Горация в качестве эпиграфа ко второй главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. На слуховое восприятие и даже на письме рождается ассоциация с Русью, а по существу, в переводе с латинского – это «деревня». Пушкин сознательно включает в эпиграф весь имплицитно возникающий смысловой ряд. Иноязычный текст в произведении играет важную роль в расширении его историко-культурного ареала.

Примечания и список литературы

1. См.: Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832–1844) / вступ. ст., публ. и comment. К. М. Азадовского и А. Л. Осповата // Лит. наследство. Федор Иванович Тютчев : в 2 кн. / отв. ред. С. А. Макашин, К. В. Пигарев, Т. Г. Динесман. Кн. 2. М. : Наука, 1989. С. 64–65, 71.
2. Цит. по: Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. / гл. ред. Н. Н. Скатов. Т. 1. М. : Изд. центр «Классика», 2002. С. 281.
3. Кнабе Г. С. Цицерон. Эстетика идеала и высокой нормы // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М. : Изд-во «Индрик», 1994. С. 411.
4. Тютчев Ф. И. Указ. соч. С. 122.
5. Там же. С. 379.
6. Зелинский Ф. Ф. Римская республика / пер. с польск. Н. А. Попчинской. СПб. : Алетейя, 2002. С. 386.
7. Тютчев Ф. И. Указ. соч. С. 18.
8. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1993. С. 158.
9. Козырев Б. М. Письма о Тютчеве / предисл. А. Е. Тархова; примеч. М. Л. Гаспарова и А. Е. Тархова // Лит. наследство. Федор Иванович Тютчев : в 2 кн. / отв. ред. С. А. Макашин, К. В. Пигарев, Т. Г. Динесман. Кн. 2. М. : Наука, 1989. С. 108.
10. Цит. по: Афонасин Е. В., Афонасина А. В., Щетников А. И. Пифагорейская традиция. СПб. : Изд-во РХГА, 2014. С. 215.
11. Там же. С. 12.
12. Речи Цицерона против Луция Сергия Катилины. Объяснил Ю. Фелькель. М. : Университет. тип., 1871. С. 71.
13. Тютчев Ф. И. Указ. соч. С. 123.
14. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / изд. подгот. Г. Рабинович. М. : Наука, 1985. С. 15.
15. Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции / примеч. И. И. Маханькова. М. : Мысль, 2003. С. 218.

16. Иванов Вяч. Заветы символизма // Иванов Вяч. По звездам. Борозды и межи / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. М. : Астрель, 2007. С. 365.
17. Там же. С. 367.
18. Тютчев Ф. И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. Письма. 1820–1849 / сост. Л. В. Гладкова. М. : Классика, 2004. С. 43.

Notes and References

1. See: Tyutchev in the diary of A. I. Turgenev (1832–1844) / introd. article, publ. and comments by Azadovsky K. M. and A. L. Ospovat // *Lit. nasledstvo. Fedor Ivanovich Tyutchev : v 2 kn.* – Lit. inheritance. Fedor Ivanovich Tyutchev: in 2 books / ed. by S. A. Makashin, K. V. Pigarev, T. G. Dinesman. Book 2. M. Nauka. 1989. Pp. 64–65, 71.
2. Cit. by: *Tyutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma : v 6 t.* [Complete works and letters : in 6 vol.] // chief ed. N. N. Skatov. Vol. 1. M. Publ. center "Classica". 2002. P. 281.
3. Knabe G. S. *Ciceron. EHstetika idealja i vysokoj normy* [Cicero. The aesthetics of the ideal and high standard] // Knabe G. S. *Materialy k lekciyam po obshchej teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima* [Materials for the lectures on the general theory of culture and culture of Ancient Rome]. M. Publ. "Indrik". 1994. P. 411.
4. *Tyutchev F. I.* Op. cit. P. 122.
5. Ibid. P. 379.
6. Zelinskij F. F. *Rimskaya respublika* [Roman Republic] / transl. from Polish by N. A. Popchinskaya. SPb. Aletheia. 2002. P. 386.
7. *Tyutchev F. I.* Op. cit. P. 18.
8. Plato. *Sobranie sochinenij* – Collected works: in 4 vol. Vol. 2 / general editorship by A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. TahoGodi. M. Mysl'. 1993. P. 158.
9. Kozyrev B. M. *Pis'ma o Tyutcheve* [Letters of Tyutchev] / foreword by Tarkhov A. E.; notes by M. L. Gasparov and A. E. Tarkhov // *Lit. nasledstvo. Fedor Ivanovich Tyutchev : v 2 kn.* – Lit. inheritance. Fedor Ivanovich Tyutchev: in 2 books / edited by S. A. Makashin, K. V. Pigarev, T. G., Dinesman. Book 2. M. Nauka. 1989. P. 108.
10. Cit. by: Afonasin E. V., Afonasina A. V., SHChetnikov A. I. *Pifagorejskaya tradiciya* [Pythagorean tradition]. Spb. Publ. of the Russian Christian Humanities Academy. 2014. P. 215.
11. Ibid. P.12.
12. Rechi Cicerona protiv Luciya Sergiya Katiliny. Ob "yasnij YU. Fel'kel" – The speech of Cicero against Lucius Sergius Catiline. Explained by Yu. Felkel. M. University typ. 1871. P. 71.
13. *Tyutchev F. I.* Op. cit. P. 123.
14. *Flavij Filostrat. ZHizn' Apolloniya Tianskogo* – Flavius Philostratus. The life of Apollonius of Tyana / ed. prep. G. Rabinovich. M. Nauka. 1985. P. 15.
15. Trubeckoj S. N. *Metafizika v Drevnej Grecii* [Metaphysics in Ancient Greece] / notes by I. Makhan'kov. M. Mysl'. 2003. P. 218.
16. Ivanov Vyach. *Zavety simvolizma* [The precepts of symbolism] // Ivanov Vyach. *Po zvezdam. Borozdy i mezhi* [By the stars. Furrows and boundaries] / introd. art., comp. and notes V. V. Sapova. M. Astrel. 2007. P. 365.
17. Ibid. P. 367.
18. *Tyutchev F. I. Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 4. Pis'ma. 1820–1849* [Works: in 6 vol. Vol. 4. Letters. 1820–1849] / comp. L. V. Gladkova. M. Klassika. 2004. P. 43.

Знание как общественно-историческая ценность

Гурьянов А. С.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и медиакоммуникаций,
Казанский государственный энергетический университет 420034, г. Казань, ул. Красносельская, 51.
E-mail: alexeigurianov@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваетсяialectико-материалистический подход к знанию в аспекте его овеществленной, предметной формы существования с учетом современных общественно-исторических реалий. Предпринимается попытка дать более актуальную расширительную трактовку марксистской теории деятельности, в которую должна быть включена не только непосредственно материальная производственная сфера, но и любая творческая активность человека, имеющая общественно-историческое измерение. Поэтому знание рассматривается как ценностно значимое в аспекте его востребованности обществом на определенном этапе исторического процесса. В свете фундированности проблемы соотношения знания и ценности в проблеме бытия как ценностно релевантного или нерелевантного предлагается рассмотрение современной dialectико-материалистической интерпретации знания как занимающего срединное положение между двумя традиционными подходами, репрезентированными (условно) объективным идеализмом, с одной стороны, и английским эмпиризмом и аналитической философией – с другой.

Ключевые слова: знание, ценность, дух, предметная деятельность, присвоение, польза.

Knowledge as a social and historical value

Guryanov A. S.

candidate of philosophical sciences, associate professor of philosophy and media communications,
Kazan State Power Engineering University. 51 Krasnoselskaya str., 420034, Kazan.
E-mail: alexeigurianov@rambler.ru

Abstract: The article deals with a dialectical-materialistic approach to knowledge in the aspect of its materialized, objective form of existence, though modernized in contemporary socio-historical reality. The author attempts to give a broader interpretation of the Marxist theory of activity which should include not only the material production sphere as such, but also any creative activity of a person that has a socio-historical dimension. Therefore, knowledge is viewed as value-bearing in the aspect of its relevance to society at a certain stage of the historical process. Since the problem of the relationship between knowledge and value is rooted in the problem of being as value-relevant or value-neutral, it is proposed to consider the modern dialectical materialist interpretation of knowledge as posited between two traditional approaches represented by (conditionally) objective idealism on the one hand, and English empiricism and analytic philosophy, on the other.

Keywords: knowledge, value, spirit, substantive activity, appropriation, use.

Является ли знание силой? Это латинское изречение (*Scientia potestas est*) символично и не случайно часто приписывается Фрэнсису Бэкону, который едва ли не первым в постсредневековую эпоху осознал роль знания в человеческой жизни и осмыслил феномен уже начавшейся первой научной революции. И в современном информационном мире, пожалуй, роль знания как фактора преобразования общественно-исторической реальности возросла в геометрической прогрессии. Другое дело, что теория dialectического материализма, утверждающая уже в современную эпоху роль знания как силы, призванной изменить мир, сегодня во многом дискредитирована практикой, уступив место феноменологии, структурализму и т. д. В связи с этим целью статьи является исследование знания как значимого общественно-исторического феномена с учетом изменившихся представлений о сущности трудовой деятельности в постиндустриальном обществе. Соответственно, основная проблема работы заключается в обосновании возможности расширительного толкования знания как необходимого элемента творческой деятельности в широком смысле, меняющей мир и самого человека.

Сегодня в философии считается общепризнанным деление истин на два типа: один из них рассматривает истину в неразрывном единстве с ценностями человека, а другой тип подходит к истине абстрактно, безотносительно убеждений и жизненного мира человека, т. е. лишь с позиции

истинности, объективности, лишь исходя из соответствия знания реальности. И спор между этими подходами к существу истины и знания сохраняется на протяжении всей истории философии.

Первая традиция восходит, как известно, к Сократу и Платону, которые впервые связали знание с добродетелью, а бытие – с благом. Именно последнее и является условием того, что человеческое познание, направленное на постижение подлинного бытия, неминуемо сопряжено с нравственным преображением личности. Эта истина осталась прерогативой философской теории познания (она же – эйдтическая, спекулятивная, метафизическая и т. д.). Эта установка на объединение интеллектуальной и духовной сфер сознания была поддержана энциклопедистами, отстаивавшими идею торжества разума и, как следствие, преображения жизни людей и их морального совершенствования, а противоположная установка была выражена английскими эмпириками – Гоббсом и Юмом: из того, что есть, нельзя вывести то, что должно быть; все существующее морально нейтрально, а мораль и интеллект имеют разное происхождение. Гоббс отмечает, что из существования естественных законов нельзя вывести никаких моральных предписаний, а добро и зло существуют лишь как субъективные феномены, которые могут быть объяснены исходя из желания (desire) и отвращения (aversion). А Юм указывает, что ценностные суждения не имеют разумного обоснования (not the "offspring of reason"), но основаны исключительно на эмоциях: люди – морально чувствительные существа, и то, что потакает нашим чувствам и вызывает одобрение, является правильным и добродетельным.

В немецкой философии противостояние двух взглядов по вопросу о том, едины ли духовная и интеллектуальная сферы, выступило наиболее остро. Согласно позиции Канта интеллектуальная и духовная сферы различны и по принципам организации, и по предмету исследования. Собственно говоря, отделив духовную сферу от интеллектуальной и оставив за первой лишь мораль, Кант заявил, что лишь метафизика нравственности единственно может считаться метафизикой, автономной и самодостаточной, и никакой другой метафизики быть не может. Кант по сути дела «вынимает» интеллектуальное из духовного, и потому от духовного остается лишь мораль, лишенная какого-либо укоренения в реальности. Это чисто субъективный феномен, и фактически человек вынужден совершать над собой насилие, исполняя моральный императив, ибо он вынужден следовать ему «несмотря ни на что». Не случайно Адорно и Хоркхаймер называли ригористичную этику Канта садистской. Сегодня эта тенденция на разделение оказалась наиболее востребованной в аналитической философии, запросы которой намного скромнее запросов классической теории истины: она исследует условия истинности суждений, особенности познавательного процесса. Для нее субъект познания – не столько человек, сколько, как и для Канта, познающий агент. А все, что есть «человеческого» в человеке – компетенция других дисциплин (теории ценностей, добродетелей и т. д.), которые и должны «печься» о том, чтобы найти человека смыслы для следования моральным заповедям, будь то в рамках деонтологической или консеквенциональной этики.

Гегель, напротив, находясь на позиции единства бытия и блага, должно и подлинно сущего, отстаивает единство интеллектуальной и духовной сфер, отделимы они друг от друга могут быть лишь в абстракции. Нравственность, как известно, в «Феноменологии духа» занимает базовое положение и является лишь отправной точкой духа, и в снятом, преобразованном виде присутствует на более высоких этажах духовности – в сферах религии, искусства и философии как науки.

Можно констатировать, что на сегодняшний день в философии «в фаворе» находится точка зрения Канта: интеллект занимается проблемами познания, что и породило современную эпистемологию во всех ее формах, ориентированных на научность и идеалы естествознания, а дух ведает вопросами нравственной жизни, в которой, как отмечал еще Аристотель в «Никомаховой этике», о строгости говорить затруднительно: «...не во всех рассуждениях (logoi), так же как не во всех изделиях ремесла, следует добиваться точности в одинаковой степени. Между тем [в понятиях] прекрасного и правосудного, которые, собственно, имеет в виду наука о государстве, заключено столько разного и расплывчатого, что начинает казаться, будто [все это] возможно только условно (potomoi), а от природы этого нет. Такая же своего рода расплывчатость заключена в [выражении] "блага" ...» [1]. И эта сторона нашла отражение в различных современных аксиологических учениях, условных и не подлежащих строгой рационализации.

Однако, на наш взгляд, есть срединный путь, способный совместить в себе достоинства обоих вышеназванных подходов к бытию как ценностно релевантному или нейтральному, а также предложить несколько иную трактовку соотношения знания и ценностей.

Обратимся еще раз к первой сократо-платоновской традиции. Можно ли однозначно утверждать, что этот подход к знанию как сопряженному с добродетелью действительно доброде-

телен, и является ли такое познание наградой самому себе и самоцелью познавательной деятельности?

Предваряя собственные размышления о пользе и вреде истории для жизни, Ницше в качестве эпиграфа к одноименному произведению приводит цитату из Гете: «Мне, во всяком случае, ненавистно все, что только поучает меня, не расширяя и непосредственно не оживляя моей деятельности» [2]. Эта сентенция вполне уместна и в нашем случае. Во всяком случае, в третьем томе «Энциклопедии философских наук» Гегель проводит важное для нас разделение между тем, что остается в пределах сознания, и тем, что выходит за его границы в терминах субъективного и объективного духа, ставя объективный дух на более высокую ступень развития Понятия: то, что лишь субъективно, должно выйти за пределы сознания и стать положенным самим сознанием в форме истории и общественного бытия, составляющих основу теперь уже человеческого мира, т. е. «в форме реальности, как подлежащий порождению духом и порожденный им мир». Собственно, коренное отличие субъективного духа от объективного и заключается в том, что для первого мир противостоит человеку, тогда как для второго – положен им самим. Оставаясь в пределах сознания, знание, претендующее на объективность, вступает в противоречие с формой своего существования, ибо существует лишь субъективно, в самом сознании и лишь для него одного, но не как таковое.

Знание как знание чего-то и о чем-то естественным образом должно выйти за пределы субъективной формы и принять участие в судьбе своего предмета; так, определения мышления теперь становятся определениями предмета мысли, а само знание становится объективно значимым, ибо всякий, кто приступит к этому объективированному знанию, обнаружит в нем именно эти его определения. И участвуя в судьбе своего предмета, мыслящий субъект преобразует реальность. Тем самым, по выражению Гегеля, «знание духа о себе самом как о свободном приобретает уже форму наличного бытия» [3]. В марксизме этот подход к предметной деятельности квалифицируется как изменение материального бытия в соответствии с нашими целями и его законами.

Здесь созерцательный тип сознания, идеал античного мыслителя, нацеленного на бескорыстное и самоценное постижение истины, уступает место деятельности, ярким пропагандистом которого был в немецкой философии еще до Гегеля Фихте. Последний придал кантовскому принципу активности сознания практический характер и перенес его на историческую деятельность. Назначение человека – действовать, упорядочивая мир и привнося в него гармонию: «...Потребность действовать – первоначальное; сознание мира – производное. Мы не потому действуем, что познаем, а познаем потому, что предназначены действовать...» [4] В этом свете познание и для Фихте, и для Гегеля – средство для активного вмешательства в мир. Не случайно сам Фихте активно занимался общественно-политической деятельностью, обращаясь с речами к нации и участвовал на своем поприще в освободительном движении во время оккупации Пруссии Наполеоном. Соответственно, знание – это руководство к действию, способное улучшить существующее положение вещей. И эта линия в трактовке роли и места знания проходит красной нитью через классическую немецкую философию от Фихте до Фейербаха и, далее, Маркса. Но познание здесь – не просто руководство к действию. В действии познание получает свое подтверждение и проверку на состоятельность, в действии оно становится действительным и обретает новую форму существования. Если все разумное – действительно или должно воплотиться в действительность, то, воплощаясь и реализуясь, знание завершает путь своих метаморфоз и приходит к своему логическому концу в человеческой истории. В противном случае знание остается декларативным, не переходит в практику мыслительной деятельности. Можно сказать, что консервация знания в субъективной форме существования равносильна делу, не доведенному до своего логического финала. В этом свете справедливо замечание Ильенкова: «...в реальных делах человек демонстрирует подлинный способ своего мышления, гораздо более адекватно, чем в своих повествованиях об этих делах». Поэтому известную цитату из «Фауста» Гете «в начале было дело» следовало бы скорректировать – дело было в конце.

Платоновский подход к знанию метафизичен в гегелевском понимании этого слова: истинное идеальное бытие вечно, неизменно и отделено от изменчивого и иллюзорного материального пласта реальности, поэтому его постепенное усовершенствование в исторической перспективе не укладывалось в картину платоновского мира. И в связи с этим его неоднократные попытки раз и навсегда изменить исторический мир хотя бы в одном отдельно взятом месте в Сиракузах изначально были обречены: нельзя привести мир к совершенству в обход реальных исторических условий его существования. Это было бы вопреки ходу истории и против воли самого мира. Идеальное государство нельзя построить в том числе и потому, что люди просто не захотят в нем

жить, как не захотят, чтобы все дети в таком государстве были общими, пусть даже цель этой меры – заставить человека любить всех детей как своих. И Платон пострадал от своих попыток открыть людям глаза на идеальное устройство мира так же, как мог пострадать персонаж его собственного мифа о пещере, пытавшийся открыть людям глаза на истинное бытие: «О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принял бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?...» [5] Так может ли быть благим такое добро с кулаками, нацеленное на то, чтобы сделать людей счастливыми против их воли?

Отличие диалектического (в гегелевском смысле) подхода к знанию заключается в объединении абсолютного и относительного в историческом, предполагающем стадиальный, постепенный переход от варварства к царству свободы, при этом последнее – лишь ориентир, отодвигаемый в вечность. И поскольку наступление совершенного конца истории не предвидится, человеку, вероятно, следует ставить перед собой более скромные задачи: заниматься своим делом на своем месте, и из него стремиться сделать эту задачу более осозаемой. А задача мудреца, вспомним еще раз Гегеля, не пытаться управлять миром, но лишь отражать эпоху в мысли: «...философия – обособленное святилище, и ее служители образуют изолированное сословие жрецов, которое не может совладать с миром и должно оберегать владение истиной» [6].

В этом свете концепция Маркса о самодеятельности (*Selbstbetätigung*) человека, совмещающей определяющую и распределяющую стороны его бытия-в-мире, как нельзя лучше укладывается в решение этой задачи. В процессе «отсвоения» (*ausserung*) человек как существо производящее создает предметный мир, в котором как раз и воплощается его мышление, ибо подлинным знанием предмета обладает тот, кто его создал, а не тот, кто способен разобраться в его родовидовых характеристиках и созерцать его инвариантный эйдос, и для которого человек может оказаться двуногим животным без перьев и с ногтями. В процессе присвоения (*aneignung*) этот предмет оказывается востребованным человечеством, благодаря чему знание, принося пользу, и оказывается ценностью релевантным. Так, лишь тот, кто создал эту клавиатуру или монитор, действительно обладает знанием этих вещей, и работающая вещь свидетельствует об этом. И даже не тот, кто их собрал или сработал, ибо, зная их *как*, он, тем не менее, не всегда может ответить на главный вопрос, свидетельствующий о подлинном знании со временем Платона – *почему*. Тогда как тот, кто ими пользуется, знает их лишь, выражаясь терминологией Хайдеггера, как подручные средства и способен усмотреть лишь их *для-чего*, но именно благодаря употреблению эти вещи становятся ценностью.

Творя свой собственный мир, человек обнаруживает свойства и закономерности окружающего физического мира, ибо включает последний в первый в качестве множества средств, знание которых необходимо для их надлежащего употребления, и поэтому «... на звездное небо он (человек. – А. Г.) обращает свое внимание вначале исключительно как на “естественные часы, календарь и компас”, как на орудия и инструменты своей жизнедеятельности, и замечает их “естественные” свойства и закономерности лишь постольку, поскольку эти естественные свойства и закономерности суть свойства и закономерности того материала, в котором выполняется его деятельность и с которым он поэтому вынужден считаться...» [7]. Другое дело, что производительность человека необходимо понимать расширительно как творчество во всех его проявлениях, и марксов идея труда как прежде всего материального производства не соответствует современным реалиям: сегодня производительность заточена не столько под материальное производство, сколько под производство услуг, технологий и т. д. В. Иноzemцев справедливо отмечает: «Сегодня корпорации строятся не вокруг станка или скважины, а вокруг креативной личности. Так построены и Apple, которая одна стоит больше всех публичных компаний России, и биотехнологический стартап Celgene, который оценивается дороже “Газпрома”. Почти 30% трудящихся в США сейчас работают на себя, а не на капиталиста – и не потому, что возникли всякие кооперативы по образцу Мондрагоры, а потому, что они могут сами купить все необходимые им средства производства» [8].

Поэтому креативная личность в широком смысле этого слова является тем, кто, внося нечто в мир и улучшая его, не просто воплощает свое знание в реальность и делится им с другими, но обнаруживает само знание в творческой деятельности: знает тот, кто творит, и в творении знание обладает легитимностью и силой. В этом свете мир действительно аксиологически нейтрален, как на этом настаивает Юм, но лишь до тех пор, пока в нем нет места человеку.

Примечания и список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 55–56.
2. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1996. С. 159.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1977. С. 34.
4. Фихте Й. Г. Назначение человека. URL: <https://www.psyoffice.ru/9/fihte02/txt04.html> (дата обращения: 18.11.2017).
5. Платон. Государство // Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994. С. 298.
6. Гегель Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1977. С. 333.
7. Ильинов Э. В. Диалектика идеального. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 123.
8. Иноземцев В. Л. Безответный вопрос. URL: <https://www.snob.ru/profile/25538/blog/93350> (дата обращения: 12.10.2017).

Notes and References

1. Aristotle. *Nikomahova ehtika* [Nicomachean ethics] // *Sochineniya* – Works: in 4 vol. Vol. 4. M. Mysl'. 1983. Pp. 55-56.
2. Nietzsche F. *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni* [On the use and harm of history for life] // *Sochineniya* – Works : in 2 t. T. 1. M. Thought, 1996. S. 159.
3. Hegel G. W. F. *EHnciklopediya filosofskih nauk* : v 3 t. T. 3 [Encyclopedia of philosophical sciences: in 3 vol. Vol. 3]. M. Mysl'. 1977. P. 34.
4. Fichte J. G. *Naznachenie cheloveka* [Destiny of man]. Available at: <https://www.psyoffice.ru/9/fihte02/txt04.html> (date accessed: 18.11.2017).
5. Platon. *Gosudarstvo* – Plato. State // *Sochineniya* – Works: in 4 vol. Vol. 3. M. Mysl'. 1994. P. 298.
6. Hegel G. W. F. *Filosofiya religii* : v 2 t. T. 2 [Philosophy of religion: in 2 vol. Vol. 2]. M. Mysl'. 1977. P. 333.
7. Il'enkov EH. V. *Dialektika ideal'nogo* [Dialectics of the ideal]. M. Book house "Librokom". 2012. P. 123.
8. Inozemcev V. L. *Bezotvetnyj vopros* [Unanswered question]. Available at: <https://www.snob.ru/profile/25538/blog/93350> (date accessed: 12.10.2017).

Политическое сознание рабочего класса второй половины XX и начала XXI в.: потенциал и особенности

Гилев Я. Ю.

аспирант кафедры философии, Пермский государственный национально-исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. E-mail: magic555111@yandex.ru

Аннотация: В статье автор пытается выявить главные тенденции, характерные для политического сознания рабочего класса второй половины XX и начала XXI в. Важным становится вопрос о том, способен ли современный рабочий класс на политическую активность,ющую оказывать существенное влияние на общество. Опираясь наialectический подход, автор обращается к различным точкам зрения на сознание рабочих и выявляет основные тенденции, характерные для него. Анализу подвергается сознание рабочего класса стран Запада: в первую очередь Италии и Франции, а также США и Великобритании. В процессе исследования делается вывод о том, что развитие политического сознания рабочего не ограничивается отчуждением на производстве. На этом основании выявляются основные тенденции и делаются выводы.

Ключевые слова: политическое сознание, рабочий класс, капитализм, экономизм, коллективизм, двойственность.

Political consciousness of the working class the second half of XX and beginning of XXI century: potential and features

Gilyov Ya. Yu.

postgraduate student of the Department of philosophy, Perm State National Research University. 15 Bukirev str.,
614990, Perm. E-mail: magic555111@yandex.ru

Abstract: In the article the author tries to identify the main trends characteristic for the political consciousness of the working class of the second half of XXth and beginning of XXIst centuries. The question whether the modern working class can be politically active that can have a significant impact on society is important. Using the dialectical approach, the author refers to different points of view on the consciousness of workers and identifies major trends, characteristic for it. The consciousness of the working class of the Western countries: Italy and France, the USA and the UK is analyzed in the article. During the study the author comes to the conclusion that the development of the political consciousness of the worker is not restricted to alienation in the workplace. On this basis, the main trends are identified and conclusions are made.

Keywords: political consciousness, the working class, capitalism, economism, collectivism, duality.

Для рабочего класса западных стран второй половины XX в. характерны существенные изменения в политическом сознании, связанные с неравномерностью его развития. Для рабочих Франции и Италии свойствен более высокий уровень активности, нежели чем для США и Англии. В мировом масштабе эта тенденция сохраняется и в начале XXI в. В связи с этим следует отметить, что классические представления о рабочем классе нуждаются в корректировке. Современность требует переосмыслиния ставших привычными представлений с учетом изменившихся исторических обстоятельств и новых фактов. Вновь становится актуальным вопрос, является ли активность рабочих магистральной тенденцией, либо она определяется специфическими и несущественными причинами. Разработка этой проблемы велась в нескольких направлениях. Одним из этих направлений являлся классический марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин). Отличная от взглядов классиков марксизма точка зрения была дана в работах представителей Франкфуртской школы (Г. Маркузе). Своими особенностями характеризовалась теоретическая разработка этой проблематики среди западных социологов. Следует отметить, что в западной социологии единого ответа на этот вопрос нет. С одной стороны, была сформулирована теория «конца идеологии» (Р. Арон, Д. Белл), с другой – теория «нового рабочего класса» (А. Турен, С. Малле). Своими особенностями отличались взгляды британского социолога М. Манна.

Сторонники теории «конца идеологии» утверждают, что экономический прогресс постепенно приводит общество к классовому миру, медленно, но верно сглаживая конфликты в обществе. Сравнительно высокая политическая активность рабочего класса Франции и Италии сторонниками этой идеи объясняется историческими и культурными причинами, однако, по их мнению, тенденция к сглаживанию классовых конфликтов должна возобладать. Совершенно противоположны взгляды марксистов. Для них главенствующей является тенденция к обострению общественных противоречий. Политическая активность рабочих проистекает из промышленно-хозяйственной сферы, а тенденция обострения классовых конфликтов признается магистральной для всех капиталистических стран.

М. Манн, преподаватель Эссексского университета, считает, что ядро этих споров составляют две главные теоретические проблемы. Первая заключается в том, способен ли конфликт между трудом и капиталом заставить классовое сознание развиться полностью. Несмотря на то что в обществе объективно существует отчуждение, сознание рабочего класса, его политическое сознание и политическая идеология развиты неравномерно, что и поднимает вопрос о способности классового сознания развиться полностью. Вторая проблема обусловлена взаимосвязью различных общественных конфликтов, их иерархией и взаимовлиянием. Следовательно, можно задать вопрос: является ли конфликт классов, конфликт труда и капитала основным в обществе, порождающим все другие социальные конфликты? Многие немарксистские исследователи утверждают, что логика социального конфликта лежит вне экономической, хозяйственной сферы, вне сферы взаимоотношения общественных классов [1]. Для марксистов, в свою очередь, характерна точка зрения, заключающаяся в том, что между экономической сферой и сферой взаимоотношения общественных классов существует прямая взаимосвязь. Касаясь этого вопроса, В. Ленин писал: «...ибо вопрос стоит (и, по-марксистски, может стоять) лишь так: без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи» [2]. По мнению марксистов, решение хозяйственных задач проистекает из решения политических задач, которые составляют ядро взаимоотношений классов в обществе.

Для современной эпохи характерно то, что интересы рабочих зачастую ограничены ориентацией на удовлетворение непосредственных экономических потребностей и игнорирование вопроса о политической власти. В связи с этим деятельность рабочих представляет собой движение к договоренностям и компромиссам, которые они заключают с предпринимателями. Однако результатом этого является расщепление общественной жизни и общественного сознания рабочего класса. Поскольку хозяйственная жизнь и вопросы политической власти оказываются разграничены, это становится серьезным препятствием в осознании рабочими своего положения, целей и средств, нужных для достижения этих целей. В связи с изменившейся структурой экономики изменяются и условия, в которых на данный момент находится рабочий класс. Такие факторы, как эксплуатация, отчуждение и коллективность, являвшиеся неотъемлемой чертой капиталистического производства эпохи Маркса и Энгельса, сформировали политическое сознание старого рабочего класса. Однако современная экономика отличается от той, что была в эпоху классиков марксизма, и в связи с этим вопрос о содержании политического сознания рабочих вновь обретает актуальность. Общественные условия, в которых оказался современный рабочий класс стран Запада, кардинальным образом изменились в связи с политикой государственного вмешательства в общем и с политикой «государства всеобщего благодеяния» в частности. Влияние отчуждения, до этого охватывавшее всю жизнь рабочего, сконцентрировалось на том промежутке времени, когда рабочий принимает участие в производстве. Оно стало компенсироваться свободным временем, появившимся у рабочего, что подорвало один из важнейших столпов классового сознания рабочего – ценность труда. Помимо этого из-за усложнения самого производства подрывается коллективизм, и рабочий класс становится, с одной стороны, более индивидуализированным, однако, с другой, более атомизированным. Эти факторы мешают развитию политического сознания, и на первый план выходит удовлетворение экономических потребностей. Активность рабочих ограничивается попыткой правовой консервации существующего положения. Одновременно с этим в общественном сознании возникает тенденция, которая начинает отрицать само существование рабочего класса. В связи с этим примечательна фраза британского премьер-министра Маргарет Тэтчер, сказанная ею на рубеже 80–90-х гг. ХХ в. Она говорила, что общества как такового не существует, и есть только мужчины и женщины, а еще есть семьи [3]. Подобная фраза, сказанная представителем политического истеблишмента, демонстрирует, что тенденция к дальнейшему искусственному расщеплению основных социальных групп общества начинает исходить из высших кругов власти. Тот факт, что борьба за политическую власть пре-

вратилась в борьбу за правовое укрепление существующего положения вещей, оказывается на руку предпринимателю, который охотно идет на экономические уступки с целью сохранить свое положение.

Весьма интересна роль профсоюзов в воздействии на политическое сознание и политическую активность рабочего класса. Для современных профсоюзов в большинстве своем характерна поддержка ориентации именно на удовлетворение экономических потребностей. Зачастую, когда недовольные рабочие выходили на улицы с политическими лозунгами, профсоюзные организации оказывались неспособны оказать им необходимую поддержку. Это связано с легальностью и публичностью профсоюзов. Первое приводит к тому, что профсоюзы ограничены легальным полем. Второе – результат подконтрольности профсоюзов государству. Подобное, например, случилось во время забастовки британских шахтеров в 1984–1985 гг. Деятельность профсоюзной организации шахтеров была подорвана действиями британских спецслужб. В профсоюз были внедрены свои агенты, занимавшиеся слежкой и саботажем. Приведенный выше пример свидетельствует о том, что в условиях протестной деятельности профсоюзы оказываются неспособны маневрировать в правовом поле современных западных стран.

Преобладание экономической повестки в общественном сознании приводит к тому, что распространенные точки зрения на социальные конфликты – как на теоретическом, так и на бытовом уровне – начинают игнорировать вопрос политической власти. Становится популярной точка зрения, которая объясняет общественные процессы изменениями в правовой структуре общества. Тенденция передачи прав собственности в руки широких слоев населения толкает многих исследователей к мысли, что общество теперь состоит из одних только владельцев капитала. Исходя из этой точки зрения, можно сделать вывод, что рабочий класс исчезает. Однако характер передачи прав собственности носит ограниченный характер, не позволяющий большинству осуществлять функции контроля. Тем не менее с 80-х гг. небольшая прослойка наемных работников, получившая право владения долей той или иной компании, действительно обрела небывалый контроль над предприятиями, с которыми она была связана. Этой прослойкой были руководители корпораций, руководители финансового, юридического и технического аппарата, в общем – менеджеры высшего звена. В связи с изменившейся структурой общества их влияние оказалось не меньшим, чем то, что было у реальных владельцев капитала и акционеров [4].

Существует множество точек зрения, пытающихся объяснить пассивность рабочего класса. Есть взгляд, что само капиталистическое производство позволяет рабочему проявить свои творческие способности, и никакого отчуждения нет. Другая точка зрения говорит о том, что труд находится вне сферы самоутверждения человека, и он реализует себя в нерабочее время. Однако оба этих взгляда опровергаются фактами выступления рабочих на всем протяжении XX и в начале XXI в. Существование отчуждения – объективный факт, и рабочие стремятся к его преодолению. В известной степени причинами являются возраст и опыт. За долгое время существования в пределах производства в сознании рабочего формируются определенные установки, которые рационализируют его положение. В связи с этим развиваются апатия, пессимизм и фатализм. М. Манн пишет: «Уступчивость рабочего класса системе власти либеральной демократии опирается в основном на прагматическое приятие им своего низкого положения в обществе» [5]. В связи с этим встает вопрос о взаимоотношении опыта на работе и опыта вне работы. Предприниматель, заинтересованный в снижении недовольства среди рабочих, стремится к какой-либо компенсации эффекта отчуждения. С середины XX в. в том числе и этой цели служит так называемое государство всеобщего благоденствия. Возникновение этой модели принято связывать с реакцией западных государств на Великую депрессию – экономический кризис, который длился с 1929 по 1939 г. Для этого кризиса было характерно катастрофическое количество безработных, резкий спад финансов и промышленности и другие экономические потрясения. Британский экономист Джон Мейнард Кейнс создал свой рецепт выхода из кризиса, который он изложил в труде «Общая теория занятости, процента и денег». Впоследствии идею государственного вмешательства и социальной политики подхватят социал-демократические партии запада, снабдив ее риторикой солидарности между классами. Их действия будут направлены на компенсацию эффекта отчуждения средствами социальной политики в рамках капиталистической системы. Из-за того что социальная политика способствует разрыву рабочей и внебиржевой сферы, сознание становится довольно пассивным.

Если у рабочих, которым доступны блага социальной политики, сознание пассивно, то можно предположить, что у неквалифицированных рабочих, наименее защищенных, сознание будет более развито. Однако здесь дело обстоит крайне сложно. Эффект коллективности, характерный для этих отраслей, компенсируется низким уровнем уверенности в собственных силах.

Большую роль играют роль установки, о которых говорилось выше: фатализм, апатия и другие, которые со временем становятся наследственными. В этой ситуации коллективность способна дать обратный эффект, становясь основой для распространения таких настроений.

Вторя рабочим, пессимистичную точку зрения высказывают многие левые западные мыслители. К примеру, представители Франкфуртской школы (Герберт Маркузе и другие) утверждают, что не видят путей преодоления рабочим классом разрыва между трудовой и нетрудовой сферой. В частности, Маркузе обнаруживает потенциал не в рабочем классе, а в прослойке отверженных, в число которых входят представители других рас, безработные, нетрудоспособные [6]. Существует также мнение, что поддержание экономических тенденций рабочего класса профсоюзами – это не предательство его интересов, но отражение. Из этого делается вывод, что рабочий класс и капиталисты придерживаются одной стратегии – стратегии уступок и компромиссов. Ситуация начинает казаться безвыходной, поскольку рабочий класс, будучи отчужденным, все равно находится внутри капиталистического общества, а такое положение не способно сформировать опыт, который содержал бы в себе целостный взгляд на это общество и на свое положение в нем.

Господствующая идеология только усиливает эти тенденции. Мочник Раствко, профессор Люблянского университета, говорит о теории идеологии как о теории интерпретации. Одним из важнейших понятий этой теории является так называемый «субъект предположительно верящий». Мочник пишет: «Верования, минимально разделяемые и говорящим, и интерпретатором, можно рассматривать как поддерживаемые отношением, аналогичным для них обоих, – отношением к третьей “нейтральной” инстанции, управляющей коммуникативной ситуацией и определяющей интерсубъективную структуру: отношениями идентификации с “субъектом, предположительно верящим”. Субъект, предположительно верящий (далее СПВ), действует в модальности возможного: “возможно, данная цепочка означающих имеет смысл; она несет смысл, если мы принимаем ее фоновые верования как возможные”» [7]. СПВ не только обеспечивает возможность коммуникации субъектов, но и способствует воспроизведству определенных шаблонов, специфические особенности которых определяет господствующая идеология. Принцип работы СПВ можно проиллюстрировать следующим примером: субъект знает о провалах и недостатках существующей системы, однако другие предположительно могут верить в ее неодолимость; или они могут верить, что другие верят в ее неодолимость; в любом случае они будут вести себя так, будто общественный порядок нельзя изменить; в связи с этим существующий общественный порядок действительно становится неодолимым; в конце концов, субъект уступает и начинает вести себя так, будто существующее положение дел нельзя изменить. Субъектом подобных рассуждений может являться не только рабочий. Подобный коммуникативный процесс применим и к другим социальным группам. Он существует как возможность, но возможность, весьма распространенная на данном этапе общественного развития. Еще одним важным понятием, которое использует Мочник, является понятие «нулевой институт». Нулевой институт – это концепция, призванная интегрировать общество, представители которого являются носителями противоположных концепций социального целого. По мнению Мочника, такой концепцией является нация. Он пишет о том, что национальный нулевой институт является формальным и псевдонейтральным механизмом социальной интеграции, который способен функционировать, только если он сверхдетерминирован конкретной идеологией из набора идеологий, которые он и должен интегрировать [8]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что национальное государство способствует компромиссным тенденциям, однако сущность социальной интеграции определяется господствующей социальной группой. Рассуждая о СПВ и нулевом институте, Мочник пытается выяснить причины низкого уровня политической активности определенных социальных групп.

Тем не менее история XX в. имеет примеры высокой активности рабочего класса. На протяжении XX в. в Европе примерами стран с развитым рабочим движением являлись Франция и Италия [9]. Исторически в этих странах действовали рабочие партии и профсоюзные организации, которые следовали антикапиталистическим программам. Во Франции нашлись несогласные с политикой «государства всеобщего благоденствия». Несмотря на то что эта политика была направлена на осуществление общественного примирения, она не исключала общественного неравенства. Недоступность благ этой политики для большой части рабочего класса и наличие демаркированных групп привели к выступлениям в 1968 г. Довольно интересным фактом является то, что все началось с протестов леворадикального студенчества и преподавателей. Для них было характерно удивительное идеологическое разнообразие, и внутри этих групп выделились так называемые «новые левые» – левые, которые противопоставляли себя традиционным левым организациям. Впоследствии к студентам и преподавателям присоединились рабочие и профсоюз-

зы, а само недовольство перекинулось на другие страны, в том числе и Италию. Результатом этих событий была смена правительства и переход Франции к новому курсу. Подобный успех является свидетельством способности рабочего класса к успешной политической активности. Политическая активность рабочих Франции и Италии до 1968 г. стала фундаментом для развития политического сознания, которое, в свою очередь подтолкнуло рабочих к политической активности, выразившейся в протестной деятельности.

Однако следует заметить, что положение рабочего движения во Франции и Италии существенно отличается от политических ориентаций рабочего класса англо-саксонских стран – США и Англии [10]. Позиции рабочих этих стран в большинстве своем носят консервативный характер. Очень популярной является точка зрения, что рабочие и капиталисты на одной стороне. В связи с этим многие исследователи утверждают, что опыт Франции и Италии (а также советской России) уникален и лежит вне сферы классовых взаимоотношений. Причины начинают искать в неэкономической сфере – уникальность опыта вышеназванных стран связывают с их историей и культурой. Линия же, по которой идут англо-саксонские страны, объявляется магистральной. Однако этой позиции противоречит забастовка шахтеров в Великобритании в 1984–1985 гг. Эти выступления были ответом на политику Тэтчер, заключавшуюся в приватизации предприятий, закрытии нерентабельных предприятий, дерегулировании экономики и других мерах. Эти действия были ответом господствующих групп после того как выступления 1968 г. разрушили общественный консенсус. Казалось бы, рабочие Великобритании, страны, которая имела долгую историю социального консенсуса и была меньше всего задета событиями 1968 г., не могли пойти на столь радикальные меры, однако на практике ситуация оказалась другой. О причинах неуспеха этих выступлений уже говорилось – организационная слабость профсоюзов и атака на рабочее движение со стороны государства.

Выше были приведены далеко не все примеры политической активности рабочего движения. Целью статьи является иллюстрация особенностей и потенциала, характерных для политического сознания рабочих. В связи с этим можно сделать несколько выводов:

– тенденция, направленная в сторону общественного согласия, содержится в самом сердце национального государства, поскольку его нулевой институт – нация – способствует интеграции и сверхдeterminирован господствующей идеологией. На данный момент эта тенденция непосредственно связана с политикой государственного вмешательства, в частности социальной политикой. Вопрос сущности политики государственного вмешательства и ее разновидностей крайне важен и нуждается в отдельном рассмотрении. Сейчас можно сказать о том, что государство играет важнейшую роль в сглаживании общественных противоречий, однако со временем деятельность государства теряет былую эффективность;

– рабочий класс исторически демонстрирует стремление к политической власти, однако существенной проблемой для него раз за разом становится вопрос выхода за рамки, которые накладывают на его сознание существующие общественные обстоятельства. В сущности, вопрос о способности выхода рабочего класса за эти рамки является иной формулировкой вопроса о том, способно ли его политическое сознание развиваться. Историческая практика свидетельствует о том, что политическое сознание рабочего получает развитие в условиях усиливающегося отчуждения, вызванного изменившимися экономическими условиями, однако этим дело не ограничивается. Как только рабочий начинает осуществлять политическую деятельность, эта деятельность сама по себе способна стать источником дальнейшего развития его политического сознания.

Примечания и список литературы

1. Ажаева В. С., Клеман Н. М. Политическое сознание трудящихся // Реферативный сборник / под ред. Виноградова В. А. и др. М., 1976. С. 43–57.
2. Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. URL: <http://leninism.su/works/81-tom-42/1166-eshhe-raz-o-profsoyuzax-o-tekushhem-momente-i-ob-oshibkax-tt-troczkogo-i-buxarina.html>
3. Interview for Woman's Own ("no such thing as society") URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/106689>
4. Харви Д. Краткая история неолиберализма. URL: https://royallib.com/book/harvi_devid/kratkaya_istoriya_neoliberalizma.html
5. Ажаева В. С., Клеман Н. М. Указ. соч.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markuze/10.php
7. Мочник Р. Субъект, предположительно верящий, и нация как нулевой институт // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 1(17). С. 6–16.

8. Мочник Р. Субъект, предположительно верящий, и нация как нулевой институт // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. N 2 (18). С. 5-19.
9. Ажгаева В. С., Клеман Н. М. Указ. соч.
10. Там же.

Notes and References

1. Azhaeva V. S., Kleman N. M. *Politicheskoe soznanie trudyashchihysya* [Political consciousness of the workers] // *Referativnyj sbornik* – Abstract collection / ed. by V. A. Vinogradov and others. M. 1976. Pp. 43-57.
2. Lenin V. I. *Eshchyo raz o profsoyuzah, o tekushchem momente i ob oshibkah tt. Trockogo i Buharina* [Once again on the trade unions, about the current moment and about mistakes of comrades Trotsky and Bukharin]. Available at: <http://leninism.su/works/81-tom-42/1166-eshhe-raz-o-profsoyuzax-o-tekushhem-momente-i-ob-oshibkax-tt-troczkogo-i-buxa-rina.html>
3. Interview for Woman's Own ("no such thing as society") Available at: <http://www.margaretthatcher.org/document/106689>
4. Harvey D. *Kratkaya istoriya neoliberalizma* [Brief history of neoliberalism]. Available at: https://royallib.com/book/harvi_devid/kratkaya_istoriya_neoliberalizma.html
5. Azhaeva V. S., Kleman N. M. Op. cit.
6. Markuze G. *Odnomernyj chelovek* [One-dimensional man]. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markuze/10.php
7. Mochnik R. *Sub"ekt, predpolozhitel'no veryashchij, i naciya kak nulevoj institut* [Subject, presumably believing, and the nation as a zero institute] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* – Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. 2014, No. 1(17), pp. 6-16.
8. Mochnik R. *Sub"ekt, predpolozhitel'no veryashchij, i naciya kak nulevoj institut* [Subject, presumably believing, and the nation as a zero institute] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* – Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. 2014, No. 2 (18), pp. 5-19.
9. Azhaeva V. S., Kleman N. M. Op. cit.
10. Ibid.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.2; 908

Общественный протест на маскараде в начале XX в.

Ершов М. Ф.

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории, археологии и этнологии, БУ ХМАО – Югра «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок». 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а. E-mail: mfershov@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрено использование маскарадных костюмов в начале прошлого века как своеобразный способ выражения общественного протesta против государственного строя России. Осуществлен анализ ряда конфликтов, произошедших на новогодних праздниках в городах Пермской и Тобольской губерний. Выявлены особенности взаимоотношений оппозиционных участников маскарадов и представителей сил правопорядка. Провинциальная публика сочувственно относилась к появлению на маскараде анонимных участников в костюмах с акцентированным политическим подтекстом. Полицейские, напротив, воспринимали появление эпатаажных персонажей как противоправное преступное деяние. Маскарад, будучи порождением народной карнавальной культуры, прошел в своей эволюции ряд закономерных этапов. Ими стали: розыгрыш – внеобыденное праздничное поведение – отрицание общепринятых норм – стихийный общественный протест – продуманная политическая акция оппозиционных кругов.

Ключевые слова: костюм, маскарад, патриархальная культура, политическая агитация, протест, революция, эпатааж.

Public protest at the masquerade at the beginning of the XX century

Ershov M. F.

candidate of historical sciences, leading scientific researcher of Scientific Research Department of history, archaeology and ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development. 14A Mira str., 628011, Khanty Mansiysk.
E-mail: fershov@mail.ru

Abstract: The article considers the use of masquerade costumes at the beginning of the last century as a kind of way of expressing of public outcry against the political system of Russia. We carried out the analysis of a number of conflicts that occurred during the New Year holidays in the towns of Perm and Tobolsk provinces. The article reveals peculiarities of relations between oppositional participations of the masquerades and members of the law enforcement forces. The provincial public sympathetically treated to the appearance of the anonymous participants in costumes accented with political overtones at the masquerade. Police, by contrast, saw the emergence of the scandalous personages as a wrongful criminal act. Masquerade being a product of the folk carnival culture had in its evolution a series of regular steps. They were: a spoof, unusual festive behavior – denial of accepted norms – a spontaneous public outcry – a deliberate political action of the opposition circles.

Keywords: costume, masquerade, patriarchal culture, political propaganda, outcry, revolution, epataage.

Ускоренная модернизация России после 1861 г. привела к причудливому переплетению патриархальной культуры и культуры нового индустриального общества. Следствием быстрых изменений социальных отношений стало появление не только положительных, но и множества отрицательных компонентов. Протестные действия против существующих недостатков порой принимали достаточно экзотичные формы.

Маскарад как один из способов общественного досуга занимал здесь особое место. С одной стороны, он, как заимствованный из Европы, являлся атрибутом «благородного общества». С

другой – его отличали демократизм, анонимность и близость к народным святочным и ярмарочным увеселениям. На маскараде были возможны действия, недопустимые в обыденной жизни. Господствовавшие здесь неписаные нормы поведения провоцировали его участников на эпатажные выходки и неординарные поступки [1]. В настоящей публикации на материалах ряда городов Пермской и Тобольской губерний подвергнуты анализу конфликтные ситуации, возникавшие при использовании маскарада как формы общественного протеста.

В автобиографической повести Л. А. Кассиля «Кондукт и Швамбрания» приводится один из розыгрышей на маскараде. Девушка-служанка, лишенная образования, но скрытая под маской шутливого письма, изображала благородную иностранку и пользовалась успехом у просвещенной публики, не владевшей французским языком. Еще более примечательный случай произошел в начале XX в. в Шадринске. На маскараде в клубе приказчиков откровенным вызовом общественному мнению стало появление в «костюме Евы» анонимной голой барышни с прелестной фигуркой, скрывшей лицо под маской [2].

С началом революции 1905–1907 гг. в маскарады привносятся элементы радикальной политической сатиры. Так, например, день 3 января 1907 г. ознаменовался в уездном Соликамске громким скандалом. На новогодние торжества в Общественном собрании в здании уездного съезда явились семь замаскированных лиц, изображавших купца, земского начальника, священника, инвалида, солдата и крестьянина. Последний из ряженых имел при себе небольшую деревянную лошадь, запряженную в соху. Он ходил, изображая пахаря, или, присев среди публики и поглядывая на своих замаскированных товарищем, в руках которых были деревянные ложки, рассуждал:

– Бедному крестьянину придется всех их кормить, надо всем им дать – и батюшке, и другим, а у него земельный участок маленький, семья большая... Нужно было бы еще кое-что сказать, – добавлял он, – да здесь подслушивает полиция.

Местным исправником участники этого маскарадного действия были из Собрания удалены. В коридоре им было предложено назвать свои фамилии, так как дежурный по маскараду и старшина клуба лесничий Гаврилов наотрез отказался раскрыть их инкогнито. Лишь угроза препровождения в полицейское управление заставила анонимов снять маски и назвать фамилии. Участниками антиправительственной акции оказались ученик Кунгурского технического училища М. А. Мычелкин, соликамские мещане А. А. Мычелкин и И. И. Суэтин, сыновья фельдшера В. М. и М. М. Смирновы, крестьяне Чердынского уезда Т. И. Носов (из Мошевской волости) и А. Ф. Могильников (из Пянтежской волости).

Весьма характерна реакция окружающих: при появлении замаскированной группы «раздались аплодисменты и, когда замаскированные были удалены, то большинство из присутствующей публики на маскараде было возмущено этим распоряжением, не дававшим далее болтать замаскированному крестьянину», – сообщал полицейский чиновник. Он же отметил, что в числе недовольных «были и чиновники, играющие в либерализм и оппозицию Правительству». При расследовании выяснилось, что для ученика Кунгурского технического училища М. А. Мычелкина это была не первая акция подобного рода. Незадолго до происшествия в Общественном собрании он 30 декабря явился на один из маскарадов в черном саване на спине с надписью «Похож на Павлова» [3]. Возможно, что надпись подразумевала конец политической карьеры Н. В. Павлова, депутата от Пермской губернии в Государственной Думе первого созыва, которая была разогнана [4].

Исторические источники свидетельствуют: на провинциальных маскарадах подобный «кровавый» эпаж был характерен для времени первой революции и последующих лет. Газета «Урал» в начале января 1908 г. ядовито замечала, что маскарады «проходят при большом стечении публики, но без особого веселья. На маскарады идут не просто маски, а маски с тенденцией. В большой моде кровавые пятна и целые ручи крови. Общественные места в период маскарадов грозят превратиться в анатомические театры. Лицезрение кровавых пятен, цепей и удавок вряд ли может способствовать веселому настроению» [5].

Использование маскарадных костюмов в целях политической агитации зафиксировано в Камышлове. В воспоминаниях О. В. Поповой описывается один из маскарадов начала века в местном Клубе приказчиков. Первый приз получил костюм «Революция». Обладательница этого костюма была во всем красном и несла флагшток с надписью «Революция» на французском языке. Кроме этого костюма обращали на себя внимание маскарадные группы «Один с сошкой, семеро с ложкой» и «Крестный ход». В первой из них был представлен «худенький маленький мужичок в рваных лаптях с картонной сохой». За ним следовали с ложками отрицательные персонажи: поп, купец, барыня и т. д. Вторая «живая» картина служила иллюстрацией известному живописному произведению и изображала пьяных попа и пономаря в окружении прихожан. Мемуаристка со-

общает, что полиция гонялась за маскарадным «попом» по всем комнатам Клуба приказчиков, но поймать так и не могла [6].

Допустимо предположить, что собравшейся здесь публике импонировала суматоха с погоней, она по мере сил препятствовала аресту. Прослеживаются аналогии между камышловским и соликамским маскарадами. В обоих случаях местная полиция, вопреки положениям Манифеста 17 октября, проявляла излишнее рвение, нарушая права подданных. Очевидно, что злободневные «живые» сюжеты, на которые была мода, заимствовались и перемещались из города в город. Маскарадные костюмы могли быть откликами на недавние насильственные или неприглядные события.

Так, после того как в печать проникли сведения о хищении шпал жандармами станции Курган, в местном Общественном собрании на маскараде неизвестный нарядился в костюм «Новая железнодорожная Панама». Частью костюма были детские саночки со шпалами, возимые на ве-ревке. Эта история имела продолжение. 10 января 1909 г., после маскарада, в редакции «Курганских известий», посмевших опубликовать материалы о воровстве жандармов, был произведен обыск. Он закончился ничем, если не считать обнаруженных детских санок... Через несколько дней редактор был посажен на три месяца под арест, а его газета оштрафована на 500 руб. [7]

Протестные действия на маскараде зафиксированы в губернском Тобольске. Здесь на новогоднем празднике 1908 г., в Общественном собрании были представлены костюмы «А. И. Гучков, охаживающий и ухаживающий за Конституцией» (первое место); «Освобожденная Россия» (был «общипан полицией» – сорвали надписи: «Свобода, равенство, братство»). Призы получили также костюмы «Арестант», «Солдат в кандалах» и «Фея свободной страны» [8]. Показная, демонстративная революционность могла проявляться не только на маскарадах, но и в самых неожиданных сегментах общественного быта. Баррикада, Бомба, Жертва, Забастовщик, Заговорщик, Идея, Партия, Радикал, Террор – это «говорящие» клички лошадей, выигравших на ипподромах России во второй половине первого десятилетия XX в. [9]

Розыгрыш, внеобыденное праздничное поведение – отрицание общепринятых норм – стихийный общественный протест – продуманная политическая акция оппозиционных кругов. По нашему мнению, именно так допустимо систематизировать вышеприведенные случаи маскарадного и игрового действия. Данный перечень одновременно является иллюстрацией основных этапов социокультурной эволюции маскарада. Будучи порождением народной карнавальной культуры, маскарад, в его первоначальном варианте, содействовал временному снятию сословных и имущественных барьеров. С усилением же рационалистических начал консолидирующие функции маскарада и игры постепенно мельчали. Из средства единения людей они все более превращались в еще один плацдарм общественного противостояния.

Можно предположить, что в процессе формирования индустриального общества из патриархального стихийного праздника изымалась его языческая душа, оставляя после себя пассивный досуг отчужденного от подлинного творчества человека. Невозможность проведения на зревших общественных преобразований в России того времени перевоплощалась в имитацию, маскарад, театр. «Всепоглощающая /всепроникающая театральность становится главной особенностью русской художественной действительности этого периода. Театральное начало глубоко проникает не только в искусство, культуру, но и быт, примером чему являются различные развлекательные формы проявления досуга», – обоснованно замечает современный исследователь А. А. Комаревцева [10].

Примечания и список литературы

1. Ершов М. Ф. Общественный протест на маскараде: к постановке проблемы // IV Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 22–23 ноября). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. С. 47–48.
2. Иовлева В. И. Шадринские улицы. Шадринск : Исеть, 1994. С. 54.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 151. Л. 31–32.
4. Шумилов Е. Н. Государственные, политические, общественные деятели Пермской губернии (1905–1919). Пермь, 2005. С. 45.
5. Яхно О. Н. Благотворительные вечера в уральской провинции в начале XX в. (по материалам местной прессы // Уральский исторический вестник. 2011. № 1(30). С. 49–55.
6. ЦДООСО Ф. 221. Оп. 2. Д. 415. Л. 1.
7. Дятлов. Курган (Гонения на прессу) // Сибирские вопросы. 1909. № 7. С. 43–45.
8. Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. С. 100.

9. *Mogil'ner M. Na putyah k otkrytomu obshchestvu: krizis radikal'nogo soznaniya v Rossii (1907-1914 gg.)* M. : Magistr, 1997. C. 6-7.

10. *Komarevceva A. A. Kostyumirovannyj bal, Grandbal-parè, Fin d'été, maskarad: teatralizacija zhizni i teatralizovannyj kostyum v Rossii vtoroj poloviny XIX-XX veka* // *Molodoj uchenyj :mezhdunar. nauch. zhurn.* 2017. № 28(162). C. 108.

Notes and References

1. *Ershov M. F. Obshchestvennyj protest na maskarade: k postanovke problemy* [Public protest at the masquerade: to the statement of problem] // *IV Zyryanovskie chteniya :materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Kurgan, 22-23 noyabrya) – IV Zyryanov readings: materials of all-Russiaia scientific and pract. conf. (Kurgan, 22-23 November).* Kurgan. Publ. Kurgan State University. 2006. Pp. 47-48.
2. *Iovleva V. I.SHadrinskie ulicy* [Shadrinsk streets]. Shadrinsk. Iset. 1994. P. 54.
3. The center of documentation of public organizations of Sverdlovsk region (CDPOSР). F. 41. Inv. 1. File 151. Sh. 31-32.
4. *SHumilov E. N. Gosudarstvennye, politicheskie, obshchestvennye deyateli Permskoj gubernii (1905-1919)* [State, political and public figures of the Perm province (1905-1919)]. Perm. 2005. P. 45.
5. *YAhno O. N. Blagotvoritel'nye vechera v ural'skoj provincii v nachale XX v. (po materialam mestnoj pressy)* [Charity evenings in the Ural province in the early XX century (on materials of local press)] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural historical herald. 2011, No. 1(30), pp. 49-55.
6. CDPOSР F. 221. Inv. 2. File 415. Sh. 1.
7. *Dyatlov. Kurgan (Goneniya na pressu)* [Kurgan (press crackdown)] // *Sibirskie voprosy* – Siberian questions. 1909, No. 7, pp. 43-45.
8. *Alisov D. A. Administrativnye centry Zapadnoj Sibiri: gorodskaya sreda i social'no-kul'turnoe razvitiye (1870-1914 gg.)* [Administrative centers of Western Siberia: the urban environment and socio-cultural development (1870-1914)]. Omsk. Publishing house of OmSU. 2006. P. 100.
9. *Mogil'ner M. Na putyah k otkrytomu obshchestvu: krizis radikal'nogo soznaniya v Rossii (1907-1914 gg.)* [Towards an open society: the crisis of radical consciousness in Russia (1907-1914 gg.)]. Moscow. Magistr. 1997. Pp. 6-7.
10. *Komarevceva A. A. Kostyumirovannyj bal, Grandbal-parè, Fin d'été, maskarad: teatralizacija zhizni i teatralizovannyj kostyum v Rossii vtoroj poloviny XIX-XX veka* [Costume party, Grandbal-parè, Fin d'été, masquerade: staging of life and theatrical costume in Russia of second half XIX-XX] // *Molodoj uchenyj :mezhdunar. nauch. zhurn.* – Young scientist: International scientific journal. 2017, No. 28(162), p. 108.

Дальневосточная периодическая печать о реализации «сухого закона» в Приамурском генерал-губернаторстве в 1914–1917 гг.

Крутоус И. В.

аспирант Департамента истории и археологии, Дальневосточный федеральный университет. 690090,
г. Владивосток, улица Суханова, 8. E-mail: krutousigor.ik@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена изучению реализации антиалкогольной кампании в период Первой мировой войны в областях Приамурского генерал-губернаторства и освещению данного вопроса на страницах местной периодической печати. Автором проведен анализ количества газетных публикаций, посвященных борьбе с пьянством, накануне введения «сухого закона». Проводится сравнение информации, афишируемой официальными лицами и местной периодической печатью, участвовавшей в популяризации запрета продажи алкоголя с реалиями антиалкогольной борьбы в регионе. Оцениваются итоги введения запрета продажи алкоголя для сельского и городского населения. Выявляется ряд причин, приведших к провалу антиалкогольной кампании в Приамурском генерал-губернаторстве.

Ключевые слова: запрет продажи алкоголя, последствия введения «сухого» закона, Приамурское генерал-губернаторство, контрабанда, периодическая печать.

Far Eastern periodicals about implementation of «dry law» in Priamursk general governorship in 1914–1917

Krutous I. V.

graduate student of the Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University. 8 Sukhanova str.,
690090, Vladivostok. E-mail: krutousigor.ik@gmail.com1

Abstract: The article is devoted to the implementation of the anti-alcohol campaign during the First World War in the Priamursk General-governorship and the coverage of this issue in the pages of local periodicals. The author analyzes the number of newspaper articles dedicated to the anti-alcohol campaign, on the eve of the introduction of "dry law". Comparison of information, advertised by officials and local periodicals, involved in the promotion of the prohibition of alcohol sales with the realities of anti-alcohol struggle in the region is compared. Evaluated the results of introduction of a ban of sale of alcohol to rural and urban populations. Revealed several reasons that led to the failure of the anti-alcohol campaign in the Priamursk General-governorship.

Keywords: ban the sale of alcohol, consequences of the introduction of "dry" law, Priamursk General-governorship, smuggling, periodicals.

Одновременно с началом всеобщей воинской мобилизации в конце июля 1914 г. в Российской империи был введен запрет на продажу алкогольных напитков, который уже 16 августа был значительно ужесточен после принятия закона «О продлении воспрещения продажи спирта, вина, водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени» [1]. Согласно сведениям из многочисленных работ региональных исследователей, посвященных реализации «сухого закона» в отдельных губерниях и областях империи, антиалкогольная кампания, несмотря на провозглашенную поддержку всеми слоями населения, в целом была провалена [2].

Реализация запрета продажи алкоголя в областях, входивших в состав Приамурского генерал-губернаторства, уже освещалась местными исследователями. Наиболее подробно особенности реализации запрета описаны в монографии Т. Я. Иконниковой, посвященной дальневосточному тылу в годы Первой мировой войны [3]. Здесь же нужно упомянуть статью О. А. Устюговой, в которой автор описала контрабанду спиртных напитков на Дальнем Востоке России в период Первой мировой войны [4]. Еще один исследователь, затрагивавший тему запрета продажи алкоголя в регионе, – Н. А. Троицкая [5].

Цель данной статьи – исследовать особенности реализации «сухого закона» в Приамурском генерал-губернаторстве, привлекая ранее не использованные исследователями источники, а также материалы периодической печати.

Первые официальные меры по борьбе с пьянством на территории Приамурского генерал-губернаторства были предприняты за полгода до начала Первой мировой войны. 28 января 1914 г. было принято постановление генерал-губернатора Н. Л. Гондатти против бесчинства, озорства, пьянства [6].

Как и во всей империи, на ее дальневосточных землях антиалкогольная кампания широко рекламировалась местной прессой. Так как первые серьезные попытки введения в стране «сухого закона» можно отнести к началу 1914 г., то и обсуждение данного вопроса на страницах дальневосточных изданий началось за полгода до официального запрета продажи спиртных напитков. Автором была подсчитана доля публикаций, посвященных вопросу борьбы с пьянством, помещенных на страницах периодических изданий, напечатанных в Приамурском генерал-губернаторстве в период с февраля по август 1914 г. Всего было изучено более 70 выпусков местных изданий, среди которых владивостокская ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета «Восток», отличающаяся оппозиционными взглядами; два церковных издания, во всех вопросах поддерживающие политику, проводимую правительством, «Владивостокские епархиальные ведомости» и «Благовещенские епархиальные ведомости»; а также отдельные выпуски других местных газет. Чуть меньше 6% изученных публикаций были посвящены теме борьбы с пьянством, примерно такое же количество газетных публикаций освещали события на балканском полуострове.

При обсуждении борьбы с пьянством на страницах дальневосточных изданий накануне Первой мировой войны наиболее актуальными были следующие вопросы: кому должна принадлежать инициатива в антиалкогольной кампании (государству, церкви или народу); какие методы борьбы с пьянством более продуктивны; чем занять сельское и городское население после запрета употребления алкоголя. Периодическая печать широко освещала даже самые незначительные успехи в борьбе с пьянством. Так, к примеру, в одном из выпусков «Владивостокских епархиальных ведомостей» две страницы занимал обзор съезда духовенства и крестьянства нескольких деревень Сучанской долины, прошедший в селе Владимира-Александровском Приморской области, ключевым вопросом которого была борьба с пьянством среди деревенского населения [7].

Очевидно, желая следовать общероссийскому тренду борьбы с пьянством, руководство генерал-губернаторства, а также представители гражданских и военных ведомств регулярно со страниц местных газет обращались к читателям, осуждая употребление алкоголя. На страницах ежедневной политической, экономической и литературной газеты «Уссурийский голос», издаваемой в Никольске-Уссурийском, был опубликован приказ наказного Амурского казачьего войска генерала В. А. Толмачева, в котором указывалось на «повальное пьянство среди казаков» [8]. «Владивостокские епархиальные ведомости» цитировали слова приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти: «Дальше по пьяному делу и хулиганству идти некуда. Посмотрите на порубежных соседей – китайцев. Несмотря на море водки, они все абсолютно трезвы» [9].

Непосредственно запрет продажи алкогольной продукции на время мобилизации в генерал-губернаторстве, как и на территории всей империи, был введен 26 июля 1914 г. Законом от 16 августа 1914 г. продажа спирта, вина и водочных изделий в империи была запрещена до окончания военного времени [10].

Введенный запрет, судя по официальным заявлениям, был с энтузиазмом встречен администрацией региона и местными чиновниками: «Ни одно из практиковавшихся до сих пор мероприятий, направленных к охране народной трезвости, не имело такого успеха, как ныне действующее воспрещение продажи спиртных напитков на все время совершающихся военных действий. Помимо своей радикальности мера эта имеет успех и благодаря тому, что она совпала с патриотическим воодушевлением, охватившим все слои русского общества до самых его низов. Наступила небывалая трезвость народа...», – так оценил введение «сухого закона» в своем циркуляре приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти [11].

Окружной надзиратель 3-го округа акцизного управления Амурской и Приморской областей Я. П. Павловский в своем отчете «Обследования ремесленно-рабочего люда в городе Хабаровске в связи с существующим запретом продажи вина» [12] представил чрезмерно оптимистичную картину: «После запрещения – иная жизнь, совсем не похожая на старую, прошлую, – рабочие не пьют, работают ежедневно, поздоровели, чище одеты и обуты, заработка целиком получают на руки; имеются сбережения; по праздникам ходят в читальни и театры, сама же работа улучши-

лась, и продуктивность ее увеличилась» [13]. На маловероятную правдоподобность таких наблюдений указывает статистика, приведенная в том же отчете, согласно которой среди рабочих 104 исследованных хабаровских предприятий почти 40% признались в том, что не могут провести день без алкоголя, причем в отдельных отраслях данный показатель был значительно выше. Например, среди работников сапожных мастерских и извозчиков в алкоголизме признались соответственно 86% и 60% опрошенных [14]. Сомнительным видится утверждение, о том, что спустя несколько месяцев после введения запрета на продажу водки хабаровские рабочие практически перестали пить, тем более что местная пресса периодически сообщала о том, что кабаки после запрета продажи алкоголя продолжали функционировать, уйдя в подполье. К примеру, автор одной из заметок, опубликованной на страницах «Приамурского вестника», сетуя на тот факт, что после введения «сухого» закона власти не удосужились провести ревизию количества нереализованной алкогольной продукции, оставшейся в кабаках, следующим образом описывал ухищрения, к которым прибегали кабатчики: «Все помещения кабаков отделяются переборками, прикрепленными гвоздями, от жилых помещений. Теперь, чтобы достать вино, нужно только отодвинуть одну- две плахи – и получай сколько угодно. У некоторых же кабаковладельцев имеются специальные подпольные хода» [15].

Не менее благоприятно отнеслись к «сухому закону» местные периодические издания. Автором не было встречено ни одной публикации, критикующей запрет продажи алкоголя. На страницах большинства дальневосточных газет появились рубрики, посвященные антиалкогольной кампании. Весьма типичным примером публикаций, помещаемых в подобных рубриках, можно считать заметку «Борьба с пьянством», опубликованную на страницах Никольск-Уссурийской ежедневной политической газеты «Уссурийский край». В заметке были приведены цитаты из телеграмм, содержащих «выражение почтительного восхищения по поводу решения прекратить в империи производство алкоголя», адресованных императору Николаю II. Отправителями данных телеграмм были общественные организации из Тамбова, Одессы, Минска, Вашингтона, а также Парижской медицинской академии [16]. Журналисты газеты «Приамурский вестник», издаваемой в Благовещенске, восхищались быстрой, с которой был достигнут эффект от введения запрета продажи алкоголя: «В понедельник 31 июля городской полицией не было зарегистрировано ни одного случая нарушения порядка и спокойствия. Даже не было взято в катализажку ни одного пьяного» [17]. При этом стоит отметить, что после начала мобилизации количество публикаций, посвященных антиалкогольной кампании, по сравнению с предвоенным периодом уменьшилось в разы.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что реальная ситуация в деле борьбы с пьянством довольно сильно разнилась с тем, как она описывалась периодической печатью и местной властью. На практике реализация «сухого закона» была далеко не совершенна.

Возвращаясь к материалам местной периодической печати, стоит указать на весьма показательное явление – в одном и том же выпуске могли сосуществовать заметка, посвященная описанию успехов на антиалкогольном поприще, и реклама местной алкогольной продукции. На страницах владивостокской общественно-политической газеты «Приамурский край» от 2 сентября 1914 г. ставшую уже постоянной рубрику «Великая война» с первой полосы сместила реклама «главного козыря Шустова» – «несравненной» рябиновой водки.

Запрет продажи спиртных напитков в Приамурском генерал-губернаторстве, в отличие от прочих российских губерний, значительно повлиял на положение многих местных предпринимателей, так как на российском Дальнем Востоке казенная монополия на продажу водки и вина введена не была, право торговли было передано на откуп частным предпринимателем. Собственники винокуренных заводов и оптовых складов, находящихся в Амурской и Приморской областях, после введения запрета торговли спиртным были поставлены в сложнейшую ситуацию: на руках оказалось огромное количество товара, который в законном порядке сбыть было невозможно, при этом владельцы заводов обязаны были продолжать платить рассроченный акциз [18]. Реализация же произведенной и накопленной алкогольной продукции на черном рынке в силу наличия в регионе более дешевого контрабандного спирта из Китая представляется маловероятным сценарием. К примеру, в 1910 г. цена контрабандного спирта, приобретаемого в Харбине по 2,5 рубля за ведро, достигала в Приамурье шести рублей, тогда как легальный местный спирт в силу более дорогостоящего производства и необходимости оплаты акциза продавался минимум по 15 рублей за ведро [19].

Предприниматели искали поддержки у местной администрации, но представители последней не могли предложить конкретных путей выхода из сложившейся ситуации. Ежедневное издание «Уссурийский край» в июне 1916 г. осветило процесс переговоров между Хабаровской го-

родской управой и собственниками местных винокуренных заводов: «Согласно поступившего запроса, Хабаровская городская управа собирается обратиться к владельцам местных винокуренных заводов за справкой, на какие именно производства они желали бы перевести себя» [20].

Одним из предполагаемых положительных последствий введения запрета на продажу спиртосодержащих напитков должно было стать улучшение экономического положения сельского населения – деньги, которые раньше пропивались, должны были быть направлены на развитие хозяйства. Однако в ряде случаев в Приамурских селах и деревнях эффект оказался прямо противоположным – во многих населенных пунктах сельские общины до введения «сухого» закона сдавали помещения под кабаки в аренду. Так, к примеру, в селах Георгиевка, Вяземское, Отрадное и Красицкое Приморской области доход от сдачи в аренду кабаков ежегодно составлял соответственно 4 000, 3 500, 1 500, 500 рублей [21]. При этом население не только продолжало тратить деньги на алкоголь, но и стало тратить больше, так как повсеместно реализуемый контрабандный алкоголь резко подорожал. Средняя цена на контрабандный спирт после введения запрета в приморской области составляла 21 рубль за ведро, цена за бутылку достигала 2,5 рубля против 0,5 рубля до введения запрета [22].

Жители приамурских городов также, безусловно, столкнулись со значительным удорожанием контрабандного спирта. О том, какую долю в расходах среднестатистического рабочего составляли траты на алкоголь, говорят данные исследования 1915 г. в столице генерал-губернаторства. В среднем пьющие рабочие и мастера всех обследованных предприятий до введения «сухого» закона спускали на водку 50% своего заработка, при этом на прокорм семьи и содержания жилья среднестатистический хабаровский рабочий выделял не более трети дохода [23]. Введение запрета на продажу водки и последовавшее ее удорожание скорее ухудшило материальное положение городских рабочих, нежели подтолкнуло их к экономии.

Важно заметить, что введенный летом 1914 г. «сухой закон» был не таким уж и «сухим». Запрет продажи спирта, вина и водочных изделий не распространялся на отпуск церковного вина в храмах, а также любых спиртных напитков в ресторанах 1-го разряда и буфетах при собраниях и клубах [24]. В связи с данным обстоятельством общепринятым мнением считается, что запрет продажи алкогольной продукции в первую очередь был направлен на деревенское и наименее обеспеченное городское население.

О том, как запрет продажи спиртных напитков повлиял на жизнь приамурских деревень, довольно подробно рассказывает статистическое исследование, проведенное в 1915 г. Статистическим отделом Приморского переселенческого района, результаты которого были опубликованы в том же году во Владивостоке [25]. Опрос был проведен среди трех категорий корреспондентов: крестьян, сельских учителей и священников – из 238 селений Приморской области, суммарное население которых, по данным исследователей, составляло более 144 тысяч человек.

На степень актуальности среди сельского населения вопросов, поднимаемых в анкете, указывается заведующим статистического отдела А. А. Меньщиковым: «Количество полученных ответов вдвое превысило число ответов, даваемых обычно по сельскохозяйственным вопросным листам. Сами ответы отличаются обстоятельностью, опросные бланки сопровождаются пространными дополнениями, в которых корреспонденты подробно, с различных сторон освещают тот или иной вопрос» [26].

По поводу запрета продажи алкоголя среди опрошенных лиц «выражали благодарность и радость» 59% мужчин и 78% женщин из населенных пунктов, в которые не проникал контрабандный спирт с территории Китая, и соответственно 23% и 46% из населенных пунктов, в которые китайский спирт проникал [27]. Согласно же данным все того же исследования, контрабанда спирта существовала в 65% сел и деревень, попавших под статистическое исследование. При этом в приграничных уездах контрабандный алкоголь поступал за редким исключением во все населенные пункты.

Контрабандный алкоголь с территории северо-восточного Китая ввозился в приамурские области и до введения «сухого» закона: по данным современных исследователей, в 1911 г. в Амурскую и Приморскую области было ввезено контрабандного алкоголя на 1,8 млн рублей в каждую. Объем ввоза алкоголя с китайской территории после введения в Российской империи запрета на его продажу предсказуемо вырос – в 1914 г. в китайскую пограничную полосу было ввезено спирта уже на 5,7 млн рублей [28].

Контрабанда, по сведениям, предоставленным корреспондентами опросника, после введения запрета в приграничных уездах зачастую стала массовым способом дополнительного заработка сельского населения. «Контрабанда развилась до невероятных размеров и для села обратилась в промысел», – свидетельствовал житель села Духовское Иманского уезда. «Таскает спирт местное

население само; обычно через реку Уссури переносят китайцы, которые здесь сдают спирт какому-либо казаку, от него уже спирт поступает к нашим контрабандистам», – сообщал другой житель Иманского уезда. Более подробно процедуру доведения контрабанды до потребителя описал корреспондент из села Новопокровка Иманского уезда. «За контрабандным спиртом отправляются целые компании; перейдя китайскую границу, они покупают спирт по 6–7 рублей за ведро, затем дома разбавляют его водой половина на половину – и бутылку приготовленной таким образом водки продают по цене от 80 копеек до 1 рубля и дороже. Чаще сами крестьяне-контрабандисты упиваются спиртом на китайской стороне, после чего поднимаются драки» [29].

В достаточной мере препятствовать контрабанде китайского спирта у Приамурской кормчей стражи и таможенных органов ввиду значительной протяженности границы не было возможности. Весьма красноречиво реалии борьбы с контрабандой еще накануне Первой мировой войны в Приамурье иллюстрирует эпизод, описанный на страницах «Приамурского вестника»: «Однажды утром зимию, стоя у рогатки, таможенный досмотрщик увидел человека, едущего с берега Амура мимо рогатки». В ответ на оклик досмотрщика нарушитель ускорился, из-за чего досмотрщик был вынужден самолично сесть на лошадь и погнаться за нарушителем. Последний, доехав до поста городового, выбросил несколько банок спирта и, «поворнув обратно, еще пуще погнал лошадь». Когда же досмотрщик смог настигнуть нарушителя, тот «схватил его за грудь и оттолкнул... и быстро ускакал, выбрасывая банки со спиртом», которые тут же были подобраны проходившей мимо ротой солдат. В итоге задержанный нарушитель, оказавшийся крестьянином Орловской губернии Иваном Колосовым, Благовещенским окружным судом был наказан за сопротивление при аресте, тогда как ввоз контрабанды, ввиду отсутствия вещественных доказательств, остался недоказанным [30]. Очевидно, что после введения сухого закона и последовавшего увеличения контрабанды ситуация в деле борьбы с незаконным ввозом спирта лишь ухудшилась.

В конце августа 1915 г. «Уссурийский край» опубликовал информацию от Фадеевской корчемной стражи, задержавшей «три огромные лодки, набитых битком четверными банками со спиртом, которого бы хватило гулять неделю всему Никольску-Уссурийскому», сообщавшей о начале контрабанды спирта по реке Суйфун [31]. Характерно, что только спустя год после введения «сухого» закона корчемная стража села Фадеевка смогла впервые задержать контрабанду.

Смирившись с невозможностью борьбы с китайским алкоголем внутри страны, российские власти предприняли попытку решить проблему иным способом. Спустя год после введения «сухого» закона Российской империя и Китай подписали соглашение, согласно которому запрещался ввоз алкогольной продукции в 50-верстную пограничную зону. Еще через год продажа алкоголя была запрещена в зоне отчуждения КВЖД. Однако предпринятые усилия практически не возымели эффекта [32].

Еще одним фактором, мешавшим ответственным за это лицам бороться с контрабандой алкоголя, была личная заинтересованность последних. Особенно отчетливо явления, которые в современной России принято называть коррупционной составляющей, проявлялись на участке границы, охрана которого обеспечивалась Уссурийским казачьим войском.

Если верить газетным публикациям, то процесс борьбы с контрабандой порой приобретал откровенно юмористический характер. Один из таких случаев был описан «Приамурским вестником». Чиновник, посетивший пароход, прибывший в село Суражевка Приморской области, с целью досмотра судна на предмет наличия алкоголя, находясь, равно как и сопровождающий его городовой, в явном состоянии опьянения, «ставил всех в тупик вопросом: «Ты знаешь, кто я?»». Когда же чиновнику удалось обнаружить в кладовой графин водки и две бутылки столового вина, он, согласно показаниям очевидцев, после нескольких неудачных попыток не смог заполнить протокол и «удалился с парохода под громкий хохот толпы» [33].

В поисках возможности выпить приамурское население прибегало не только к контрабандному алкоголю из Китая. Житель села Маго Удского уезда сообщал о том, что «с самого начала запрещения было много случаев отравления древесным спиртом; пили до того, что его перестали продавать без разрешения властей». Корреспонденты из других населенных пунктов Приморской области свидетельствовали следующее: «Были такие случаи, когда мужики, придя в лавку, спрашивали: «Что крепче, одеколон или водка?», – и, получив флакон одеколона, тут же у прилавка выпивали его». «Вместо водки привозят и продают политуру, находя ее лучше древесного спирта. Лак из местных лавок еще с осени весь был выпит». «Делают особый квас, который опьяняет человека, и продают его по 20–25 копеек». «Корейцы приготавливают спиртной напиток, называемый «камзырь». Повсеместно производили и употребляли медовуху, брагу, домашнее вино» [34].

Одной из проблем, отмечаемых как сельским, так и городским населением, было отсутствие или недоступность иных, кроме пьянства, способов увеселения и отдыха. Согласно сведени-

ям, предоставленными участниками анкетирования сельского населения Приморской области в 1915 г., наиболее популярным заменителем водки стали книга и газета. Однако во многих селах ассортимент печатной продукции ограничивался церковными книгами и периодическими изданиями, выписываемыми учителями и священниками. Ввиду подавляющей неграмотности сельских жителей их обращение к печатному слову сводилось к тому, что читал им вслух местный учитель. В целом же, по свидетельствам корреспондентов, сельские жители, если не могли достать себе алкоголь, «оставались дома» или вовсе «ложились спать» [35].

Запрет продажи алкоголя, введенный в Российской империи в самом начале Первой мировой войны, был, как и большинство прочих начинаний верховной власти, с восторгом встречен чиновниками всех уровней Приамурского генерал-губернаторства и местной периодической печатью. На страницах последней как накануне введение запрета, так и после была развернута широкая пропаганда трезвой жизни. Однако в реальности, в отличие от отчетов и официальных заявлений местной власти, успехи были не столь велики.

Введение «сухого» закона, имевшее в качестве основной цели устранение из жизни российского народа алкоголя и, как следствие, улучшение экономического положения населения, в Приамурье, судя по всему, привело к прямо противоположному результату. Местное население, не желая отказываться от своих привычек, продолжало всеми доступными способами добывать себе алкоголь. При этом отмечалось увеличение объемов ввоза китайского контрабандного спирта как основного продукта алкогольного потребления. Об улучшении финансовой стороны жизни местного населения не могло быть и речи – большинство дальневосточников не стремилось уменьшить объем потребляемого алкоголя, стоимость которого после введения запрета значительно увеличилась. Внушительные для сельских обществ суммы, после закрытия кабаков, вместо уплаты аренды кабатчиками стали уходить в сторону китайской границы. То же самое можно сказать применительно ко всей экономике региона. Акцизы, налоги и прочие платежи, вносимые ранее в бюджет алкогольной промышленностью, за годы Первой мировой войны не были заменены другими источниками дохода. При этом миллионы рублей оседали в карманах лиц, причастных к незаконной продаже алкоголя. Однако в статьях и заметках местных газет описывались исключительно положительные последствия введения «сухого закона».

Говоря о причинах сложившейся во время Первой мировой войны в Приамурье ситуации в деле борьбы с пьянством, можно указать следующие: развитие в регионе, в отличие от остальной империи, частной виноторговли; существование еще задолго до 1914 г. контрабанды более дешевого спирта из Китая, борьба с которой в существовавших реалиях была малопродуктивна; неспособность местной власти в необходимой мере контролировать незаконную торговлю алкоголем. Еще одной причиной провала антиалкогольной компании стало отсутствие альтернативных способов отдыха для населения. Кроме того, очевидно, что свое влияние на местное население оказывали и продолжавшаяся война, а также множественные проблемы военного времени. Местная периодика, в особенности либеральной направленности, в достаточной мере освещала перечисленные проблемы.

Можно предположить, что положительные результаты от введения «сухого» закона, при условии продуктивной работы органов местной власти, со временем должны были последовать. Однако затянувшаяся Первая мировая война, возникший в связи с этим экономический кризис и последовавшие революционные события 1917 г. подвели черту под антиалкогольной кампанией, которая, по крайне мере в Приамурском генерал-губернаторстве, была провалена.

Примечания и список литературы

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград, 1915, отд. I, ст. 3543.
2. Богданов С. В. «Пьяная» городская повседневность во время «сухого закона» (вторая половина 1914–1915 год) // Вестник ТвГУ. Сер. «История». 2015. № 2. С. 4–23; Фадеев Д. И. Младшее офицерство Первой мировой войны в тылу: Дисциплинарные нарушения и социальные конфликты (по материалам Казанской и Симбирской губерний) // Перспективы науки. № 9(60). 2014. С. 51–55; Казаковцев С. В. Вятская губерния в годы Первой мировой войны: эволюция общественных настроений // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 3. С. 184–188.
3. Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск : Хабаров. гос. пед. ун-т, 1999. С. 53–58.
4. Устюгова О. А. Контрабандная торговля спиртными напитками на Дальнем Востоке России накануне и в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны : сб. науч. ст. Владивосток : Изд-во «Рея», 2016. С. 202–208.
5. Троицкая Н. А. Приамурский край в годы Первой мировой войны в документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Приамурское генерал-губернаторство в годы Пер-

вой мировой войны: штрихи времени, голоса современников : документы и материалы. Владивосток : РГИА ДВ, 2014. С. 7–34.

6. Там же. С. 9.
7. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 июля.
8. Уссурийский голос. 1914. 5 мая.
9. Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. 15 мая.
10. Иконникова Т. Я. Указ. соч. С. 53.
11. Приамурские ведомости. 1914. 4 ноября.
12. Памятная книжка Приморской области на 1915 год, – издание Приморского областного Статистического комитета, 1915 г. С. 107.
13. ГАХК. Ф. Р860. Оп. 2. Д. 68. Л. 53.
14. Там же.
15. Приамурский край. 1914. 8 авг.
16. Уссурийский край. 1914. 14 ноября.
17. Приамурский вестник. 1914. 2 авг.
18. Устюгова О. А. Указ. соч. С. 205.
19. Там же.
20. Уссурийский край. 1916. 17 июня.
21. Запрещение продажи водки в Приморской деревне (анкета) / Статистический отдел Приморского переселенческого района. Владивосток : Тип. Примор. обл. правления, 1915. С. 14.
22. Там же. С. 31.
23. ГАХК. Ф. Р860. Оп. 2. Д. 68. Л. 65.
24. Устюгова О. А. Указ. соч. С. 206.
25. Запрещение продажи водки в Приморской деревне (анкета)...
26. Там же. С. 3.
27. Там же. С. 11.
28. Устюгова О. А. Указ. соч.
29. Запрещение продажи водки в Приморской деревне (анкета)... С. 35–38.
30. Приамурский вестник. 1914. 6 авг.
31. Уссурийский край. 1915. 29 авг.
32. Устюгова О. А. Указ. соч.
33. Приамурский вестник. 1914. 8 авг.
34. Запрещение продажи водки в Приморской деревне (анкета)...
35. Там же.

Notes and References

1. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate* – The meeting of legalizations and orders of the government published at the Governing Senate. Petrograd. 1915. Dep. I, article 3543.
2. Bogdanov S. V. «P'yanaya» gorodskaya povsednevnost' vo vremya «suhogo zakona» (vtoraya polovina 1914–1915 god) [“Drunk” urban everyday life during the “dry law” (the second half of the year 1914–1915)] // estnik TGU. Ser. «Istoriya» – Herald of Tver State University. Ser. “History”. 2015, No. 2, pp. 4–23; Fadeev D. I. Mladshee oficerstvo Pervoj mirovoj vojny v tylu: Disciplinarnye narusheniya i social'nye konflikty (po materialam Kazanskoj i Simbirskoj gubernij) [Junior officers of the First World War: Disciplinary violations and social conflicts (on materials of Kazan and Simbirsk provinces) // Perspektivy nauki – Prospects of science. No. 9(60), 2014, pp. 51–55; Kazakovcev S. V. Vyatskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny: ehvoljuciya obshchestvennyh nastroenij [Vyatka province in the years of the First World War: the evolution of social attitudes] // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universitet – Proceedings of the Tomsk Polytechnic University. 2007, vol. 310, No. 3, pp. 184–188.
3. Ikonnikova T. YA. *Dal'nevostochnyj tyl Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Far East rear of Russia during the First World War]. Khabarovsk: Khabarovsk State Ped. Univ. 1999. Pp. 53–58.
4. Ustyugova O. A. *Kontrabandnaya torgovlya spirtnymi napitkami na Dal'nem Vostoke Rossii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny* [Illicit alcohol trade in the Far East of Russia before and during the First World War] // *Dal'nij Vostok Rossii i strany Vostochnoj Azii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny: sb. nauch. st.* – Russian Far East and East Asian countries before and during the First World War: collection of scientific works. Vladivostok. Publishing house “Ray”. 2016. Pp. 202–208.
5. Troickaya N. A. *Priamurskij kraj v gody Pervoj mirovoj vojny v dokumentah Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva Dal'nego Vostoka* [Amur region in the years of the First World War in documents of the Russian State Historical Archive of the Far East] // *Priamurskoe general'noe gubernatorstvo v gody Pervoj mirovoj vojny: shtrishi vremeni, golosa sovremenников: dokumenty i materialy* – Priamursk General governorship in the years of the First World War: the strokes of time, the voices of contemporaries: documents and materials. Vladivostok. RSIA FE. 2014. Pp. 7–34.
6. Ibid. P.9.
7. *Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti* – The Vladivostok eparchial sheets. 1914.15 July.
8. *Ussurijskij golos* – Ussuri voice. 1914. May 5.

9. *Vladivostokie eparhial'nye vedomosti* – Vladivostok diocesan bulletin. 1914. May 15.
10. *Ikonnikova T. YA. Op. cit. P. 53.*
11. *Priamurskie vedomosti* – Priamursk bulletin. 1914. 4 Nov.
12. *Pamyatnaya knizhka Primorskoy oblasti na 1915 god* – The memorable book of the Primorsky region in 1915, edition of the Primorsky regional Statistical Committee, 1915. P. 107.
13. SAHK. F. P860. Inv. 2. File 68. Sh. 53.
14. *Ibid.*
15. *Priamurskij kraj* – The Amur region. 1914. 8 Aug.
16. *Ussurijskij kraj* – The Ussuri region. 1914. 14 Nov.
17. *Priamurskij kraj* – The Amur region. 1914. 2 Aug.
18. *Ustyugova O. A. Op. cit. P. 205.*
19. *Ibid.*
20. *Ussurijskij kraj* – The Ussuri region. 1916. June 17.
21. *Zapreshchenie prodazhi vodki v Primorskoy derevne (anketa)* – The prohibition of vodka sales in the Primorsk village (questionnaire) / *Statisticheskij otdel Primorskogo pereselencheskogo rajona* – Statistical Department of the Primorsk colonization of the area. Vladivostok. Typ. Primor. reg. Board. 1915. P.14.
22. *Ibid. P. 31.*
23. SAHK. F. P860. Inv. 2. File 68. Sh. 65.
24. *Ustyugova O. A. Op. cit. P. 206.*
25. *Zapreshchenie prodazhi vodki v Primorskoy derevne (anketa)* – The prohibition of vodka sales in the Primorsk village (questionnaire)...
26. *Ibid. P.3.*
27. *Ibid. P.11.*
28. *Ustyugova O. A. Op. cit.*
29. *Zapreshchenie prodazhi vodki v Primorskoy derevne (anketa)* – The prohibition of vodka sales in the Seaside village (questionnaire)... Pp. 35-38.
30. *Priamurskij kraj* – The Amur region. 1914. 6 Aug.
31. *Ussurijskij kraj* – The Ussuri region. 1915. 29 Aug.
32. *Ustyugova O. A. Op. cit.*
33. *Priamurskij kraj* – The Amur region. 1914. 8 Aug.
34. *Zapreshchenie prodazhi vodki v Primorskoy derevne (anketa)* – The prohibition of vodka sales in the Primorsk village (questionnaire)...
35. *Ibid.*

Из истории города Агрыза Татарской АССР: разрушительный июньский пожар 1922 г.

Файзуллин С. А.

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела регионоведения и социокультурных исследований, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ. 420015, г. Казань, ул. Пушкина, 56. E-mail: stas1472580@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется пожар, случившийся в городе Агрызе Татарской АССР летом 1922 г. Автором на основе различных источников раскрывается непростое положение недавно созданного Агрызского кантона. Рассматриваются факторы, препятствовавшие качественному проведению мероприятий, необходимых для формирования и налаживания работы кантональных органов власти и управления. В работе анализируется состояние противопожарной службы города: ее материально-техническая оснащенность, средства доставки противопожарного инвентаря, действия брандмейстеров в сложившейся чрезвычайной ситуации. Прослеживается ход пожара и факторы, способствующие его быстрому и бурному развитию, а также причины возникновения и последствия разбушевавшейся огненной стихии. Примечательно, что в статье делается экскурс к аналогичной ситуации пятилетней давности, когда в Агрызе, при других обстоятельствах, также произошел сильный пожар, причинивший большой материальный ущерб жителям.

Ключевые слова: Татарская АССР, Агрызский кантон, Агрыз, голод, пожар.

From the history of the town of Agryz of Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic: destructive fire of June 1922

Faizullin S. A.

candidate of historical sciences, senior researcher of the Department of regional studies and socio-cultural research, Institute of the Tatar Encyclopaedia and regional studies of the Academy of Sciences of RT. 56 Pushkin str., 420015, Kazan. E-mail: stas1472580@yandex.ru

Abstract: The article investigates the fire that occurred in the city of Agryz of the Tatar ASSR in the summer of 1922. The author on the basis of various sources reveals the difficult position of the newly created Canton of Agryz. Discusses the factors hindering the quality of operations that is necessary for the formation and establishment of work kantennah authorities and management.

The work discusses the state fire service of the city: its material and technical equipment, means of delivery of fire-fighting equipment, and actions of the fire chief in this emergency. Shows the status of the fire and the factors contributing to its rapid and vigorous development, as well as the causes and consequences of the raging fire element.

It is noteworthy that in the article, the author adheres to a similar situation five years ago, when in Agryz, under other circumstances, as there was a large fire, causing extensive material damage to the residents.

Keywords: The Tatar ASSR, Aryz canton, Agryz, hunger, fire.

В декабре 1921 г. постановлением ЦИК ТАССР из пяти волостей Елабужского кантона был образован Агрызский кантон, а его центр Агрыз – преобразован в город. Но уже с первых дней существования кантона его руководству пришлось столкнуться с «недостатком помещений, людей, инвентаря, средств» [1], что сдерживало в кантоне проведение организационной работы. В результате административные работники и служащие первичного звена были вынуждены работать «в условиях довольно тяжелых» [2], а отсутствие служебного жилья препятствовало привлечению достаточного количества квалифицированных специалистов (агрономов, бухгалтеров, врачей, счетоводов).

Кроме того, Агрызский кантон не обошли стороной голод и эпидемия тифа, захлестнувшие всю республику. Вследствие этого весной 1922 г. в кантоне голодало 72% населения, а за период с 1 января по 1 марта того же года только от недоедания и болезни умерло 738 человек, в том числе от голодя – 558 человек, от тифа – 180 человек [3], а к 1 июня количество жертв составило 4 523 и 232 человека соответственно [4].

Таким образом, создание Агрызского кантона протекало в весьма непростой период, когда к различным объективным и субъективным трудностям добавились и социальные бедствия – голод и эпидемия. Кроме того, превратившись в одночасье из волостного центра в кантональный город, Агрыз испытывал большие сложности как с размещением присутственных мест, так и с жилыми помещениями для расквартирования новых работников.

Через полгода после учреждения кантона, 6 июня 1922 г. [5], его центру выпало новое тяжелое испытание – сильный пожар. Сигнал о полуденном возгорании, возникшем на северо-западной окраине города, примыкающей к железнодорожным путям, поступил брандмейстерам посредством паровозных гудков. Первоначально пожарными, дежурившими при пожарном сарае, к очагу возгорания были доставлены два бочечных хода и один пожарный насос. Оперативную переброску других находящихся там противопожарных средств осуществить не удалось вследствие отсутствия казарменного положения пожарных, на которое они отказывались переходить из-за «своих домашних крестьянских хозяйств» [6].

В дальнейшем собравшимися у пожарного сарая огнеборцами с использованием лошадей, в том числе сторонних, была осуществлена попытка доставить на пожар оставшиеся у них для борьбы с огнем средства: четыре насоса, три бочки на телегах, лестницы, багры, кирки, ведра. Однако в процессе следования, по причине отсутствия колесной смазки, у одного из бочковых ходов заклинило колесо, и его пришлось бросить на дороге, а один из насосов из-за сильных толчков и вовсе слетел с дороги, поскольку она «оказалась с большими и частыми неровностями» [7].

К таким досадным потерям в пути привело не только плохое техническое состояние дорожного полотна или спецтехники, но и слабая подготовка личного состава [8].

Запоздалое прибытие основной части пожарной команды при плохом состоянии инвентаря не позволило своевременно обуздать стихию на ранней стадии и минимизировать возможный ущерб. В пожарном отделе, однако, считали, что сдержать распространение огня не смогла бы «никакая спешность доставки противопожарного инвентаря» [9].

Между тем пожар, не взятый под контроль в самом начале, разгораясь, поглощал все новые и новые строения. Быстрому распространению огня способствовала и сухая погода, и сильный ветер, гнавший огненную полосу в одном направлении, а также плотная бесплановая застройка без прогалов. Успешно противостоять натиску стихии при нехватке насосов и иных средств пожаротушения, с имеющимися старыми истлевшими рукавами, из которых вода фонтанами била в разные стороны, пожарные не могли. Поэтому их усилия были сосредоточены на отстаивании домов, располагавшихся по бокам огненной полосы, для предотвращения ее расширения. С этой целью производился непрерывный полив водой строений, «которые могли воспламениться... от сильного жара» [10]. Доставка воды осуществлялась из речки и колодцев, оказавшихся «крайне неудобными и мелководными» [11].

Несмотря на то что в тушении пожара помимо двадцати одного брандмейстера были также задействованы члены временного революционного комитета, волостного исполнкома, сельского совета и комитета коммунистического союза молодежи, использовались силы двенадцати, в том числе пяти привлеченных со стороны, пожарных лошадей, было очевидно, что своими силами справиться со стихией не получится. Поэтому на помощь была вызвана противопожарная команда из Ижевска [12], прибывшая к месту чрезвычайного происшествия в пятнадцать часов и принявшая участие в тушении пожара только на его финальной стадии около паровой мельницы. Тем не менее ее вклад в победу над стихией оценивался как «особое условие, способствовавшее прекращению пожара» [13].

Завершился пожар «в 4–5 часов вечера, когда уже все разрушилось и обуглилось» [14]. Его итогом стала выгоревшая от одной стороны города до другой полоса, в конце которой удалось отстоять лишь каменную паровую мельницу. Всего огнем было уничтожено 134 дома, в том числе 126 деревянных жилых домов, что составило 18% от их общего количества; одна мечеть, 560 холодных построек и 74 бани. Совокупный ущерб от сгоревших строений был оценен в 190 150 рублей по курсу 1914 г. [15] Помимо имущества урон был также нанесен и огородам жителей, что в условиях голода могло усугубить их положение. Потеря домашнего скота зафиксировано не было, возможно, по причине малого его количества вследствие нехватки продовольствия. Кроме того, наряду с личными домами от огня пострадали здания, в которых располагались учреждения: кантональный продовольственный комитет, земельный отдел, семенная тройка, волостной исполнком, сельский совет, кантональный отдел здравоохранения, амбулатория, заготовительная контора и уголовный розыск [16]. Помимо этого огнем также были уничтожены склады кантземотдела и кантпродкома с маслом, мукой и другими товарами, оптовые склады при паро-

вой мельнице, сгорело около 700 пудов хлеба. Часть муки удалось спасти, сбросив ее в воду, впоследствии она была извлечена и просушена [17].

Таким образом, огненная стихия нанесла огромный ущерб и жителям, и государству, а также продовольственным запасам, хранившимся на Агрэзских складах, что в условиях голода могло иметь для населения кантона катастрофические последствия.

Исходя из того что население «было занято спасением своего имущества, а в тушении пожара участие принимали немногие» [18], это давало надежду на то, что люди в чрезвычайном происшествии не пострадали, поскольку при первичном осмотре места происшествия таковых обнаружено не было.

Хотелось бы отметить, что этот сильный пожар был не первым. Пять лет назад, 27 апреля 1917 г., по Агрэзу пронесся аналогичный огненный смерч, уничтоживший за два с половиной – три часа около 200 домов. Разбушевавшаяся стихия поглотила вещи, хлеб, скот и птицу у сотен жителей, у многих из которых из имущества осталось только то, что на них было одето [19].

В то же время нашлись и те, кто решил поживиться в этой трагической ситуации. Пока люди и животные метались в страхе и ужасе, мародеры растаскивали уцелевшие и представляющие ценность вещи [20]. В отличие от пожара 1922 г., дореволюционный, по имеющимся сведениям, имел криминальную подоплеку: поджог с целью ограбления. Накануне происшествия 26 апреля злоумышленниками была подожжена дверь почтово-телефонного отделения, но огонь вовремя заметили и потушили. На следующий день, вероятно, те же люди организовали пожар уже в нижних сенях организации. Мать начальника отделения, услышав странные звуки, выглянула в прихожую и, получив ожоги, подняла тревогу. Благодаря этому остальные служащие успели своевременно покинуть помещение, а начальнику отделения совместно с рабочим удалось выбросить шкаф с документами и деньгами в окно. Падая, шкаф получил повреждение, через которое часть денег высыпалась наружу и стала разноситься ветром и растаскиваться любителями легкой наживы. Однако начальнику отделения совместно с унтер-офицером при помощи наганов удалось отстоять кассу от расхищения, в результате чего она пострадала не более чем на 300 рублей, в то же время совокупный ущерб от пожара составил около миллиона рублей [21].

Таким образом, не смотря на то что злоумышленникам добиться поставленной цели – завладеть денежными средствами – не удалось, в то же время самому Агрэзу и его жителям от их преступных действий, совершенных общественно опасным способом, был причинен колоссальный материальный ущерб.

Возвращаясь же к событиям 1922 г., стоит отметить: несмотря на то что точную причину возгорания установить не удалось, криминальный след не вошел в число приоритетных вариантов. Наиболее вероятными считались две версии: первая – от искры проходящего мимо паровоза, на котором отсутствовали специальные сетки и приспособления для улавливания искр (особенно необходимые при использовании дров); вторая – от оставленного без присмотра самовара. Но какова бы ни была причина возникновения пожара, его разрушительные последствия были весьма велики и обусловлены следующими факторами:

- ✓ рассредоточенность и недостаточный профессионализм брандмейстеров;
- ✓ некомплектность личного состава (вместо 35 пожарных, предусмотренных штатным расписанием, на службе состоял только 21 человек);
- ✓ низкий уровень технической оснащенности: нехватка средств пожаротушения и их доставки (семь лошадей вместо положенных двенадцати);
- ✓ недостаток исправной пожарной техники;
- ✓ неудовлетворительное снабжение необходимыми материалами и, как следствие, ненадлежащий уход за техникой;
- ✓ плохие дороги;
- ✓ природные условия: сухая погода и сильный ветер.

Таким образом, произошедший в июне 1922 г. пожар, возникновению и распространению которого способствовала совокупная череда человеческих, природных и других факторов, показал невозможность городской противопожарной службы в ее существовавшем виде оперативно и эффективно противостоять серьезным огненным вызовам.

Разрушительный пожар и его последствия стали для местных жителей очередным серьезным испытанием, а для руководителей кантона – дополнительным весомым аргументом, подкрепляющим их позицию, выраженную незадолго до трагического события в обращении к руководству республики с просьбой о ликвидации Агрэзского кантона.

Примечания и список литературы

1. Агрызский кантон за первый год существования: 3-го дек. 1921 г. – 1 ноября 1922 г. Казань, 1922. С. 6.
2. Там же. С. 11.
3. Известия ТЦИК. 1922. 13 апр.
4. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 155. Л. 9.
5. По другим сведениям, пожар произошел 7 июня 1922 г. (Известия ТЦИК. 1922. 9 июня).
6. НА РТ. Ф. Р – 1641. Оп. 1. Д. 10. Л. 6 об.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. Л. 7.
12. По другим сведениям, дополнительная пожарная команда прибыла в Агрыз из Сарапула. (Известия ТЦИК. 1922. 9 июня).
13. НА РТ. Ф. Р-1641. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.
14. Там же. Л. 6 об.
15. Там же. Л. 6.
16. Там же.
17. Известия ТЦИК. 1922. 9 июня.
18. НАРТ. Ф. Р-1641. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.
19. Кама. 1917. 2 мая.
20. Кама. 1917. 3 мая.
21. Там же.

Notes and References

1. *Agryzskij kanton za pervyj god sushchestvovaniya: 3-go dek. 1921 g. – 1 noyabrya 1922 g.* – Agryz Canton during the first year of existence: 3 Dec. 1921 – 1 November 1922. Kazan. 1922. P. 6.
2. Ibid. P. 11.
3. *Izvestiya TCIK* – News of TCIK. 1922. 13 Apr.
4. The national archives of the Republic of Tatarstan (further NART). F. P-732. Inv. 1. File 155. Sh. 9.
5. According to other sources, the fire occurred on June 7, 1922 (Proceedings of TCIK. 1922. 9 June).
6. NART. F. P – 1641. Inv. 1. File 10. Sh. 6.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid. Sh. 7.
12. According to other sources, additional fire brigade arrived at Agryz from Sarapul. (News of TCIK. 1922. 9 June).
13. NART. F. P-1641. Inv. 1. File 10. Sh. 7.
14. Ibid. Sh. 6.
15. Ibid. Sh. 6.
16. Ibid.
17. *Izvestiya TCIK* – News of TCIK. 1922. June 9.
18. NART. F. P-1641. Inv. 1. File 10. Sh. 7.
19. *Kama* – Kama. 1917. May 2.
20. *Kama* – Kama. 1917. May 3.
21. Ibid.

Л. Д. Троцкий о мелкой промышленности на XII съезде РКП(б)

Бородулина Е. В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Тюменский государственный университет. 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10. E-mail: borodulina.e@list.ru

Аннотация: В статье проанализировано выступление Л. Д. Троцкого с докладом на XII съезде Российской коммунистической партии большевиков в апреле 1923 г. В центре внимания автора не только взгляды самого Льва Давыдовича на место и значение мелкой промышленности в экономике страны, на его оценку природы и основных тенденций социально-экономической эволюции кустарно-ремесленного производства начала 1920-х гг., на отношение к нему советской власти, но и развернувшаяся дискуссия по данному вопросу среди делегатов съезда. Отмечается, что в 1923 г. продолжали существовать альтернативные подходы к роли мелкой промышленности в развитии советской экономики, что единства в этом не было даже среди членов партии. Автор акцентирует внимание на ключевые предложения докладчика по перспективам развития мелкой промышленности и мелких промышленных производителей и делает вывод, что выступление Л. Д. Троцкого оказало заметное влияние на партийную аудиторию съезда.

Ключевые слова: Л. Д. Троцкий, XII съезд РКП(б), мелкая промышленность, новая экономическая политика, дискуссия.

Lev Trotsky about small industry at the XII Communist Party congress

Borodulina E. V.

candidate of historical sciences, associate professor, Department of Russian history, Tyumen State University.
10 Semakov str., 625003, Tyumen. E-mail: borodulina.e@list.ru2

Abstract: The speech of Leon Trotsky at the XII Communist Party congress that took place in 1923 has been analyzed. The author focuses its attention not only on the views of Leon Trotsky in relation to the role of small industry in the national economy, on his vision of the nature and primary trends of socioeconomic evolution of artisan industry in early twenties, on his attitude towards the Soviet rule, but also on the controversy in this regard that was initiated among congress delegates. It has been noted that alternative approaches towards the role of small industry in the development of the Soviet economy still existed in 1923, that there was no consensus in this regard even among the party members. The author focuses its attention on the key sentences of the speaker related to the development prospects of small industry and small manufacturers and concludes that the speech of Leon Trotsky had a marked impact on the party congress members.

Keywords: Leon Trotsky, XII Communist Party congress, small industry, new economic policy, controversy.

Действия советских властей в первые два года новой экономической политики отнюдь не свидетельствовали об их умении и готовности реалистически подходить к определению меры давления на капитализм в сфере мелкотоварного производства и, тем более, о желании считаться с интересами допущенных в мелкое предпринимательство частных собственников. Многочисленные случаи налогового давления на последних, ужесточение условий аренды, сурожные меры репрессивного характера даже за незначительные хищения и экономические промахи, откровенно негативная позиция конфликтных комиссий и третейских судов при решении трудовых споров между частниками и рабочими, показательные судебные процессы против «капиталистической эксплуатации» стали важными причинами того, что на рубеже 1922–1923 гг. в ряде отраслей мелкого и кустарно-ремесленного производства начался процесс уменьшения размеров частных промышленных заведений, фиктивной ликвидации некоторых из них, сокращения численности наемного персонала, прерывание договоров аренды. Мелкие предприниматели, укрываясь от государственного и профсоюзного контроля и налогообложения, нередко закрывали свои заведения и переходили к так называемому «квартирничеству», привлекая через раздаточные конторы труд неорганизованных в профсоюзы рабочих и членов их семей для переработки сырья и материалов на дому [1].

Вполне естественно, что подобные социально-экономические процессы, протекавшие в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности в условиях нэпа, обратили на себя обострен-

ное внимание делегатов проходившего в апреле 1923 г. XII съезда РКП(б). Тональность обсуждению этого вопроса была задана Л. Д. Троцким, выступившим на съезде по поручению ЦК партии с докладом о промышленности.

Оценка одним из выдающихся вождей большевистского ЦК роли и основных тенденций развития мелкой и кустарно-ремесленной промышленности к концу первого периода нэпа логически вытекала из его отличающихся ярко выраженным классовым подходом представлений о целях, содержании и перспективах новой экономической политики. Для Льва Давыдовича нэп, установленный партией «всерьез и надолго, но не навсегда» [2], – это, прежде всего, признанная законом арена борьбы пролетарского государства с частным капиталом, на каждом повороте которой советской власти следовало точно и своевременно определять, «кто от хозяйственного прироста больше получает... кто захватывает львиную долю?» [3]. Новая экономическая политика, по его мнению, нужна была лишь для того, чтобы «на ее основе и ее же методами победить ее». Именно поэтому, с одной стороны, необходимо грамотно и умело использовать действия законов рынка, опираться на эти законы, с другой – жестко контролировать их влияние на хозяйственную жизнь страны. Эту мысль докладчик в разных вариантах повторил четыре раза в ходе своего выступления. По его убеждению, при целенаправленной деятельности и соответствующем контроле рыночные механизмы можно и даже нужно временно использовать в государственном производстве, систематически расширяя при этом плановое начало. «В конечном итоге мы это плановое начало распространим на весь рынок, тем самым поглотив и уничтожив его» [4].

На новом, втором, этапе нэпа, когда уже «можно начать побеждать», необходимо сделать все, чтобы общее хозяйственное оживление продолжалось. Л. Д. Троцкий, в целом соглашаясь с ленинской концепцией нэпа по вопросам промышленности, так же, как и Владимир Ильич, подчеркивал приоритетность политики внимательного, умелого и настойчивого содействия дальнейшему развитию производительных сил; указывал на важность организации такого обмена между городом и деревней, который имел бы производственный, а не потребительский характер, приносил пользу пролетарскому государству; акцентировал особое внимание участников съезда на необходимости направления процесса экономического оживления «по государственному, социалистическому каналу» [5].

Противопоставив, в соответствии с одним из ведущих марксистских постулатов, новые социалистические методы хозяйствования (плановые, учетные, централизованные, кооперативные) старым (рыночным), которые следует использовать лишь постольку, поскольку они применимы для построения социалистического общества, и только пока они необходимы для его построения, Троцкий, по существу, точно так же противопоставил как носителей этих противоположных начал крупную и мелкую промышленность. Он особо подчеркнул, что основное внимание партии и государства должно быть сейчас сосредоточено на крупной национализированной индустрии, на укреплении ее непосредственной смычки с крестьянством. Указав при этом, что сам факт оживления мелкого и кустарно-ремесленного производства, промысловой кооперации на первом этапе нэпа – это факт огромного значения, так как именно на этой основе можно экономически развивать среднюю и крупную промышленность, вытеснить торговца-ростовщика и скупщика. В то же время он счел важным напомнить делегатам, что «ремесло и кустарничество... это тот питательный бульон, из которого в прошлом развивался наш капитализм» [6].

В условиях примитивности советской экономики, выражавшейся в потребительском характере обмена между городом и деревней, при несомненно большой (а в некоторых регионах, например, в Сибири – ведущей) роли мелкой и кустарно-ремесленной промышленности в обеспечении населения товарами первой необходимости, уже многим было очевидно, что хозяйственное оживление в начале нэпа пошло на пользу в основном торговому капиталу, мелкому производству, которые, в отличие от государственной промышленности, достаточно быстро начали работать с прибылью [7]. Однако коммунистов данная тенденция не пугала, они ее еще не успели полностью осознать. Именно поэтому Лев Давыдович привлек к ней особое внимание. Он заявил собравшимся, что и представители торгового капитала, и мелкие промышленники «если мы зазеваемся, пойдут навстречу друг другу», а это ухудшит положение не только пролетариата, но и кустарей и ремесленников. «Смычка» представителей торгового капитала и мелких товаропроизводителей, – предупредил докладчик, – «может оказаться целиком против нас». И заключил: «Если мы не сумеем овладеть этим процессом, то из него может вырасти опасный противник» [8].

Предложенная Троцким оценка природы и основных тенденций социально-экономического развития мелкой промышленности в первые годы нэпа и выдвинутое им положение о необходимости «овладеть» ею не опирались на анализ достаточно точных и представительных статистических данных, а были в значительной степени плодом абстрактного теоретизирования, но

звучали они по-марксистски ортодоксально и довольно убедительно, и, уже поэому, не вызвали принципиальных возражений на съезде, наоборот, были поддержаны большинством делегатов.

В центре же полемики оказались совершенно другие аспекты поставленной докладчиком проблемы – о сроках «овладения» мелкой промышленностью и способах такого «овладения», – тем более что сам Троцкий дал к тому повод, не предложив здесь каких-либо конкретных рецептов.

О том, что рассуждения Троцкого об «опасном противнике» были восприняты многими делегатами, независимо от подлинных намерений докладчика, как призыв к немедленным действиям, свидетельствовало выступление кандидата в члены ЦК и заместителя председателя ВСНХ И. Т. Смилги, упрекнувшего Льва Давыдовича за неправильное построение перспективы в этой области и заявившего, что такая неправильная перспектива может быть опасна большими негативными последствиями, если будет прямолинейно, бездумно применяться в большевистской практической политике. Смилга считал, что на данном этапе нэпа советская крупная промышленность будет, да и должна обрастать промышленностью мелкой и «только действуя через нее, мы будем устанавливать смычку с крестьянином». Что же касается поглощения мелкой промышленности крупной, то «это перспектива очень долгая» [9]. В своей дискуссии с Троцким Ивар Тенисович выразил точку зрения некоторых экономистов и позицию многих кооператоров, правда, достаточно мягко.

Еще более далеко идущим в этом отношении было заявление председателя ВСНХ (РСФСР) П. А. Богданова, подчеркнувшего в своем выступлении в прениях по докладу Троцкого, что преждевременно и даже вредно говорить о борьбе с нэпом, поскольку нэп сейчас – это спасение для советской экономики. Механизм взаимодействия различных общественно-экономических укладов в условиях новой экономической политики был кратко обрисован им следующим образом: «Кустарная промышленность, крестьянство и мелкий торговец дают государству те необходимые налоги, сборы, которые дают возможность построить здоровый финансовый бюджет и развивать государственную крупную промышленность, оплачивая ее продукцию, идущую для государства, а, с другой стороны, кустарь и мелкий промышленник в качестве потребителя металла и других изделий крупной промышленности способствуют ее развитию» [10]. Таким образом, оппонент Троцкого четко отстаивал позицию дальнейшего внедрения мер новой экономической политики, обращал внимание не столько Льва Давыдовича, сколько делегатов как на пассивную, так и на активную роль мелкотоварного производства в успешном росте крупного.

Предложенная Богдановым формула, будучи должным образом развитой, могла в перспективе претендовать на альтернативность преобладающей в РКП(б) идеи «преодоления нэпа», поскольку предполагала укрепление экономических основ пролетарской диктатуры не путем вытеснения несоциалистических укладов, а за счет сочетания различных форм собственности и поиска возможностей для гармонизации различных социальных интересов. В отличие от И. Т. Смилги, Петр Алексеевич уже более резко высказался по поводу основных положений доклада «О промышленности». Заявление не просто депутата (делегата) съезда партии, а председателя Высшего совета народного хозяйства РСФСР могло стать реальной возможностью хозяйственной эволюции советского государства.

Однако подобный подход оказался принципиально неприемлемым для российских коммунистов, ибо он в корне противоречил утверждившимся в партии представлениям о социалистическом обществе, их классовом миропонимании, стремлении построить социализм «чистый», не запятнанный какой-либо связью с предшествовавшим ему строем. Об этом как нельзя лучше напомнил тот же Троцкий, который, подводя итог обсуждению своего доклада, подверг Богданова жесткой критике: «Кустарь, крестьянин, торговец, государственная промышленность – все это, говорят нам, дополняет друг друга. Это теория всеобщей гармонии интересов в советском обществе. Прогрессивная теория, что и говорить, союз пролетариата с крестьянством есть бесспорная основа всего. Но не забудем, что из крестьянства вырастает кулак, а кулак нам уже не друг». То же самое он внушал присутствующим на съезде делегатам, говоря о торговце, о кустаре-частнике, о скупщике. «Формула Богданова слишком уж широка, – не без сарказма заключил Троцкий, подводя итог дискуссии. – Тут гармонии интересов не выйдет» [11].

Вместе с тем он категорически отклонил приписываемую ему некоторыми делегатами съезда недооценку кустарной промышленности: «Тот, кто выходит на эту трибуну и начинает доказывать, что факт развития кустарничества, его рост и оживление есть прогрессивный факт, и что я, дескать, напрасно выступаю против кустарничества, тот, я извиняюсь, либо не отдает себе отчета в основных элементах вопроса, либо почему-то считает возможным ломиться в открытую дверь» [12]. Лев Давыдович еще раз пояснил свое отношение к мелкому и кустарно-ремесленному производству, к его роли в экономике страны и месту в новой экономической политике.

Кроме того, Л. Д. Троцкий счел необходимым прояснить или, может быть, уточнить свою позицию относительно потенциальной опасности смычки частного торговца и кустаря, особо подчеркнув, что такая опасность становится реальной и неотвратимой только при недостаточном внимании большевистской партии и советской власти к вопросам экономики и управления, при отсутствии количественного и качественного роста государственной промышленности по сравнению с мелким и кустарно-ремесленным производством, при неспособности первой приспособляться к рынку, при ее дальнейшей работе в убыток, при ее исключительно экспенсивном пути развития. «Тогда, – продолжал он, – ...кустарь начнет попадать под влияние не нашей кооперации, не нами организованного государственного кредита, а под господство частного торгового капитала. А смычка торгового капитала, который у нас уже сейчас получает довольно широкое влияние, с кустарем-кулаком, который постепенно станет подчинять себе слабых кустарей, может во второй раз создать у нас истинно русский, почвенный капитализм». Но констатация этой опасности, которую статистически нельзя просчитать и учесть заранее, так как «она определяется динамикой, борьбой живых сил, и мы – главная сила в этой борьбе», по мнению Троцкого, вовсе не означала необходимости экономически и, тем более, политически «придавить» кустарей и ремесленников, отказаться как от государственной опеки над этой категорией производителей, так и от попытки превратить их в союзника пролетариата. «Такой вывод мог бы сделать только сумасшедший, – подчеркнул докладчик. – Но мы, – переходит он к позитивной части своих рассуждений, – не только не собираемся этого кустаря давить, – наоборот, будем, чем дальше, тем больше делать, со своей стороны, все, чтобы найти и с ним смычку через кооперацию и государственный кредит, чтобы и его, кустаря, постепенно и безболезненно вплести в государственную хозяйственную ткань» [13].

Вполне очевидно, что речь у Льва Давыдовича по-прежнему идет о непосредственной смычке государственной промышленности с мелкотоварным укладом в экономике через государственные или контролируемые государством экономические рычаги и хозяйствственные организации, но к крестьянским массам здесь добавляются массы кустарно-ремесленные при безусловном исключении кустаря-кулака, на которого предлагалось «больше нажимать», так же как и на крестьянина-кулака [14]. Тем не менее все предложенное докладчиком было в это время наиболее продвинутым толкованием перспектив развития кустарного производства и судьб мелких промышленных товаропроизводителей в условиях пролетарского государства, возможным в рамках концепции «победы над нэпом». Его выступление имело заметное влияние на партийную аудиторию и, несомненно, оказало воздействие на практическую политику советской власти в этой сфере экономики.

Подводя итог выступлению Л. Д. Троцкого на XII съезде РКП(б), хочется возразить доктору исторических наук А. А. Николаеву, увидевшему в этом выступлении Льва Давыдовича в качестве «идеолога и носителя антикустарной концепции» [15]. На наш взгляд, сам докладчик в апреле 1923 г. достаточно четко высказался по данному поводу.

Примечания и список литературы

1. Частный капитал в народном хозяйстве СССР : материалы комиссии ВСНХ СССР. М. ; Л. 1927. С. 237–238.
2. Двенадцатый съезд РКП(б) : стенографический отчет. М., 1968. С. 343.
3. Там же. С. 313.
4. Там же. С. 344.
5. Там же. С. 319.
6. Там же. С. 309–310, 313.
7. Частный капитал в народном хозяйстве СССР... С. 217–221, 227.
8. Двенадцатый съезд РКП(б)... С. 314, 317.
9. Там же. С. 354.
10. Там же. С. 360–361.
11. Там же. С. 404–405.
12. Там же. С. 400.
13. Там же. С. 401.
14. Там же.
15. Николаев А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 60.

Notes and References

1. *Chastnyj kapital v narodnom hozyajstve SSSR: materialy komissii VSNH SSSR* – Private capital in the national economy of the USSR: materials of the Commission of High Council of National Economy of the USSR. M.: L. 1927. Pp. 237–238.

2. *Dvenadcatyj s"ezd RKP(b):stenograficheskij otchet* – The twelfth Congress of the RCP(b): the verbatim report. M. 1968. P. 343.
3. Ibid. P. 313.
4. Ibid. P. 344.
5. Ibid. P. 319.
6. Ibid. Pp. 309-310, 313.
7. *Chastnyj kapital v narodnom hozyajstve SSSR...* - Private capital in the national economy of the USSR... Pp. 217-221, 227.
8. *Dvenadcatyj s"ezd RKP(b)...* – The twelfth Congress of the RCP(b)... P. 314, 317.
9. Ibid. P. 354.
10. Ibid. Pp. 360-361.
11. Ibid. Pp. 404-405.
12. Ibid. P. 400.
13. Ibid. P. 401.
14. Ibid.
15. *Nikolaev A. A. Melkaya promyshlennost' i kustarnye promysly Sibiri v sovetskoy kooperativnoj sisteme (1920 – середина 1930#h gg.):dis. ... d-ra ist. nauk* [Small-scale industry and crafts of Siberia in the Soviet cooperative system (1920 – mid 1930 ies): dis. ... dr. hist. sciences]. Novosibirsk. 2000. P. 60.

Завод в жизненном мире советских инженеров

Колчанова Ю. С.

старший преподаватель кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18. E-mail: jukolchanova@gmail.com

Аннотация: В статье на основании культурологической концепции жизненного мира произведена реконструкция ценностных ориентиров советских инженеров первого поколения. Главное внимание уделено статусу завода в системе ценностей, сложившейся в процессе трудовых и потребительских практик. Делается вывод, что социалистическое предприятие представляло для технических специалистов новой формации освоенный, принятый, значимый, требовательный, незаменимый и позитивно наполненный социокультурный космос. В нем можно обнаружить локус повседневности, за границами которого был внешний мир, менее благоустроенный, в чем-то опасный, существующий по своим законам. В этот локус повседневности входили не только собственно заводская территория, но и другие места, созданные заводом и к нему административно относящиеся: поселок, дачи, магазины, клубы, даже особняк директора.

Ключевые слова: жизненный мир, советские инженеры, социалистический завод, ценности, повседневность.

The plant in the life world of the Soviet engineers

Kolchanova Yu. P.

senior lecturer of the Department of culturology and philosophy, Perm State Institute of Culture. 18 Newspaper "Zvezda" str., 614000, Perm. E-mail: jukolchanova@gmail.com

Abstract: In the article, based on the culturological conception of the lifeworld, the value orientations of soviet engineers of the first generation were reconstructed. The main attention is paid to the status of the plant in the system of values that has developed in the process of labor and consumer practices. It is concluded that the socialist enterprise represented for the technical specialists of the new formation a mastered, accepted, significant, demanding, indispensable and positively filled socio-cultural space. In it you can find the locus of everyday life, outside of which there was the outside world, less comfortable, somewhat dangerous, existing in accordance with its laws. This locus of everyday life included not only the factory territory itself, but also other places created by the plant and administratively related to it: shops, clubs, cottages, even the director's cottage.

Ключевые слова: the life of the world, Soviet engineers, a socialist plant, values, everyday life.

В годы первых пятилеток Пермь не была еще современным индустриальным городом с преобладающей культурой modernity. Город был достаточно традиционен и продолжал сохранять слободскую культуру мастеровых. «Если спросить, что особенного в Перми, всякий скажет – пьянство. Ни в одном городе нет так много пьяных, как у нас в Перми, в том числе и на заводе № 19. Это сплошное бедствие. Но ведь это не в природе жителей и не в крови рабочих завода № 19. Тут нужно направить их на путь культурного отдыха, дать этот культурный отдых <...> Есть еще поразительные вещи – это воспитание малых детей. Они такие специалисты в матерных выражениях, что, пожалуй, взрослый покраснеет. Выкидывают такие хулиганства, что у отъявленных хулиганов не увидишь» [1].

Под стать городу был самый старый мотовилихинский завод, числившийся в ведомственных реестрах под номером 172. В нем не было даже собственного водопровода, и воду в горячие цеха в ведрах приносили женщины на коромыслах [2]. В пояснительной записке директора завода А. Я. Кустова читаем: «Мотовилихинский завод в нынешнем своем состоянии не является той базой крупного машиностроения, какой по существу Мотовилиха должна быть.

Завод, благодаря вредительской работе, чрезвычайной медлительности развития, отсутствию продуманных, ясных перспектив походит скорей на развалившийся гигант, нежели на образцовый военный завод <...>

Помимо этого такого положения, объясняется неудовлетворительным техническим состоянием завода, недостроенностью ряда цехов, плохим техническим руководством, а во вторых, тем, что на Мотовилихе больше, чем где бы то ни было, сохранились традиция и дух старого казенного, бюрократического завода, буквально, персидская медленность в работе и проч.» [3] Итак, завод без инфраструктуры и современных технологий, в работе которого сохранялась

«персидская медлительность», находился в таком состоянии, что его проще было закрыть, чем модернизировать. Поэтому планировалось на «мотовилихинском заводе новое строительство не начинать, что этот завод должен доработать себя и стать, а изготовление артсистем будет перенесено на другие заводы» [4].

По мнению В. Шабалина, ситуация на орудийном заводе поменялась после назначения директором Петра Константиновича Премудрова. Он смог к середине 1930-х гг. модернизировать предприятие. Рядом с заводом был построен Рабочий поселок с невысокими кирпичными домами, отапливаемыми дровами [5].

Сам же Премудров совсем по-другому оценивал возможности молотовского завода, объясняя на одном из партсобраний заводоуправления в 1937 г.: «...в 1930 г. меня направили на Мотовилихинский завод. На этот завод мне идти не хотелось, так как мне хотелось закончить промакадемию, но по настоянию Кагановича пришлось выехать. <...> По ознакомлению с заводом я поставил вопрос перед Будняком (Д. С. Будняк – в 1930 г. начальник Всесоюзного орудийно-арсенального объединения. – Ю. К.) о необходимости реконструкции завода. Завод программы не выполнял и находился в запущенном состоянии, обслуживался исключительно конным транспортом. Я обратился к Смилге, но он тоже стоял на точке зрения, что Мотовилиху нужно закрыть. Благодаря моему настоянию, комиссия была создана, которая пришла к заключению, что Мотовилиху можно реконструировать. Финансирование было неправильное. На зимние месяцы отпускалось больше средств, чем на летние. Я обращался к т. Орджоникидзе, но в Главке было убеждение, что реконструкцию завода делать не следует и на окончание объектов денег не отпускали» [6].

Тем не менее завод № 172 не стал современным заводом к концу 1930-х гг. В архивных документах содержится описание завода во времена третьей пятилетки: «На заводе (№ 172 им. Молотова. – Ю. К.) и в организациях города подбор работников проводился по деляческому артельно-семейному принципу. Забор, ограждающий завод, находится в ветхом состоянии. Восточная сторона этого забора, ограждающая складское хозяйство, в шести местах на протяжении около 400 метров, упала» [7].

«В результате проверки бытовых условий рабочих завода № 172 им. Молотова и рабочих Управления капитального строительства /УКС/, проживающих в бараках на 15-м участке Молотовского района, установлено следующее: в бараках № 12 и № 35 грязь, холодно, неуютно, окна разбиты, сыро, темно, много клопов, тараканов и даже вшей. На кроватях белье грязное и пришедшее почти в негодность. В бараках Жилкомхоза в одной комнате живет по девять семей, ни заборок, ни ширм в комнатах нет, живут все вместе – мужчины, женщины и дети. Никто условиями быта рабочих, живущих в этом бараке, не интересовался» [8].

На этом заводе в 1930-е гг. производили паровые экскаваторы, электрические драги и 152-мм пушку А-19 (разрабатывалась на основе германской гаубицы), которая стала «основной продукцией завода в 1936 г.» [9].

В 1930 г. на южной окраине Перми началось строительство нового завода № 19, предназначенногодля производства современных моторов для истребительной и штурмовой авиации. В отличие от завода № 172 это предприятие создавалось как современное, с новейшими технологиями, рационально организованное, с рабочими, одетыми в белые халаты, и цветами в цехах [10]. «На заводе работа четко организована. Каждый руководитель имеет определенный круг прав и обязанностей. Каждый цех поделен на участки. На каждом участке – законченный цикл производства деталей данного узла. Начальник участка отвечает за количество и качество детали – нет места... “незавершенке”. В основных цехах введена должность главного инженера цеха, освобожденного от административной работы и сосредоточенного только на технических проблемах» [11]. Это предприятие отличалось не только современными заводскими порядками и нравами (белыми халатами, дисциплиной и рационально организованным производством), но и наличием новых американских технологий: станки и детали для лицензионных авиамоторов «Кертис-Райт». В 1937 г. на заводе № 19 запустили конвейер, по словам директора завода И. И. Побережского, «это большое достижение, в мире нет сборки конвейером (имеется в виду сборка авиадвигателей. – Ю. К.)» [12].

Завод – это не только производственные площади: цеха, склады, административные здания, дворы. Это еще и руководство. В советской системе управления хозяйством в 1930-х гг. господствовал принцип единоличия. Иначе говоря, директору завода принадлежала вся полнота власти. Типичным можно считать следующее высказывание директора № 172 П. К. Премудрова:

«Мне говорят, что я здесь был диктатором. Это неправда. Теперь единоличие, и эту линию я проводил для пользы завода. Директор должен пользоваться авторитетом, а на таком за-

воде должен быть авторитетный директор. Считаю: я твердый начальник и держал себя как директор крупного завода» [13].

Директор завода № 19 И. И. Побережский повторял: «Я создал завод, и этого у меня не отнять» [14]. Сами инженеры наделяли директора лидерскими качествами авторитетного руководителя завода, который мог быть, в зависимости от ситуации, как авторитарным диктатором, так и демократичным патроном, поступающим по принципу «первый среди равных». Главный технолог завода № 19 Ш. И. Брискин [15] показывал на допросе: «В конце апреля 1934 года Побережский приехал в Пермь и вступил в свою новую должность. В вечер этого же дня он пришел в Центральную гостиницу, третий этаж которой занимали в это время ответственные работники завода № 19, командированные на работу из Москвы. Он обошел весь этаж, посмотрел, как мы устроились, затем собрал нас в моем номере и побеседовал по-дружески о том, что нужно сделать, чтобы присланные из Москвы работники чувствовали себя на заводе № 19 хорошо. Впечатление от первой дружеской встречи на заводе было очень хорошее. Несколько раз он приглашал старших работников завода вечером к себе на квартиру и вел себя запросто, как старший товарищ. На заводе работа с ним проходила очень хорошо, он предоставил мне полную самостоятельность и оказывал решительную поддержку» [16].

Несмотря на то что инженеры завода имели право обращаться с просьбами и предложениями к руководителю предприятия, последнее и решающее слово все равно оставалось за директором. Ш. И. Брискин в своих показаниях рассказывал: «Особо я хочу отметить один случай. В Технологический отдел, начальником которого я был, поступили в числе прочих два молодых инженера Шендерович [17] и Зорохович [18]. После испытания я назначил их на должности технологов с окладами жалованья, соответствующими их квалификации в отношении других работников Отдела. Оба остались недовольны предоставленной им ролью в работе и окладом. Особо недоволен стал инженер Шендерович, когда при намечении кандидатов для поездки в Америку по использованию технической помощи я для изучения обработки деталей из алюминиевых сплавов выставил не его кандидатуру, а молодого инженера Пономаренко, проявившего себя значительно лучшим работником. Инженер Шендерович организовал вокруг себя группу недовольных и стал всеми доступными ему способами вести против меня самую ожесточенную борьбу <...> Тогда я обратился в устной и письменной форме к Побережскому с предложением для пользы дела убрать немедленно из Отдела и с завода инженера Шендеровича и его ближайшего друга и помощника Зороховича. Побережский тогда полностью со мной согласился и, несмотря на то что инженер Шендерович играл роль партийного активиста и очень энергично боролся, он был убран с завода вместе со своим другом в кратчайший срок с соответствующей квалификацией своего поведения. Этот случай с совершенной убедительностью показал мне, что Побережский действительно сильный и решительный человек и что на его слово и его помощь можно положиться» [19]. Патерналистский принцип социальной организации на заводе отпечатался в жизненном мире инженеров заводов № 19 и № 172. Рассмотрим, какое место занимал завод в их представлениях о мире, восприятии действительности и в их повседневных практиках.

Для инженеров завод был освоенным местом в пространстве их жизненного мира. На заводе (в конструкторском бюро или в цехах) они много работали, реализуя себя как профессионалы инженерного дела. Посмотрим на характеристику инженера завода № 19 Д. А. Полисицкого [20]: «Полисицкий вел конструкторскую работу, за время работы в конструкторском бюро сконструировал два агрегата моторов, которые в настоящее время пускаются в производство. К работе относится внимательно и добросовестно. Работал над повышением своей квалификации. При проверке результатов его работы каких-либо ошибок не установлено» [21].

Сами инженеры придавали своей работе большую значимость. Конструктор Ф. Ф. Петров, усовершенствовавший гаубицу А-19, в своем заявлении объяснял: «На вверенном Вам заводе (заводе № 172. – Ю. К.) работаю уже пятый год (поступил в 1931 г.). Все время работал активно без бюрократизма, формальности и всякого рисования и подслуживания для личной выгоды. Так было, когда руководил особо ответственным производственным участком НМ, неся на своих плечах тяжесть трудности освоения, не жалея ни сил, ни здоровья, забывая семью, когда часто я по трое суток буквально не выходил из ворот завода. Точно так же я работаю в БЭЧ (Боевая эксплуатационная часть. – Ю. К.), оказывая помощь цехам по освоению новой технологии» [22]. Так формировалось у них представление о собственной миссии и незаменимости. По мнению инженера С. Л. Ананьева [23], он на работе совершал «прорывы»: «В конце 1934 года я был назначен приказом директора завода Премудрова Петра Константиновича, начальником механического цеха № 2, вместо уволенного с завода Дубовского. До этого я работал начальником машиностроительного производства. Таким образом, указанное назначение было очередным бросанием

меня на ликвидацию прорыва (перед этим бросали меня на ликвидацию прорывов в механический цех № 2, 5, 3)» [24].

В жизненном мире инженеров труд был ценностью. Поэтому неудивительно, что они оставались на заводе на несколько суток или приезжали в цех по первому вызову, даже в ночное время. Один из рабочих завода № 19 рассказывал следователю: «В январе 1937 года число я точно не помню, я был дежурным по заводу. Около часа ночи мне из Городской Гостиницы [25] позвонил Ершов [26] по телефону и по просил машину, чтобы приехать на завод. Ершов тогда работал заместителем начальника цеха по испытанию моторов. По просьбе Ершова машину я ему предоставил, и он приехал на завод и прошел в цех испытания моторов» [27].

Инженеры первых пятилеток создавали новые артиллерийские системы и авиамоторы, осуществляя «прорывы». Они использовали для этого не только вузовское знание, но и американские научно-технические достижения и германский опыт. Многие технические специалисты в 1930-е гг. ездили в заграничные командировки, чаще всего в Америку. Главный технолог завода № 19 Ш. И. Брискин в собственоручных показаниях рассказывал о своей командировке в Соединенные Штаты: «Я получил распоряжение Побережского приготовиться к немедленному выезду в Америку, в командировку для реализации заказов на импортное оборудование и инструмент <...> Командируя меня в Америку, Побережский предоставил мне право самостоятельно разрешить все вопросы, связанные с выбором и заказом оборудования и инструмента, определением типов и количества, запрашивая его только в тех случаях, когда я сам считаю нужным запросить его мнение. В выборе я должен был руководствоваться практикой фирмы Райт в аналогичных вопросах» [28]. О поездке в Америку и об американской технологии, применяемой для производства авиамоторов на заводе № 19, объяснял инженер Г. И. Старченко в своей апелляции о восстановлении в партии: «За период 1930–1934 гг. я был трижды командирован по решению ЦК ВКП (б) в Америку и руководил там всей оперативной работой по реализации одной из самых успешных – инотехпомощи по фирме “Кертисс-Райт” (мотор циклон – М-25 [29]). Будучи за границей, я систематически изучал вопросы специализации авиамоторного производства и, в частности, область специального оборудования для нее. <...> Сознание ответственности за порученное мне важнейшее оборонное дело и углубленный технический интерес к нему – определяли всю мою настойчивость большевика в трудном деле внедрения новой для нас технической культуры» [30].

Если завод для советских инженеров – это место, где конструировались их профессиональный и социальный статусы, то вполне объяснимо, почему они дорожили своей работой и, можно сказать, держались за завод, проводя на нем большую часть своего времени. Уход с предприятия – это всегда вынужденная мера, это увольнение, при этом не по собственному желанию. Как «убиравли» с завода, можно рассмотреть на примере увольнения инженеров Шендеровича и Зорюховича с завода № 19. Решение «убрать» тогда было принято директором завода Побережским, от которого, действительно, зависело, будет работать тот или иной специалист на заводе или нет. Бывший председатель завкома на заводе № 19 Б. Н. Моргунов жаловался на партийном собрании: «Директор завода мне заявил: “Пока я директор завода, твоей ноги не будет в этом заводе”» [31].

Увольнение с предприятия союзного значения означало для специалиста, тем более молодого, утрату политического или профессионального доверия. Он вряд ли мог рассчитывать на равнозначную работу в том же самом главке наркомата тяжелой промышленности. Это наносило ущерб репутации, ставило под сомнение его пригодность как технического специалиста. Инженер А. Б. Винокуров [32], боясь своего скорого увольнения с завода, написал в письме: «Ведь я еще молодой человек и молодой инженер, который по существу только вступает в активную жизнь, и если я не так быстро разобрался во всей сложной обстановке на заводе в результате недостаточной опытности в наглядной борьбе с врагами, неужели я заслужил такой жесткой кары, как политическую смерть, и я осужден буду жить отверженным обывателем. Сейчас исключили из партии, а на днях, наверно, уволят с завода, и я, авиационный инженер, вынужден буду ходить искать работы или, возможно, придется переквалифицироваться, ведь моя профессия сугубо специальная...» [33].

Прикрепление инженеров первых пятилеток к заводу гарантировало не только высокий статус в ранжированном советском обществе, где инженер – это не просто технический специалист, это всегда инженер на заводе, но и их обеспеченность определенными материальными благами: жильем (отдельной квартирой или комнатой в доме специалистов, может быть, дачей), автомобилем (в случае премирования за хорошую работу), современной техникой, купленной в Союзе или привезенной из заграничных командировок (радиолами, патефонами, фотоаппаратами). А увольнение с завода означало возможную потерю статуса и соответствующих ему благ, например жилья.

Обратимся к объяснительной записке инженера А. Г. Баранова [34]. Несколько слов о возникновении этой записи. Баранов написал ее после того как его исключили из партии в августе 1936 г. за двурушничество, как «не разоружившегося троцкиста». Его двурушничество заключалось в том, что он не захотел поверить в виновность («троцкизм») товарища по работе, начальника участка № 4 цеха № 3 завода № 19 Г. И. Сапожникова [35], и продолжал поддерживать отношения с ним и его семьей. После исключения из партии у инженера потребовали объяснительную записку, в которой он должен был рассказать про свои отношения с Сапожниковым. Нам эта объяснительная интересна прежде всего тем, что в ней раскрываются последствия увольнения с завода. Прочитаем внимательно этот документ: «В тот период я не был вполне убежден, что Сапожников действительно троцкист; кроме того, мне было жаль его семьи (жена, сын и дочь), которых я считаю и по сей день абсолютно неповинными в этом деле. Поэтому я не порвал с ним личного знакомства и за это время виделся с ним 3 раза; 1 раз я с женой были у него (в присутствии еще некоторых) около 1-1,5 часов и один раз он со своей женой, и я со своей совместно посетили кино. Исходил я исключительно из желания подбодрить его семью, крайне убитую и ожидающую худшего. <...> Две недели назад его сын с вещами пришел ко мне на дачу и заявил, что его выселили из квартиры отца, просил, чтобы я разрешил до моего возвращения с дачи жить у меня. Я дал разрешение, и он вселился в мою квартиру» [36].

В этом документе нас интересуют факты, свидетельствующие о том, как поступали с членами семьи работников, уволенных с завода. Получается, что их немедленно выселяли из жилья. Последствием увольнения с завода было не только выселение из квартиры, но и потеря регулярного семейного дохода, что грозило дальнейшим нищенским существованием. Читаем в письме жены А. Б. Винокурова (В. Гендиной) на имя следователя: «Очень прошу Вас т. Следователь вникнуть глубже в дело по обвинению Винокурова А. Б. <...> Бедная нищенская семья, ему одному из всей семьи с трудом пришлось окончить институт. И вдруг теперь гады, перестраховщики, желая выгородить свою вражескую шкуру, перевалили свою вину на несчастного студента, который еще не успел одеть пару целых подштанников. Во мне кипит кровь как советская гражданка как мать двух маленьких крошек, которым т. Stalin уделяет не мало внимания детям. <...> Они у меня сейчас заболели. В ясли я их устроить не могу. Я уже продала свое последнее тряпье» [37]. Из этого письма становится понятно, что для выходцев из бедной среды высшее техническое образование и работа на предприятии были условиями для конструирования более высокого социального и профессионального статусов, чем у их родителей. Поэтому для них не существовало жизни вне завода. Увольнение означало потерю всего: статуса, жилья, заработка и того круга социальных связей, которые сформировались внутри заводской жизни.

У многих московских специалистов, работающих на пермских заводах, существовали брони на квартиру в столице. Но сохранение московского жилья за тем или иным инженером зависело от директора завода, обладавшего исключительным правом продлевать или нет срок действия этой брони. Как, например, в случае с инженером А. Г. Барановым. Он обратился к директору завода № 19, на котором работал, с просьбой восстановить броню. И. И. Побережский распорядился возобновить действие брони на квартиру [38]. А вот инженеру завода № 172 Ф. Ф. Петрову директор молотовского предприятия не захотел сохранить броню. Об этом читаем в заявлении инженера: «Имея броню на принадлежащую мне в г. Москве жилплощадь (которая перестала существовать лишь последние полтора года), я не разу не обращался, вернее по совести не считал себя в праве обратиться к Вам или Вашим помощникам об увольнении меня с завода...» [39]

Это заявление интересно еще и тем, что в нем автор использует риторику, совпадающую с представлениями инженеров о правильном заводском поведении. На основе заявления Ф. Ф. Петрова можно реконструировать эти нормы, которые формировались под воздействием официального дискурса (постановлениями партийных организаций, произведениями соцреалистической художественной литературой). Читаем в заявлении: «При частых откреплениях от столовых, моя фамилия больше находилась в списке пропущенных, не попавших в число вновь прикрепленных, и когда в последний раз меня открепили, вернее, не прикрепили в числе других работников БЭЧ к гостинице, я, пожалуй с облегчением вздохнул, довольно клянчить, кончились мытарства, готовь дома обеды, хотя при этих условиях требуется приходить домой пораньше помочь жене, так как ей одной при наличии ребенка не справиться, в то же время производство требует присутствия, как хочешь так и выкручивайся. Правда, на тесноту в квартире я не жалуюсь, но и здесь не обошлось, грубо выражаясь, без издевательства. Когда я стал претендовать на вторую освободившуюся комнату рядом со мной, то ее работники Жилкомхоза 5-6 месяцев держали пустой, пока после долгих мытарств и кажется только после Вашего вмешательства наконец дали. Но зато пол перебрать и покрасить, произвести лучшую побелку, не говоря уже о ванне (ванная ком-

ната имеется), не знаю в каком году Жилкомхоз собирается делать, так как в 1935 г. это не удалось сделать, хотя я и обращался к Жилкомхозу не менее 15 раз. Отсюда видно, что не личная выгода меня держала здесь, нет, исключительно сознание обязанности работать там, где это необходимо, для выгоды нашего соц. хозяйства, заставляло оставаться на заводе, когда поступившие одновременно со мною, наполовину от всего числа покинули завод» [40]. Петров осуждает рвачество и мещанство как поведение, не соответствующее эйдосу советского инженера. Он работает на заводе не ради денег или лучших условий быта, а ради строительства нового социалистического мира.

В структуре жизненного мира советских инженеров завод был таким местом, где они себя реализовывали, конструировали свой статус и получали доступ к материальным благам. Но его значимость этим не ограничивалась. Завод – это еще и хорошо освоенное пространство, где формировались их личные связи и отношения с коллегами по цеху или конструкторскому бюро, с друзьями и недругами, с директором предприятия и рабочими.

Вернемся к записке А. Г. Баранова, в которой автор объяснил, почему он не прервал свои отношения с «троцкистом» Сапожниковым и не прекратил поддерживать его семью. Очевидно, что, поступая таким образом, инженер Баранов рисковал собой: членством в партии, своим положением на заводе и, в итоге, собственной жизнью. Но, несмотря на это, он отказывался верить в «троцкизм» своего товарища по заводу, которого знал как отличного работника и хорошего человека. На вопрос, почему он не согласен с решением партийной организации о «троцкизме» Сапожникова, Баранов ответил: «Я привык истолковывать всякое сомнение в пользу подсудимого; в данном случае я не имею абсолютной уверенности. <...> Не может партия приказывать мне думать или верить, а может требовать, чтобы я правдиво сообщил ей, что думаю. В случае, если мои мысли антипартийные, меня могут переубеждать и по неисправимости исключить меня» [41].

А. Г. Баранов знал Сапожникова уже давно, со времени их совместной работы на заводе № 24 [42]. Они вместе работали, но еще и дружили: устраивали совместные семейные вечеринки, ходили в кино, одолживали друг у друга патефон [43]. Для инженера Баранова эта дружба была важнее, чем партийные постановления, принуждающие его признать хорошо знакомого товарища врагом. В его жизненном мире все друзья – это друзья на заводе, на котором они проводят практически всю свою жизнь.

Сюжет с Сапожниковым не единственный случай проявления инженером Барановым солидарности с товарищами по заводу, противоречащей официальным установкам партийной организации. Речь идет об исключении из партии и снятии с должности главного металлурга завода № 19 в 1934 г. З. А. Радина [44]. «Сомнение в правильности решения партийной организации завода № 19 при исключении в конце 1934-го или начале 1935-го года из партии Радина имело у меня место. Мне казалось, что исключение из партии Радина было недостаточно обосновано и что человек просто оговорился» [45]. Это решение парторганизации было непонятным и другим работникам завода, которые в знак поддержки собирались уйти с завода, заявляя: «...партийная организация загнула. <...> Радин – прекрасный работник...» [46].

Таким образом, завод представлял для инженеров первых пятилеток освоенный космос: понятный, требовательный, незаменимый. В нем можно обнаружить локус повседневности, за границами которого был внешний мир, менее благоустроенный, в чем-то опасный, существующий по своим законам. В этот локус повседневности входили не только собственно заводская территория, но и другие места, созданные заводом и к нему административно относящиеся: поселок, дачи, магазины ОРС, клубы, даже особняк директора.

Примечания и список литературы

1. Из стенографического отчета прений на I-ой партийной конференции Стальнского района 25.05.1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 1. Л. 193.
2. См.: Шабалин В. Спаситель Мотовилихи. О директоре завода им. Молотова Петре Константиновиче Премудрове // Ретроспектива. Историко-архивный журнал. 2012. № 1. С. 5.
3. Выписка из соображений бывшего директора завода № 172 тов. Кустова. 16.02.1930 // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1. Л. 103, 103об, 105об.
4. Протокол № 14 общего закрытого партсобрания завоудупрления от 8 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 63об.
5. Шабалин В. Спаситель Мотовилихи... С. 5.
6. Протокол № 14 общего закрытого партсобрания завоудупрления от 8 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 63об.
7. Информация о состоянии охраны оборонных предприятий в городе Молотово, Молотовской области. 26.06.1941 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 62. Л. 102–103.
8. Ветлугин – Паньшину. 29.05.1941 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 69. Л. 118–118об.

9. Выписка из чернового отчета о работе молотовского горкома ВКП (б) В городской партийной конференции. Май 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 49.

10. *Лейбович О. Л.* Охота на красного директора : монография. Пермь : ИЦ «Титул», 2017. С. 71.

11. Цит. по: *Мухин М. Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М. : Наука, 2006. С. 133.

12. Стенограмма заседания VIII Пленума Городского комитета ВКП (б). Т. 1. 25–26 марта 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1352. Л. 136.

13. Протокол № 14 общего закрытого партсобрания завоудуправления от 8 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 65об.

14. Дубов – Сталину. Машинопись. 1938. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 35. Л. 93.

15. Шулим Исаакович Брискин (1897–1952) – родом из г. Белая Церковь Киевской области, из мещан. В годы Гражданской войны служил в РККА, был произведен в красные командиры, участвовал в Польской кампании. После службы в армии учился в Киевском политехническом институте. Учебу в институте совмещал с работой конструктора на Киевском механическом артиллерийском заводе «Красный арсенал». После получения диплома в 1925 г. перешел на завод в Ижевск, где работал начальником конструкторского бюро. С 1927 по 1933 г. работал начальником технологического отдела на авиамоторном заводе № 26. С 1933 г. до момента ареста в ноябре 1938 г. Шулим Брискин работал главным технологом завода № 19. Летом 1940 г. был приговорен по ст. 58-11 к пяти годам ИТЛ. В 1943 г. был освобожден из Севжелдорлага. См.: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Т. 1. Л. 368.

16. Собственноручные показания Ш. И. Брискина. 16 ноября 1938 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Т. 1. Л. 26.

17. Исаак Наумович Шендерович (1901-?) – родом из местечка Щедрино Бобруйского уезда Майской губернии. С высшим техническим образованием. Партийный. С февраля по май 1934 г. работал на заводе № 19 старшим инженером-технологом. После увольнения с завода № 19 работал начальником цеха на авиастроительном заводе № 16 в Воронеже. См.: Протокол допроса свидетеля. // ПермГАСПИ. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Т. 3. Л. 128.

18. Александр Абрамович Зорохович (1905-1990) – инженер-механик, выходец из г. Прилуки Полтавской губернии. В 1926 г. после демобилизации из Красной армии вступил в партию. Закончил Московский авиационный институт в 1932 г. В 1934 г. работал инженером-технологом на заводе № 19. После увольнения с завода был направлен Глававиапромом на работу в Рыбинский авиационный институт в должности доцента кафедры «Производство авиадвигателей». В 1936 г. защитил кандидатскую диссертацию. В феврале 1948 г. был арестован и приговорен решением ОСО МГБ на 10 лет ИТЛ. Несколько месяцев находился в Интлаге (КомиАССР). В январе 1949 г. был переведен на работу в подмосковный секретный НИИ-2МГБ («шарашку»). Работал в конструкторском отделе над созданием секретной телефонной связи для Сталина. Здесь он познакомился с заключенными Л. З. Копелевым, А. И. Солженицыным, И. Я. Кривошеиным. В 1956 г. А. А. Зорохович был освобожден и реабилитирован, после чего продолжал работать в НИИ советской авиапромышленности // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Т. 3. Л. 132; <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=653>. В его воспоминаниях, опубликованных в сборнике 1991 г., нет ничего о работе на заводе № 19. См.: Зорохович А. А. В «шарашке» // ...Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошел ад ре-пресий / сост. Л. М. Гурвич. М. : Моск. рабочий, 1991. С. 199–219.

19. Собственноручные показания Ш. И. Брискина. 16 ноября 1938 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Т. 1. Л. 27–29.

20. Давид Абрамович Полисицкий (1906 – ?) – уроженец Харькова, из мещан. В партию вступил в 1927 г. С 1923 по 1929 г. работал слесарем. В 1934 г. закончил Харьковский авиационный институт и начал работать в конструкторском бюро завода № 19. В феврале был исключен из партии и после арестован. В октябре 1935 г. был осужден за контрреволюционную агитацию решением ОС при НКВД к ссылке в Киров на три года. См.: ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705 : в 2 т.

21. Протокол допроса свидетеля Концевича Феодосия Владимира. 14 марта 1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705. Т. 2. Л. 44.

22. Рапорт директору завода имени Молотова и в копии техническому директору от старшего инженера БЭЧ Петрова Ф. Ф. 2 января 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 214.

23. Сергей Леванович Ананьев (1898 – ?) – инженер-механик, уроженец г. Макачкалы, из дворян. Беспартийный. До 1938 г. работал инженером на заводе № 172. Весной 1938 г. был переведен в Москву и назначен главным инженером Государственного проектировочного института № 7 Наркомата оборонной промышленности. На основании показаний его бывших коллег по заводу № 172 Ананьев был арестован осенью 1938 г. Обвинялся в том, что «проводил подрывную работу на заводе № 172, направленную на срыв вооружения РККА новейшими системами гаубиц, путем увеличения брака и ухудшения качества артиллерийских деталей». В феврале 1940 г. дело было прекращено за недоказанностью состава преступления, и С. Л. Ананьев был освобожден. См.: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2705. Т. 1.

24. Собственноручные показания Ананьева С. Л. 10.10.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2705. Т. 1. Л. 64.

25. Имеется в виду гостиница «Центральная» (или «Дом одиночек»), располагавшаяся на пересечении ул. К. Маркса и ул. Советская. Один из этажей занимали административные работники и инженеры, командированные из Москвы на завод № 19.

26. Ершов Николай Николаевич (1898–1943) – родом из г. Рыбинска Ярославской области. В партию вступил в 1920 г., но был исключен в 1924 г. «за моральное разложение». Его восстановили в партии в 1925 г. До своего ареста в ноябре 1938 г. он работал зам. начальника испытательного цеха № 8 на заводе № 19. По решению Особого Совещания при НКВД СССР от 27.08.1940 г. Ершов был приговорен к пяти годам лишения свободы в ИТЛ по ст. 58 п. 7, 11. Он умер в Устьвымлаге в сентябре 1943 г. См.: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6346.

27. Протокол допроса свидетеля Фасахутдина Кашафа Фасахутдиновича. 11 января 1939 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6346. Л. 23.

28. Собственноручные показания Брискина Ш. И. 16.11.1938 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1 . Д. 7928. Т. 1. Л. 29об – 30.

29. Лицензии на производство авиадвигателей американской фирмы «Кертисс-Райт» были закуплены в 1934 г. На заводе № 19 запустили серийное производство мотора Райт-R-d-820, с маркировкой М-25. Первые авиадвигатели были собраны из импортных комплектующих. С осени 1935 г. моторы М-25 собирали из деталей отечественного производства, при соблюдении лицензионной технологии. «Строгое следование американской технологии продолжает и сейчас оставаться основным правилом в работе завода; какое-либо отступление от технологии, а тем более – от конструкции вводятся только с ведома директора и главного конструктора». Цит. по: Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М. : Наука, 2006. С. 133. По словам начальника группы сборочных цехов Л. С. Татко, «мотор типа М-25, который производился на заводе № 19 в течение 1935 года и первой половине 1936 года, особых трудностей, технических затруднений, производственных выпадов не имел, т. к. машина имела большой запас прочности и даже при тех или других производственных отклонениях на те или другие детали, моторы работали хорошо». См.: Протокол допроса обвиняемого Татко Леонида Семеновича. 21.06.1938. Копия. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14339. Л. 41.

30. Апелляция о восстановлении членом ВКП (б) и возвращении как квалифицированного инженера и хозяйственника в авиапромышленность – в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП (б). Автор – б. член ВКП (б) с 10.1918 по 12.1936 Старченко Георгий Иванович // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520. Т. 2. Л. 31.

31. Стенограмма и постановление собрания партийного актива г. Перми по вопросам деятельности «троцкистско-зиновьевского» центра // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1131. Л. 123.

32. Александр Борисович Винокуров (1907 – ?) – родом из Латвии, г. Двинска. В партии с 1929 по 1938 г. Был исключен за «связь с врагами народа». Работал старшим инспектором по качеству испытательного цеха № 8 завода № 19. Винокурова арестовали в августе 1938 г. и приговорили решением Особого Совещания при НКВД СССР от 27.08.1940 г. к пяти годам ИТЛ. До 1945 г. он находился в Ухтижемлаге. После освобождения из лагеря работал главным механиком ОЛПа № 3 Ухтокомбината МВД СССР. См.: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6346.

33. Письмо А. Винокурова. 1939 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1 . Д. 6346. Л. 275–276.

34. Арон Генрихович Баранов (1894–1938) – родом из г. Темрюк Кубанской области, выходец из буржуазной семьи коммиссаря, совладельца паровой баржи. В 1913 г. окончил гимназию в Женеве. После поступил на механический факультет Высшего технического училища в Цюрихе. В 1918 г. ушел из института, не закончив его. Инженер-механик, работавший начальником главной инспекции качества на заводе № 19. В партию вступил в 1918 г., исключен в 1936 г. В сентябре 1936 г. Баранов был арестован и приговорен решением Особого Совещания при НКВД СССР к пяти годам ИТЛ. См.: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399.

35. Григорий Иванович Сапожников (1894 – ?) – родом из с. Спас Досчатый Зарайского района Московской области, из крестьян. С низшим образованием. Он учился 1,5 года в Московском авиатехникуме, но не закончил обучение. До революции был рабочим на заводах в Москве и Коломне. Первый раз был исключен из партии в 1927 г., а в 1929 г. восстановлен. В тот период он работал токарем по металлу на заводе № 24. «Вторично исключен из партии в конце 1933 г. во время партийной чистки, как не проявивший себя в борьбе за генеральную линию партии и ранее исключавшийся за укрывательство троцкистов». После исключения уехал на завод № 19, где работал начальником участка механического цеха № 3. С завода был уволен за то, что «вел антисоветскую агитацию» и «саботировал стахановское движение». Летом 1936 г. был арестован. В августе 1936 г. Особое Совещание НКВД СССР приговорило Сапожникова к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. См.: ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29081.

36. Объяснительная А. Г. Баранова на имя помощника директора по найму т. Морзо // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 63.

37. Письмо Гендиной Громадину. 13 января 1939 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6346. Л. 312–313.

38. Протокол допроса обвиняемого А. Г. Баранова. 14 сентября 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 47об.

39. Рапорт директору завода имени Молотова и в копии техническому директору от старшего инженера БЭЧ Петрова Ф. Ф. 2 января 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 214.

40. Рапорт директору завода имени Молотова и в копии техническому директору от старшего инженера БЭЧ Петрова Ф. Ф. 2 января 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 214.

41. Объяснительная А. Г. Баранова на имя помощника директора по найму т. Морзо // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 66.

42. Протокол допроса обвиняемого Баранова Арина Генриховича. 6 сентября 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 12.

43. Протокол допроса свидетеля Барановой Софии Игнатьевны. 3 сентября 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 73.

44. Захар Абрамович Радин (Рабинович), (1898 – ?) – главный металлург завода № 19 им. Сталина. Член партии с 1917 г. Высшее образование. Арестован в июле 1936 г. и приговорен к ВМН // Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг. : сб. документов и материалов. Пермь : Издательство «Пушка», 2005. С. 501.

45. Протокол допроса обвиняемого Баранова Арина Генриховича. 19 октября 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 59.

46. Стенограмма Пленума Сталинского райкома ВКП(б). 28.08.1936 // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

Notes and References

1. *Iz stenograficheskogo otcheta prenij na I#oj partijnoj konferencii Stalinskogo rajona* – From the stenography of the debate on the I party conference of the Stalinist district 25.05.1936 // Perm SASPH. F. 231. Inv. 1. File 1. Sh. 193.
2. See: *Shabalov V. Spasitel' Motovilihi. O direktore zavoda im. Molotova Petre Konstantinoviche Premudrove* [Savior of Motovilikha. About the Director of the plant n.a. Molotov Peter Konstantinovich Premudrov] // *Retrospektiva. Istoriko#arhivnyj zhurnal* – Retrospective. Historical archival journal. 2012, No. 1, p. 5.
3. *Vypiska iz soobrazhenij byvshego direktora zavoda № 172 tov. Kustova. 16.02.1930* – Statement from reasons of the former director of the plant № 172 tov. Kustova. 16.02.1930 // Perm SASPH. F. 643/2. Inv.1. File 11996. Vol. 1. Sh. 103, 103turn, 105turn.
4. *Protokol № 14 obshchego zakrytogo partsobraniya zavodoupravleniya ot 8 avgusta 1937 g.* – Protocol No. 14 of the closed party meeting of the plant from August 8, 1937 // Perm SASPH. F. 643/2. Inv. 1. File 11996. Vol. 3. Sh. 63turn.
5. *Shabalov V. Spasitel' Motovilihi...* [Savior of Motovilikha...] P. 5.
6. *Protokol № 14 obshchego zakrytogo partsobraniya zavodoupravleniya ot 8 avgusta 1937 g.* – Protocol No. 14 of the closed party meeting of the plant from August 8, 1937 // Perm SASPH. F. 643/2. Inv. 1. File 11996. Vol. 3. Sh. 63turn.
7. *Informaciya o sostoyanii ohrany oboronyh predpriyatij v gorode Molotovo, Molotovskoj oblasti. 26.06.1941* – Information on status of defense enterprises in the city Molotovo, Molotov region. 26.06.1941 // Perm SASPH. F. 105. Inv. 7. File 62. Sh. 102–103.
8. *Vetugin – Pan'shinu. 29.05.1941* – Vetugin to Panshin. 29.05.1941 // Perm SASPH. F. 105. Inv. 7. File 69. Sh. 118–118turn.
9. *Vypiska iz chernovogo otcheta o rabote molotovskogo gorkoma VKP (b) V gorodskoj partijnoj konferencii. Maj 1937 g.* – Extract from draft report of the experts Committee of the CPSU (b) V city party conference. May 1937 // Perm SASPH. F. 643/2. Inv.1. File 11996. Vol. 3. Sh. 49.
10. *ejbovich O. Sh. Ohota na krasnogo direktora: monografiya* [Hunt for red director: monograph]. Perm. Publ. center "Title". 2017. P. 71.
11. Cit. by: *Muhin M.YU. Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg.* [Aviation industry of the USSR in 1921–1941] M. Nauka. 2006. P. 133.
12. *Stenogramma zasedaniya VIII Plenuma Gorodskogo komiteta VKP (b). T.1. 25–26 marta 1937 g.* – The stenography of the meeting of the VIII Plenum of the City Committee of the CPSU (b). Vol. 1. March 25–26, 1937 // Perm SASPH. F. 1. Inv. 1. File 1352. Sh. 136.
13. *Protokol № 14 obshchego zakrytogo partsobraniya zavodoupravleniya ot 8 avgusta 1937 g.* – Protocol No. 14 of the closed party meeting of the plant from August 8, 1937 // Perm SASPH. F. 643/2. Inv. 1. File 11996. Vol. 3. Sh. 65turn.
14. *Dubov – Stalinu. Mashinopis'. 1938. Bez daty* – Dubov to Stalin. Typescript. 1938. No date // Perm SASPH. F. 231. Inv. 1. File 35. Sh. 93.
15. Sulim Isaakovich Briskin (1897–1952) – a native of Bila Tserkva of the Kiev region, from the middle class. During the Civil war he served in the red army, was produced in red commanders, participated in the Polish campaign. After military service he studied at the Kiev Polytechnic Institute. He combined studies at the Institute with the work of the designer of artillery at the Kiev mechanical plant "Krasny Arsenal". After graduation in 1925, moved to the factory in Izhevsk where he worked as the head of design bureau. From 1927 to 1933 he worked as the chief technology officer at aircraft engine plant No. 26. Since 1933 until his arrest in November 1938 Sulimirski worked as the chief engineer of the plant No. 19. In the summer of 1940, he was sentenced under article 5811 to five years in labor camp. In 1943 he was released from Sevzheldorlag. See: Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 7928. Vol. 1. Sh. 368.
16. *Sobstvennoruchnye pokazaniya SH. I. Briskina. 16 noyabrya 1938 g.* – Handwritten testimony of S. I. Briskin. 16 Nov 1938 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 7928. Vol. 1. Sh. 26.
17. Isaac Naumovich Shenderovich (1901 ?) – from the village of ShedrinoBobruisk County of May province. Had higher technical education. Party. From February to May 1934, he worked at the plant No. 19 as a senior

engineer technologist. After leaving the plant No. 19 he worked as the head of production at aircraft factory No. 16 in Voronezh. See: Protocol of interrogation of witness // Perm SASPH. 641/1. Inv. 1. File 7928. Vol. 3. Sh. 128.

18. Alexander Abramovich Zorokhovich (1905 – 1990) is a mechanical engineer, a native of Priluki in the Poltava province. In 1926, after demobilization from the red army joined the party. Graduated from Moscow Aviation Institute in 1932. In 1934 he worked as an engineer technologist at plant No. 19. After leaving the plant he was sent to Glavaviaprom to work in Rybinsk Aviation Institute as an associate professor of the Department "Production of aircraft engines". In 1936 he defended his thesis. In February 1948 he was arrested and sentenced by the decision of the MGB OSO for 10 years in labor camp. A few months was in Intlag (Komi ASSR). In January 1949 he was transferred to work in Moscow secret research Institute 2МГБ ("Kip"). Worked in the design department on the creation of a secret telephone for Stalin. Here he became acquainted with the prisoners Kopelev L. Z., A. I. Solzhenitsyn, I. Ya. Krivoshein. In 1956, A. A. Zorokhovich was released and rehabilitated, and then continued to work in the Research Institute of the Soviet aircraft industry // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 7928. Vol. 3. Sh. 132; <http://www.sakharov center.ru/asfc/auth/?t=author&i=653>. In his memoirs, published in the collection of 1991, there is nothing about the work at the plant No. 19. See: Zorokhovich A. A. [In "sharashka"] // ...To have the strength to remember: Stories of those who experienced the hell of repression / comp. L. M. Gurvich. M. Mosc. Worker. 1991. Pp. 199–219.

19. *Sobstvennoruchnye pokazaniya SH.I. Briskina. 16 noyabrya 1938 g* – Handwritten testimony by S. I. Briskin. 16 Nov 1938 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 7928. Vol. 1. Sh. 27–29.

20. David Abramovich Polisitskiy (1906 – ?) – a native of Kharkov, from the middle class. He joined the party in 1927. From 1923 to 1929 he worked as a mechanic. In 1934 he graduated from the Kharkov Aviation Institute and started working in the design bureau of plant No. 19. In February was expelled from the party and arrested after. In October 1935 was condemned for counter-revolutionary agitation of the solution OS at the NKVD to the exile to Kirov for three years. See: Perm SASPH. F. 643/2. Inv. 1. File 26705 : 2 t.

21. *Protokol doprosa svidetelya Koncevicha Feodosiya Vladimirovicha. 14 marta 1935 g.* – Protocol of interrogation of witness Kontsevich Theodosius Vladimirovich. 14 Mar 1935 // Perm SASPH. F. 643/2. Inv. 1. File 26705. Vol. 2. Sh. 44.

22. *aport direktoru zavoda imeni Molotova i v kopii tekhnicheskому direktoru ot starshego inzhenera BEHCH Petrova F. F. 2 yanvarya 1936 g.* – A report to the Director of the Plant n.a. Molotova and in copy to the technical director from the senior engineer F. F. Petrov. 2 Jan 1936 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14713. Sh. 214.

23. Sergey Levanovich Ananiev (1898 – ?) – mechanical engineer, born in the city of Makhachkala, from the nobility. A non-party. Up to 1938 he worked as an engineer at the factory number 172. In the spring of 1938 he was transferred to Moscow and appointed a chief engineer of the State Design Institute № 7 of the People's Commissariat of defense industry. Based on the testimony of his former colleagues at plant No. 172 Ananiev was arrested in the autumn of 1938. He was accused of "conduction subversive activities on the plant No. 172, aimed at disrupting the arms of the red army by the latest systems of howitzers by increasing the marriage and deterioration artillery details". In February 1940, the case was dismissed for lack of corpus delicti, and S. L. Ananiev was released. See: Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 2705. Vol. 1.

24. *Sobstvennoruchnye pokazaniya Anan'eva S.Sh. 10.10.1938* – Handwritten testimony by Ananiev S. L. 10.10.1938 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 2705. Vol. 1. Sh. 64.

25. This refers to the hotel "Central" (or "House of singles"), located at the intersection of Karl Marx and Sovetskaya street. One of the floors was occupied by the managers and engineers sent from Moscow to plant № 19.

26. Ershov Nikolay Nikolaevich (1898–1943) – born in the city of Rybinsk, Yaroslavl region. He joined the party in 1920, but was expelled in 1924 for "moral decay". He was restored in the party in 1925. Until his arrest in November 1938, he worked as deputy head of test department No. 8 of plant No. 19. According to the decision of the Special Council of the NKVD from 27.08.1940 Ershov was sentenced to five years imprisonment in the GULAG under article 58 paragraph 7, 11. He died in Ust'vymlag in September 1943. See: Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 6346.

27. *Protokol doprosa svidetelya Fasahutdinova Kashafa Fasahutdinovicha. 11 yanvarya 1939 g.* – Protocol of interrogation of witness Fasahutdinov Kashaf Fasahutdinovich. 11 Jan 1939 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 6346. Sh. 23.

28. *Sobstvennoruchnye pokazaniya Briskina SH. I. 16.11.1938 g.* – Handwritten testimony by Briskin Sh. I. 16.11.1938 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 7928. Vol. 1. Sh. 29turn – 30.

29. License for manufacturing of aircraft engines of the American company "Curtiss Right" was purchased in 1934. At the factory number 19 they launched serial production of the engine Right Rd820, labeled M 25. The first aircraft engines were assembled from imported components. In the autumn of 1935, the motors M 25 were assembled from parts of domestic production, subject to the licensed technology. "Strict adherence to American technology continues to be the main rule in the operation of the plant until now; any deviation from technology and especially from construction are introduced only with the consent of the Director and chief designer." Cit. in: *Muhin M. YU. Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg. [Aviation industry of the USSR in 1921–1941]*. M. Nauka, 2006. P. 133. According to the head of the group of assembly departments L. S. Tatko, "the motor type M 25, which was produced at factory No. 19 during 1935 and the first half of 1936, had no difficulties, technical difficulties, since the machine had a large margin of safety even if one or the other production variances on those or other details the engines worked well." See: *Protokol doprosa obvinyaemogo Tatko Leonida Semenovicha. 21.06.1938. Kopiya. Mashinopis'* – Protocol of interrogation of the accused Tatko Leonid Semenovich. 21.06.1938. Copy. Typescript // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14339. Sh. 41.

30. *Apellyaciya o vosstanovlenii chlenom VKP (b) i vozvrashchenii kak kvalificirovannogo inzhenera i hozyajstvennika v aviapromyshlennost'* – v komissiyu partijnogo kontrolyya pri CK VKP (b). Avtor – b.chlen VKP (b) s 10.1918 po 12.1936 Starchenko Georgij Ivanovich – The appeal for restoration of a member of the CPSU (b) and return as a qualified engineer and manager in the aviation industry – in the Commission of party control at Central Committee VKP (b). The author – former member of the CPSU (b) since 10.1918 for 12.1936 Starchenko Georgij Ivanovich // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14520. Vol. 2. Sh. 31.

31. *Stenogramma i postanovlenie sobraniya partijnogo aktiva g. Permi po voprosam deyatel'nosti «trockistsko-zinov'evskogo» centra* – The stenography and decision of the meeting of party activists in Perm on the questions of the "Trotskyist Zinoviev" center // Perm SASPH. F. 1. Inv.1. File 1131. Sh. 123.

32. Alexander Borisovich Vinokourov (1907 – ?) – originally from Latvia, Daugavpils. In the party from 1929 to 1938. He was expelled for "communication with the enemies of the people". Worked as a senior quality inspector of test department No. 8 of plant No. 19. Vinokourov was arrested in August 1938 and sentenced by the decision of the Special Meeting of the NKVD from 27.08.1940 to five years in labor camp. Prior to 1945 he was in Uhtizhemlag. After release from the camp, worked as a chief mechanic of Ukhtocombinat of Ministry of Internal Affairs of the USSR. See: Perm SASPH. F. 641/1. Inv.1. File 6346.

33. Letter of Alexander Vinokurov. 1939 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1 . File 6346. Sh. 275–276.

34. Aron Genrihovich Baranov (1894-1938) – a native of the Pavlovsk area of Kuban region, who comes from a bourgeois family of the commission, co-owner of the steam barge. In 1913 he graduated from high school in Geneva. After he entered the mechanical department of the Higher technical school in Zurich. In 1918 left the Institute without completing it. He was a mechanical engineer working as the head of the main quality inspection at factory No. 19. He joined the party in 1918, expelled in 1936. In September 1936, he was arrested and sentenced by the decision of the Special Council of the NKVD to five years in labor camp. See: Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14399.

35. Grigory Ivanovich Sapozhnikov (1894 – ?) – originally from village Spas Doschaty of Zaraysk district of Moscow region, from the peasants. With elementary education. He studied 1.5 years in Moscow aviatehnologie, but has not graduated. Before the revolution was the worker in factories in Moscow and Kolomna. The first time was expelled from the party in 1927, and in 1929 rebuilt. In that period he worked as a metal turner at the plant № 24. "Again expelled from the party in late 1933, during the party purges as not manifested itself in the struggle for the general line of the party and the previously excluded for aiding the Trotskyites". After exclusion of left for plant № 19, where he worked as foreman of mechanical shop № 3. He was fired from the factory for "leading anti-Soviet agitation" and "sabotaged Stakhanov movement". In the summer of 1936 he was arrested. In August 1936 a Special Meeting of the NKVD sentenced Sapozhnikov to five years imprisonment in a correctional labor camp. See: Perm SASPH. F. 643/2. Inv.1. File 29081.

36. *Ob"yasnitel'naya A.G. Baranova na imya pomoshchnika direktora po najmu t. Morzo* – Explanatory by A. G. Baranov to the assistant director for hire Morzo // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14399. Sh. 63.

37. *Pis'mo Gendinoj Gromadinu. 13 yanvarya 1939 g.* – A letter of Gendina to Gromadin. 13 Jan 1939 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 6346. Sh. 312–313.

38. *Protokol doprosa obvinyaemogo A. G. Baranova. 14 sentyabrya 1936 g.* – Protocol of interrogation of the accused A. G. Baranov. 14 Sep 1936 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14399. Sh. 4706.

39. *Raport direktoru zavoda imeni Molotova i v kopii tekhnicheskому direktoru ot starshego inzhenera BEHCH Petrova F. F. 2 yanvarya 1936 g.* – A report to the Director of the Plant n.a. Molotova and in copy to the technical director from the senior engineer F. F. Petrov 2 Jan 1936 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14713. Sh. 214.

40. *Raport direktoru zavoda imeni Molotova i v kopii tekhnicheskому direktoru ot starshego inzhenera BEHCH Petrova F. F. 2 yanvarya 1936 g.* – A report to the Director of the Plant n.a. Molotova and in copy to the technical director from the senior engineer F. F. Petrov 2 Jan 1936 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14713. Sh. 214.

41. *Ob"yasnitel'naya A. G. Baranova na imya pomoshchnika direktora po najmu t. Morzo* – Explanatory by A. G. Baranov to the assistant director for hire Morzo // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14399. Sh. 66.

42. *Protokol doprosa obvinyaemogo Baranova Arona Genrihovicha. 6 sentyabrya 1936 g.* – Protocol of interrogation of the accused Baranov Aron genrihovich. 6 Sep 1936 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1 . File 14399. Sh. 12.

43. *Protokol doprosa svidetelya Baranovoj Sof'i Ignat'evny. 3 sentyabrya 1936 g.* – Protocol of interrogation of witness Baranova Sophia Ignatievna. 3 Sep 1936 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1. File 14399. Sh. 73.

44. Zakhar Abramovich Radin (Rabinovich) (1898 – ?) – chief metallurgist of the plant No. 19 n.a. Stalin. A party member since 1917. Higher education. Arrested in July 1936 and sentenced to capital punishment // Political repression in the Kama. 1918-1980 ies: collection of documents and materials. Perm: Publishing House "Pushka". 2005. P. 501.

45. *Protokol doprosa obvinyaemogo Baranova Arona Genrihovicha. 19 oktyabrya 1936 g.* – Protocol of interrogation of the accused Baranov Aron genrihovich. 19 Oct 1936 // Perm SASPH. F. 641/1. Inv. 1 . File 14399. Sh. 59.

46. *Stenogramma Plenuma Stalinskogo rajkoma VKP(b). 28.08.1936* – Stenography of the plenary of the Stalin district committee of the CPSU(b). 28.08.1936 // Perm SASPH. F. 231. Inv. 1. 1. Sh. 35.

Укрепленные поселения Уфимско-Бельского междуречья

Колонских А. Г.

младший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала, Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. 450076, г. Уфа, ул. Аксакова, 7.

E-mail: kontrobazzz@mail.ru

Аннотация: Рассматривается фортификация городищ Уфимско-Бельского междуречья. На основе анализа топографических особенностей и форм укреплений поселений выделены группы памятников, которые отражают характерные черты, присущие населению эпохи раннего железного века и раннего средневековья. В ходе историко-архивных, библиографических, а также собственных полевых исследований автора установлены определенные традиции древнего и раннесредневекового населения, выраженные в выборе населением площадок поселений и устройстве основных и дополнительных линий укреплений (вал, ров, гласис, эскарп). Сравнение бахмутинских городищ с городищами, предшествующим ананьинским, пьяноборским и кара-абызским населением эпохи раннего железного века и последующим (кушнаренковская, кара-якуповская, чияликская культуры) раннего средневековья, указывает на наличие определенного типа поселений, характерных именно носителям бахмутинских культурных стереотипов.

Ключевые слова: Уфимско-Бельское междуречье, ранний железный век, раннее средневековье, городища, топография, фортификация.

Fortified settlements of the Ufa-Belsk interfluve

Kolonskikh A. G.

junior researcher at the Department of archaeological heritage of the Southern Urals, the Institute of Ethnological Studies n.a R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. 7 Aksakov str., 450076, Ufa.

E-mail: kontrobazzz@mail.ru

Abstract: Fortification of the Ufa-Belya interfluve hilforts is being considered. Based on the topographic analysis, fortifications features and forms of the settlements, groups of monuments have been identified that reflect the characteristic features of the early Iron Age and early Middle Ages. In the course of historical archival, bibliographic, and own author field researches, certain traditions of the ancient and early medieval population are established, expressed in the choice of the population of the settlement sites and the arrangement of the main and additional lines of fortifications (shaft, moat, glacis, escarp). Comparison of the Bakhmutin fortifications with the ancient settlements, the Ananyinsky, Pyanobor and Kara-Abyz population of the early Iron Age and the subsequent (Kushnarenkov, Kara-Yakup, Chiyalik cultures) of the early Middle Ages, indicates the existence of a certain type of settlements characteristic of the carriers of Bakhmutin's cultural stereotypes.

Keywords: Ufa-Belya interfluve, early Iron Age, early Middle Ages, hilforts, topography, fortifications.

Укрепленные поселения Уфимско-Бельского междуречья функционируют в широком хронологическом диапазоне начиная с эпохи раннего железного века (ананьинская культурно-историческая область) вплоть до примеров использования площадок городищ предшествующих эпох населением ранних этапов (постпетрогоромский, мрясимовский) чияликской культуры [1]. Наиболее широкое использование укрепленных поселений приходится на момент бытования памятников бахмутинской культуры. В это время количество памятников аналогичного типа значительно превышает их число как в предыдущие, так и в последующие эпохи [2].

Часто материалы городищ, наряду с бахмутинской, представлены керамическими комплексами ананьинской (АКИО), пьяноборской и кара-абызской археологических культур, реже турбаслинской, кушнаренковской, кара-якуповской и чияликской культур (рис. 1) [3].

Основной целью исследования является характеристика укреплений городищ Уфимско-Бельского междуречья. Для этого был проведен анализ топографии площадок и конфигурации фортификационных сооружений данного вида памятников.

База данных исследования включила в себя 105 городищ: АКИО (два объекта), пьяноборской (17 объектов), кара-абызской (12 объектов), бахмутинской (44 объекта), кушнаренковской и карайкуповской (четыре объекта) археологических культур, а также 26 многослойных поселений (рис. 1). Многочисленные примеры разрушения площадок городищ в ходе хозяйственной

деятельности человека [4], определили включение в выборку объектов, конфигурации площадок и линий укреплений которых поддаются реконструкции. Источниками для проведения исследования стали справочные материалы, публикации и отчеты по результатам многолетних экспедиций на территории Южного Приуралья, а также самостоятельные полевые исследования автора.

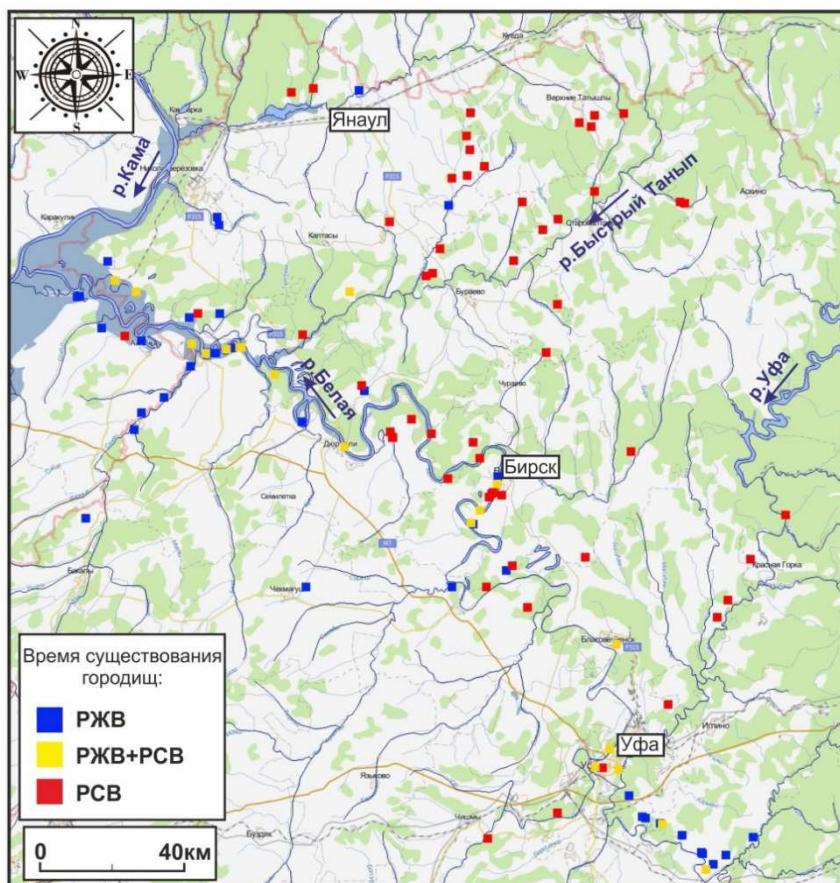

Рис. 1. Карта-схема исследуемых границ

Рассмотрение количества основных линий укреплений городищ дало предсказуемые результаты. Преобладают городища с одной линией укреплений 66 объектов (около 63% от общего количества). Почти третья часть (28 объектов) укреплена двумя валами. Все поселения, укрепленные тремя и более линиями, являются многослойными.

Для населения бахмутинской культуры, в Уфимско-Бельском междуречье, устройство одной линии укреплений наиболее традиционно (32 объекта, 73%). Однослойным бахмутинским городищам не характерно устройство более чем трех основных линий фортификации.

Поселения, укрепления которых расположены на склонах мысовых стрелок, хорошо известны и в Уфимско-Бельском междуречье уже в эпоху раннего железного века: Серенькино, Кипчаковское, Кызыл-Юлдузское, Кызыл-Ярское, Умировское, Акбердинское III городища. По мнению некоторых исследователей, данный вид дополнительной фортификации возникает именно в пьяноборское время [5]. Для бахмутинского населения примеры использования дополнительных валов также имеют место на Кансияровском, Сорвихинском, Юмакаевском, Чандарском городищах. Дополнительные валы на конце мысовой части площадки зафиксированы на Кувыковском городище [6].

К дополнительным фортификационным сооружениям можно отнести и примеры террасирования склонов городищ (эскарп). Подобные виды укреплений для эпохи раннего железа известны лишь на двух кара-абызских городищах – Акбердинское II и Акбердинское III [7]. Иначе обстоят дела с раннесредневековыми городищами. Яркими примерами устройства эскарпов вдоль склонов городищ служат городища Шульгановское, Урское, Краснохолмское, Юг-Хуторское, Баразинское, Сорвихинское и др. Известно 22 памятника бахмутинской культуры, имеющих следы эскарпирования склонов.

Особое внимание привлекает своеобразная конструкция основных линий укреплений, встречаенная на 21 городище, 17 из которых являются однослойными памятниками бахмутин-

ской культуры (Исхаковское, Кудашевское, Юг-Хуторское, Краснохолмское, внутренний вал Югамашевского I, Сараштыбашевское, Шульгановское, Казакларовское III и др.) (рис. 2).

Фортификационные сооружения в этом случае устраивались непосредственно с использованием естественного положительного рельефа укрепляемых площадок, что не характерно для «традиционной конструкции вала на городищах раннего железного века [8].

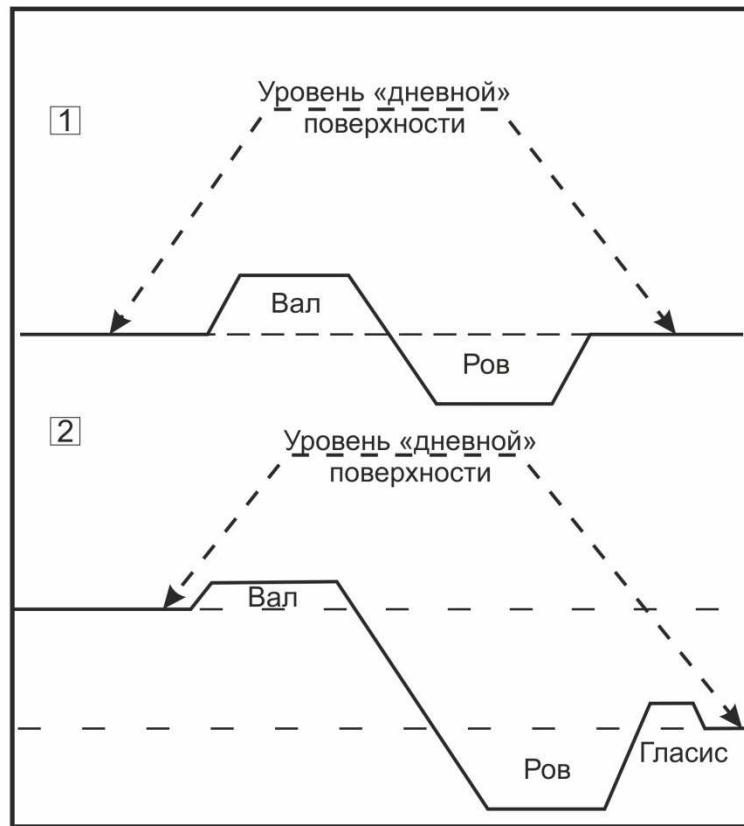

Рис. 2. «Вал-эскарп» городищ бахмутинской культуры:
1) схематическое изображение профиля «традиционной» линии фортификации;
2) схематическое изображение профиля «вала-эскарпа» и гласиса

Примеры подобных валов широко известны на памятниках эпохи железа и раннего средневековья, в центральных регионах это укрепленные древнерусские поселения, в Поволжье – поселения булгар, восточнее Уральского хребта – городища позднего этапа железного века байтовской археологической культуры и памятники саргатского и гороховского населения [9].

Не менее интересным наблюдением является наличие насыпей в виде гласиса, на внешней стороне рва [10]. Наиболее отчетливо следы подобного сооружения визуально фиксируются на Кудашевском, Краснохолмском, Бустанаевском, Исхаковском и Янтузовском городищах бахмутинской культуры.

Кольцевую линию обороны имеют 11 объектов. Наиболее характерным данный признак является для поселений пьяноборской археологической культуры (семь однослойных объектов). Два объекта оставлены бахмутинским населением, еще два объекта функционировали как в пьяноборскую, так и в бахмутинскую эпоху.

Наибольшее количество исследуемых объектов расположено на вершине коренной террасы (51 объект), 28 объектов расположено на мысовидных выступах береговых террас, 12 объектов находятся на отдельно стоящих возвышенностях, горах или холмах, девять городищ занимают отроги водоразделов, расположенные в глубине террасы, три городища располагаются на останцах, два – на стрелках, образованных поворотом реки. Пьяноборским городищам свойственно расположение на краю коренных террас, кара-абызских на мысовидных выступах коренных террас, а бахмутинские городища представлены более широкой топографией, формами укрепленных площадок и конфигурацией линий обороны. Во-первых, это может быть объяснимо с точки зрения их преобладающего количества, во-вторых, тем, что население бахмутинской культуры более плотно освоило территорию не только крупнейших водоемов региона, но и их притоков или, как утверждалось ранее, «спустилось» с высоких террас крупных рек [11].

Характерным для бахмутинской культуры является тип городищ, расположенных на отдельно стоящих возвышенностях, горах и холмах. Часто подобные элементы ландшафта на современных топографических картах обозначены как горы (Калатау, Уаратай, Кызтау, Ялантау, Такмантау, Кармигурез и т. д.). Данные возвышенности в рельефе имеют схожие названия и у местного населения (Калатау, Красный Холм, Калай-Туба, Кылыс-Тау и т. д.) [12]. Подобный вид памятников в Уфимско-Бельском междуречье практически неизвестен ни в предшествующую, ни в последующую эпохи [13].

Замечена и некая взаимосвязь – девять однослоиных укрепленных поселений бахмутинской культуры, расположенных на отдельно стоящих возвышенностях, имеют четкие следы фортификационных сооружений, приуроченных к естественным возвышенностям. Данная взаимосвязь известна лишь для бахмутинских городищ.

Полученные результаты отчасти повторяют предыдущие выводы исследований [14]. Во-первых, это преимущественно однорядная система укреплений, которая известна на 32 однослоиных бахмутинских поселениях. Во-вторых, применение эскарпов (22 объекта). Данный признак для укрепленных поселений эпохи раннего железного века не известен. Характерной для бахмутинских укреплений является прямая или несколько изогнутая форма вала, которая довольно часто встречена и на кара-абызских городищах. Наименее характерна для бахмутинских городищ (два объекта) и особенно часто встречающаяся на укрепленных площадках пьяноборских городищ (семь объектов) кольцевая форма фортификации.

В результате вполне очевидным выводом является утверждение, что традиции выбора площадок городищ бахмутинским населением, а также устройства на них фортификационных сооружений своими корнями уходят в эпоху раннего железного века. При этом в бахмутинское время появляются и некоторые черты, не характерные предшествующему населению. Определение их истоков как внутреннего развития военно-инженерных традиций или как привнесенного компонента возможно лишь при дальнейшем исследовании данного корпуса источников.

Примечания и список литературы

1. Гарустович Г. Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. Вып. 15 / гл. ред. В. В. Овсянников. Уфа, 2015. С. 185.
2. Иванов В. А., Останина Т. И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1983. С. 104; Бахшиев И. И., Колонских А. Г. Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 60.
3. Матвеева Г. И. Отчет археологической экспедиции Башкирского университета за 1965. Уфа, 1966 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 3. Д. 4. Л. 12–14; Русланов Е. В., Шамсутдинов М. Р., Романов А. А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа : ГБУ Республ. ист.-культ. музей-заповедник «Древняя Уфа», 2016. С. 58; Овсянников В. В., Сунгатов Ф. А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / ред. В. Г. Котов, Н. С. Савельев, А. Х. Пшеничнюк. Уфа, 2004. С. 237.
4. Колонских А. Г. Раннесредневековые городища бахмутинской культуры бассейна р. Быстрый Танып: к проблеме сохранения археологических объектов // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые кузнецкие чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа : Полиграфсервис, 2015. С. 21–23.
5. Борзунов В. А., Новиценков Н. Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / отв. ред. В. Т. Ковалева. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 94.
6. Матвеева Г. И. Отчет археологической экспедиции Башкирского университета за 1965. Уфа, 1966 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 3. Д. 4. Л. 12–14.
7. Овсянников В. В. Научный отчет о полевых исследованиях, проведенных в Иглинском районе в 2003 году. Уфа, 2003 // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1031; Овсянников В. В. Научный отчет об археологических работах в Иглинском районе и на территории г. Уфы в 2005 г. Уфа, 2005 // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1037.
8. Агеев Б. Б. Научный отчет об итогах полевых исследований в 1988 г. Уфа, 1989 // Колонских А. Г. Научный отчет об итогах разведочных археологических исследований на территории Дюртюлинского, Калтасинского, Янаульского и Бураевского районов Республики Башкортостан в 2015 г. Уфа, 2017 // Архив УНЦ РАН. Б.Н. Л. 14, 23.
9. Губайдуллин А. М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 34; Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М. : Наука, 1965. С. 12; Рафикова Т. Н., Берлина С. В., Кайдалов А. И., Сечко Е. А. Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 49–50.
10. Губайдуллин А. М. Фортификационный словарь. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2003. С 38.

11. Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 86.
12. Тузбеков А. И., Колонских А. Г. Городища Кала-Тау в системе культурных ландшафтов северо-западного Башкортостана // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 3. С. 118.
13. Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). М. : Наука, 1984. С. 67.
14. Иванов В. А., Останина Т. И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1983. С. 108–112; Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 87–91; Овсянников В. В. Вооружение и военное дело населения лесостепного Урала в эпоху средневековья (V–XIV вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. С. 11; Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). М. : Наука, 1984. С. 65–67.

Notes and references

1. Garustovich G. N. Chiyalikskaya arheologicheskaya kul'tura srednevekov'ya na YUzhnom Urale [Chialic archaeological culture of the middle ages in the Southern Urals] // Ufimskij arheologicheskij vestnik – Ufa archaeological herald. Iss. 15 / chief editor V. V. Ovsyannikov. Ufa. 2015. P. 185.
2. Ivanov V. A., Ostanina T. I. K voprosu o bahmutinsko-mazuninskoy probleme (po materialam poselenij) [To the question of bakhmutisk-mazunisk problem (according to the materials of settlements) // Poseleniya i zhilishcha drevnih plemen YUzhnogo Urala – Settlements and dwellings of the ancient tribes of the Southern Urals. Ufa. Bashkir branch of AS of the USSR. 1983. P. 104; Bahshiev I. I., Kolonskikh A. G. Metody prostranstvennogo analiza v harakteristike poselencheskoj struktury naseleniya bahmutinskoy kul'tury Ufimsko-Bel'skogo mezhdurech'ya [Methods of spatial analysis in the characterization of the settlement structure of the population of bakhmutinsky culture of Ufa Belsk interflue // Povolzhskaya arheologiya – Volga region archaeology. 2016, No. 3 (17), p. 60.
3. Matveeva G. I. Otchet arheologicheskoy ekspedicii Bashkirskogo universiteta za 1965. Ufa, 1966 [Report of the archaeological expedition of Bashkir State University in 1965. Ufa, 1966] // Arhiv arheologicheskoy laboratori BashGU – Archive of archaeological laboratory of Bashkir State University. F. 3. File 4. Sh. 12-14; Ruslanov E. V., SHamsutdinov M. R., Romanov A. A. Rannesrednevekovye drevnosti Ufimskogo poluostrova. Gorodishche Ufa#II. Materialy arheologicheskikh raskopok 2015 goda [The Early Medieval antiquity of the Ufa Peninsula. The ancient settlement Ufa-II. The materials of archaeological excavations, 2015]. Ufa: State budgetary establishment Republ. hist. cult. museum-reserve "Ancient Ufa". 2016. P. 58; Ovsyannikov V. V., Sungatov F. A. Gorodishche Kamennaya gora v sredнем techenii r. Ufy [Mound of Stone mountain in the middle reaches of the river Ufa] // Ufimskij arheologicheskij vestnik – Ufa archaeological herald. Iss. 5 / edited by V. G. Kotov, N. S. Savel'ev, A. H. Pshenichnyuk. Ufa. 2004. P. 237.
4. Kolonskikh A. G. Rannesrednevekovye gorodishcha bahmutinskoy kul'tury bassejna r. Bystryj Tany: k probleme sohraneniya arheologicheskikh ob'ektorov [Early Medieval settlements of bakhmutinsky culture of the basin of the river Bystry Tany: the problem of preserving of archaeological sites] // EHtnos. Obshchestvo. Civilizaciya: CHetvertye kuzeevskiecheniya :materialy Mezhdunar. nauch.-prakt.konf. – Ethnos. Society. Civilization: the Fourth Kuzeev readings: proceedings of the international scientific pract. conf. (Ufa, 30 September 2015). Ufa. Poligrafserвис. 2015. Pp. 21-23.
5. Borzunov V. A., Novichenkov N. N. Rannie ukreplennye poseleniya finno-ugrov Urala [Early fortified settlements of the Finno Ugric peoples of the Urals] // Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoj Sibiri – Material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia / edited by V. T. Kovaleva. Sverdlovsk. Ural State University. 1988. P. 94.
6. Matveeva G. I. Otchet arheologicheskoy ekspedicii Bashkirskogo universiteta za 1965. Ufa, 1966 [Report of the archaeological expedition of Bashkir State University in 1965. Ufa, 1966] // Arhiv arheologicheskoy laboratori BashGU – Archive of archaeological laboratory of Bashkir State University. F. 3. File 4. Sh. 12-14.
7. Ovsyannikov V. V. Nauchnyj otchet o polevyh issledovaniyah, provedennyh v Iglinskykh rajone v 2003 godu. Ufa, 2003 [Scientific report on field research conducted in Iglinsky district in 2003. Ufa, 2003] // Nauchnyj arhiv UNC RAN – Scientific archive of Ufa Science Centre. F. 3. Inv. 2. File 1031; Ovsyannikov V. V. Nauchnyj otchet ob arheologicheskikh rabotah v Iglinskykh rajone i na territorii g. Ufy v 2005 g. Ufa, 2005 [Scientific report on the archaeological work in Iglinsky area and on the territory of Ufa 2005 Ufa, 2005] // Nauchnyj arhiv UNC RAN – Scientific archive of Ufa Science Centre. F. 3. Inv. 2. File 1037.
8. Ageev B. B. Nauchnyj otchet ob itogah polevyh issledovanij v 1988 g. Ufa, 1989 [Scientific report on the results of field research in 1988, Ufa, 1989] // Kolonskikh A. G. Nauchnyj otchet ob itogah razvedochnyh arheologicheskikh issledovanij na territorii Dyurtyulinskogo, Kaltasinskogo, YAnaul'skogo i Buraevskogo rajonov Respubliki Bashkortostan v 2015 g. Ufa, 2017 [Scientific report on the results of exploratory archaeological research in Dyurtyuli, Kaltasy, Buraevskiy and Yanaulsky districts of the Republic of Bashkortostan in 2015, 2017] // Archive of USC RAS. Sh. 14, 23.
9. Gubajdullin A. M. Fortifikaciya gorodishch Volzhskoj Bulgarii [Fortification of settlements of Volga Bulgaria]. Kazan: Institute of history of RT Academy of Sciences. 2002. P. 34; Rappoport P. A. Drevnie russkie kreposti [Ancient Russian fortress]. M. Nauka. 1965. P. 12; Rafikova T. N., Berlin S. V., Kajdalov A. I., Sechko E. A. Fortifikacii rannego i razvitetogo srednevekov'ya lesostepnogo i podtaezhnogo Zaural'ya [Fortifications of the early and developed middle

ages of subtaiga and forest-steppe of Zauralye] // *Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii* – Herald of archaeology, anthropology and ethnography. 2013, No. 4 (23), pp. 49-50.

10. *Gubajdullin A. M. Fortifikacionnyj slovar'* [Fortification dictionary]. Kazan: Institute of history of RT Academy of Sciences. 2003. P. 38.

11. *Ostanina T. I. Naselenie Srednego Prikam'ya v III–V vv* [Population of the Middle Kama region in the III–V centuries]. Izhevsk. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural branch of RAS. 1997. P. 86.

12. *Tuzbekov A. I., Kolonskikh A. G. Gorodishcha Kala-Tau v sisteme kul'turnyh landshaftov severo-zapadnogo Bashkortostana* [Settlement of Cala Tau in the system of cultural landscapes in the Northwest of Bashkortostan] // *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN* – Herald of the Ufa Scientific Center of RAS. 2016, No. 3, p. 118.

13. *Ivanov V. A. Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ya v ehpohu rannego zheleza (I tys. do n.eh. – pervaya polovina I tys. n.eh.)* [Armament and military affairs of the Finno-Ugor Urals in the early iron age (I Millennium BC – first half of I Millennium BC)]. M. Nauka. 1984. P. 67.

14. *Ivanov V. A., Ostanina T. I. K voprosu o bahmutinsko-mazuninskoj probleme (po materialam poselenij)* [To the question of bakhmutinsk – mazuninsk problem (according to the materials of settlements)] // *Poseleniya i zhilishcha drevnih plemen YUzhnogo Urala* – Settlements and dwellings of the ancient tribes of the southern Urals. Ufa. bashkir branch of AS of the USSR. 1983. Pp. 108-112; *Ostanina T. I. Naselenie Srednego Prikam'ya v III–V vv* [Population of the Middle Kama region in the III–V centuries]. Izhevsk. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural branch of RAS. 1997. Pp. 87-91; *Ovsyannikov V. V. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya lesostepnogo Urala v ehpohu srednevekov'ya (V–XIV vv.)* :avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Weapons and military of population of forest-steppe of the Urals in the middle ages (V–XIV centuries): abstract of dis. cand. of hist. sciences]. Ufa. 1997. 11 p.; *Ivanov V. A. Vooruzhenie i voennoe delo finno#ugrov Priural'ya v ehpohu rannego zheleza (I tys. do n.eh. – pervaya polovina I tys. n.eh.)* [Weaponry and military of the Finno-Ugor of the Urals in the early iron age (I Millennium BC – the first half I thousand. BC)]. M. Nauka. 1984. Pp. 65-67.

Становление института монашества на территории ЕАО в начале XXI в.

Примак П. В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема. 679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70а. E-mail: primakos@yandex.ru

Хайнитцкая Э. А.

преподаватель факультета информационных и промышленных технологий программ СПО, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема. 679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70а.
E-mail: lera_hainickaya@mail.ru

Аннотация: Данная статья раскрывает историю становления православного монашества в Еврейской автономной области и православия в регионе в целом. Отличительной особенностью существования православия в ЕАО является короткий период деятельности церквей, отсутствие их и духовенства в советский период, что повлияло в значительной степени на возрождение православия в регионе. Основная цель данного исследования – раскрыть особенности строительства единственного и первого женского православного монастыря в регионе. Свято-Иннокентьевский женский монастырь находится на стадии материально-го и духовного строительства, а также старается сохранять в своих стенах традиции православного монашества. Основной упор в статье делается на формы деятельности женской обители, влияние его на жителей региона, а также делаются попытки анализа современного состояния института монашества не только в ЕАО, но и в Российской Федерации.

Ключевые слова: Еврейская автономная область, православие, Свято-Иннокентьевский монастырь, женское монашество, бытовая жизнь.

The formation of the monastic institute in the Jewish Autonomous Region at the beginning of the XXI century

Prymak P. V.

candidate of historical sciences, associate professor of history and archival studies, Amur State University
n.a. Sholom Aleichem. 70A Shirokaya str., 679015, Birobidzhan. E-mail: primakos@yandex.ru

Hainitskaya E. A.

lecturer at the faculty of information and industrial technologies of programs os vocational secondary education,
Amur State University n.a. Sholom Aleichem. 70A Shirokaya str., 679015, Birobidzhan.
E-mail: lera_hainickaya@mail.ru

Abstract: This article touches upon the history of the formation of Orthodox monasticism in the Jewish Autonomous Region and Orthodoxy in the region as a whole. The short period of church activity, the absence of churches and clergy during the Soviet period are a distinctive feature of the existence of Orthodoxy in the JAR. It greatly influenced the revival of Orthodoxy in the region. The main purpose of this study is to reveal the formation characteristics of the only and first female Orthodox monastery in the region. St. Innocent Women's Monastery is developing both materially and spiritually, as well as trying to preserve the traditions of Orthodox monasticism within its walls. The article focuses on the forms of the women's monastery activity, its influence on the inhabitants of the region. Some attempts are also made to analyze the current state of the monasticism institution both in the JAR and in the Russian Federation.

Keywords: Jewish Autonomous Region, Orthodoxy, St. Innocent Women's Monastery, Women's Monasticism, Household Life.

Православие в Российской Федерации сегодня переживает эпоху возрождения и обновления. Православие в такой ситуации ставит перед собой задачу не только сохранения, но и развития определенных духовных традиций и ценностей. Издавна местом сохранения этих традиций были православные монастыри.

Исследованиями современного монашеского уклада занимаются С. Ю. Житенев, Е. Ш. Танеева, К. С. Медведева. В их научных трудах представлены сведения о паломничестве и религиозном туризме, социальной деятельности монашеских обитателей. Так, например, С. Ю. Житенев дает не только современное понятие паломничеству, но и объясняет причину данного явления, определяет его современное состояние в Российской Федерации, а также его значение не только для самой церкви, но и для верующих [1]. К. С. Медведева в своих исследованиях касалась вопроса социального облика православного монашества, а также развития монастырей в постсоветский период [2].

Достаточно много исследовательских работ, посвященных общим вопросам в области православного монашества, куда меньше работ, изучающих конкретные монастыри. К таким исследованиям и относится изучение монастырей в Приамурье.

Так как в Приамурье (куда входит и Еврейская автономная область) становление православных монастырей проходило главным образом в конце XIX – начале XX в., то исследованиями в данной области занимались Д. С. Маслинникова, И. А. Ерманцанс. Они изучали историю создания, деятельность монастырей Хабаровского края и Амурской области.

Первые православные церкви в Еврейской автономной области появились лишь в 60-х гг. XIX в. К началу 20-х гг. XX в. на территории будущей ЕАО существовало 22 часовни, 24 православных храма и походных церквей. В ряде небольших станиц, на почтовых станциях действовали молитвенные дома. Службы и религиозные обряды проводились разъездными священниками.

В конце Гражданской войны и с установлением советской власти в регионе были вынуждены закрыться все православные храмы и церкви, а духовенство – покинуть эту территорию. Здания, в которых велись службы, были переданы под библиотеки, школы, столовые, ремонтные станции [3].

Хотя в Еврейской автономной области православные и были в период советской власти, их насчитывалось не так уж и много, и активно они не могли исповедовать православие [4].

Возрождение православия в регионе началось только в 90-е гг. прошлого века, когда в области стали открываться первые православные приходы, а также появился первый монастырь.

Монашество – это уединенный образ жизни, а монастырь – это место, в котором должны соблюдать этот основной принцип. Появившись в IV в., первые монастыри играли роль как раз того религиозного института, который придерживался аскетичного образа жизни. В ходе своего развития монашество дополнялось новыми функциями. Традиционными элементами монашества можно назвать следующие направления деятельности монастырей, а также основы его внутренней жизни:

- преемственность духовного опыта;
- аскетичный образ жизни;
- обязательный монашеский постриг или принятие монашеских обязанностей;
- просвещение;
- социальная деятельность.

Свято-Иннокентьевский православный женский монастырь – первый и единственный монастырь в ЕАО, образовавшийся из православного прихода. Приход в честь Святителя Иннокентия был зарегистрирован в 2000 г. в селе Раздольное, недалеко от областного центра – г. Биробиджана. Для прихода Биробиджанская епархия не только купила земельный участок с жилыми и хозяйственными помещениями, но и способствовала первоначальному поиску тех, кто готов был помочь строящемуся религиозному центру [5].

Позже приходу был предоставлен строительный вагончик, в котором прихожане не только совершали молитвы, но и оставались на определенное время. Одновременно с обустройством православного храма прихожане занимались огородничеством, разведением домашнего скота. Молитва для них стала основой любой деятельности. Как правило, в монастырях молитву читают во время трапезы, в начале любого послушания. Послушание – это своего рода обязательная деятельность каждого насельника, которая может быть различной. Основные виды послушания:

- уборка помещений;
- дежурство в трапезной;
- занятие сельским хозяйством;
- служение при храме;
- пошив одежды, работа в свечной и молочной и т. д.

Таким образом, послушание может иметь не только религиозный характер, но и повседневный.

В 2003 г. на территории православного прихода Святителя Иннокентия появился храм, который строился местными жителями и прихожанами.

Первые насельницы монастыря приехали в Раздольное только в 2005 г. Женщины приехали сюда для того, чтобы совершать богослужения и заниматься хозяйством. Всего насельниц было три, ранее они были знакомы с духовным наставником и руководителем прихода Святителя Иннокентия [6].

Сам Свято-Иннокентьевский женский монастырь был образован в январе 2007 г., после того как первые насельницы совершили рясофорный постриг. Покровителями Свято-Иннокентьевского монастыря стали Святитель Иннокентий, митрополит Московский, который способствовал просвещению Амурской территории, а также икона Божией Матери «Спорительница хлебов».

На сегодняшний день монастырь имеет несколько хозяйственных построек, сестринский жилой корпус, православный храм и домовую церковь, а также монастырское подворье, расположеннное в селе Кирга [7].

Монастырское подворье в с. Кирга – это православный приход во имя Иоанна Мученика. Данный приход возник по желанию и содействию местных жителей. Сестры Свято-Иннокентьевского монастыря взялись курировать данный приход. Монастырское подворье имеет ряд функций: хозяйственную, представительскую, религиозную. Подворье представляет монастырь на той территории, на которой оно находится. На его территории насельницы планируют заниматься сельским хозяйством. Самая главная функция – это религиозная. Пока ведутся строительные работы, сестры православного Свято-Иннокентьевского монастыря регулярно осуществляют молитвы.

Православный монастырь за короткое время своего существования стал значимым духовным центром не только г. Биробиджана и Еврейской автономной области, но и соседних регионов. Свято-Иннокентьевский женский монастырь осуществляет:

- религиозную деятельность;
- экономическую деятельность;
- просветительскую деятельность;
- социальную деятельность;
- благотворительность.

Религиозная деятельность осуществляется главным образом в проведении молитв, литургий и других обрядов. В монастыре регулярно проходят огласительные беседы и крещение ве- рующих. Осуществляется прием паломников. Паломники в Свято-Иннокентьевский монастырь приезжают достаточно часто. Хоть обитель и небольшая, но можно сказать, что она уникальна. Уникальность проявляется не только в том, что монастырь первый на данной территории, но и во внутреннем убранстве храмов, в водном источнике.

Свято-Иннокентьевский женский монастырь занимается:

- разведением домашнего скота;
- земледелием;
- изготавлением молочных продуктов;
- изготавлением и продажей свечей;
- изготавлением и продажей монастырской мази;
- изготавлением и продажей печатной памятной продукции [8].

Сестры монастыря активно взаимодействуют с представителями средств массовой информации. Журналисты часто приезжают в обитель в праздничные дни, чтобы в своих репортажах рассказать о жизни в монастыре, как насельницы готовятся к праздникам. Кроме этого насельницы принимают участие в конференциях, религиозных просветительских мероприятиях (например, ежегодные Иннокентьевские чтения).

Согласно новому социальному направлению деятельности Русской православной церкви, женский монастырь в ЕАО также занимается социальной работой с людьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию, с детьми-сиротами. Монастырь для них организует беседы духовного содержания, проводит экскурсии, мастер-классы.

Особую роль в социальном служении обители играет реализация проекта «Согрей детское сердечко». Данный проект осуществляется совместно с детским домом города Биробиджана и имеет следующие направления:

- духовные беседы с детьми-сиротами;
- экскурсии по святым местам Биробиджана и окрестностей;
- работа с потенциальными крестными родителями. Итогом данной работы является усыновление детей.

Кроме этого при монастыре часто организовывается детская площадка для девочек. Сестры придумывают различные занятия с развивающими элементами с обязательным духовным содержанием. Площадка рассчитана на небольшое количество детей, так как в обители недостаточно мест для совместного их проживания с наследницами.

Благотворительность является значимым элементом монастырского уклада. Нередко сестры Свято-Иннокентьевского монастыря помогают нуждающимся семьям или отдельным лицам. Так, во время наводнения они открыли пункт приема и выдачи благотворительных вещей первой необходимости, одежду и обувь, литературы и игрушек для детей. Вся выращенная ими продукция также была направлена в места подтопления.

На сегодняшний день монашество в Российской Федерации находится на стадии возрождения, ведется активное строительство монастырских комплексов. Хотя сегодняшние монастыри и являются воплощением старых монашеских традиций, в них есть и определенные изменения. Нынешние обители испытывают недостаток опытных руководителей (игуменов, игуменов). Небольшое количество старцев и духовных наставников способствует духовному осаждению монашеской жизни. Православным обителям сегодня приходится самостоятельно изучать основы монашеской жизни, внутренние особенности общежития. Кроме этого не все пришедшие в монастырь способны в нем жить, многим не хватает не только физического, но и духовного опыта. Данные проблемы есть и в Свято-Иннокентьевском женском монастыре ЕАО. Так, женский православный Свято-Иннокентьевский монастырь с помощью сети Интернет изучает рецепты монастырской кухни, особенности церковного песнопения и пошива монашеского облачения.

Таким образом, за небольшое время своего существования женский православный монастырь в Еврейской автономной области прошел трудный путь материального строительства, с нуля выстраивал свой внутренний уклад и несмотря на все сложности пытается не только сохранять традиции православия, но и активно участвовать в религиозной жизни региона.

Примечания и список литературы

1. Житенев С. Ю. Религиозный туризм и паломничество в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Журнал института наследия. 2016. № 1(4). С. 1–11.
2. Медведева К. С. Социальный образ православных монастырей и монашества в современной России // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 3. С. 45–62.
3. Общие сведения и исторические данные. URL: www.eparh.ru (дата обращения: 25.10.2017).
4. ГАХК Ф. Р.–1359. Оп. 3. Д. 6. Из справки Б. М. Гребенникова о религиозной ситуации в ЕАО, адресованной в Крайком ВКП(б) И. В. Щепину от 28.10. 1950 г. Л. 48–53.
5. Иващенко В. Сkit // Миг. 2000. 07 янв.
6. Хайнцкая Э. А. Женский монастырь во имя Святителя Иннокентия, митрополита Московского в Еврейской автономной области. 2013. С. 4 // ГА ЕАО. Ф. 629. Оп. 2. Д. 426.
7. Хайнцкая Э. А. Православные женские монастыри на территории Приамурья: история и современность. 2013. С. 56–58 // ГА ЕАО. Ф. 629. Оп. 2. Д. 425.
8. Хайнцкая Э. А. Женский монастырь во имя Святителя Иннокентия, митрополита Московского в Еврейской автономной области. 2013. С. 10–12 // ГА ЕАО. Ф. 629. Оп. 2. Д. 426.

Notes and References

1. ZHitenev S. YU. *Religioznyj turizm i palomnichestvo v Rossiijskoj Federacii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Religious tourism and pilgrimage in the Russian Federation: current state and development prospects] // ZHurnal instituta naslediya – Journal of the Institute of heritage. 2016, No. 1(4), Pp. 1–11.
2. Medvedeva K. S. *Social'nyj obraz pravoslavnih monastyrj i monashestva v sovremennoj Rossii* [Social image of Orthodox monasteries and monasticism in modern Russia] // Sociologicheskij zhurnal – Sociological journal. 2015, vol. 21, No. 3, pp. 45–62.
3. *Obshchie svedeniya i istoricheskie dannye* – General information and historical data. Available at: www.eparh.ru (date accessed: 25.10.2017).
4. SAHK F. P–1359. Inv. 3. 6. *Iz spravki B. M. Grebennikova o religioznoj situacii v EAO, adresovannoj v Krajkom VKP(b) I. V. SHCHepinu ot 28.10. 1950 g.* – From the reference by B. M. Grebennikov about the religious situation in the Jewish Autonomous Region, addressed to the Regional Committee of the CPSU(b) I. V. Shchepin from 28.10.1950 Sh. 48–53.
5. Ivashchenko V. Skit [Skit] //Mig – Moment. 2000.07 Jan.
6. Hajnickaya EH. A. *ZHenskij monastyr' vo imya Svyatitelya Innokentiya, mitropolita Moskovskogo v Evrejskoj avtonomnoj oblasti* [Nunnery in the name of St. Innokenty, Metropolitan of Moscow, the Jewish Autonomous region]. 2013. P. // SA JAR. F. 629. Inv. 2. File 426.
7. Hajnickaya EH. A. *Pravoslavnye zhenskie monastyri na territorii Priamur'ya: istoriya i sovremennost'* [Orthodox women's monasteries on the territory of the Amur region: history and modernity]. 2013. Pp. 56–58 // SA JAR. F. 629. Inv. 2. File 425.
8. Hajnickaya EH. A. *ZHenskij monastyr' vo imya Svyatitelya Innokentiya, mitropolita Moskovskogo v Evrejskoj avtonomnoj oblasti* [Nunnery in the name of St. Innokenty, Metropolitan of Moscow, the Jewish Autonomous region]. 2013. Pp. 10–12 // SA JAR. F. 629. Inv. 2. File 426.

Епископ Герман (Кокель) в новейшей истории русской церкви К 80-летию трагической кончины епископа Германа (Кокеля)

Васильев В. А.

доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова. 428015, г. Чебоксары, Московский просп., 15. E-mail: vasilyev_va@mail.ru

Аннотация: Данная статья приурочена к одной из актуальных проблем современности – 100-летию одного из главных исторических событий Русской православной церкви XX в. – восстановлению патриаршества и избрания святителя Тихона на патриарший престол, а также к 80-летию трагической кончины епископа Германа (Кокеля). Целью исследования является осмысление на примере жизни и деятельности святителя Германа подвижнического служения иерархов РПЦ. Их мудрое слово, мужество и стойкость в вере воодушевляли на созидательный труд и подвиги защиты Родины, учили чистоте, справедливости, объединяли разные народы, помогали выстоять в войнах за спасение Отечества. Епископ Герман (Кокель) в полной мере разделил судьбу России. Несмотря на репрессии и гонения, он сберег самое главное – веру.

Ключевые слова: духовность, народ, религия, церковь, священник, епископ, патриарх, просвещение.

Bishop Herman (Kokel') in the modern history of the Russian Church On the 80th anniversary of the tragic death of Bishop Herman (Kokel')

Vasilev V. A.

doctor of culturology, candidate of historical sciences, professor of the Department of archeology, ethnography and regional history, Chuvash State University n.a. I. N. Ulyanov. 15 Moskovsky Ave., 428015, Cheboksary.
E-mail: vasilyev_va@mail.ru

Abstract: This article is dedicated to one of the urgent problems of our time – the 100th anniversary of one of the main historical events of the Russian Orthodox Church of the XX century – the restoration of the Patriarchate and elected Saint Tikhon to the Patriarchal throne, as well as the 80th anniversary of the tragic death of Bishop Herman (Coquelles). The aim of the study is to comprehend the example of the life and work of St. Herman's selfless service of the hierarchs of the Russian Orthodox Church. Their wise words, courage and steadfast Faith inspired them to creative labor and heroic deeds of defending the homeland, taught purity, justice, unites different peoples, helped to survive in the war for the salvation of the Fatherland.

Keywords: spirituality, people, religion, Church, priest, Bishop, Patriarch, enlightenment.

Сохранение самобытности пути, единство народов на основе нашей культуры, истории и духовности – вот путь России в современную эпоху. В связи с этим важны и знания истории русской церкви. Патриархи Московские и всея Руси Гермоген и Филарет, их отвага и стойкость в вере явились для нашего Отечества символом преодоления внутренней смуты и иноземного ига начала XVII в., символом духовного, национального возрождения Российского государства. В этом славном ряду есть и имя епископа Германа (Кокеля), в полной мере разделившего судьбу России 20–30-х гг. прошлого столетия. Непоколебимая вера была духовной основой его бытия.

Научная новизна нашего исследования определяется, прежде всего, тем, что оно посвящено рассмотрению сквозь призму жития и деяния конкретной личности сложной и малоизученной проблеме истории церкви 20–30-х гг. XX в. Историко-биографический метод позволил проанализировать жизнь и деятельность святителя Германа для лучшего понимания его духовного мира, который отражал систему нравственных ценностей общества той эпохи. Историография вопроса крайне скудна. Наиболее полно жизнь и духовное наследие Г. А. Кокеля рассматриваются Н. А. Алешевой [1], В. А. Васильевым [2]. В кандидатских диссертациях Г. З. Агафоновой [3], И. А. Анохиной [4], Н. И. Герасимовой [5], В. Н. Иванова [6], О. Ю. Сергеевой [7] на соискание научных степеней по гуманитарным наукам биография и духовная деятельность епископа Германа (Кокеля) исследуется бегло, что вполне оправданно в контексте поставленной проблемы.

Родился Григорий Афанасьевич Кокель 28 ноября 1883 г. в семье крестьянина-чуваша Афанасия Кириллова в старинном селе Тарханы – волостном центре Буинского уезда Симбирской губернии (ныне село входит в Батыревский район Чувашской Республики. – В. В.) [8]. У своих родителей он стал третьим мальчиком. Это было радостью – значит, семья получит третий надел земли, что в условиях малоземельной Чувашии было очень значимо.

Крестили мальчика в Тарханской сельской церкви Богоявления Господня и Святой Троицы. Воспреемниками его стали крестьянин д. Шаймурзино Николай Козьмин и крестьянка с. Тарханы Анна Дмитриева, жена Андрея Кириллова. День пришелся на празднование святого Григория епископа Акрагантийского и святого Амфилохия епископа Иконийского, и поэтому новорожденного назвали Григорием.

Мальчик рос крепким, умным и озорным, что соответствовало имени («Григорий» в переводе с греческого означает «бодрый»). Учился он в одноклассном удельном сельском начальном училище, находящемся в Тарханах же, только на отлично. После успешного окончания учебы в училище он едет в столицу губернии Симбирск и поступает в чувашскую учительскую школу. Григорий проявляет здесь блестящие знания по всем предметам. Любознательного юношу более всего привлекали музыка и иностранные языки. Большое желание постичь языки, приумноженное на терпеливую, настойчивую работу по их изучению, принесло прекрасные плоды – Г. А. Кокель впоследствии владел пятью европейскими языками. Серьезное увлечение музыкой сделало его хорошим музыкантом и музыкovedом – он прекрасно играл на рояле, собирая и обрабатывая мелодии народных песен, даже сочинял.

Пытливый ум, яркие способности одаренного крестьянского парня подметил директор школы, выдающийся просветитель Иван Яковлевич Яковлев и стал заниматься с ним персонально. Пройдут годы, отшумят революции, а отношения между мудрым старцем и одаренным учеником перерастут в нерушимые узы дружбы. Даже тогда, когда многие отвернутся от своего великого учителя, а иные переметнутся в стан его врагов, Г. А. Кокель будет в числе тех немногих, которые останутся верными патриарху.

Выпускник Симбирской чувашской учительской школы Г. А. Кокель начинает воплощать в жизнь юношескую мечту – быть учителем. Он преподает чувашский и немецкий языки в школе села Батырево. Затем, после долгих раздумий, выполняя волю И. Я. Яковleva, «послужите делу христианского просвещения, распространяя свет Евангелия среди многочисленных народностей... Крепче всего берегите величайшую святыню – веру в Бога», посвящает себя служению духовному просветительству [9]. Как миссионер он идет на ниву Христову спасать и просвещать светом истины души некрещеных чувашей, все еще остававшихся в язычестве, чтобы безраздельно приобщить их к Православной церкви и русской культуре.

Особое значение в религиозной деятельности Кокель придавал ведению службы на родном чувашском языке, так как большинство прихожан не понимало русского языка. В отчете слушателя Казанских миссионерских курсов Григория Кокеля за лето 1908 г. по итогам обследования чувашей Буинского уезда Казанской губернии подчеркивается, что совершение богослужения и проповедей на чувашском языке «в деле христианского просвещения... имеет важное значение» [10].

Молодой священник Григорий стремился не только к тому, чтобы его проповеди были доступны и понятны пастве, но и вызывали божественное просветление душ. Его проповеди, в том числе и хранящиеся в фондах научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук, раскрывают светлый душевный порыв начидающего священнослужителя. Они мелодичны, напевны и пронизаны непоколебимой верой в Творца.

Богослужение на родном языке дало хорошие результаты. В упомянутом отчете курсист Г. А. Кокель отмечает, что если «10 лет тому назад языческое общественное жертвоприношение совершалось повсюду, а теперь оно оставлено совсем. Это произошло благодаря трудам духовенства из чувашской школы» [11].

Отец Григорий прекрасно осознавал, что без хорошо подготовленных священнослужителей из чувашей многотрудной задачи утверждения в христианской вере своих сородичей ему не решить. Поэтому он открывает в селе Старочелны-Сюрбеево Буинского уезда Симбирской губернии (ныне село Старочелны-Сюрбеево Комсомольского района Чувашской Республики. – В. В.) при храме Рождества Христова школу псаломщиков. Обряд возведения ее питомцев в священнический сан – хиротонию – совершил лично сам. Все они стали истинными пастырями, а архимандрит М. Уточкин – духовником епархии. Школа псаломщиков просуществовала недолго, но она сыграла немаловажную роль в усвоении чувашами в начале XX столетия православия.

Достойно неся свою ответственную миссию, отец Григорий расширяет и свое общественное служение. Он плодотворно работает на ниве народного просвещения. Убедительным приме-

ром тому является то, что в Сюрбеевской церковно-приходской школе отец Григорий наряду с Законом Божиим преподавал учащимся немецкий язык, музыку, учили играть их на рояле. Помогала в этом ему и жена [12].

Неутомимой и плодотворной была его борьба по привитию прихожанам навыков чтения книг, как богослужебных, так и светских. Приходилось преодолевать огромные финансовые трудности и чиновничьи препоны при их печатании на чувашском языке. Поэтому в начале 1914 г. он приходит к мысли о «заведении собственной типографии для печатания чувашских книг». С этой целью молодой священник выписывает из Петербурга типографское оборудование и начинает издавать в селе Старочелны-Сюрбеево литературу на чувашском языке. Здесь наряду с религиозными изданиями были напечатаны и светские книжки.

В целях сохранения культурно-религиозного наследия много сил и энергии приложил о. Григорий для восстановления монастыря, существовавшего близ села Ильина гора в Курмышском уезде Симбирской губернии (ныне село Ильинка Моргаушского района Чувашской Республики. – В. В.). Святая обитель была уничтожена во время Пугачевского восстания в 1774 г. В письме от 3 марта 1914 г. к своему добруму и мудрому наставнику Н. В. Никольскому, ученому, просветителю, профессору Казанского университета, основателю первой чувашской газеты «Хыпар», он пишет: «Чувашский монастырь... вполне необходим... Мне хотелось бы всенижайше просять Вас, Николай Васильевич, – не поможете ли мне своими советами по сему делу? Может быть, согласитесь достать планы и грамоты этого монастыря из архива?.. Если хотите – Вы будете основателем сего Чувашского монастыря или богадельни, чтобы для чуваш польза была» [13]. Однако «это святое дело для чуваш» ему так и не удалось претворить в жизнь.

Весь свой интеллект, весь накопленный опыт и всю деятельность энергию он концентрирует на возрождении религиозного и национально-культурного сознания чувашского народа. Главным, определяющим в этом было создание самостоятельной единой епархии Чувашии, так как все православные приходы чувашского края до этого были в Симбирском и Казанском архиерейских домах (епархиях). Этими мыслями он вновь делится с Н. В. Никольским. В письме от 15 июля 1922 г. из Петрограда пишет, что «настал случай и нам, чувашам, получить епископа из чуваш». Далее Г. А. Кокель просит своего учителя прислать «общую схему чувашской кафедры» [14].

Поместный Собор Русской православной церкви, состоявшийся в решающее время для страны – 1917–1918 гг., принял историческое решение о восстановлении Патриаршества в России. На патриарший престол был избран святитель Тихон. По его – Патриарха Московского и всея Руси – благословению весной 1920 г. был открыт Петроградский Богословский институт. Одним из его слушателей стал и Г. А. Кокель. Это свидетельствовало о его усердном и кропотливом пути в Богопознание. Возможности, пределы и пути постижения божественной сущности человеком он постигал сначала в Симбирской духовной семинарии, затем на двухгодичных миссионерских курсах при Казанской духовной академии, и вот, наконец, Петроградский Богословский институт.

Учился он с большим старанием и успехом. Работал над кандидатской диссертацией. Поиск и находка этой работы, бесспорно, еще рельефнее обозначают его многогранный талант. Она может стать, на наш взгляд, отдельным научным исследованием.

Весной 1923 г. Г. А. Кокель был в числе первых 26 выпускников Петроградского Богословского института. Отметим, что из-за последовавшего вскоре закрытия института они стали и единственными его выпускниками.

В 1924 г. патриарх Тихон направляет Г. А. Кокеля к Преосвященному Афанасию епископу Чебоксарскому, чтобы «остричь в монашество» [15], а 17 декабря того же года возводит в сан епископа. При рукоположении дает Г. А. Кокелю имя Герман и определяет его «епископом Чувашским в с. Ибреси». Акт наречения нового Владыки именно этим именем, означающим «единокровный», на наш взгляд, имел глубокий смысл. Святейший Патриарх тем самым утвердил его великий статус, сказав пастырям, а также врагам: «Сей – от рода Нашего». С новоизбранным епископом Германом (Кокелем) верующие связывали свои помыслы и надежды, ждали от него защиты, поддержки и наставления.

Епископство Германа началось с его бескомпромиссной борьбы с представителями обновленчества в Чувашии – оппозиционным движением, возникшим в русском православии весной 1922 г. из-за несогласия части духовенства и верующих политикой патриарха Тихона, направленной против советской власти. Обновленцы заявили о политической поддержке нового, социалистического, государства, демократизировали церковное управление и потребовали пересмотра некоторых важных сторон религиозно-церковной жизни. К началу 1923 г. аналогичная картина наблюдалась и в приходах Чувашской автономной области. Высшее церковное управление обновленчества учредило Чувашскую епархию и переподчинило ей православные общины Чува-

шии, входившие в Казанскую епархию. Наиболее активные участники оппозиционного движения священники В. Зайков и Д. Филимонов под именами Тимофей и Даниил были возведены в сан епископа, а второй – архиепископа. Отметим, что Русская православная церковь священнические саны обновленцев не признает. В 1924 г. небольшая группа священников-обновленцев во главе сprotoиереем В. Красновым выступила даже с предложением о создании Чувашской автокефальной (независимой) церкви. Однако еретики в Чувашии не получили широкой поддержки среди сторонников РПЦ. Во многом это объясняется ярым противодействием и активным разоблачением епископом Германом раскольнической сущности обновленцев. Получив благословление Святейшего Патриарха Тихона на управление всеми православными приходами Чувашии, он за короткий срок пешком, иногда на лошади, обходит их и привлекает на свою сторону значительную часть духовенства и верующих. Уже в 1925 г. из 230 зарегистрированных православных приходов 159 относили себя к традиционному православию.

Однако вернемся к беседе Патриарха Тихона с епископом Германом, произошедшей в 1924 г. после возведения его в высокий сан. Завершая разговор, мудрый старец произнес: «...если Вас послать на его (Тимофея. – В. В.) место, то кабы он **не съел Вас**». Делясь с Н. В. Никольским мрачным предчувствием Святейшего, он пишет: «Печально! Ведь теперь настали такие времена, когда мы, чувавши, законным образом получили бы самостоятельную епархию. Вообще мое положение, будущее покрыто неизвестностью. Направь в Чувашскую область, **неизбежно** со стороны Тимофея – обычно в этих случаях – **клевета, обвинения перед властью**» (выделено автором. – В. В.).

К глубокому сожалению, эти мрачные предвидения имели трагический конец. 4 июня 1926 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ, принимая во внимание, что «далнейшее пребывание епископа Германа на территории ЧАССР может вредно отразиться на политическом настроении и спокойствии населения», постановило: «Кокеля Григория Афанасьевича выслать из Чувашской Республики сроком на три года с прикреплением к определенному месту жительства» [16].

Так, обновленцы и богооборцы, объединив усилия, изгнали ненавистного им верного последователя учения Христа из родимого края. Преданного ученика постигла участь учителя! Святитель Герман много раз был арестован, в последний раз – в феврале 1933 г. в г. Хабаровске.

Однако не сломлен был могучий дух непокорного епископа. Ораторское мастерство, знание истин православной веры, мягкий и добрый характер, внутренняя и внешняя красота, пламенная и искренняя любовь к Богу притягивали к нему православный народ, где бы он ни служил. После освобождения из лагерей он каждый раз вынужден будет менять место своей духовной службы. Список этот длинен. В 1926–1927 гг. Герман – епископ Бугульминский, викарий Самарской епархии, 1927–1928 гг. – епископ Бугурусланский (Оренбургская область). С 1928 г. – епископ Кузнецкий, викарий Томской епархии. В 1929–1930 гг. управляет Томской епархией. С ноября 1930 г. – временно управляющий Омской и Павлодарской епархией. В августе 1931 г. он назначается епископом Барнаульским и Бийским. В 1932–1933 гг. епископ Герман управляет Хабаровской и временно Приморской и Владивостокской епархиями. С 1933 г. он епископ Благовещенский (Амурская область) [17].

Когда исполнит великую и светлую миссию примет, как и Иисус, венец мученика, житие его в мире этом завершится в БАМлаге – Байкало-Амурском исправительно-трудовом лагере – 2 ноября 1937 г. утренним глухим выстрелом в городе с чарующим названием Свободный.

Мученический подвиг епископа Германа (Кокеля) Священным синодом Русской православной церкви 17 июля 2001 г. вписан навеки в Собор новомучеников и исповедников Российских XX в. Заметим, в списке святых Русской православной церкви он является первым и единственным из чувашей.

Деятельность его не обходилась только духовным служением. Он был ученым-богословом, просветителем, философом, музыковедом, историком, этнографом. Так, изучая историю происхождения чувашского народа, высказал гипотезу о его китайских истоках. Священник-исследователь проводил историко-этнографические экспедиции, в ходе которых составлял истории сел и деревень губерний, скрупулезно собирал народные песни, сказания, изучал обряды, верования чувашей, издавал в собственной небольшой типографии литературу на чувашском языке.

Восемьдесят лет прошло со дня ухода в мир иной священномученика Германа (Кокеля). И это прошедшее время, особенно время социальных, экономических трансформаций, которые переживала наша страна в конце XX в., убедительно доказало его непреходящее значение для духовности, культуры и государственности России.

Потребуется значительное время для того, чтобы во всей полноте постигнуть глубину действий святителя. Всю свою жизнь он посвятил страданию и борьбе за веру православную, за воскресение Святой Руси.

Он был духовным вождем, проповедником и великим молитвенником. Духовное наследие святого мученика Германа (Кокеля) явится верным ориентиром возрождения Святой Руси. Скажем и мы словами кондака (песнопения): «... в отечестве твоем возсиял еси солнце, просвещая светом Божественным земли, Гермоне священомучениче» [18].

Примечания и список литературы

1. Аleshева Н. А. Св. священномученик Герман (Кокель). Жизнь, труды и страдания (новомученики). Н. Новгород, 2002. 102 с.
2. Васильев В. А. Алексей Афанасьевич Кокель. 1880–1956. Жизнь и творчество. Чебоксары, 2009. 2-е изд., испр. и доп. 336 с.
3. Агафонова Г. З. Духовно-нравственные традиции отечественного начального образования второй половины XIX – начала XX в. (на примере церковноприходских школ) : дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2006.
4. Анохина И. А. Просвещение нерусских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2009.
5. Герасимова Н. И. Культурообразовательная роль религии в процессе формирования чувашского этноса : дис. ... канд. культурологии. Киров, 2003.
6. Иванов В. Н. Просветительская деятельность И. Я. Яковлева и ее анализ в культурологическом аспекте : дис. ... канд. культурологии. СПб., 1999.
7. Сергеева О. Ю. Духовно-нравственное воспитание старшеклассников в учреждениях дополнительного образования : дис. ... канд. пед. Чебоксары, 2007.
8. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, в земле Чувашской просиявших. Изд. первое. Чебоксары, 2009. С. 124.
9. Куракова А. Д., Васильев В. А. Епископ Герман (Г. А. Кокель) – духовный наставник чувашского народа // Творческое и духовное наследие А. А. Кокеля. Чебоксары, 2006. С. 90.
10. Там же. С. 89.
11. Там же. С. 89.
12. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, в земле Чувашской просиявших... С. 126.
13. Васильев В. А. Алексей Афанасьевич Кокель. 1880–1956. Жизнь и творчество. Чебоксары, 2009. 2-е изд., испр. и доп. С. 25.
14. Там же. С. 26.
15. Куракова А. Д., Васильев В. А. Указ. соч.
16. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, в земле Чувашской просиявших... С. 137.
17. Куракова А. Д., Васильев В. А. Указ. соч. С. 91.
18. Васильев В. А. Указ. соч. С. 29.

Notes and References

1. Aleshova N. A. *Sv. svyashchennomuchenik German (Kokel')*. *ZHizn', trudy i stradaniya (novomucheniki)* [St. martyr Herman (Kokel)]. Life, labours and sufferings (the new martyrs)]. N. Novgorod. 2002. 102 p.
2. Vasil'ev V. A. *Aleksej Afanas'evich Kokel'*. 1880–1956. *ZHizn' i tvorchestvo* [Aleksey Afanasievich Kokel. 1880–1956. Life and work]. Cheboksary, 2009. 2 ed., rev. and ext. 336 p.
3. Agafonova G. Z. *Duhovno-nravstvennye tradicii otechestvennogo nachal'nogo obrazovaniya vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. (na primere cerkovnoprihodskih shkol)* :dis. ... kand.ped. nauk [Spiritual and moral traditions of the national primary education of second half of XIX – beginning of XX centuries (on the example of parish schools): dis. cand. ped. sciences]. Cheboksary, 2006.
4. Anohina I. A. *Prosveshchenie nerusskikh narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* :dis.... kand. ist. nauk [Education of non-Russian peoples of the Middle Volga region in second half of XIX – early XX century: dis.... cand. hist. sciences]. Penza. 2009.
5. Gerasimova N. I. *Kul'turozidatet'naya rol' religii v processe formirovaniya chuvashskogo etnosa* :dis. ... kand. kul'turologii [Cultural and creative role of religion in the formation of the Chuvash ethnos: dis. cand. cultural studies]. Kirov. 2003.
6. vanov V. N. *Prosvetitel'skaya deyatel'nost' I. YA. YAKOVLEVA i ee analiz v kul'turologicheskem aspekte* :dis. ... kand. kul'turologii [Educational activities of I. Yakovlev and analysis in the cultural aspect: dis. cand. cultural studies]. SP b. 1999.
7. Sergeeva O. YU. *Duhovno-nravstvennoe vospitanie starsheklassnikov v uchrezhdeniyah dopolnitel'nogo obrazovaniya* :dis. ... kand.ped. [Spiritual and moral education of senior pupils in establishments of additional education: dis. cand. ped. sciences]. Cheboksary. 2007.
8. *ZHitiya novomuchenikov i ispovednikov Rossijskikh XX veka, v zemle Chuvashskoj prosiyavshih* – The lives of the martyrs and confessors of Russia of the XX century, brightened in the land of the Chuvash]. Ed. Ist. Cheboksary. 2009. P. 124.

9. Kurakova A. *File, Vasil'ev V. A. Episkop German (G. A. Kokel')* – duhovnyj nastavnik chuvashskogo naroda [Bishop Herman (G. A. Kokel) is the spiritual master of the Chuvash people] // *Tvorcheskoe i duhovnoe nasledie A. A. Kokelya* – Creative and spiritual heritage of A.A. Kokel'. Cheboksary. 2006. P. 90.
10. Ibid. P. 89.
11. Ibid. P. 89.
12. *ZHitiya novomuchenikov i ispovednikov Rossijskikh XX veka, v zemle Chuvashskoj prosiyavshih* – The lives of the martyrs and confessors of Russia of the XX century, brightened in the land of the Chuvash] P.126.
13. *Vasil'ev V. A. Aleksej Afanas'evich Kokel'. 1880–1956. Zhizn' i tvorchestvo* [Aleksey Afanasievich Kokel. 1880–1956. Life and work]. Cheboksary. 2009. 2d publ., rev. and ext. P. 25.
14. Ibid. P. 26.
15. Kurakova A. D., Vasil'ev V. A. Op. cit.
16. *ZHitiya novomuchenikov i ispovednikov Rossijskikh XX veka, v zemle Chuvashskoj prosiyavshih* – The lives of the martyrs and confessors of Russia of the XX century, brightened in the land of the Chuvash] P.137.
17. Kurakova A. D., Vasil'ev V. A. Op. cit. P. 91.
18. Vasil'ev V. A. Op. cit. P. 29.

Милан Растислав Штефаник в воспоминаниях Луизы Вайс (к 125-летию со дня рождения известной журналистки и общественного деятеля)

Колесников Б. В.

аспирант кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет. 400062, г. Волгоград, Университетский просп., 100. E-mail: boryanVolg34@mail.ru

Аннотация: В данной статье раскрывается образ одного из лидеров чехословацкого национального движения М. Р. Штефаника в письмах и воспоминаниях журналистки и общественного деятеля Л. Вайс. Дается оценка использованных документов как исторического источника для изучения биографий этих выдающихся людей. В статье выясняется, в какой степени национальное движение и деятельность М. Р. Штефаника нашли отражение в письмах и воспоминаниях Л. Вайс и какое значение имела деятельность самой Л. Вайс для данного движения. Также на основе документов делается вывод о взаимовлиянии судеб М. Р. Штефаника и Л. Вайс. Наряду с личностью М. Р. Штефаника, при анализе источников особое внимание уделяется характеристике личности Луизы Вайс, которая также недостаточно хорошо известна в России.

Ключевые слова: письма и мемуары, Милан Штефаник, Луиза Вайс, чешско-словацкое национальное движение, политическая публицистика.

Milan Rastislav Štefanik in Louise Weiss's reminiscence (for 125th birthday anniversary of famous journalist and public figure)

Kolesnikov B. V.

postgraduate student of the Department of international relations, political science and area studies, Volgograd State University. 100 Universitetskiy Ave., 400062, Volgograd. E-mail: boryanVolg34@mail.ru

Abstract: In this article, we discover the image of M. R. Štefanik, one of the leaders of the Czechoslovak national movement, in the letters and memoirs of L. Weiss, journalist and public figure. These historical sources are evaluated for purpose of investigation of both remarkable person's biographies. In the article, we reveal degree of reflection of the national movement and M. R. Štefanik's activity in L. Weiss's letters and memoirs and the significance of L. Weiss's activity for this movement. Based on documents, it's also concluded about an interaction of M. R. Štefanik's and L. Weiss's lives. Besides M. R. Štefanik's personality, L. Weiss's one is specifically characterized, because she is also not well known in Russia.

Keywords: letters and memoires, Milan R. Štefanik, Louise Weiss, Czech and Slovak national movement, political journalism.

Милан Растислав Штефаник (21 июля 1880 – 4 мая 1919) – один из лидеров чехословацкого национально-освободительного движения. Он был политиком, дипломатом, астрономом, метеорологом, специалистом в области беспроволочной телеграфии, изобретателем, путешественником. М. Р. Штефаник посвятил себя борьбе за освобождение чехов и словаков, созданию Чехословацкой республики. Он с поразительной целеустремленностью, преодолевая массу препятствий, сумел реализовать свое незаурядное призвание [1]. В октябре 2018 г. созданию первой Чехословацкой республики исполнится 100 лет.

В условиях Первой мировой войны военно-дипломатическая деятельность М. Р. Штефаника была направлена на организацию и дипломатическое обеспечение чехословацких военных формирований в странах Антанты и США. Он трижды побывал в России, в том числе в переломные моменты истории нашей страны. В связи с этим фигура М. Р. Штефаника и его вклад в эпопею чехословацких легионеров в России представляют особый интерес и для исследователей событий отечественной истории.

Для изучения жизни М. Р. Штефаника могут и должны использоваться самые разные источники, позволяющие осветить его деятельность в разных ракурсах. Источники личного происхождения представляют собой переписку с близкими друзьями и мемуарную литературу. Дневники М. Р. Штефаника не сохранились или еще не найдены. В какой-то степени этот пробел мо-

жет заполнить ценная информация о нем и связанных с ним исторических событиях, полученная из личной переписки. Письма дают нам представление о его взаимоотношениях со своим окружением, раскрывают интересные подробности о его характере, мыслях и чувствах. С помощью этих источников мы можем узнать, какие проблемы волновали М.Р. Штефаника в конкретный момент времени, какие он находил решения. К числу данного вида источников относятся письма М. Р. Штефанику журналистки Л. Вайс [2].

Письма Луизы Вайс Милану Штефанику, написанные в 1916–1917 гг., хранятся в Словацком национальном архиве в Братиславе [3]. К ним обращались словацкие ученые, но до настоящего времени они не были опубликованы на русском языке. Перевод источников, использованных в статье, с французского на словацкий выполнен Богумилой Ференчуковой, со словацкого на русский выполнен автором.

По причине недостаточной вовлеченности данного источника в изучение М. Р. Штефаника в данной статье попытаемся выяснить, в чем значение писем М. Р. Штефанику Луизы Вайс, в чем заключается их эвристический потенциал, их уникальность в освещении личности М. Р. Штефаника и его деятельности. Также необходимо определить роль их взаимоотношений в судьбах этих двух выдающихся людей.

Невозможно рассматривать какой-либо текст в отрыве от автора, тем более что сама Луиза Вайс, как и Милан Штефаник, заслуживает особого внимания.

Родилась Луиза Вайс 25 января 1893 г. в Аппасе. Она выросла в лютеранской буржуазной семье, принадлежащей к высшему обществу. Ее отец, родом из Эльзаса-Лотарингии, был горным инженером, начальником рудника, мать происходила из старинной еврейской семьи, уходящей родственными связями в далекое прошлое Центральной Европы. Луиза стала одной из первых девушек, которые были приняты в Лицей Мольера в Париже и приобрели право получить такое же образование, как и мальчики. После обучения в Лицее Луиза поступила в университет, закончила его в июне 1914-го в возрасте 21 года, сдав государственный выпускной экзамен *agrégation*.

Когда началась Первая мировая война и Луиза узнала, что на фронте погибли ее одноклассники, она основала небольшую больницу и некоторое время работала в ней в качестве медсестры. Позже Луиза стала работать в газете *Radical*, где вступила в тесный контакт с миром политики и прессы. В декабре 1915 г. в салоне Клэр Боас де Жувенель Луиза Вайс познакомилась с Миланом Штефаником. Военный летчик сразу же заинтересовал ее увлекательным рассказом о своих путешествиях, экспедициях для наблюдения солнечных затмений. Он до войны в течение нескольких лет побывал почти во всех европейских странах, в научных целях совершил кругосветное путешествие, а на о. Таити основал обсерваторию для наблюдений движения яркой кометы Галлея. Его первая поездка в Россию была связана с наблюдением полного солнечного затмения в 1907 г. Луизу и представителей высшего французского общества заинтересовали и его рассказы об участии в боях на сербском фронте осенью 1915 г. [4] Неудивительно поэтому, что М. Р. Штефаник в парижском свете слыл душой компании и пользовался популярностью у женщин [5].

По воспоминаниям Луизы Вайс, он часто делился с ней планами по созданию государства чехов и словаков. Она написала об этом несколько статей в газеты *Radical* и *Paris-Midi* [6]. В своих письмах она часто спрашивала мнение М. Р. Штефаника о своих статьях на чехословацкую тему [7].

Письма свидетельствуют о постепенном духовном сближении Луизы и Милана. Он рассказал ей о жизни в Словакии, о будущих научных достижениях, предсказал покорение космоса и выразил надежду, что новые научные достижения помогут обуздать людскую агрессивность [8].

Симпатия и восхищение М. Р. Штефаником постепенно сменились глубокой дружеской привязанностью. В ее письмах прослеживается история взаимоотношений мудрой и отважной двадцатиreichлетней журналистки Луизы Вайс и проявившего себя уже во многих сферах деятельности талантливого ученого, смелого летчика, путешественника, дипломата и первого военного министра Чехословакии М. Р. Штефаника.

Переписка Л. Вайс со М. Р. Штефаником и ее воспоминания выявляют подробности его деятельности в Париже по решению чехословацкого вопроса, о встречах с Т. Г. Масариком и Эдвардом Бенешем. Из писем мы узнаем, что М. Р. Штефаник постоянно информировал Луизу Вайс о своих действиях и планах, способствующих развитию чехословацкого движения. Луиза Вайс с глубоким интересом и деятельным участием относилась к его сообщениям. «Ваше дело стало также немножко нашим», – пишет она [9].

1 января 1916 г. Луиза Вайс навестила М. Р. Штефаника в больнице, и он, несмотря на тяжелое состояние, стал обсуждать с ней чешско-словацкий вопрос. Луиза узнала от Милана, что в ближайшее время приедет в Париж профессор Т. Г. Масарик. По планам Т. Г. Масарика и

М. Р. Штефаника, они должны объединить чехов и словаков за рубежом, особенно в США и России. М. Р. Штефаник рассказал, что он собирается сформировать национальную армию, продумывает систему ее финансирования. «Я принесла ему красные и белые гвоздики, цветы в чешских цветах», – написала Луиза [10].

В воспоминаниях Луизы Вайс отражено появление в феврале 1916 г. Чехословацкого национального совета (ЧСНС), который должен был стать высшей инстанцией будущего государства; М. Р. Штефаник в нем представлял словаков. По мнению М. Р. Штефаника, деятельность ЧСНС должна вызвать у чехов и словаков, проживающих в разных странах, патриотические чувства. «Целая шахматная доска этой великой игры, не упуская ни одного политика, представляла в воображении Милана Штефаника» [11].

В рассказах М. Р. Штефаника Луиза Вайс видела начало тщательно продуманной организации военного и политического сопротивления Австро-Венгрии. М. Р. Штефаник мечтал о создании Чехословакии, добивался сплочения чехов и словаков, способствовал развитию чехословацкого освободительного движения. Он работал, часто превозмогая физическую боль, усталость, тяготы военного времени. Обладая аналитическим умом, он, как талантливый политик и дипломат, рассчитывал свои действия с математической точностью. Письма и воспоминания Луизы Вайс это подтверждают [12].

По словам Луизы, ей приходилось устраивать у себя дома встречи М. Р. Штефаника и Т. Г. Масарика [13]. Они все вместе обсуждали дела и предстоящие планы чехословацкого национального движения. Ее отец был сначала смущен присутствием таких гостей, но мать стала считать эти встречи продолжением семейной традиции. Она знала, что ее дед принимал в своем поместье в Граншампе в 60-х гг. XIX в. Ф. Палацкого и Ф. Л. Риегра – лидеров чешской национальной партии [14]. В дальнейшем Луиза и члены ее семьи были в курсе всех политических событий, связанных с деятельностью Т. Г. Масарика, М. Р. Штефаника и их единомышленников. В одном из писем М. Р. Штефанику она сообщает: «Мы пригласили госпожу де Вие и господина Масарика. Только что я получила от него секретную книгу о независимой Чехии. Это замечательное понимание национального духа и научная точность!» [15]

Подобные встречи, участницей которых была Л. Вайс, способствовали ее включению в пропаганду дела национального освобождения чехов и словаков. В своих статьях она разъясняла широкому кругу читателей взгляды Т. Г. Масарика, М. Р. Штефаника и Э. Бенеша. В письме от 13 мая 1916 г. Луиза пишет: «Я отправляю Вам несколько газетных вырезок, которые Вы должны прочитать и которые я сама по слуху сделала; я докажу Вам, что вы завоевали симпатии прессы, что Ваше дело уже известно и готово к тому, чтобы в подходящий момент его осуществить» [16]. Луиза Вайс содействовала расширению контактов М. Р. Штефаника в высших сферах среди политиков, журналистов, университетских профессоров, в военных кругах [17].

Часть писем была написана Л. Вайс во время пребывания М. Р. Штефаника в России, Румынии и США, где он собирался объединить чехословацкое сопротивление и ускорить формирование чехословацких военных соединений. В письме от 27 мая 1917 г. она обобщает свои переживания в связи с проблемами, с которыми Милан столкнулся во время пребывания в России [18].

М. Р. Штефаник находился в сложных условиях. С одной стороны, его контролировали французские офицеры, с другой стороны, он находился под неусыпным надзором российской полиции [19]. В результате дипломатической миссии в России М. Р. Штефаник содействовал объединению российских чехов и словаков вокруг ЧСНС, привлек внимание российского правительства к положению и проблемам своих соотечественников. Его деятельность положила начало созданию чехословацких легионов в России.

Луиза работала над новым ревю, которому дала масариковское название «Europe nouvelle» – «Новая Европа». В нем нашли отражение взгляды чехословацких лидеров на будущее Европы, обосновывались те же идеалы, что были присущи чехословацкому национальному движению [20]. Первый номер ревю был опубликован 12 января 1918 г. Там провозглашались права народов на самоопределение и основное место отводилось международным отношениям, экономике и искусству.

Многие события войны разворачивались на глазах у журналистки. В письме от 30 июня 1917 г. Луиза Вайс пишет М. Р. Штефанику «Я ненавижу войну. Я ненавижу все, из чего она состоит, я постоянно думаю о страданиях матерей. Мне представляется чудовищной слава моих братьев, убивающих большое количество людей, каждого из которых с нежностью любила какая-то женщина, для которой он был единственной радостью в мире» [21]. Она считала, что национальное движение чехов и словаков приближает распад Австро-Венгрии, а следовательно, и конец войны. «Вы не воюете сейчас, вы добиваетесь мирной конференции, и поэтому принадлежите к

числу величайших людей... Австрии близится конец. Из-за Вашей поездки (в США. – Б. К.) значительно усилились ее трудности» [22].

Письма и воспоминания Л. Вайс способны дополнить картину взаимоотношений М. Р. Штефаника и Э. Бенеша. В письмах Луизы М. Р. Штефанику 1916–1917 гг. Э. Бенеш характеризуется как его менее умный, но добросовестный и внешне любящий приятель [23]. «Мне нравится его лояльность и энергия, а также его огромная симпатия к Вам» [24]. Но в позднейших воспоминаниях Луиза подчеркивает противоречия между М. Р. Штефаником и Э. Бенешем и их взаимную неприязнь. «Никогда двое мужчин не боролись за одни и те же идеалы с такой же настойчивостью и преданностью и не испытывали такой ненависти: Милан был сама интуиция, Эдвард – воплощение администрации, Милан в течение нескольких минут подытоживал суть события, Эдвард его бесконечно анализировал, Милан утверждал свою власть, Эдвард предпочитал ее получить» [25]. Тем не менее, по словам Л. Вайс, М. Р. Штефаник не придавал особого значения разногласиям с Э. Бенешем и считал, что их общие цели по созданию Чехословацкого государства гораздо сильнее сиюминутных споров.

М. Р. Штефаник вел переговоры с высшими государственными деятелями союзников. По воспоминаниям Луизы, главным желанием Милана было сесть за стол мирной конференции [26]. Вместо этого он вынужден был, не зная отдыха, путешествовать сушей, морем, воздухом из Италии в Россию, в США и в Сибирь. 15 марта 1919 г. Милан вернулся в Париж. Он узнал, что Э. Бенеш не обеспечил его участия и выступления на мирной конференции. Чехословацкий министр иностранных дел вместо М. Р. Штефаника присутствовал при принятии решений о чехословацких легионерах во Франции и Италии и об их возвращении на родину.

М. Р. Штефаник был на встрече с Луизой очень разгневанный и думал только о возвращении в Чехословакию, где хотел посетить Э. Бенеша. Он сказал ей, что хочет вместе с Т. Г. Масариком обсудить судьбу страны и взять решение многих важных вопросов в свои руки [27]. Его слава боевого лидера могла ему помочь взять верх над Э. Бенешем. Но ему не суждено было принять участие в окончательном формировании государства.

Луиза Вейс искренне любила Милана Штефаника, но он предпочел объявить своей невестой Джюлиану Бенцони. Луиза пишет: «С Джюлианой невозможно было бороться. И я не думала об этом. То, как Милан боготворил эту хрупкую аристократку, воспитанную во дворце во влиятельной семье, многое бы добавило образу Милана Штефаника как человека-легенды» [28].

Решение М. Р. Штефаника жениться на Дж. Бенцони не нарушило дружеские отношения и духовную связь между ним и Луизой. Но в одном из писем она решила указать Милану на недостатки: «Вы авторитарный, скрытный, Вы не заботитесь о своем здоровье, мало верите женской лояльности и имеете ужасный характер. Тем не менее верьте в мою глубокую и искреннюю симпатию» [29].

4 мая 1919 г. Милан Растислав Штефаник возвращался на родину из Италии. Но полет трагически оборвался. На подлете к Братиславе самолет потерпел крушение. Вокруг трагической гибели М. Р. Штефаника сразу же стали возникать легенды.

Сообщение о смерти М. Р. Штефаника Л. Вайс узнала из газет и была потрясена. Она плакала, потому что уже не было того, кто вселял в нее мужество, понимал ее и поддерживал. Согласно воспоминаниям, она приняла решение продолжить свою общественную деятельность ради памяти о М. Р. Штефанике. Луиза Вайс не прервала контакты с Чехословакией, вместе с маркизой Дж. Бензони отдала дань памяти М. Р. Штефанику, посетив его могилу на Брадле. Она написала первую монографию, посвященную новой республике [30].

Как главный редактор, а затем и владелец «Europe nouvelle» Л. Вайс много писала о Восточной Европе. В 20-е гг. она была тесно связана с Лигой Наций и в Женеве преподавала «науку о мире», которую в дальнейшем распространяла на школу, которую создала в Париже (1930–1936). Она поддерживала идею А. Бриана о единой Европе. В 1934 г. Луиза Вайс основала общество «Новая женщина», которое поставило своей целью бороться за избирательное право для женщин. Далее последовали противодействие Мюнхену, сопротивление во время Второй мировой войны и эмиграция в Соединенные Штаты. После войны Луиза Вайс отправилась в путешествия, чтобы лучше узнать мир подобно тому, как раньше М. Р. Штефаник путешествовал по всему миру. В 1951–1966 гг. Луиза Вайс подготовила 32 документальных фильма.

Луизе Вайс посчастливилось прожить долгую и плодотворную жизнь. Она принимала участие в обсуждении важных общественных вопросов, занималась писательской деятельностью, много путешествовала. В 1975 г. стала членом Французской академии наук, а в 1979 г. в возрасте 86 лет она была избрана депутатом Европейского парламента. Умерла Луиза Вайс в Париже 26 мая 1983 г.

Письма Л. Вайс позволяют судить о месте и роли М. Р. Штефаника в парижском высшем обществе, его деятельности в Париже, взаимодействии с другими лидерами чешско-словацкого движения, о его взглядах, настроениях и личных качествах. В письмах прослеживается две основных линии. Первая, обусловленная целью их создания, – взаимоотношения Л. Вайс и М. Р. Штефаника. Благодаря ей письма формируют образ М. Р. Штефаника как личности, отражают его взгляды, чувства и переживания. Оценка Л. Вайс М. Р. Штефаника и его деятельности исключительно субъективна, но она позволяет лучше понять взгляд на него со стороны его окружения. Рядом с первой линией неизбежно прослеживается и вторая – в них отражается деятельность Т. Г. Масарика, М. Р. Штефаника и Э. Бенеша – лидеров чехословацкого национального движения. Журналистка Луиза Вайс помогала им в расширении контактов в парижских высших кругах, свои статьи она посвящала борьбе за чехословацкую независимость. Искренне сочувствуя чехословацкому национальному движению, Л. Вайс в салонах и прессе содействовала достижению его целей, доводила до его лидеров актуальную политическую информацию. Также в свете сопоставления с позднейшими оценками письма Л. Вайс представляют интерес для изучения взаимоотношений М. Р. Штефаника с Э. Бенешем.

Примечания и список литературы

1. Богданов Ю. В. Милан Растилав Штефаник в восприятии словацкой литературы // Милан Растилав Штефаник: новый взгляд. Мартин : Неография, 2001. С. 28.
2. Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 164–180.
3. Korešpondencia od Louisy Weissovej, 1916–1917 // Slovenský národný archív (SNA). Ф. 101-2M-044 M. R. Štefánik. Оп. 1. Д. 745.
4. Kautský E. K. Kauza Štefanik (Legendy, fakty a otázniky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky). Martin : Matica sloven., 2004. S. 130–133.
5. Virciglio C. Milan Rastislav Štefánik a Francúzsko // Historická revue. 2007. № 9. S. 8–10.
6. Письмо II // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová, B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 169.
7. Письмо VII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava Veda, 2008. S. 172.
8. Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 166.
9. Письмо III // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 170.
10. Weiss L. Les mémoires d'une Européenne, zv. 1. P. : Payot, 1968. P. 243.
11. Ibidem.
12. Письмо XII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 174.
13. Письмо I // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 169.
14. Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 166.
15. Письмо III // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 170.
16. Письмо V // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 171.
17. Серапионова Е. П. Человек-легенда Милан Растилав Штефаник: ученый, политик, генерал // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М. : Индрик, 2009. С. 365.
18. Письмо XII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 174–177.
19. Материалы наблюдений за М. Р. Штефаником // Милан Растилав Штефаник: новый взгляд / под ред. Ю. В. Богданова. Мартин : Неография, 2001. С. 133.
20. Письмо XIII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 177.
21. Ibid. S. 177–178.
22. Ibidem.
23. Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 166–167.
24. Письмо XIII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 177.
25. Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 167.

26. Weiss L. Les mémoires d'une Européenne, zv. 1. P. : Payot, 1968. P. 274–275.
27. Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 167.
28. Weiss L. Les mémoires d'une Européenne, zv. 1. P. : Payot, 1968. P. 291.
29. Письмо от 18 августа 1917 г. // Ferenčuhová, B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava : Veda, 2008. S. 180.
30. Weiss L. La République Tchéco-Slovaque. P. : Payot, 1919. 233 s.

Notes and references

1. Bogdanov YU. V. *Milan Rastislav Štefanik v vospriyatií slovackoj literatury* [Milan Rastislav Štefanik in the perception of Slovak literature] // *Milan Rastislav Štefanik: novyj vzglyad* – Milan Rastislav Štefanik: a new look. Martin. Neography. 2001. P. 28.
2. Feren uhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. Pp. 164–180.
3. Korešpondencia od Louisy Weissovej, 1916–1917 // Slovenský národný archív (SNA). Φ. 101-2M-044 M.R. Štefánik. Inv. 1 File 745.
4. Kautský E. Kauza Štefanik (Legendy, fakty a otázky k Štefanikovi). Martin: Matica slovenská, 2004. Pp. 130–133.
5. Virciglio C. Milan Rastislav Štefanik a Francúzsko // Historická revue. 2007. № 9. Pp. 8–10.
6. Pis'mo II – Letter II // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 169.
7. Pis'mo VII – Letter VII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 172.
8. Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 166.
9. Pis'mo III – Letter III // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 170.
10. Weiss Sh. Les mémoires d'une Européenne, zv. 1. P. : Payot, 1968. P. 243.
11. Ibidem.
12. Pis'mo XII – Letter XII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 174.
13. Pis'mo I – Letter I // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 169.
14. Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 166.
15. Pis'mo III – Letter III // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 170.
16. Pis'mo V – Letter V // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 171.
17. Serapionova E. P. *Chelovek-legenda Milan Rastislav Štefanik: uchenyj, politik, general* [The legend Milan Rastislav Štefanik: scientist, politician, general] // *Do i posle Versalya. Politicheskie lidery i ideya natsional'nogo gosudarstva v Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evrope* – Before and after Versailles. Political leaders and the idea of national States in Central and South Eastern Europe. M. Indrik. 2009. P. 365.
18. Pis'mo XII – Letter XII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. Pp. 174–177.
19. Materiały nabyły ucheni za M. R. Štefanikom – Materials of observations of the M. R. Stefanik // *Milan Rastislav Štefanik: novyj vzglyad* – Milan Rastislav Štefanik: new look / ed. Y. V. Bogdanov. Martin. Neography. 2001. P. 133.
20. Pis'mo XIII – Letter XIII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 177.
21. Ibid. Pp. 177–178.
22. Ibidem.
23. Ferenuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Feren uhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. Pp. 166–167.
24. Pis'mo XIII – Letter XIII // Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 177.
25. Ferenuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 167.
26. Weiss Sh. Les mémoires d'une Européenne, zv. 1. P. : Payot, 1968. Pp. 274–275.
27. Ferenčuhová B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 167.
28. Weiss Sh. Les mémoires d'une Européenne, zv. 1. P. : Payot, 1968. P. 291.
29. Pis'mo – Letter dd. 18 Aug 1917 // Ferenčuhová, B. Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: Veda, 2008. P. 180.
30. Weiss Sh. La République Tchéco-Slovaque. P. : Payot, 1919. 233 p.

Волжское пароходство в период преодоления последствий Гражданской войны

Рычков И. А.

аспирант кафедры истории государства и права, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижегородский институт управления. 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46.
E-mail: igor_rychkov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме восстановления Волжского флота после окончания Гражданской войны. Значение водного транспорта в этот период было очень большим ввиду разрухи, царящей на железных дорогах. Волжский флот оказался в числе отраслей народного хозяйства, где преобразования начались в первую очередь. Неурожай 1920–1921 г., парализовавший развитие водных перевозок, стал главным фактором, отсрочившим нововведения на речном транспорте. В этот период перевозились государственные и ведомственные грузы, что не давало достаточных оснований для развития нэпа. В бурном круговороте политических и экономических событий оказался и Волжский речной бассейн с его разбитым флотом и разрушенным береговым судоремонтным хозяйством. Речникам Волги предстояло выполнить сложную задачу восстановления флота, что требовало колоссального напряжения сил.

Ключевые слова: восстановление водного транспорта, техническая реконструкция, реорганизация управления, судостроение, ремонтные базы.

Volga shipping company in the period of overcoming the consequences of the Civil war

Rychkov I. A.

postgraduate student of the Department of history of state and law, Academy of National Economy and Public Administration the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod Institute of Management. 46 Gagarin Avenue, 603950, Nizhny Novgorod. E-mail: igor_rychkov@mail.ru

Abstract: The present article deals with the problem of reconstruction of the Volga river craft subsequent to the Civil war. A considerable importance of the water transport in this period was associated with the collapse of railway communications. The Volga river craft was ranked among sectors of national economy submitted to high-priority reforms. The bad harvest of 1920–21 which had paralyzed the water transportation development became a main cause of the water transport reforming delay. At that time water shipments of state and departmental cargo predominated, such that there were no sufficient conditions for New Economic Policy advancement. The Volga river basin found itself in the rapid succession of events, it has a broken craft and a shattered river-bank ship-repairing facilities. Volga river transport workers faced a difficult task of the river craft and facilities recovery, which required a great exertion.

Keywords: river craft recovery, technical reconstruction, management reorganization, river shipbuilding, ship repair facilities.

К концу 1920 г. основные силы белогвардейцев и иностранных интервентов были разгромлены. Глубина хозяйственной разрухи, вызванной войной, была впечатляющей: продукция крупной промышленности сократилась почти в семь раз по сравнению с довоенным уровнем, оборудование предприятий сильно устарело и износилось. Путевое хозяйство железных дорог и водных путей было основательно разрушено. К концу Гражданской войны железнодорожные перевозки упали до уровня 90-х гг., а речные – до уровня 80-х гг. XIX в. и составили соответственно в 1920 г. 30,4% и 24,3% от уровня 1913 г. [1] Не обошли эти беды и путевое хозяйство Волжского бассейна: грузооборот речного транспорта в 1920 г. составлял чуть более четверти от уровня 1913 г. С середины 1917 г. по конец 1920 г. на речном транспорте Волги вышли из строя 3 081 самоходных и 15 983 несамоходных судна [2].

После окончания Гражданской войны перед страной встала труднейшая задача: в кратчайший срок восстановить разрушенное войной хозяйство и приступить к дальнейшему развитию экономики. Без нормальной работы транспорта восстановление экономических связей между промышленностью и сельским хозяйством, избавление страны от продовольственного, топ-

ливного и сырьевого голода было невозможным, это подчеркивал В. И. Ленин в марте 1920 г. [3], о том, что транспорт является кровеносной системой страны и исходной точкой для возрождения промышленности, говорил и Ф. Э. Дзержинский, будучи Наркомом Путей сообщения [4].

Восстановление внутреннего водного транспорта приобретало все большее значение, Волжский флот оказался в числе тех отраслей народного хозяйства, где преобразования начинались в первую очередь.

С окончанием Гражданской войны и переходом к мирному хозяйственному строительству военный коммунизм изжил себя исторически, стал ненужным, поэтому весной 1921 г. в соответствии с решением X съезда партии для восстановления народного хозяйства был осуществлен переход от политики военного коммунизма к осуществлению новой экономической политики – нэпа.

Перестройка работы различных отраслей народного хозяйства шла медленно. Ввиду отсутствия статистики и отчетности на речном транспорте не были ясны и определены отдельные элементы, выраженные в денежных единицах, а также характер и объем финансовых взаимоотношений с клиентурой и контрагентами. К внедрению хозрасчетных отношений без решения этих проблем приступать было невозможно, так как в качестве одного из основных условий своего существования нэп предполагала именно четкую постановку статистического учета и отчетности.

Сильнейший неурожай 1920–1921 г., парализовавший развитие водных перевозок, в особенности на главной водной системе – на Волге, стал важнейшим фактором, отсрочившим нововведения на речном транспорте. На долю речников Волги выпала нелегкая задача восстановления флота и его хозяйства, что потребовало колоссального напряжения сил и коренного пересмотра сложившейся за годы военного коммунизма практики.

В истории Волжского речного транспорта в 20-е гг. можно выделить два основных периода.

Первый период – 1920–1922 гг. Это хаотичность в экономической области и отсутствие надлежащего управления как в центре, так и на местах. Вопрос экономического подъема отрасли еще не ставился, техническое состояние и состав имеющегося флота в бассейне не учитывались. Перед речниками была одна цель – доведение количественного состава судов до размеров довоенного.

Второй период (1923–1928 гг.) стал восстановительным. В 1923 г. Волжское государственное пароходство перешло на коммерческую основу работы, в нем удачно была проведена реконструкция системы управления, благодаря чему 1924-й становится годом усиленного технического подъема в судостроительном хозяйстве. Отмечается улучшение эксплуатационной работы флота, проводится большая работа по реконструкции и строительству водного хозяйства, технически совершенствуется флот, строятся механизированные причалы, речные порты. Возросли производственные мощности, увеличилась провозная способность Волжского флота, осваивались новые пассажирские и грузопотоки.

Восстановление волжского хозяйства началось с самого низкого уровня, на который страна была отброшена войной. Сложность задачи восстановления Волжского речного транспорта усугублялась тем, что решать ее приходилось в условиях сложной классовой борьбы, тяжелейшей послевоенной экономической разрухи. Эксплуатационные базы, судоремонтные верфи, затоны и мастерские были разрушены. За четыре года Гражданской войны Волжский флот потерял большое количество судов. Многие суда были разбиты и находились на берегу, вдали от ремонтных пунктов. Они не охранялись, их имущество, детали, механизмы, арматура растаскивались, речные затоны стали настоящими «кладбищами судов». К началу 1922 г. по численности паротепловой флот Волжского бассейна составлял 77,3%, по мощности – 84,3% от уровня довоенного 1913 г. Потери непарового флота были более значительными: численность судов несамоходного флота сократилась по сравнению с 1913 г. на 37,5%, а общая грузоподъемность за тот же период – на 41,4% [5]. Наряду с количественным сокращением, в результате почти полного прекращения нового судостроения, сокращения объема и снижения качества судоремонта значительно ухудшилось техническое состояние сохранившегося флота. Из имевших место в 1922 г. в бассейне Волги 1 780 самоходных судов 1 704 единицы требовали ремонта, а 29 ввиду полной негодности подлежали разборке. Из 4 361 несамоходного судна требовало ремонта 3 497 судов, подлежало слому 498 единиц [6]. Было очевидно, что Волжский флот находился на краю гибели, для его спасения необходимо было принимать неотложные меры.

В Центре это поняли достаточно четко, в связи с чем были проведены оперативные мероприятия по оказанию помощи Волжскому флоту. Так, чтобы подготовить флот к весне 1921 г., Совет труда и обороны еще 16 октября 1920 г. постановил «признать ремонт судов одной из наиважнейших задач республики», обязал ВСНХ в первую очередь снабжать флот материалом для ремонта. ВЦИК декретом № 405 от 8.10.1920 г. предписал всем губернским, уездным и волостным исполнительным комитетам в самом срочном порядке принять все необходимые меры по вне-

очередному предоставлению рабочим и служащим Водного транспорта, оставшимся на зиму вблизи затонов, портов, гаваней, судоремонтных и судостроительных заводов и мастерских, достаточного числа жилых помещений, вполне приспособленных для зимнего времени [7].

Ввиду необходимости в срочном порядке обеспечить водный транспорт достаточным числом специалистов-водников 5 мая 1920 г. СТО издал Постановление «О мобилизации специалистов водно-транспортного дела», которым объявил мобилизацию граждан в возрасте до 55 лет включительно, когда-либо служивших на водных путях, на судах и в портах, в управлении водных путей, в частных или кооперативных предприятиях водного транспорта. Лица, скрывавшие свою прежнюю службу по водному транспорту, подлежали ответственности наравне со злостными дезертирами, равно как и их начальники, виновные в укрывательстве.

Наряду с восстановлением материальной части флота Волжского бассейна, его путевого и берегового хозяйства требовалось перестроить всю систему его управления. Требовалась организация, способная развить работу флота, эффективно поднять экономику бассейна в условиях совершенно новых общественно-политических и экономических отношений.

С передачей в 1920 г. речного транспорта из ведения ВСНХ в распоряжение НКПС Главвод был упразднен, а управление речным и морским транспортом было сосредоточено в Водном эксплуатационном и Водном техническом управлении при НКПС. На местах были сохранены областные управления водных путей сообщения, делившиеся на районы и линейные участки [8]. В бассейне Волги в тот период было 11 районов и 20 линейных участков. Тем не менее эта система управления еще не позволяла осуществлять достаточно оперативное управление работой водного транспорта. Учитывая это, в 1920 г. управление речным транспортом было отделено от морского и сосредоточено во вновь организованном Центральном управлении речным транспортом (ЦУРЕК). На местах областная система была заменена окружной. В Волжском округе путей сообщения было создано пять линейных отделов, являвшихся низовыми органами управления со службами пути, тяги, движения и т. д. и организованных по подобию железнодорожных. Произведенная реорганизация повысила оперативность в управлении и конкретность в работе речного флота.

Повышение технического уровня многих отраслей народного хозяйства, в свою очередь, привело к значительному увеличению грузовых потоков по воде. Это положительно повлияло на работу Волжского речного транспорта, его деятельность значительно активизировалась. Перед ним ставилась задача коренного пересмотра сложившейся за годы «военного коммунизма» практики. Теперь все зависело от умения хозяйствовать экономно и в то же время учитывать интересы и грузоотправителей, и грузополучателей.

Совершенствование организации управления не являлось единственной проблемой в бассейне. Глубина водных путей Волги и ее судоходных притоков за годы Гражданской войны резко упала. На многих участках невозможно было эксплуатировать имеющиеся пароходы с большой осадкой, баржи приходилось загружать не полностью. Ремонтный флот из-за низкого технического состояния и перебоев с топливом использовался плохо. После катастрофического мелководья в навигацию 1921 г. на речных путях бассейна начали проводиться восстановительные работы.

Путевая работа принимала планомерный характер, особенно после образования в апреле 1923 г. самостоятельного управления водных путей Волжского бассейна (ВУВПП). Управление было укомплектовано, в основном, квалифицированными специалистами. Еще одним неотложным вопросом стала плановая разработка строительства принципиально нового и капитального восстановления старого флота Волги. На главной водной магистрали страны – Волге – должны были появиться новые технически совершенные, мощные речные суда.

Уцелевший флот нуждался в серьезном ремонте, но этому мешало отсутствие самой ремонтной базы: нужного количества мастерских, заводов, работающих на водный транспорт. Сказывались огромный недостаток квалифицированных рабочих, отсутствие материалов, инструментов. Мастерские волжских затонов размещались в наскоро сколоченных зданиях, в которых были размещены старые, сильно изношенные станки, не всегда отвечающие характеру производимых на них работ [9]. На части судоремонтных предприятий отсутствовали механические двигатели, и машины приводились в движение с помощью мускульной силы людей [10].

Таким образом, состояние Волжского флота к 1921 г. было крайне тяжелым. Основными причинами такого положения дел стали:

- интенсивная работа флота в период Гражданской войны и незначительное его пополнение новыми судами;
- практически полное прекращение судостроения и капитального ремонта всех видов флота;

– ослабление флота после национализации, хозяйственного ремонта и надзора за эксплуатацией, отсутствие чувства ответственности у судовых команд, злоупотребления в области ухода и эксплуатации флота.

Надеяться на помощь государства не приходилось – задолженность России кредиторам (США, Великобритания и Франция) к 1921 г. составляла 7,25 млрд рублей, убыль национального имущества по сравнению с довоенным периодом оценивалась в 46 млрд руб. [11], правительство не имело возможности поддержать речной флот разоренной страны, его дальнейшая судьба теперь зависела прежде всего от самих речников. Таким образом, Волжский флот оказался перед серьезным испытанием. Но, несмотря все существующие препятствия, началось его возрождение. Декретом СНК от 17 марта 1921 г. была образована Особая транспортная комиссия (ОТК). Назначение ее состояло в анализе сложившейся ситуации, восстановлении флота и других транспортных предприятий республики. Главным объектом внимания ОТК был выбран Волжский бассейн как главная водная артерия страны, по которой в 1921 г. перевозились стратегические грузы: нефтепродукты, хлеб, соль. Перед Управлением флотом Волжского бассейна стояла трудная задача: перестройка управления и структуры эксплуатации флота, а также его восстановление.

Несмотря на героические усилия водников, значительная часть флота оказалась невостребованной. Это стало следствием ряда причин. Во-первых, провозная способность флота значительно превышала количество наличного груза. Во-вторых, остро ощущалась нехватка судовых команд. По этим причинам в навигацию 1921 г. на Волге не работала почти половина судов, расходы по содержанию которых тяжелым бременем ложились на бюджет пароходства. Речникам Волги на первых этапах приходилось решать задачу восстановления разрушенного хозяйства, полагаясь, главным образом, на свои руки. Эта была сложная задача, при выполнении которой определяющими факторами должны были стать дальновидность руководства и обоснованная разумность экономических расходов.

Одна из наиболее сложных проблем – переход к товарно-денежным отношениям. В период Гражданской войны безденежный характер расчетов привел к бесплановости перевозок. Предприятия Волжского бассейна финансировались из бюджета, разработка рациональной системы тарифов их особенно не волновала. Однако разоренной стране, пережившей неурожай, было уже не под силу сдержать водные пути и железные дороги.

Для выхода из трудного экономического положения было намечено несколько направлений. Прежде всего, восстановление платности перевозок как пассажирских, так и грузовых [12]. Это давало надежду на то, что вырученные от перевозок деньги помогут покрыть расходы по эксплуатации и ремонту флота.

Реализация в жизнь положений декрета потребовала восстановления тарифной сетки перевозок. Общий речной тариф был создан заново на основе среднестатистических данных и был издан в августе 1921 г. Для упорядочения тарифов СТО 11 августа 1922 г. утвердил «Положение о транспортных тарифах и об утверждении по тарифным делам», а также создал тарифный комитет при НКПС. В дальнейшем тарифная политика претерпела ряд изменений, вызванных реформацией флота.

Одновременно с восстановлением флота Областное управление производило подъем судов со дна рек в местах боевых действий времен Гражданской войны. Для проведения этих работ Управление бассейна Волги выделяло необходимые средства и оборудование в первую очередь. Кроме пополнения флота поднятые суда могли в значительной мере способствовать расчистке фарватера. Всего за 1921 г. было поднято 29 единиц флота.

Всероссийский технический съезд речного транспорта, состоявшийся в сентябре 1922 г., также оказал большое влияние на упорядочение дальнейшей организации судоремонта в Волжском бассейне. На нем была проанализирована работа бассейнов страны за прошедший период, приняты решения по организации технической эксплуатации и ремонту флота, многие из которых являются актуальными и в настоящее время. В сложнейших условиях всеобщей разрухи флот встал на новые, ранее не известные, пути восстановления. Восстановление флота продолжалось, в результате в навигацию 1921 г. в Волжском бассейне эксплуатировалось 950 единиц из 1 472 подготовленных.

Для полного задействования всего флота было решено пойти на передачу части судов Волжского бассейна отдельным предприятиям, кооперативным организациям и частным лицам. У десятков организаций различных ведомств появился свой речной флот.

Передача флота внесла некоторое оживление в работу флота Волжского бассейна и способствовала увеличению перевозок, особенно в местном секторе. Но главной задачей волгарей

по-прежнему являлась организация перевозок пассажиров и таких жизненно необходимых для всей страны грузов, как нефтепродукты, лес и соль.

В системе пассажирских перевозок установились первые в послевоенное время постоянно действующие линии движения: Нижний Новгород – Рыбинск, Нижний Новгород – Астрахань, Нижний Новгород – Пермь и другие, всего их было 12, и для того времени это было серьезным достижением речников.

Особое значение в навигацию 1921 г. имели нефтяные перевозки. В связи с этим начальник Областного управления Волжского бассейна П. Я. Бовин был назначен особо уполномоченным СТО по перевозкам нефти. Энергичные меры, принятые им, позволили выполнить поставленные задачи. Вверх по Волге прошли 165 000 тысяч пудов нефти и нефтепродуктов.

13 октября 1921 г. В. И. Ленин подписал декрет «О мерах к развитию торгового судоходства и судостроения на началах хозрасчета». В целях развития судоходства и поощрения частной инициативы в этой области НКПС предоставлялось право сдавать перевозочные средства, подсобные к ним устройства и строительные пункты, которые государство не могло использовать в полной мере, в эксплуатацию госпредприятиям, объединениям, кооперативам, артелям и частным лицам за определенную плату. Отдельным лицам, артелям, кооперативам и организациям разрешалась постройка новых судов и последующая их эксплуатация [13]. Этим постановлением новая экономическая политика вводилась и в Волжском бассейне. В изменившейся обстановке декрет создал условия для строительства, ремонта, эксплуатации судов, улучшения обмена между городом и деревней.

Общего положения дел декрет заметно изменить не смог, и для этого были свои причины. Так, например, на росте перевозок отрицательно сказывалась неправильная тарифная политика. Установление тарифных ставок в навигацию 1922 г. происходило под девизом самоокупаемости водного транспорта любыми средствами. Исходя из этого провозная плата была увеличена в три раза, что не замедлило сказаться на результате: в первой половине навигации 1922 г. поток платных пассажиров на Волге упал до минимума, а товарно-пассажирские пароходы ходили почти пустыми.

Непродуманность тарифной политики, наряду с другими факторами, явилась одной из причин тяжелого финансового положения Волжского речного транспорта в 1921–1922 гг. В течение всего сметного периода 1922 г. денежные средства отпускались далеко не в той мере, как это требовалось. Положение осложнялось тем обстоятельством, что ассигнуемые средства отпускались с большим опозданием.

Таким образом, за первые два года нэпа Волжский бассейн не перешел, как следовало, на новую систему хозяйствования. Однако отставание вхождения бассейна Волги в нэп объяснялось объективными обстоятельствами.

Флот на протяжении нескольких военных и послевоенных лет использовался преимущественно для перевозки грузов предприятий и учреждений. Многие из них находились на государственном бюджете и натуральном снабжении и поэтому не должны были оплачивать свои перевозки. Во-вторых, Волжский флот в обязательном порядке должен был обеспечивать перевозку таких стратегических грузов, как хлеб, соль, нефть и др. Между тем состояние флота оказалось крайне тяжелым. Национализированный флот представлял собой конгломерат разнотипных больших и малых судов, многие из которых ряд лет не эксплуатировались, стоя в затонах, они обветшали и пришли в негодность. За время Гражданской войны количество судов резко сократилось. Если в 1917 г. на Волге было более 7 тысяч непаровых судна, то в 1920 г. их осталось только 1 725. Относились к ним не всегда бережно, суда рассыхались, ожидая погрузки, большие потери флот нес при весеннем ледоходе [14].

Несколько лет флот нес непосильные расходы по ремонту искалеченного инвентаря, что не могло не отразиться на его бюджете. Учет флота не велся, условия его наиболее рационального использования не были выявлены. Расходы государства на восстановление технической базы Волжского флота не были достаточно точно определены и недостаточно финансировались, статистика и отчетность были запущены. Кроме того, несовершенным был сам аппарат управления флотом.

Поиск системы управления бассейном был актуальным вопросом, поэтому в качестве одного из решений этой проблемы рассматривалась возможность перевода его на коммерческую основу. Создавались условия для концентрации грузовых потоков с целью понижения себестоимости перевозок, было необходимо прекратить бесцельные перевозки, восстановить оплату труда как основной принцип трудовой деятельности рабочих и служащих.

Такие конкретные задачи выдвигала нэп перед Волжским водным транспортом. Однако для достижения определенных успехов флоту требовалась реорганизация управления. Новая

экономическая политика диктовала такую форму организации, которая отвечала бы требованиям промышленности и соответствовала товарообмену между городом и деревней. В течение пяти лет (1918–1922 гг.) шел поиск более совершенной системы управления, соответствующей экономической и политической ситуации в стране.

Новое Положение об НКПС от 28 июля 1921 г. закрепляло раздельное управление речным и морским транспортом. В системе НКПС (наряду с Центральным управлением железнодорожного транспорта) было утверждено Центральное управление речного транспорта (ЦУРек), ведавшее эксплуатацией, содержанием, ремонтом и развитием внутренних водных путей и флота. Создавались округа путей сообщения, которые объединили все виды транспорта. Начальником Центрального управления был назначен В. И. Орлов. На местах оставались областные управления водного транспорта. Но, как выяснилось позже, и такая структура не отвечала задачам нэпа.

В марте 1922 г. начинается коренная реорганизация управления водным транспортом. Согласно приказу НКПС от 9 марта 1922 г. № 171 районные управления Волги были объединены в пять линейных отделов, что позволяло сосредоточить управление флотом в одних руках, сделать его маневренным и более эффективным. 30 января 1922 г. СТО постановил организовать управления трех государственных речных пароходств: Северо-Западного, Северного и Волжского с местом нахождения правления в г. Н. Новгороде.

Окончательная реорганизация системы управления была проведена в 1923 г. В новой системе основными звенями для флота стали государственные речные пароходства, для путевого хозяйства – управления внутренних водных путей. Всего за 1923 г. было организовано девять государственных пароходств. 20 февраля 1923 г. было образовано Волжское государственное речное пароходство (ВГРП) [15], структура которого показана на рисунке.

Структура Волжского речного пароходства (1923 г.)

Для руководства деятельностью государственных пароходств и управления водных путей вместо упраздненного 30 июня 1924 г. ЦУРЕКа были организованы Центральное управление речных пароходств (ЦЕНТРОРЕК) и Центральное управление внутренних водных путей (ЦУВОДПУТЬ). При реформировании управления в Волжском бассейне водные пути бассейна отделились от ВГРП и стали самостоятельной структурой. В силу того что в НКПС уже существовало самостоятельное управление внутренних водных путей, на местах располагалась целая сеть управлений внутренних водных путей. В частности, в состав Волжского управления входили: р. Волга от Рыбинска до 12-футового рейда, Ока и Кама с притоками – вся протяженность 8 693 версты.

Таким образом, сложный поиск структуры управления Волжским речным флотом был завершен. Новая форма управления соответствовала новому экономическому этапу во всех его проявлениях. После этого главным на повестке дня стал вопрос дальнейшего развития флота Волжского бассейна.

Сведения о работе Волжского пароходства содержатся в таблице.

Перевозка грузов и пассажиров по водным путям Волжского бассейна в 1921–1926 гг. [17]

Наименование грузов, млн т	1913	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Хлеб	2,95	0,18	0,40	0,27	0,46	0,71	0,47
Соль	0,8	0,43	0,38	0,54	0,45	0,49	0,51
Рыба	0,23	0,06	0,06	0,24	0,16	0,19	–
Металл	0,48	0,05	0,02	0,03	0,07	–	0,12
Хлопок	0,027	–	–	0,002	0,002	–	0,01
Нефтяные	5,2	2,79	2,78	2,91	2,47	3,62	3,67
Лесные	8,5	3,08	3,79	5,75	5,02	7,03	10,5
Прочие	5,2	1,00	0,43	–	0,60	1,02	1,03
Всего:	22,7	7,6	7,82	10,3	9,3	11,8	17,0
Всего пассажиров, млн человек	6,85	7,4	3,6	5,1	7,60	9,6	8,8

И хотя в области перевозок грузов дооценный уровень не был достигнут, однако объем пассажирских перевозок стабильно увеличивался, превысив дооценные показатели уже в 1924 г. Волжский флот, преодолев трудности восстановительного периода, уверенно двигался вперед, своим развитием способствуя укреплению экономических связей Поволжского региона.

Примечания и список литературы

1. Лившиц В. Н. Транспорт России за 100 лет. М., 2009. С. 10.
2. Маркова М. В. Водный транспорт России: история и современность : материалы межвуз. конф. студ. и аспирантов, посвящ. 200-летию транспортного образования в России. СПб., 2009. С. 34.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36.
4. Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. Т. 1. С. 340–341.
5. Материалы по статистике путей сообщения, 1923 г. Вып. 57. М., 1926. С. 16–23.
6. Обзор работ речного транспорта за 1921–1922 гг. М., 1923. С. 6–9.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 596.
8. Шубин И. А. Отчет управления Водного транспорта Волжского бассейна за 1921 г. Н. Новгород, 1921. С. 5–7.
9. Народное хозяйство. 1921. № 10. С. 23.
10. Мержанов М. И. Победители. М., 1934. С. 3.
11. Вольф М. В., и Мебус Г. А. Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств. М. ; Л., 1926. С. 347.
12. Декрет Совета Народных Комиссаров от 9 июля 1921 года «О железнодорожном тарифе».
13. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 68. С. 656.
14. Гудок. 1921. 10 мая.
15. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области) Ф. 1631. Оп. 2. Д. 223. Л. 112–116.
16. Там же. Л. 303–304.
17. ГАПК (Государственный архив Пермского края) Ф. р -196. Оп. 3. Д. 358; Оп. 3. Д. 359; Михайлов И. Д. Эволюция русского транспорта (1913–1925 гг.), М., 1925, С. 224; Водный транспорт СССР (1928–1934 гг.) : стат. сб. М., 1936. С. 11–12; ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области) Ф. 1631. Оп. 2. Д. 223 Л. 1–2, 26; Оп. 2. Д. 112, Л. 1–4; Д. 308. С. 7; Оп. 4. Д. 25 Л. 267; Д. 632 Л. 109.

Notes and References

1. *Livshic V. N. Transport Rossii za 100 let* [Transport of Russia for 100 years]. M. 2009. P. 10.
2. *Markova M. V. Vodnyj transport Rossii: istoriya i sovremennoст': materialy mezhvuz.konf. stud. i aspirantov, posvyashch. 200-letiyu transportnogo obrazovaniya v Rossii* [Water transport in Russia: history and modernity: materials of the interuniversity conf. of stud. and graduate students, dedicated to the 200th anniversary of transport education in Russia]. SPb. 2009. P. 34.
3. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Vol. 36.
4. *Dzerzhinskij F. EH. Izbrannye proizvedeniya*. [Selected works]. Vol. 1. Pp. 340–341.
5. *Materialy po statistike putej soobshcheniya* – Materials on statistics of Railways, 1923. Iss. 57. M. 1926. Pp. 16–23.
6. *Obzor rabot rechnogo transporta za 1921–1922 gg.* – A review of river transport for 1921–1922. M. 1923. Pp. 6–9.
7. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* – The collection of legalizations and orders of the government in 1920. Management of the Affairs of the people's Commissars of the USSR. M. 1943. P. 596.
8. *SHubin I. A. Otchet upravleniya Vodnogo transporta Volzhskogo bassejna za 1921g.* [Report of the Department of Water transport of the Volga basin in 1921]. N. Novgorod. 1921. Pp. 5–7.
9. *Narodnoe hozyajstvo* – The national economy. 1921, No. 10, p. 23.
10. *Merzhanov M. I. Pobediteli* [Winners]. M. 1934. P.3.
11. *Vol'f M. V., i Mebus G. A. Statisticheskij spravochnik po ekonomicheskoj geografii SSSR i drugih gosudarstv* [Statistical Handbook of economic geography of the USSR and other states]. M.; L. 1926. P. 347.
12. *Dekret Soveta Narodnyh Komissarov ot 9 iyulya 1921 goda «O zheleznodorozhnom tarife»* – The decree of the Council of people's Commissars dated 9 July 1921, "About the railway tariff".
13. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva* – The collection of legalizations and orders of the workers 'and peasants' government. 1921. No. 68. P. 656.
14. *Gudok* – Horn. 1921. May 10.
15. CANR (Central archive of the Nizhniy Novgorod region) F. 1631. Inv. 2. File 223. Sh. 112–116.
16. Ibid. Sh. 303–304.
17. SAPR (State archive of the Perm region), F. p 196. Inv. 3. File 358; Inv. 3. File 359; *Mihajlov I. File EHvolyuciya russkogo transporta (1913–1925 gg.)* [Evolution of Russian transport (1913–1925 gg.)] Moscow. 1925. P. 224; Water transport of the USSR (1928–1934).: stat. col. M. 1936. Pp. 11–12; CANR (Central archive of the Nizhniy Novgorod region) F. 1631. Inv. 2. 223 File Sh. 1–2, 26; Inv.2. File 112, Sheet 1–4; File 308. P. 7; Inv.4. 25 Sh. File 267; File 632. Sh. 109.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(495).02

Регулярная армия и традиционное общество в Византийской империи в X – первой половине XI в.*

Капсалькова К. Р.

кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательской части,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. E-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению двух тесно связанных друг с другом проблем истории Византии в период правления Македонской династии. Во-первых, изучена трансформация военно-административных структур империи от провинциальных ополчений к регулярной армии. Во-вторых, исследованы полемологические представления, характерные для традиционного византийского общества данного времени. По мнению автора, в X – первой половине XI в. византийская армия представляла собой сложную, динамически развивающуюся структуру. В данный период Византия была единственным христианским государством, имевшим четко сформулированную военную доктрину. Несмотря на сохранение традиционных общественных структур, целенаправленная военная политика императоров Македонской династии позволила создать к концу X в. боеспособную регулярную армию. Это позволило Византии сохранять свое военно-политическое могущество до второй половины XI в.

Ключевые слова: история Византии, византийская армия, военная реформа, Василий II, Симеон Новый Богослов.

Regular army and traditional society in Byzantine Empire in the 10th – first half 11th century

Kapsalykova K. R.

candidate of historical sciences, researcher of the Scientific Research Department, Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin. 19 Mira str., 620002, Ekaterinburg. E-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the consideration of two closely related problems of the history of Byzantium during the reign of the Macedonian dynasty. First, the author examines the transformation of military-organizational structure of the empire from provincial *militia* to the standing army. Secondly, the polemical notions characteristic of the traditional Byzantine society of the given time were investigated. In this regard, the sharply negative, critical attitude to the successful but bloody wars of Basil II of the important religious figures of Simeon the New Theologian is of particular importance. According to the author of the article, in the 10th – first half of the 11th century the Byzantine army was a complex, dynamically developing structure. In this period, Byzantium was the only Christian state with a clearly articulated military doctrine. Despite the preservation of traditional social structures, the purposeful military policy of the emperors of the Macedonian dynasty allowed the creation, by the end of the 10th century, capable regular army. This allowed Byzantium to retain its military-political power until the second half of the 11th century.

Keywords: History of Byzantium, Byzantine army, military reform, Basil II, Symeon the New Theologian.

В большинстве обобщающих трудов по истории Византии на протяжении своей тысячелетней истории империя вела непрерывные войны. Как правило, данный военно-политический феномен объясняется двумя причинами. С одной стороны, Византия проводила крайне агрессивную внешнюю политику. Руководствуясь доктриной ойкуменизма, византийские императоры столетиями стремились восстановить контроль над территориями, которые когда-либо входили в состав Римской империи. С другой стороны, на Византию неоднократно обрушивались волны нашествий «варварских» народов: германцев, персов, славян, арабов, турок и пр. В те непродол-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-31-00027 («Византийская армия в VIII–XI вв.: организационные структуры, командный состав, повседневная жизнь»).

жительные периоды времени, когда империя не вела масштабных боевых действий, происходили малые пограничные войны. По сути, значительную часть своей истории Византия была окружена тлеющими очагами локальных конфликтов. Периодически они вспыхивали, но быстро угасали вновь, унося тысячи человеческих жизней по обе стороны границы.

В период правления Македонской династии Византия (867–1056) была в состоянии одновременно воевать с несколькими противниками, на суше и на море, чередуя оборонительные и наступательные боевые действия. Войны этого времени велись продуманно и рационально, учитывались риски, просчитывались последствия, включая возможную реакцию подданных на победу или поражение императорской армии. В целом, такая военная политика оказалась успешной; именно при Македонских императорах были одержаны победы над «извечными» врагами: арабами и болгарами.

Бесконечные войны византийского государства неминуемо должны были отразиться на византийском обществе. Можно предположить, по аналогии с другими древними и средневековыми странами, что в Византии значительная часть населения была вовлечена в культивируемую государством «перманентную» войну. Однако, судя по сохранившимся данным источникам, ситуация была почти противоположной. Подавляющее большинство подданных империи не имело прямого отношения к военной сфере. Жители Константинополя, а также провинциальных городов, значительная часть сельского населения, многочисленные служащие гражданских ведомств и, в особенности, духовенство, не отличались воинственностью. Мирное население воспринимало войну как несчастье, приносящее только разрушения и страдания [1]. Официальная пропаганда учитывала подобные общественные настроения. Поэтому целью любой войны провозглашалось установление прочного и длительного мира.

Одновременно другая часть подданных империи принимала в войнах самое активное участие. В первую очередь, это были военнообязанные крестьяне, а также провинциальная аристократия, из которой формировался командный состав императорской армии. В войны были вовлечены жители отдаленных пограничных территорий и островов. Для этих групп византийского населения война была явлением повседневной жизни. Именно в этой среде создавались византийские воинские идеалы, процветал культ святых воинов, здесь писались военные поучения о более эффективных способах «причинения врагу наибольших страданий» [2]. Несомненно, что для обитателей византийского пограничья было характерно свое восприятие войны, отличное от полемологических представлений мирных столичных жителей.

Однако различное восприятие войны «гражданскими» (τὸ τε πολιτικὸν) и «военными» (τὸ τε στρατιωτικὸν) вовсе не означало существование в византийском обществе IX–XI вв. явного противоречия. А. П. Каждан писал, что для византийского общества в данное время была характерна «двуличенная функциональная стратификация... в этом случае выделяются воины и гражданские лица», а в «господствующей верхушке этот принцип дает противопоставление стратиотов и синклитиков или вельмож и полководцев» [3].

В период правления Македонской династии основой военно-политического могущества Византии являлись вооруженные силы. Следует отметить, что в данной работе мы опираемся на концепцию развития военно-административной системы Византийской империи VII–XI вв., разработанную А. С. Моховым [4].

В середине VIII – середине X в. императорская армия состояла из двух основных частей: фемных ополчений (θεματικοῖ) и регулярных тагм (ταῦχατικοῖ). Провинциальные иррегулярные отряды формировались из стратиотов (στρατιώτης), свободных крестьян-общинников, получивших земельные наделы от государства (στρατιωτικά κτήματα). Они являлись привилегированной группой сельского населения, так как были освобождены от большинства налогов и повинностей, кроме, собственно, военной. Власти пристально следили за стратиотами, а также контролировали все юридические сделки с их недвижимым имуществом. Все пригодные к воинской службе совершенолетние мужчины из стратиотских общин включались в специальные каталоги (στρατιωτικοὺς καταλόγους). Обо всем необходимом для войны – лошадях, оружии, доспехах – они должны были заботиться сами. В случае военной угрозы стратиоты призывались на службу, из них формировались военные отряды (θέματα). Во время похода фема могла действовать как отдельно, так и объединившись с другими провинциальными ополчениями. Кроме того, фемами назывались военно-административные округа, на которые была разделена вся территория Византийской империи. Исключение составляли пограничные области, где оборона была организована на постоянной основе. Небольшие по численности гарнизоны пограничных крепостей находились на государственном обеспечении [5].

Фемой командовал стратиг (στρατηγός), который подчинялся только императору. Он со-вмещал командные военные и гражданские административные функции. Территориальная структура фемы была иерархична: она состояла из турм (τούρμα), во главе которых стояли турмархи (τουρμάρχες); турмы, в свою очередь, делились на банды (βάνδον), где командовали друнгари или комиты (δρουγγάριος, κόμητες). Прежде всего, такая организация способствовала быстрой мобилизации. Во время похода отряды стратиотов подразделялись по родам войск: легкая пехота, тяжелая пехота, кавалерия. После завершения военной кампании войска возвращались обратно в свои фемы, где стратиоты распускались по домам [6].

Регулярные контингенты византийской армии не ограничивались только гарнизонами по-границы крепостей. В Константинополе и его окрестностях размещались наиболее боеспособные армейские подразделения, созданные по образцу римских или ранневизантийских отрядов дворцовой стражи (*scholae palatinae*). Главную ударную силу императорской армии составляли «четыре царских отряда» (τὰ τέσσαρα βασιλικὰ τάγματα) – регулярные кавалерийские тагмы схол, эскувитов, арифмов и иканатов, созданные в последней четверти VIII – начале IX в. [7]

Тагма схол (τάγμα τῶν σχολῶν) упоминается в источниках со временем правления Константина V (741–775). Число воинов в тагме достигало 4 тыс., а сам отряд был разделен на две равные части. Тагмой схол командовал доместик (δομέστικος τῶν σχολῶν), его заместителями были топотири и хартуларий (τοποτηρηταί τῶν σχολῶν, χαρτουλάριος τῶν σχολῶν). Помимо военного руководства эти командиры также занимались вопросами снабжения. Младшие архонты (ἄρχοντες) тагмы схол назывались комитами. В отличие от стратиотов фемных ополчений, солдаты и командиры тагмы схол получали жалование; оружием, доспехами и лошадьми они также обеспечивались за счет государства [8].

В историографии принято считать, что остальные отряды «столичного войска» (ἔσω ταγμάτων) были сформированы по образу и подобию тагмы схол [9]. Примечательно, что число регулярных подразделений все время увеличивалось. Так, при Константине V была создана тагма эскувитов (τάγμα τῶν ἔξκουβτων). При императорах Исаакийской и Аморийской династий она прославилась своей стойкостью в сражениях с болгарами и арабами. О существовании тагмы арифмов (τάγμα τῶν ἀριθμῶν) в источниках упоминается с 780–790 гг. Боевым отрядом она оставалась недолго, и уже в первой половине IX в. перешла в подчинение главы гражданской администрации Византии логофета дрома (λογοθέτης τοῦ δρόμου) [10].

История тагмы иканатов (τάγμα τῶν ἰκανάτων) представляет собой противоположность арифмам. Первоначально так называли небольшой отряд телохранителей Ставракия, сына и со-правителя Никифора I (802–811). Однако 26 июля 811 г. тагма иканатов была полностью уничтожена в Вырбицком ущелье во время сражения византийской армии с болгарами хана Крума. Через несколько лет после этого катастрофического поражения, стоившего жизни и самому императору, и его наследнику, тагму иканатов сформировали заново. В дальнейшем она была регулярным кавалерийским подразделением, отличавшимся высокой боеспособностью [11].

Помимо четырех императорских тагм, в составе византийской армии со временем появились и другие регулярные контингенты. Они формировались как в столице, так и в провинциях. В этом, по мнению ряда исследователей, состояло главное направление развития военно-административных структур Византии. По мере накопления людских, финансовых и материальных ресурсов происходила замена стратиотских ополчений фем на отряды профессиональных воинов [12].

В историографии принято считать, что формирование «фемной системы» завершилось к 840–850-м гг., когда однообразная структура провинциального управления была создана на всей территории империи. Примечательно, что в отдаленных пограничных областях (ἀκριτικὰ θέματα) она сохраняла эффективность еще несколько десятилетий, тогда как в т. н. старых фемах (φωμαϊκὰ θέματα) начала приходить в упадок уже в третьей четверти IX в.

Главной причиной «кризиса фемного строя» стало массовое разорение стратиотов, которое привело к сокращению численности провинциальных ополчений. Государство всячески старалось остановить или хотя бы замедлить этот процесс. Каждый из императоров Македонской династии, начиная от Льва VI (886–912) и заканчивая Василием II (976–1025), издавал новеллы, направленные на защиту стратиотского сословия. Однако все эти усилия, в итоге, оказались безрезультатными [13]. Другой причиной упадка «фемной системы» стала бюрократизация структур военного управления. Первоначально в каждой феме было только два гражданских чиновника: протонотарий (πρωτονοτάριος τοῦ θέματος), занимавшийся снабжением войск продовольствием, и хартуларий (χαρτουλάριος τοῦ θέματος), отвечавший за своевременное пополнение фемных контингентов. Впоследствии к ним добавились провинциальные судьи, налоговые чиновники,

кураторы из ведомства императорских имуществ и пр. В итоге увеличение чиновного аппарата сделало военную систему чрезвычайно громоздкой и плохо управляемой [14].

Таким образом, для византийских вооруженных сил первой половины X в. были характерны два разнонаправленных процесса: постепенный переход к регулярной системе набора и упадок провинциальных ополчений. Уже в правление Романа Лакапина (920–944) стало очевидно, что прежняя военная система, основанная на принципах «фемного строя», остро нуждается в реформировании. Однако ни Роман I, ни Константин VII (913–959) не решились на серьезные преобразования в военной сфере. Военную реформу в 960-е гг. начали проводить императоры-полководцы Никифор II Фока (963–969) и Иоанн I Цимисхий (969–976), а завершил ее в первой четверти XI в. Василий II [15].

Военные преобразования коренным образом изменили византийское войско. Сухопутные войска были разделены на полевые армии Востока и Запада, укомплектованные на регулярной основе. Командовали ими доместики схол Востока и Запада (δομέστικος τῶν σχολῶν τῆς Ἀνατολῆς, δομέστικος τῶν σχολῶν τῆς Δύσεως). В дополнение к уже существующим были созданы тагмы атакантов, стратилатов и сатрапов (ἀθάνατοι, στρατηλάται, σατράπαι). Помимо кавалерийских тагм в составе полевых армий появились регулярные пехотные отряды – таксиархии (ταξιαρχία) – численностью по одной тысяче воинов [16].

Система обороны границ также подверглась реорганизации. В тех регионах, где риск вражеского нападения был особенно высок, несколько фем объединялись в катепанаты или дукаты (κατεπανᾶτον, δουκᾶτον). Боевые силы каждого такого военного округа состояли из регулярных тагм и стратиотских отрядов малых пограничных фем (μικρὰ θέματα). Дуки и катепаны (δοὺς, κατεπάνω) занимали высокое положение в административной иерархии империи, обладая на подчиненной им территории как военной, так и гражданской властью [17].

Когда в византийские пределы происходило вторжение, первыми врага встречали стратиги малых фем с небольшими по численности стратиотскими отрядами. Они должны были либо отбить нападение своими силами, либо оборонять пограничные крепости до тех пор, пока дука, мобилизовав подчиненные ему войска, не приходил на помощь. В большинстве случаев сил дуката хватало для отражения противника. Только в исключительных случаях, когда возникала угроза интересам империи в целом регионе, в дело вступали полевые армии Востока или Запада. Важно, что ни стратиги малых фем, ни дуки не были связаны инструкциями, а также необходимостью согласовывать свои действия с Константинополем. Они самостоятельно принимали решения, используя для борьбы с врагом как тактические приемы, так и дипломатические методы [18].

Таким образом, новая структура обороны границ состояла из трех линий. Для противника это было похоже на эффект *mise en abyme*. По мере удаления от границы ему приходилось сталкиваться с более многочисленными и боеспособными византийскими силами. При наступательных операциях система активизировалась в обратном порядке: полевые армии пополнялись за счет войск дукатов и малых пограничных фем. Такая структура армии позволяла Византии вести долгие войны, которые постепенно истощали ресурсы вражеских государств. Не прибегая больше к масштабным и дорогостоящим военным экспедициям, как в IX – первой половине X в., империя постепенно оттесняла противника, продвигаясь вглубь его территории, а на завоеванных землях незамедлительно формировались органы военного и гражданского управления [19].

Непрерывные военные действия, которые Византия вела во второй половине X – первой четверти XI в., потребовали создания более эффективной системы снабжения войск. С этой целью в правление Василия II были реформированы некоторые гражданские структуры управления, которые отвечали за тыловое обеспечение вооруженных сил: ведомства императорских имуществ (έπι τοῦ εἰδικοῦ λόγου), логофета дрома и логофета стратиотиков (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ). Данные преобразования, существенно повысившие боеспособность императорской армии, следует считать завершающим этапом «военной реформы» [20].

Никифор II, Иоанн I и Василий II не только реформировали вооруженные силы, но и лично командовали войсками во время военных походов. Различными методами, от убеждения до принуждения, им удалось привлечь на службу в императорскую армию значительную часть провинциальной знати. В итоге за несколько десятилетий непрерывных войн в византийском обществе сформировалась многочисленная и влиятельная группа семей, неразрывно связанная с профессиональной военной службой. Отметим также, что после присоединения к Византии новых территорий в Закавказье, на Балканах и в Северной Сирии этот слой пополнялся за счет представителей армянской, болгарской и арабской аристократии [21].

С военно-административной точки зрения результаты преобразований второй половины X – первой четверти XI в. вполне сопоставимы с «фемной реформой» второй половины VII–VIII в.

В обоих случаях изменились форма организации, способ комплектования и система материального обеспечения византийских вооруженных сил. Помимо этого «военная реформа» позволила Византии победоносно завершить войну против Болгарии, присоединить значительные территории на Востоке, а также сохранить военно-политическое влияние в Италии.

Следует отметить, что военная реформа имела серьезные социальные последствия. Значительная часть населения империи, ранее принадлежавшая к стратиотскому сословию, уже во второй половине X в. утратила связь с вооруженными силами. В начале XI в. об этом писал анонимный автор военного трактата *De castrametatione*. Для него, профессионального военного, подданные византийского императора делились на две группы: население внутренних провинций и жители пограничных областей. К первым он относился с презрением: «...оны привыкли к праздности, слабы и полностью лишены мужества. Тяжкому военному труду, который уготован христианам, они предпочитают беспечность и беззаботность (αἱροῦνται ὡς ἀταλαίπωρον καὶ ἀκίνδυνον ἥπερ τοὺς τῶν Χριστιανῶν ἀγῶνας καὶ πόνους). Если потребуется набрать из них войско и повести на врага, то не найдется ни одного, обученного военному ремеслу» [22]. Ко вторым, напротив, он испытывал нескрываемую симпатию: «...те, кто живет на границах Римского государства, соседствуют с нашими врагами. Они ведут с ними извечную войну, которая заставляет их быть смелыми и решительными. Согласно славному древнему римскому обычаю (κατὰ τοὺς δόξαντας πάλαι Ρωμαίοις νόμοις), они постоянно тренируются. <...> Следует защитить этих людей от посягательств налоговых сборщиков (τῶν φορολόγων ἀτικοῦσθαι καὶ καθυβρίζεσθαι μάλιστα), которые смеют презрительно относиться к защитникам христиан... нашего священного императора и нашего отечества (τῶν Χριστιανῶν προμάχους... τοῦ βασιλέως ἡμῶν τοῦ ἀγίου καὶ τῆς ἑαυτῶν πατρίδος)» [23].

Несомненно, что за блестящие военные победы и присоединение новых территорий Византии пришлось заплатить весьма высокую цену. Прежде всего, речь идет о погибших в сражениях с арабами и болгарами стратиотах и архонтах императорской армии. Упомянем также о значительном повышении налогов, которые тяжелым бременем легли на «гражданские» слои населения. По этой причине утверждения императорской пропаганды, провозглашавшей каждую новую войну благом для подданных, не находили должного понимания в обществе. Очевидно, что многие подданные Македонской династии негативно относились к агрессивной внешней политике императоров-полководцев, но открыто выражать недовольство они, как правило, не решались.

Редким исключением являются проповеди прп. Симеона Нового Богослова. В частности, в одном из его «Огласительных слов» (Λόγοι Κατηχτικοί) говорится об истинных причинах бесконечных войн последней четверти X в. Разумеется, игумен столичного монастыря св. Маманта не смел открыто критиковать императорскую власть. Поэтому он писал о том, с какими словами Христос обратится на Страшном суде к «императорам, правителям, военачальникам» (βασιλεῖς καὶ ἄρχοντες καὶ στρατηγοί) [24]: «Жалкие и несчастные, вы, будучи тленными и смертными, захотели стать единодержцами и миродержцами (μονοκράτορες καὶ κοσμοκράτορες). И если только находился кто-нибудь в другой стране, не желающий вам подчиняться, вы превозносились над ним, как над вашим ничтожным рабом, и не выносили его неподчинения, хотя и он был таким же, как и вы, рабом Божиим, и у вас не было никакого преимущества перед ним. А Мне, вашему Творцу и Владыке, подчиниться и служить в страхе и трепете вы не хотели [25]. Как могли вы помыслить, что никто не спросит за кровь жертв вашей несправедливости? [26] Или о том, что некому будет присмотреть за тем, что вы тайно вершите? [27] <...> Как вы не услышали слов моих “Желающий в вас быть первым да будет самым последним, рабом и служителем всех”»? [28]

Искусно скрытая за библейскими изречениями, главная мысль Симеона Нового Богослова была выражена в одной короткой фразе. Он назвал византийских императоров μονοκράτορες καὶ κοσμοκράτορες (единодержец и миродержец), что весьма точно характеризовало не только внешнюю, но и внутреннюю политику правящей династии. Будучи «единодержцами», императоры стремились уничтожить любую социальную силу, клан или семью, способную посягнуть на их власть. Стремление стать «миродержцами» предполагало расширение пределов Византии вплоть до границ христианской ойкумены [29]. Характерно, что эти слова были написаны в правление Василия II, который, несомненно, и был μονοκράτορες καὶ κοσμοκράτορες.

Подводя итоги, отметим, что армия, которую Василий II оставил своим преемникам, по своим боевым качествам превосходила вооруженные силы соседних государств. Более того, в первой половине XI в. Византия была единственным христианским государством, имевшим четко сформулированную военно-политическую доктрину, а также проверенную временем и деятельностью талантливых императоров военную политику. Наконец, восприятие войны как совокуп-

ности рациональных действий стало концептуальной основой для нового этапа развития византийского военного искусства. Опыт, накопленный во время многочисленных войн IX–X вв., был систематизирован и обобщен в наставлениях по стратегии и тактике. Примечательно, что наиболее важной задачей, которую ставили перед собой авторы этих полемологических сочинений, являлась подробная характеристика качеств образцового военачальника. Византийские военные теоретики понимали, что для сохранения существующей военной системы необходимо обеспечить преемственность в наиболее важном ее звене – командном составе императорской армии.

Примечания и список литературы

1. *Мохов А. С., Капсалькова К. Р.* Образы войны в византийской исторической литературе X в.: Феодор Дафнопат // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология». 2015. № 19 (216). Вып. 36. С. 45–46.
2. *Капсалькова К. Р.* Образы войны в византийской литературе X в.: Никифор Уран // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 5. С. 88.
3. *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византийской империи XI–XII вв. М. : Наука, 1974. С. 67.
4. *Мохов А. С.* Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2004. № 3 (31). С. 14–33.
5. *Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX–X в. // Византийские очерки. М. : Наука, 1971. С. 86–97.
6. *Кучма В. В.* Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (структура и численность армейских подразделений) // Античная древность и средние века. 1975. Вып. 12. С. 79–85.
7. *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien : Fassbaender, 1991. S. 68–69.
8. *Мохов А. С.* Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 74–78, 112–113.
9. *Haldon J.* Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and the tagmata, c. 580–900. Bonn : R. Habelt, 1984. P. 222–223.
10. *Ibid.* P. 236–245.
11. *Treadgold W.* The Byzantine revival, 780–842. Stanford Univ. Press, 1988. P. 173–174.
12. *Мохов А. С.* Эволюция византийской военно-административной системы во второй половине IX – первой половине X в. // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы III Междунар. науч. конф. (Волгоград, 23–24 сентября 2016 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. Ч. 1. С. 109–118.
13. *Каждан А. П.* Византийская армия в IX–X веках // Уч. зап. Великолук. гос. пед. ин-та. 1954. Вып. 1. С. 23–27.
14. *Мохов А. С.* Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. С. 17–18, 20–22.
15. *Treadgold W.* A history of the Byzantine state and society. Stanford Univ. Press, 2000. P. 543–552.
16. *McGeer E.* Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century. Wash. : Dumbarton Oaks, Research libr. and coll., 1995. P. 202–222.
17. *Мохов А. С.* Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв.: фема Сервия // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 26–30.
18. *McGeer E.* Sowing the dragon's teeth. P. 198–202.
19. *Oikonomidès N.* L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118) // Travaux et mémoires. 1976. Vol. 6. P. 132–137.
20. См.: *Мохов А. С.* Основные направления военной политики Василия II // Византийские очерки. СПб. : Алетейя, 2016. С. 138–146.
21. *Крсмановић Б.* Успон војног племства у Византији XI века. Београд : Византолошки институт, 2001. С. 5–13.
22. Three Byzantine military treatises / ed. by G. Dennis. Wash. : Dumbarton Oaks, Research libr. and coll., 1985. P. 318.16–21.
23. *Ibid.* P. 320.25–35.
24. *Syméon le Nouveau Théologien Catéchèses*, 1–5 / éd. par B. Krivochéine. Paris : Du Cerf, 1963. Т. 1. P. 426.596 – 428.636.
25. Псал. 2:11: «Служите Господу со страхом и радуйтесь пред Ним с трепетом».
26. Псал. 9:13: «ибо Он взыскивает за кровь; помнит их, не забывает вопля угнетенных».
27. Евр. 4:13: «И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет».
28. Мк. 9:35: «И, сев, призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою».
29. *Syméon le Nouveau Théologien Catéchèses*, 1–5. P. 428–429, n. 1.

Notes and References

1. Mohov A. S., Kapsalykova K. R. *Obrazy vojny v vizantijskoj istoricheskoy literature X v.: Feodor Dafnopat* [Images of war in the Byzantine historical literature of the X century: Theodore Dafnopat] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istoriya. Politologiya»* – Bulletin of Belgorod State University. Ser. "History. Political science". 2015, № 19 (216), iss. 36, pp. 45-46.
2. Kapsalykova K. R. *Obrazy vojny v vizantijskoj literature X v.: Nikifor Uran* [Images of war in Byzantine literature of the tenth century: Nicephorus Uranus] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* - Herald of Volgograd State University. Ser. 4. History. Regional studies. International relations. 2016, vol. 21, No. 5, p. 88.
3. Kazhdan A. P. *Social'nyj sostav gospodstvuyushchego klassa Vizantijskoj imperii XI-XII vv* [Social composition of the ruling class of the Byzantine Empire of the XI-XII centuries] M. Nauka. 1974. P. 67.
4. Mohov A. S. *Voennye preobrazovaniya v Vizantijskoj imperii vo vtoroj polovine X – nachale XI v.* [Military transformation in the Byzantine Empire in the second half of X – beginning of XI century] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* – News of the Ural State University. Ser. 2. Humanities. 2004, No. 3 (31), pp. 14-33.
5. Kuchma B. V. *Komandnyj sostav i ryadovye stratioti v femnom vojske Vizantii v konce IX-X v.* [Command staff and the rank stratioti in femen army of the Byzantine Empire in the IX-X century] // *Vizantijskie ocherki* – Byzantine essays. M. Nauka. 1971. Pp. 86-97.
6. Kuchma B. V. *Iz istorii vizantijskogo voennogo iskusstva na rubezhe IX-X vv. (struktura i chislennost' armejskikh podrazdelenij)* [From the history of Byzantine military art at the turn of IX-X centuries (the structure and number of military units)] // *Antichnaya drevnost' i srednie veka* – Antiquity and the middle ages. 1975, iss. 12, pp. 79-85.
7. Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien : Fassbaender, 1991. Pp. 68-69.
8. Mohov A. S. *Vizantijskaya armiya v seredine VIII – seredine IX v.: razvitiye voenno-administrativnyh struktur* [Byzantine army in the mid-VIII to mid – IX century: the development of military administrativ entities]. Ekaterinburg. Publishing house of the Ural University. 2013. Pp. 74-78, 112-113.
9. Haldon J. Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and the tagmata, c. 580-900. Bonn : R. Habelt, 1984. Pp. 222-223.
10. Ibid. Pp. 236-245.
11. Treadgold W. The Byzantine revival, 780-842. Stanford Univ. Press, 1988. Pp. 173-174.
12. Mohov A. S. *EHvolyuciya vizantijskoj voenno-administrativnoj sistemy vo vtoroj polovine IX – pervoj polovine X v.* [Evolution of the Byzantine military and administrative system in the second half of IX – first half of X]. // *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya : materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (Volgograd, 23-24 sentyabrya 2016 g.)* – Military history of Russia: problems, searches, decisions: materials of the III Intern. scientific. conf. (Volgograd, September 23-24, 2016). Volgograd. Publishing house of the VolsU. 2016. Part 1. Pp. 109-118.
13. Kazhdan A. P. *Vizantijskaya armiya v IX-X vekah* [Byzantine army in IX-X centuries] // *Uch. zap. Velikoluk. gos. ped. in-ta* – Scient. Notes of Velikoluk. State Ped. Institute. 1954. Iss. 1. Pp. 23-27.
14. Mohov A. S. *Voennye preobrazovaniya v Vizantijskoj imperii vo vtoroj polovine X – nachale XI v.* [Military transformation in the Byzantine Empire in the second half of X – beginning of XI century]. Pp. 17-18, 20-22.
15. Treadgold W. A history of the Byzantine State and society. Stanford Univ. Press, 2000. Pp. 543-552.
16. McGeer E. Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century. Wash. : Dumbarton Oaks, Research libr. and coll., 1995. Pp. 202-222.
17. Mohov A. S. *Mikrostruktury vizantijskoj voenno-administrativnoj sistemy v X-XI vv.: fema Serviya* [Microstructure of the Byzantine military and administrative system in the X-XI centuries: fema the Servius] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* – News of the Ural State University. Ser. 2. Humanities. 2010, No. 3 (79), pp. 26-30.
18. McGeer E. Sowing the dragon's teeth. Pp. 198-202.
19. Oikonomidès N. Sh'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025-1118) // *Travaux et mémoires*. 1976. Vol. 6. Pp. 132-137.
20. See: Mohov A. S. *Osnovnye napravleniya voennoj politiki Vasiliya II* [Main directions of the military policy of Basil II] // *Vizantijskie ocherki* – Byzantine essays. SPb. Aletheia. 2016. Pp. 138-146.
21. Крсмановић Б. Успон војног племства у Византији XI века. Београд : Византолошки институт, 2001. С. 5-13.
22. Three Byzantine military treatises / ed. by G. Dennis. Wash. : Dumbarton Oaks, Research libr. and coll., 1985. Pp. 318.16-21.
23. Ibid. Pp. 320.25-35.
24. Syméon le Nouveau Théologien Catéchès, 1-5 / éd. par B. Krivochéine. Paris : Du Cerf, 1963. T. 1. Pp. 426.596 – 428.636.
25. PS. 2:11 "Serve the Lord with fear and rejoice before Him with trembling."
26. PS. 9:13: "for He Inquisition for blood remembereth them: he forgets not the cry of the oppressed."
27. Heb. 4:13: "And no creature is hidden from Him, but all are naked and opened unto the eyes of Him to give account".
28. MK. 9:35: "sitting down, Jesus called the twelve and said to them: whoever wants to be first must be last of all and servant of all".
29. Syméon le Nouveau Théologien Catéchès, 1-5. P. 428-429, n. 1.

«Хороша страна Америка, а Россия лучше всех!..»: советское vs американское в официальном дискурсе 1959 г.

Боронников А. Д.

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., 29.
E-mail: aldibor@mail.ru

Лейбович О. Л.

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 18.
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Аннотации: В статье в форме свободного диалога обсуждается проблема самоопределения социалистической культуры в двухполюсном мире середины XX в. Предметом исследования служит американская тема в официальном советском нарративе эпохи оттепели. Авторы обращаются к тексту книги «Лицом к лицу с Америкой», удостоенной Ленинской премии. Книга представляет собой репортаж о пребывании главы советского правительства в США. Ее авторы – ведущие советские журналисты той эпохи. Американская тема в этой книге играет роль своеобразного зеркала, в котором отражаются черты нового мира на фоне мира капиталистического, уходящего, отнюдь не привлекательного. Образ США призван выявить привлекательные черты советского социалистического строя: полная занятость, доступность жилья, образования и здравоохранения, колLECTИВИЗМ, расцвет искусств.

Ключевые слова: советская культура, идеология, образ жизни, социалистические ценности, критика буржуазного мира.

"A good country is America, and Russia is the best!..": the Soviet vs the American in the official discourse of 1959

Bronnikov A. D.

candidate of philosophical sciences, associate professor of sociology and political science, Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomolskiy Ave., 614990, Perm. E-mail: aldibor@mail.ru

Leibovich O. L.

doctor of historical sciences, professor, head of Department of Culturology and philosophy, Perm State Institute of Culture. 18 Gazety "Zvezda" str., 614000, Perm. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Abstract: The article in the form of free dialogue discusses the problem of self-determination of socialist culture in the bipolar world of the mid-20th century. The subject of the study is the American theme in the official Soviet narrative of the thaw era. The authors turn to the text of the book "Face to Face with America", awarded the Lenin Prize. The book is a report about the stay of the head of the Soviet government in the United States. Its authors are leading Soviet journalists of that era. The American in this book plays the role of a kind of mirror in which the features of the new world are reflected against the backdrop of a capitalist world that is leaving, far from attractive. The image of the United States is designed to reveal the attractive features of the Soviet socialist system: full employment, affordability of housing, education and health, collectivism, the flowering of arts.

Keywords: Soviet culture, ideology, way of life, socialist values, criticism of the bourgeois world.

Б.: Обозначим позицию. «Советское» принадлежит дуалистическому восприятию мира; это всегда элемент бинарной конструкции. Там, где у Ленина появляется «советское», всегда возникает образ «буржуазного»: парламентаризма, общественного мнения, лозунга свободы и демократии и пр. Собственно, так же понимал «советское» и Сталин. Он как-то объяснял американским профсоюзникам, чем новый строй отличается от старого: «Если при капитализме рабочий рассматривает фабрику как тюрьму, то при советских порядках рабочий смотрит на фабрику уже

не как на тюрьму, а как на близкое и родное для него дело, в развитии и в улучшении которого он кровно заинтересован» [1].

Л.: Замечу, что у Ленина есть и другие коннотации «советского»: бюрократизм, бескультурье, разгильдяйство, «повесить на вонючих веревках» и пр. Правда, все это было записано, как правило, на клочках бумаги и адресовано ближайшим сотрудникам. Для публичной речи сохранилось изначальное противопоставление советского буржуазному.

Б.: Советское – это обозначение пространственно-временного континуума, что, между прочим, требовало его постоянного обновления и наполнения свежим содержанием.

Л.: В противопоставлении «мы» и «они» константной является оппозиция. Нельзя определить советское, убрав его антипод, но сам антипод меняется. «Они» обязательно находятся за линией, отделяющей добро от зла: прогресс от отсталости, счастье от горя, свободу от неволи. Тут снова встает вопрос о пространстве: совпадает ли эта линия с границами государства?

Б.: Отчасти да. Вслушаемся в позднюю сталинскую риторику: «Счастье сделалось воздухом нашей Родины. Им дышит каждый советский человек» [2]. Это у них, за кордоном нищета, голод, бесправие. В Штатах – «расовая дискриминация, законы Тафта-Хартли для рабочих, контроль за мыслями, судебный произвол, подкуп избирателей, продажность членов правительства»; в школах – «мракобесие и мордобой», на улице «много бандитов, убийц, хулиганов» [3]. Кстати, «несоветские люди» прячутся и на советской территории: космополиты, троцкисты, приспособленцы. «Неожиданным моментом было связывание образа врага с признаками бюрократического разложения. «Космополитами» представляли типичные советские хозяйственники, которые брали взятки, подкупали свое начальство, опирались «на целую бюрократическую иерархию из знакомых» [4].

Л.: Александр Фадеев находил им простые определения: «сволочи», «подонки литературы», «дермо», прежде всего за то, что они были «люди, зломыслящие, в своих интересах» [5]. Стало быть, несоветские.

Б.: Во второй половине пятидесятых годов общеполитическая ситуация поменялась. Образ Соединенных Штатов вновь обрел двойственность, свойственную двадцатым годам. Напомню, как Сталин характеризовал ленинский стиль: «В чем состоят характерные черты этого стиля? Каковы его особенности? Этих особенностей две: а) русский революционный размах и б) американская деловитость. Стиль ленинизма состоит в соединении этих двух особенностей в партийной и государственной работе. [...] Американская деловитость является, наоборот, противоядием против «революционной» маниловщины и фантастического сочинительства. Американская деловитость – это та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная работа» [6]. И вот здесь Н. С. Хрущев едет в США, и тотчас появляется книга «Лицом к лицу с Америкой» [7].

Л.: Авторы есенинских стихов не помнили: «Лицом к лицу лица не увидать», иначе бы назвали по-другому, но это им не помешало и получить ленинскую премию, и сыскать высокое благоволение. Нас этот пухлый том интересует с одной точки зрения – как особое зеркало, в котором отразился образ советского в сердцевине хрущевского десятилетия.

Б.: Увидеть советское через американское – разглядеть позитив в негативе, если пользоваться фотографическими терминами. Тем более что авторы книжки и были теми конструкторами советского. По версии Е. Добренко, литераторы, исповедовавшие и проповедовавшие принципы социалистического реализма, и были действительными создателями нового общества: «Если из картины «социализма» попытаться мысленно вычесть соцреализм – романы об энтузиазме на производстве, поэмы о радостном труде, фильмы о счастливой жизни, песни и картины о богатстве советской страны и т. д., – у нас не останется ничего, что можно было бы назвать собственно социализмом» [8].

И вот эти люди увидели своими глазами жизнь антиподов и получили задание их описать, хотя бы в виде фона, на котором разворачивалось чудесное приключение «нашего дорогого Никиты Сергеевича», передать голоса «из хора» приветствующих советского руководителя и при этом учесть то, что уже сотни тысяч советских людей увидели на экранах телевизоров.

Л.: Виртуозно справились, большие были мастера художественной прозы, но нас интересует, как они на американском материале создавали приоритет советского... По каким рубрикам...

Б.: Отнюдь не произвольно. В соответствии с господствующей на Старой площади идеологией: «смазать идеи Маркса свиным салом». Так, во всяком случае, М. Ромм услышал слова Н. С. Хрущева о новой политической линии [9]. А это означало, что искать собственно советское

следовало отнюдь не на фабрике, как при Сталине, а в доме, в школе, образе жизни: «в сфере жилья, семьи и досуга» [10].

Л.: И естественно, в освоении космоса.

Б. Начнем с жилья: Н. С. Хрущев со свитой на поезде едет в Сан-Франциско через пригороды. Журналисты вглядываются в сабурбы (suburb) и видят их: «...тесно застроенные крохотными кубическими домишками в один-два этажа. Как мы потом узнали, строят их быстро: прошел бульдозер, разровнял землю, проложили дорогу, водопровод, и вот уже вдоль дороги высыпаны, словно кости из коробочки, десятки одинаковых мелких домиков. Они стандартны: существует не более семи – восьми типов этих зданий, и различить их можно только по цвету, по раскраске. Некоторым американцам нравится жить в таких домишках: плохохонький, да свой, хотя за такой домик приходится выплачивать компании его стоимость на протяжении многих лет. Но, на взгляд советского человека, есть что-то бесконечно тоскливо в том, как люди втискиваются в эти крохотные домики, зажатые в тиски слева и справа чужими, такими же крохотными строениями. Ни настоящего дворика, ни садика, асфальт тротуара и сразу – человечья каменная нора среди сотен таких же нор» [11]. Итак, дом на одну семью каменной постройки со всеми удобствами (упоминается водопровод) – это нечто жалкое, банальное (семь-восемь вариантов), крохотное. И очень дорогое. «Мы спрашивали у простых американцев, сколько стоят их маленькие домики. И они называли нам цифры, которые заставляли насторожиться, – 15, 20, 25 тысяч долларов. Это немалая сумма. Подчас американцу не хватает жизни, чтобы заплатить за этот дом, и за него приходится расплачиваться детям, а иногда даже внукам хозяев» [12]. Какой альтернативный вариант решения жилищного вопроса предлагают советские журналисты?

Неужели «хрущевки» – пятиэтажные дома одной серии, собранные из стандартных панелей? Вряд ли. Скорее всего, сталинские высотки... И естественно, низкую квартплату.

Л. По-моему, здесь дело не в этажности и не в плотности застройки – дело в собственном домике. В эти годы власть в Союзе готовилась к коммунистическому строительству, по ходу дела истребляя всякую частную инициативу, в том числе и в сельском хозяйстве [13]. В такой идеологической ситуации собственный домик выглядел анахронизмом, явно подлежащим сносу. Жить надо хоть и в отдельных квартирах, предоставленных государством за ударный труд, а не купленным за собственные деньги, пусть даже в рассрочку – по ипотеке. Вот почему домик «с настоящим садиком» – это каменная нора, а микрорайон Черемушки – солнечная долина.

Б.: Частное предпринимательство – это большое зло – и не столько в организации производства и в техническом прогрессе, сколько в повседневной жизни. Оказывается, американцам нужно за все платить: за жилье, за лечение, за образование: «Четверть заработка надо отдать за жилье – от 75 до 100 долларов за едва сносную квартиру, 500 долларов – только за право родить ребенка в больнице, 750–1000 долларов в год – за обучение в хорошем университете. Не потому ли в богатой Америке миллионы подростков не имеют возможности получить среднее, а тем более высшее образование. Не потому ли в богатой стране тысячи и тысячи подростков слоняются по улицам, часто попадая под влияние гангстерских шаек, становятся наркоманами, а степень нравственной распущенности подчас не укладывается в рамки нормальных человеческих представлений. Вдумайтесь в слова того же Сиднея Ленса: «Соединенные Штаты удерживают мировой рекорд по количеству убийств из расчета на каждые сто тысяч жителей». Именно в этом кроются, быть может, самые важные черты жизни так называемого счастливого общества» [14].

Л.: Снова возвращаемся в позднее сталинское время: так называемому счастливому обществу явно противостоит общество советское, действительно счастливое. В самом деле, советским людям за «право родить» платить не надо, во всяком случае, в больничную кассу – и за обучение тоже. По этой причине молодые люди ведут нравственный образ жизни, отнюдь не распущенный. Авторы книги сообщают, что эти блага что-то стоят: в Америке – доллары, которыми расплачиваются граждане. Советские граждане это получают бесплатно, за чей счет? Наверное, за государственный, что отнюдь не делает их людьми зависимыми. Правда, аргументы в пользу советских свобод извлекаются из другой корзинки:

«Надо было видеть зал, в котором собирались выдающиеся мастера американского искусства, когда Никита Сергеевич очень просто, ярко и правдиво рассказал им о положении и месте художника в нашей стране, о том, как много сделано для высокого взлета культуры во всей жизни Советского Союза. Он обращается к залу:

– А кое-кто в вашей стране до сих пор бубнит, будто в Советском Союзе люди находятся чуть ли не в рабстве. Да какой же это рабский строй?

Разве может рабский строй обеспечить такой небывалый расцвет науки и искусства, какой мы имеем в нашей стране?» [15].

Б.: Особенno искусства. Никто не танцует канкан: «И той же девушке и ее подругам пришлось исполнить для гостей низкопробный танец. Девушки кривлялись, падали на пол, дрыгали ногами. И всем, кто видел этот танец, было ясно, что актрисам стыдно и перед собой, и перед теми, кто видит их» [16]. И тут же авторы дают отпор буржуазной пропаганде, которая «...утверждала, что жизнь в Советском Союзе сера, безынтересна, однообразна. Голливуд не смотрел советских фильмов, не читал советских книг, не слушал советской музыки. Голливуд верил лживым басням об искусстве социалистического реализма. И вдруг блестящий, ни с чем не сравнимый успех балета Большого театра, потрясающие великолепные танцы народов Советского Союза в исполнении ансамбля Игоря Моисеева, потом выступления ансамбля «Березка», выступления Д. Шостаковича и Д. Ойструха. Победа советских спортсменов на Олимпийских играх, победа нашей команды легкоатлетов на американской земле и сотни, тысячи других существенных, волнующих фактов опровергали все прежние представления» [17].

Л.: Что противостоит серости? Яркость, блеск, гламур... Впрочем, о гламуре тогда ничего не знали. А безынтересному – приключения, авантюры, игра... Однообразию – вариативность, богатство образов, конфликтность. То есть советское – это необычное путешествие, это калейдоскоп открытий, это яркие люди... Правда, с людьми в этом нарративе далеко не все в порядке. Да, один интересный человек явно присутствует – это Никита Сергеевич. При виде его «люди улыбаются, аплодируют, машут руками...» [18]. И это только при встрече; при расставании под его влиянием меняется психологический тип людей: «Когда все кончилось и Премьер исчез в гостинице, толпа совершенно изменила своей прежней солидности. Подобно потоку она затопила всю улицу, и незнакомые люди беседовали друг с другом среди общего беспорядочного гула. Казалось, произошла какая-то странная метаморфоза. В воздухе витало какое-то чувство, чувство гордости и свершения, как будто сделано что-то мужественное и значительное.

Теперь люди свободно беседовали с корреспондентами, рассказывая, как они аплодировали и кричали.

– Что толку в недружелюбии? – сказал один пожилой человек, дымя сигарой. – Ну что это дает? Ну и показали же мы ему, а?...

Сто тысяч человек, и ни одного недружелюбного лица – такова была лаконичная, но исчерпывающая оценка встречи, данная местной печатью» [19].

Б. Да, конечно, Хрущев, но с ним и деятели искусства. Стало быть, прав Е. Добренко: советское – это то, что они сделали и, наверное, сами они, когда делали. Появляются, правда, и конструкторы ракет: «Отправив ракету на Луну, советские ученые и инженеры еще раз подтвердили, что для них запуск мощных ракет – дело уже верное и обычное» [20]. Этим они отличаются от своих американских коллег (или все-таки противников?), у которых ничего не получается: «Взрыв похоронил надежды на запуск ракеты в сторону Луны. В настоящее время нет другой готовой ракеты, которая могла бы доставить спутник на орбиту вокруг Луны. <...> Можно было по-человечески посочувствовать американским ученым. Они потерпели еще одну неудачу в необычно сложном и трудном деле, каким является запуск ракеты в сторону Луны» [21].

Л.: Понятно, калейдоскоп открытий – это космические технологии, новые станки, инструменты и даже вычислительные машины. А вот путешествия разворачиваются на двух картах: одно – в космос, другое – в коммунизм. Здесь мы первопроходцы: «Теперь уже не кучка людей идет по ленинской тропе – в победоносный поход к коммунизму двинулось выше миллиарда человек, и несметная армия эта все время растет и ширится. И во главе ее по-прежнему главная движущая и руководящая сила – партии рабочего класса, партии коммунистов. Это к ним обращены сейчас все взоры, на них возлагаются надежды, их благодарят народы за все содеянное ими...» [22].

Б.: Все-таки от США еще отстаем, но вот-вот догоним. У советских людей для есть все: «...прекрасно организованная и управляемая экономика, наука и техника, созданные поистине героическими усилиями народа в небывало короткий срок. Давно ли мы отставали от капиталистических стран на сто лет! Теперь СССР обогнал их все, за исключением Соединенных Штатов, но и в соревновании с этой сильнейшей страной капиталистического мира мы уже оставили ее позади по целому ряду важнейших позиций, и прежде всего в области науки» [23].

Л.: Посмотрим, что же такое «советское» в послесталинскую декаду: во-первых, самое передовое и прогрессивное; впрочем, в этих характеристиках нет никаких новаций; так партийные идеологи приучали мыслить и говорить со времен первых пятилеток, во всяком случае, с середины тридцатых годов. На рубеже 40–50-х гг. эта идея дополнилась утверждением о русских приоритетах во всех областях человеческой деятельности. И попутчики Н. С. Хрущева не забыли упомянуть в своем отчете о Кибальчиче, Ползунове, Можайском – персонажах поздней сталинской мифологии [24]. Тут ничего не поменялось.

Б.: Тематика все-таки изменилась; в фокусе оказались сюжеты из обыденной жизни: жилище, организация досуга, семейный быт. А. Аджубей концентрирует внимание на теневых сторонах повседневной жизни: дорожеизне, «дурной» организации жилого пространства, питании и пр. Так возникает образ советского мира, где люди живут в просторных квартирах, в домах, окруженных зеленью; они не знают, что такое безработица, пользуются попечительством государства; молодые люди имеют право на образование; люди старших поколений приобщают их к правилам социалистического общежития. Советское – значит гармоничное, идиллическое, бесконфликтное. Аркадия XX столетия. Даже хорошее с лучшим не борются – и никаких внутренних врагов. Тунеядцы придут позднее.

Л.: Возникает вопрос, в чем источник движения? Для чего обществу меняться? Двигаться к коммунизму? Может быть, советские люди настолько совершенны, что для них самым важным является импульс к дальнейшему самосовершенствованию?

Б.: Может быть, советские люди настолько просвещены, что хотят следовать учению Маркса, выполнить его завет и построить коммунизм. Быть советским – быть строителем коммунизма. Через год будет принятая Программа КПСС, от которой в памяти остался лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Л.: Не будем забывать, что партийные идеологии конструировали советское для общества, все более погружавшегося в частную жизнь, разобщенного, пережившего шок XX съезда и в значительной степени разочарованного.

Б.: Это только одна сторона вопроса, есть и другая. За 40 лет советской власти люди обжили новую действительность, слепив из разных материалов собственное советское, назовем его общепринятым: какие-то слова, несколько символов, обиходные практики. У Евтушенко читаем рифмованный анекдот, как матросы с рыболовецкого сейнера, не найдя в магазине водку, прикупили тройной одеколон и устроили себе праздник:

Так над землею-великаном
стоял Морковский со стаканом,
в котором пенились моря.
Отметил кэп: «Все по-советски...»
И только боцман всхлипнул детски:
«А моя мамка – померла...»

И мы заплакали навзрыдно,
совсем легко, совсем нестыдно,
как будто в собственной семье,
горячими слезами
сперва по боцмановой маме,
а после просто по себе [25].

Согласимся, что здесь мы находим какое-то иное советское, мало похожее на идеологические формулы, обжитое, ритуализированное, или, вернее, обычное, производное из коллективного опыта. Назовем это советское общепринятым.

Л.: Да, но только в этом опыте мы все равно обнаружим следы советской идеологии, только переиначенной, очеловеченной, обиходной. Среди тех ресурсов, которыми обладали младшие современники Н. С. Хрущева, его внуки, были и ресурсы символические. Идеологическое советское и было одним из таких ресурсов. Для обращения к власти за поддержкой нужно было знать ее язык, пользоваться готовыми идеологемами, демонстрировать свою лояльность. Власть требовала немного: присутствовать на собраниях и правильно голосовать «за»,ходить на избирательные участки, выписывать газеты, строго разделять публичные и домашние суждения. Идеологическое и общепринятое советское дополняли друг друга, но не были тождественны между собой.

Б.: Было бы любопытно посмотреть, как в поведенческих моделях взаимодействовали эти две грани советского: идеологическое и общепринятое. Я здесь толкую о том, насколько продукция пропагандистских аппаратов способствовала или, напротив, препятствовала выбрать эффективную стратегию поведения для молодого человека, старающегося подняться на «социальном лифте». Знание этого языка, конечно же, было признаком социализации, а вот все остальное – вера в коммунизм, в общественную солидарность?

Примечания и список литературы

1. *Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией. 29 09 1927 // Stalin I. V. Voprosy leninizma*. Изд. 10. М. : Партиздан, 1935. С. 169–202.
2. *Kataev V. Za Velikogo Stalina // Ogonek*. 1953. № 1. С. 1.
3. *Nikolaeva N. Formirovaniye mifologizirovannogo obrazu Soedinennykh Shtatov Ameriki v sovetskem obshchestve : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The formation of the mythological image of the United States of America in the Soviet society: abstr. dis. cand. hist. sciences]. Саратов. 2001. URL: <http://www.dissertcat.com/content/formirovaniye-mifologizirovannogo-obrazu-soedinennykh-shtatov-ameriki-v-sovetskem-obshchestve>.
4. *Fateev V. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. URL: http://psyfactor.org/lib/fateev5.htm*.
5. Из литературного наследия. «Будем говорить о литературе и о жизни». Из переписки Александра Твардовского и Александра Фадеева / публикация, вступ. ст. и примеч. Н. И. Дикушиной // Дружба народов. 2000. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/5/perep-pr.html>.
6. *Сталин И. В. Ob osnovakh leninizma*. Лекции, читанные в Свердловском университете в начале апреля 1924 г. // Stalin I. V. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М. : Партиздан, 1935. С. 73.
7. Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США. 15–26 сентября 1959 года. Аджубей А., Грибачев Н. и др. М. : Политиздат, 1960. 679 с.
8. *Dobrenko E. Polittekonomiya sovremlizma*. М. : Новое лит. обозрение, 2007.
9. *Romm M. Kak v kino. Ustnye rasskazy*. М., 2003. С. 179.
10. 1956: nezamechennyj termidor. Ocherki provincial'nogo byta – 1956: undetected thermidor. Sketches of provincial life. Perm. PSHIC. 2012. С. 246.
11. Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США... С. 274.
12. Там же. С. 252.
13. См.: *Leybovich O. Reforma i modernizatsiya v 1953–1964 gg*. Пермь : ПГИИК, 2012. С. 153–154.
14. Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США... С. 267.
15. Там же. С. 244.
16. Там же. С. 246.
17. Там же. С. 240.
18. Там же. С. 277.
19. Там же. С. 278–279.
20. Там же. С. 417.
21. Там же.
22. Там же. С. 519.
23. Там же. С. 524.
24. Там же. С. 516–518.
25. *Evtyushenko E. Ballada o vypivke*. URL: <http://ev-evt.net/stihi/b/alcogol.php>.

Notes and References

1. *Stalin I. V. Beseda s pervoij amerikanskoj rabochej delegaciej. 29 09 1927* [Interview with the first American labour delegation. 29 09 1927] // *Stalin I. V. Voprosy leninizma* [Questions of Leninism]. Ed. 10. M. Partizdat. 1935. Pp. 169-202.
2. *Kataev V. Za Velikogo Stalina* [For Stalin The Great] // *Ogonek* – The Light. 1953, No. 1, p. 1.
3. *Nikolaeva N. Formirovaniye mifologizirovannogo obrazu Soedinennykh Shtatov Ameriki v sovetskem obshchestve : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The formation of the mythological image of the United States of America in the Soviet society: abstr. dis. cand. hist. sciences]. Saratov. 2001. Available at: <http://www.dissertcat.com/content/formirovaniye-mifologizirovannogo-obrazu-soedinennykh-shtatov-ameriki-v-sovetskem-obshchestve>.
4. *Fateev V. Obraz vraga v sovetskoy propagande. 1945–1954 gg* [Image of enemy in Soviet propaganda. 1945–1954 gg]. Available at: <http://psyfactor.org/lib/fateev5.htm>.
5. *Iz literaturnogo naslediya. «Budem govorit' o literature i o zhizni»*. Iz perepiski Aleksandra Tvardovskogo i Aleksandra Fadeeva – From the literary heritage. "We'll talk about literature and about life." From the correspondence of Alexander Tvardovsky and Alexander Fadeev / publication, introd. article and notes. N. I. Dikushina // *Druzhba narodov* – Friendship of peoples. 2000. No. 5. Available at: http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/5/perep_pr.html.
6. *Stalin I. V. Ob osnovakh leninizma. Lekcii, chitannye v Sverdlovskom universitete v nachale aprelya 1924 g*. [On the foundations of Leninism. Lectures delivered at the Sverdlov University in the beginning of April 1924] // *Stalin I. V. Voprosy leninizma* [Issues of Leninism]. Ed. 10th. M. Partizdat. 1935. P. 73.
7. *Licom k licu s Amerikoj. Rasskaz o poezdke N. S. Hrushcheva v SSSR. 15–26 sentyabrya 1959 goda* – Face to face with America. The story of the visit of N. S. Khrushchev in the United States. 15-26 September 1959. Adjoubei A., Gribachev N. etc., M. Politizdat. 1960. 679 p.
8. *Dobrenko E. Polittekonomiya sovremlizma* [Political economy of socialist realism]. M. New literary outlook. 2007.
9. *Romm M. Kak v kino. Ustnye rasskazy* [Like in the movies. Oral histories]. M. 2003. P. 179.
10. 1956: nezamechennyj termidor. Ocherki provincial'nogo byta – 1956: undetected thermidor. Sketches of provincial life. Perm. PSHIC. 2012. P.246.
11. *Licom k licu s Amerikoj. Rasskaz o poezdke N. S. Hrushcheva v SSSR...* – Face to face with America. The story of the visit of N. S. Khrushchev to the United States... P. 274.
12. Ibid. P. 252.

13. See: *Lejbovich O. Reforma i modernizaciya v 1953 1964 gg* [Reform and modernization in 1953, 1964] Perm'. PSU – SOUSC. 1993. P. 153–154.
14. *icom k licu s Amerikoj. Rasskaz o poezdke N. S. Hrushcheva v SSHA...* – Face to face with America. The story of the visit of N. S. Khrushchev in the United States... p. 267.
15. Ibid. P. 244.
16. Ibid. P.246.
17. Ibid. P.240.
18. Ibid. P. 277.
19. Ibid. Pp. 278–279.
20. Ibid. P. 417.
21. Ibid.
22. Ibid. P. 519.
23. Ibid. P. 524.
24. Ibid. Pp. 516–518.
25. *Evtushenko E. Ballada o vypivke* [Ballad about drinking]. Available at: <http://evevt.net/stihi/b/alcogol.php>.

Политические аспекты советско-греческих отношений в 1953–1959 гг.*

Калинин А. А.

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук,
Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: lepse@yandex.ru,
usr11328@vyatsu.ru

Аннотация: В статье исследуются политические аспекты советско-греческих отношений от нормализации после смерти И. В. Сталина до нового осложнения в 1958–1959 гг. Также раскрывается отношение США к этому процессу. Автор опирается на материалы Архива внешней политики РФ, Государственного архива РФ и Национального архива США. Выбор нижней хронологической рамки определяется началом восстановления дипломатических, экономических и культурных связей Греции и Советского Союза в 1953–1954 гг. Статья завершается анализом причин ухудшения советско-греческих отношений, сопровождавшегося обсуждением вопроса о размещении в Греции американских ядерных ракет средней дальности и обвинениями СССР во «вмешательстве» в греческую внутреннюю политику. Автор считает, что первопричиной ухудшения отношений с Афинами была неготовность Москвы отказаться от классового подхода во внешней политике.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, холодная война, Греция, дипломатические отношения, ядерное оружие, Н. С. Хрущев, К. Караманлис.

Political aspects of Soviet-Greece relationship in 1953–1959

Kalinin A. A.

candidate of historical sciences, associate professor, Department of general history and political science, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: lepse@yandex.ru, usr11328@vyatsu.ru.

Abstract: The article examines the political aspects of Soviet-Greek relations from normalization after the death of Stalin until new complications in 1958–1959. Also reveals the U. S. attitude to this process. The author relies on materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Russian Federation and the U. S. National Archives and Records Administration. The choice of the lower chronological framework is defined by the beginning of the restoration of diplomatic, economic and cultural ties between Greece and the Soviet Union in 1953–1954. The article concludes with an analysis of the reasons for the deterioration of Soviet-Greek relations, accompanied by discussion on the deployment in Greece of the U. S. medium-range ballistic missiles and accusations the Soviet Union of interference in Greek internal politics. The author believes that the root cause of the deterioration of relations with Athens was the unwillingness of Moscow to abandon the class-based approach in foreign policy.

Keywords: USSR foreign policy, cold war, Greece, diplomatic relations, nuclear weapon, N. Khrushchev, K. Karmanlis.

Современная позитивная динамика отношений Российской Федерации и Греческой Республики говорит в пользу актуальности исследования исторического опыта взаимодействия двух стран. Греция является одним из наиболее близких партнеров России среди стран Европейского Союза. На отношения Москвы и Афин после Второй мировой войны наложила отпечаток холодная война. В связи с этим данные отношения переживали периоды «потеплений» и новые «охлаждения».

В 1953 г. после смерти И. В. Сталина СССР развернул дипломатическое «мирное наступление» на международной арене, частью которого стала нормализация отношений с Грецией. Впервые с 1947 г. в Грецию был направлен чрезвычайный и полномочный посол СССР. Им стал опытный дипломат Михаил Григорьевич Сергеев. В настоящей статье рассматривается политический аспект советско-греческих отношений с момента их нормализации в 1953 г. до нового осложнения в 1958–1959 гг.

Советско-греческие отношения после Второй мировой войны остаются малоизученными и в российской, и в зарубежной историографии. Западные авторы проблематику взаимоотношений Москвы и Афин затрагивают только в общих работах, посвященных внешней политике Греции в

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-50066.

годы холодной войны [1]. В отечественной исторической науке некоторые аспекты советско-греческих отношений рассмотрел Ар. А. Улуян [2]. Экономические проблемы отношений двух стран затрагиваются в кандидатской диссертации М. В. Рукомойниковой [3]. Настоящая статья дополняет эти работы, раскрывая политические проблемы советско-греческих отношений на материалах Архива внешней политики РФ, Государственного архива РФ и Национального архива США.

17 сентября 1953 г. М. Г. Сергеев прибыл в Афины. Подводя итоги деятельности советского посольства в Греции за год, заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин в мае 1954 г. отметил существенные сдвиги в налаживании торговых (подписание греко-советского торгового соглашения от 28 июля 1953 г.) и культурных (поездки делегаций, прокат советских кинофильмов в Греции) связей между двумя странами [4].

По поручению ЦК КПСС МИД СССР регулярно готовил конкретные предложения, направленные на развитие советско-греческих отношений, многие из которых были реализованы. Эти меры предусматривали расширение экономических и культурных связей, репатриацию греческих политэмигрантов, улучшение отношений стран народной демократии с Грецией. Советское руководство обращалось к правительствам стран Восточной Европы с рекомендацией предпринять шаги для нормализации и развития отношений с Грецией [5]. В 1955 г. возобновило свою деятельность Греко-советское общество. Советский посол также регулярно встречался с лидерами Единой демократической левой партии (ЭДА) – единственной греческой политической силой, стоящей на просоветских позициях.

Как следует из аналитической справки заведующего Четвертым Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимянина от 22 января 1955 г. «Краткая характеристика взаимоотношений СССР с Грецией», задачами советской дипломатии в этой стране были развитие взаимовыгодных советско-греческих отношений, нормализация отношений Греции со странами народной демократии, усиление влияния СССР в этой стране и борьба с враждебной американской пропагандой. Особое внимание уделялось военно-стратегическим вопросам. МИД СССР стремился выявлять противоречия между странами – участниками Балканского пакта с целью его ослабления, а также англо-американские противоречия в Греции для использования их в интересах СССР. Перспективным в этом смысле представлялся кипрский вопрос, который мог рассорить Грецию и Турцию (что в дальнейшем и произошло), а также ухудшил отношения Греции с Великобританией и США [6]. Позиции СССР и Греции по Кипру оказались сходными, что обеспечило советскую поддержку инициатив греческой дипломатии в ООН по кипрскому вопросу. Министр иностранных дел Греции Ст. Стефанопулос давал понять Сергееву, что греческое правительство ожидает со стороны СССР поддержки по Кипру [7].

Частью советского «мирного наступления» стали многочисленные инициативы, нацеленные на прекращение холодной войны. Так, в ноябре 1954 г. советское правительство пригласило Грецию вместе с другими европейскими странами принять участие в Общеевропейском совещании по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе. Афины отвергли эту инициативу [8].

Дипломатические отношения Греции с большинством стран Восточной Европы по-прежнему не поддерживались. Стефанопулос неоднократно говорил Сергееву, что Афины положительно относятся к урегулированию отношений со странами Восточной Европы [9]. Однако после подписания в мае 1954 г. Декларации о восстановлении дипломатических отношений между Грецией и Болгарией процесс нормализации отношений Греции со странами народной демократии затормозился. Ссылаясь на невыполнение Болгарией обязательств по репарациям, вытекающим из мирного договора, Афины отказались обменяться с ней дипломатическими представителями. Греция по-прежнему считала себя юридически находящейся в состоянии войны с Албанией. Тормозился процесс установления отношений с Польшей, Венгрией и Румынией. Сергеев считал, что на деле никаких мер для установления нормальных отношений со всеми странами народной демократии Афины предпринимать не хотят [10].

Серьезным препятствием на пути развития советско-греческих отношений оставался вопрос о репатриации из СССР бывших военнослужащих греческой королевской армии, плененных Демократической армией Греции в период гражданской войны 1946–1949 гг. В СССР проживали 17,5 тыс. греков-политэмигрантов, в том числе 217 солдат и офицеров правительственный войск [11]. Афины утверждали, что бойцы королевской армии насильственно удерживаются в СССР.

21 апреля 1953 г. временный поверенный в делах Греции в СССР Ф. Ипсиланти поставил вопрос о репатриации в Грецию бывших греческих военнослужащих. В дальнейшем греческая сторона постоянно поднимала этот вопрос. 8 декабря МИД СССР был передан список из 200 человек, желающих репатриироваться в Грецию. Однако решение вопроса продвигалось очень медленно [12].

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 6 июля 1954 г. подготовка вопроса о репатриации греческих политэмигрантов, желающих выехать в Грецию, была поручена Комитету государственной безопасности СССР (КГБ). По агентурным данным КГБ, из находящихся в Советском Союзе политэмигрантов имели желание репатриироваться в Грецию 209 человек [13]. После многочисленных проволочек [14] осенью 1956 г. СССР начал их репатриацию. 9 ноября 38 офицеров и солдат, захваченных в плен Демократической армией, прибыли из СССР в порт Пирей [15].

Правительство Александроса Папагоса придерживалось сдержанной позиции в отношениях с Советским Союзом. Греческая сторона последовательно демонстрировала недоверие в отношении советских миротворческих усилий. Во время беседы с Сергеевым 25 мая 1955 г. Стефанопулос заявил, что «Советский Союз, проводя кампанию за мир по всем миру, преследует свои собственные цели ослабить боеспособность других государств», но сам СССР не дает конкретных доказательств тому, что желает уменьшения международной напряженности [16]. После смерти маршала в октябре 1955 г. новым премьер-министром Греции стал министр общественных работ в кабинете Папагоса Константинос Караманлис.

После выборов 19 февраля 1956 г., которые обеспечили Национально-радикальному союзу (ЭРЭ) во главе с Караманлисом большинство в парламенте, новое греческое руководство пошло на активизацию советско-греческих контактов. Выступая в парламенте, министр иностранных дел Спирос Теотокис заявил о готовности нового правительства развивать отношения с СССР и странами Восточной Европы при условии, что эти отношения не будут противоречить обязательствам Греции перед западными державами [17].

В марте – апреле 1956 г. посол Сергеев провел серию встреч с министрами нового правительства, во время которых обсуждались возможные шаги к улучшению отношений двух стран. Так, министр без портфеля Г. Касиматис упомянул о возможности организации визита в СССР Караманлиса и других членов правительства, министр просвещения Греции П. Левандис выразил заинтересованность в оказании Греции советской технической помощи, заместитель премьер-министра А. Апостолидис говорил о возможностях взаимного обмена специалистами в области сельского хозяйства, а также об оказании СССР экономической помощи Греции при условии, что она не повлечет за собой никаких политических обязательств [18]. 20 апреля состоялась встреча советского посла с премьер-министром Караманлисом, который подтвердил, что «его правительство желает поддерживать с Советским Союзом дружественные отношения» в области политических, экономических и культурных связей. В то же время греческий премьер указал на серьезную внутреннюю трудность: попытки греческих левых (то есть партии ЭДА) «монополизировать дружеские отношения с Советским Союзом» [19].

Крупным событием стал неофициальный визит в Грецию недавно назначенного министром иностранных дел СССР Дмитрия Тимофеевича Шепилова. 12 июня 1956 г. Сергеев проинформировал нового министра иностранных дел Греции Евангелоса Аверова о желании советского министра после посещения Египта, Сирии и Ливана нанести визит и в Грецию. Правительство Караманлиса согласилось принять Шепилова [20].

28 июня Шепилов прибыл в Афины. Это был первый в истории советско-греческих отношений визит советского министра иностранных дел. Еще в аэропорту он заявил, что СССР ни в коем случае не угрожает безопасности и целостности Греции. «Советский Союз основывает свои отношения с Грецией на принципах мирного сосуществования и делового сотрудничества, взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, полного равенства и невмешательства во внутренние дела», – заверил министр [21].

Состоялись встречи Шепилова с Караманлисом и Аверовым. Стороны договорились активизировать экономические связи двух стран, советский министр обещал поддержку Греции по кипрскому вопросу. Он также сообщил о намерении благожелательно и бескорыстно рассмотреть вопрос о взаимном сотрудничестве в деле развития греческой национальной экономики, об обмене научно-техническим опытом, подготовке специалистов, включая обмен студентами. Шепилов заверил греческую сторону, что Москва не пытается посеять недоверие между Грецией и другими западными державами. Советский министр предложил греческим руководителям посетить СССР с визитом [22]. 1 июля Шепилов вылетел из Афин [23]. Караманлис выразил свое удовлетворение результатами переговоров [24]. Визит Шепилова был положительно воспринят греческой прессой [25].

Однако на приглашение Караманлиса и Аверова посетить СССР официальные Афины в дальнейшем отвечали уклончиво. В мае 1957 г. греческий МИД сообщил Сергееву, что «международная обстановка... не позволяет пока еще конкретно поставить вопрос о поездке в Москву Ка-

раманлиса и Аверова» [26]. В августе Караманлис сообщил советскому послу, что в течение 1957 г. из-за своей занятости он не сможет посетить СССР [27].

На 1956 г. пришелся пик визитов греческих делегаций в СССР. В мае Афины согласились направить в СССР парламентскую делегацию, хотя в 1955 г. на аналогичное предложение Москвы последовал отказ [28]. Делегация посетила СССР в конце августа – начале сентября 1956 г. Москву также посетили греческие профсоюзные деятели, ученыe и другие делегации. В октябре состоялся визит в СССР мэров городов Афины и Пирей П. Кацотаса и Д. Сапунакиса, которых приняли Булганин, Хрущев и Шепилов. Глава советского МИД сообщил Кацотасу, что Советский Союз готов предоставить Греции кредиты для строительства больших производственных объектов без каких-либо обязательств, а также будет продолжать дипломатические усилия в целях прекращения кровопролития на Кипре и предоставления кипрскому народу права на самоопределение [29]. В сентябре 1956 г. Грецию посетил министр торговли СССР Д. В. Павлов [30]. По предложению Шепилова, сделанному во время поездки в Грецию, в начале 1957 г. состоялся визит в СССР греческой экономической делегации, составленной из компетентных специалистов министерств финансов, торговли и промышленности, координации, во главе с заместителем министра торговли и промышленности Мартисом. Во время визита был подписан Протокол о товарообороте и платежах между СССР и Грецией на 1957 г., предусматривающий существенный рост торговли между двумя странами [31]. Позитивными новостями 1956 г. стало также восстановление дипломатических отношений Греции с Венгрией (июль) и с Румынией (август) [32].

Однако СССР по-прежнему относился к правительству Караманлиса как к «буржуазному», классово чуждому, всячески поддерживая классово близкую ЭДА. Комитет информации при Министерстве иностранных дел СССР докладывал членам Президиума ЦК КПСС, что правительство Караманлиса «испытывает все более значительные трудности при проведении своего проамериканского, враждебного Советскому Союзу внешнеполитического курса» и, якобы, «вынуждено» идти на улучшение отношений между Грецией и СССР, абсолютно не замечая при этом добрую волю Афин. Советская разведка считала, что линия греческого правительства направлена на «затягивание советских предложений и бесконечное оттягивание каких-либо практических шагов по их осуществлению». Значительный сдвиг в советско-греческих отношениях мог оказывать влияние в выгодном для СССР направлении и на позицию Италии [33].

Однако в конце 1956 г. наметились первые признаки охлаждения в советско-греческих отношениях. В знак протеста против действий СССР в период венгерского кризиса (октябрь – ноябрь 1956 г.) на прием по случаю 39-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1956 г. в советское посольство не явились ни премьер-министр Караманлис, ни другие члены правительства, ни лидеры центристских политических партий, ни послы стран – членов НАТО [34]. С ноября греческие власти стали возвращать советскому Всесоюзному объединению «Международная книга» журналы, книги и грампластинки, предназначенные для продажи в Греции. Попытки советского посольства исправить эту ситуацию не принесли результата [35].

Еще сильнее советско-греческим отношениям вредила перспектива размещения на территории Греции американского ядерного оружия. В СССР опасались, что у США на этот счет есть планы. На греческих аэродромах могли базироваться бомбардировщики, несущие атомные бомбы. Особую опасность для СССР представляло размещение на территории Греции американских ракет с ядерными боеголовками. В связи с этим Москва еще весной 1957 г. выступила с предупреждением Афинам, что размещение атомных баз вынудит Советский Союз пойти на ответные меры.

Впервые вопрос об атомных базах в Греции был поставлен советским послом Сергеевым в беседе с министром иностранных дел Аверовым 2 апреля 1957 г. Советский дипломат, сославшись на сообщения греческой печати о том, что на территории страны американцы намерены создать атомные базы и базы для управляемых снарядов, на что в принципе получено согласие греческих властей, поинтересовался, насколько эти сведения соответствуют действительности. Греческий министр ответил, что эти сообщения неверны. Он заверил, что Совет НАТО не обращался к Греции с подобными предложениями [36]. Выступая в греческом парламенте, Аверов обвинил СССР в связи с вопросом Сергеева во «вмешательстве во внутренние дела» Греции [37].

В мае 1957 г. сессия Атлантического совета в Бонне приняла решение о возможности размещения американского ядерного оружия на территории членов этой военной организации. Аверов во время сессии заявил, что советский посол в Афинах вручил греческому правительству «весьма суровое предупреждение», якобы угрожая «атомными репрессиями» в том случае, если Греция согласится на создание атомных военных баз. Он проинформировал Совет, что «Греция согласится на создание военных баз на своей территории, если сочтет это желательным и необ-

ходимым». Министр иностранных дел Италии Г. Мартино, председательствующий на сессии Совета, констатировал, что «Советское правительство начало кампанию запугивания европейских участников НАТО, пытаясь заставить их отказаться от атомной обороны» [38]. В беседе с Сергеевым 30 мая Аверов уверял, что американские военные базы на территории Греции «имеют лишь оборонительный характер и не могут быть использованы для агрессии» [39].

Новости из Бонна о возможности развертывания атомных баз вызвали неоднозначную реакцию греческой прессы. Проправительственные газеты («Акрополис», «Апоевматини» и др.) убеждали читателей, что размещение американского атомного оружия «укрепляет безопасность страны», что «если греческая армия будет оснащена новейшим оружием, то возрастает ее ударная сила». В то же время 8 мая газета «Вима» напечатала статью военного эксперта, в которой подчеркивалось: «Для Греции это обстоятельство имеет две стороны: мы можем рассчитывать на то, что силы союзников смогут бомбардировать армии, транспорт, объекты противника. Но по Греции могут быть нанесены ответные удары, которые неизбежно расшатают внутреннюю жизнь страны». Левая пресса обрушилась с критикой на планы НАТО, указывая, что «создается реальная опасность превратиться в страну смертников», и Греции отводится «роль атомного плацдарма» [40].

В сентябре 1957 г. Греция отвергла предложение Румынии о созыве Всебалканской конференции с участием Греции, Албании, Болгарии, Турции, Югославии и Румынии для обсуждения вопросов мира на Балканском полуострове, ненападения и разрешения мирными средствами всех спорных проблем. В греческой прессе это предложение характеризовалось как «театральный жест... мирное наступление Румынии на Грецию в рамках общего советского мирного наступления». Греческие власти были убеждены, что таким образом СССР «стремится оторвать Грецию и Турцию от западного блока и поставить их на позицию нейтралитета» [41].

14 декабря 1957 г. Сергеев вручил послание председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина на имя греческого премьер-министра Караманлиса. В документе, первый вариант которого был подготовлен в МИД СССР еще в апреле, резко осуждались американские планы размещения ракетного и ядерного оружия в Западной Европе, в том числе в Греции. Такое решение, подчеркивал Булганин, привело бы к обострению международной обстановки, «безудержной гонке вооружений» и «катастрофическим последствиям», особенно для малых стран. Советская сторона внушила мысль, что намерения руководителей НАТО превратить Грецию в «незатопляемый авианосец» опасны, прежде всего, для самих греков, ибо делают их страну потенциальным «полем сражения». Для Греции, население которой было сконцентрировано на сравнительно небольшой территории, превращение страны «в зону огня имело бы роковой характер» и подвергло бы ее «смертельной опасности», – утверждал Булганин. В послании говорилось, что Греция могла бы многое сделать для улучшения обстановки на Балканах, чтобы превратить полуостров в «подлинную зону мира» [42]. Караманлис объявил послание Булганина «пропагандистским» [43].

В начале января 1958 г. Советский Союз обратился к странам НАТО с новыми предложениями с целью ослабления международной напряженности. Частью этого нового «мирного наступления» стало послание Булганина Караманлису, которое было вручено греческому премьеру 11 января. Советский премьер-министр обратился к Греции с предложением принять участие в создании «зоны мира» на Балканах, свободной от ядерного оружия [44].

4 февраля Караманлис в ответном послании Булганину отверг как «необоснованные» советские опасения в отношении того, что Греция позволяет Соединенным Штатам использовать свою территорию в «целях агрессии», и высказался против создания в Европе зоны, свободной от ядерного оружия. Премьер также заявил о возможности создания в Греции атомных баз [45].

Своеобразным ответом СССР главе греческого правительства стала статья в газете «Известия» от 6 февраля под заголовком «Вопреки национальным интересам Греции». После отрицательного ответа греческих властей СССР все больше внимания стал уделять влиянию на греческое общество, морально поддерживая политические силы, выступающие против размещения ядерного оружия. «Известия», ссылаясь на многочисленные «протесты греческой общественности», утверждали, что греческий народ выступает «категорически против превращения его страны в ракетную базу НАТО на Балканах» [46].

Вопрос об атомных базах все больше становился в Греции фактором внутренней политики. Правые партии и пресса высказывались за размещение американского ядерного оружия. В частности, выдвигалось предположение, что советское предложение о создании «зоны мира» на Балканах является «ловушкой для Греции». Пресса писала о возможном создании ракетных баз в Греции, Италии, Франции и Турции [47]. Левые и левоцентристские партии и газеты («Авги»,

«Элефтерия», «Анексартиос типос» и др.) высказывались против баз и за создание безатомных зон между двумя военно-политическими блоками, в том числе на Балканах [48].

Вопрос о размещении атомных баз в Греции стал одним из важных накануне парламентских выборов, назначенных на 11 мая 1958 г. Лидеры ЭРЭ не высказывалось публично в поддержку размещения баз, ссылаясь на отсутствие соответствующего предложения со стороны НАТО. Либералы стремились воспользоваться вопросом о базах, чтобы обвинить своих политических оппонентов в том, что они служат иностранным державам (ЭРЭ – США, ЭДА – СССР). В посольстве США считали, что в случае принятия решения о целесообразности размещения в Греции ракетной базы НАТО Запад может столкнуться с серьезными трудностями из-за распространенного в греческом общественном мнении отрицательного отношения к базам и политических игр вокруг этого вопроса [49].

Газета «Нью-Йорк Таймс» 6 марта в редакционной статье «Кризис в Греции» отмечала, что предстоящая избирательная кампания «вызывает серьезные опасения», ибо она неизбежно поставит два внешнеполитических вопроса: нерешенный спор из-за Кипра и перспектива размещения в Греции баз американского ядерного оружия. «Правительство Караманлиса, – сообщала газета, – было готово предоставить такие базы, но этому ожесточенно сопротивляются левые при помощи и поддержке весьма активного советского посольства» [50].

В кампании против атомных баз все более заметное участие стал принимать первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, который в марте 1958 г. возглавил также советское правительство. Выступая на собрании избирателей Калининского избирательного округа г. Москвы, Хрущев заявил, что имеются большие возможности для улучшения отношений СССР с Италией и Грецией. Вместе с тем он выступил с предостережением относительно планов размещения американских ракетных баз [51].

3 и 4 мая газеты «Неа» и «Вима» опубликовали письменные ответы Хрущева на вопросы издателя Х. Ламбракиса. Советский руководитель призвал «покончить с холодной войной» и высказался за дальнейшее расширение связей СССР и Греции. Наличие атомных баз на греческой территории в случае войны могло навлечь на страну ответный ядерный удар «со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями». Хрущев предлагал Греции встать на «разумный путь» отказа от размещения ядерного оружия, как поступили некоторые члены НАТО (Дания и Норвегия) [52]. Сразу после публикации интервью греческие политики и проправительственная пресса обрушилась с критикой на Хрущева. Глава ЭРЭ Караманлис, газеты «Акрополис», «Апоевматини», «Катимерини» заявили, что ответы главы советского правительства содержат угрозы ядерных ударов и предназначены для предстоящих 11 мая выборов, преследуя цель вмешательства во внутренние дела Греции в пользу ЭДА [53]. США, тем не менее, пришлось опровергнуть слухи о заключении секретного соглашения с Грецией о создании ракетных баз [54].

Греция также отклонила советское предложение о заключении Договора о дружбе и сотрудничестве с европейскими странами и США. Советское правительство предлагало принять меры к прекращению гонки вооружений в Европе, сокращению войск организации Варшавского договора и НАТО, а также созданию безъядерных зон. Соответствующая нота была вручена греческой стороне первым заместителем министра иностранных дел СССР Н. С. Патоличевым 15 июля 1958 г. [55].

Между тем перспектива размещения в Греции ядерных ракет обретала конкретные очертания. После отказа Франции разместить ракеты средней дальности на своей территории американские военные начали проработку возможности создания баз в Италии, Греции и Турции. 22 января 1959 г. министр обороны США Н. Макэлрой сделал заявление, что в Греции, вероятно, будут развертываться установки ядерных баллистических ракет среднего радиуса действия типа «Юпитер» (PGM-19 Jupiter) или «Тор» (PGM-17 Thor) и что верховный главнокомандующий Вооруженными силами НАТО в Европе генерал Л. Норстад ведет с правительством Греции переговоры по этому вопросу [56]. В 1959 г. ракеты «Юпитер» были размещены в южной Италии. Эти ракеты, имевшие дальность 2400 км и термоядерную головную часть мощностью 1,5 Мт, представляли огромную опасность для СССР.

Демарши Советского Союза по вопросу ракетных баз в Греции вызывали все более негативную реакцию правительства Караманлиса. 23 апреля греческий кабинет публично назвал советские усилия «пропагандой». «Правительство, – говорилось в заявлении, – не намерено признавать за греческой коммунистической партией, выступающей под прикрытием ЭДА, или за какой-либо иностранной державой право определять его национальную политику. Игнорируя демагогические действия международного и местного коммунизма, правительство, не колеблясь, примет все меры, которые оно сочтет необходимыми в интересах безопасности и защиты нашей

страны». Комментарии греческой прессы не оставляли сомнений, что Афины готовы дать согласие американцам на размещение ядерных ракет. Газета «Катимерини» писала, что «греческий народ не принимает во внимание пропагандистские утверждения русских о том, что американцы хотят создать в Греции ракетные базы. Согласится ли или не согласится Греция создать эти базы – это не касается Кремля и мирового коммунизма. Греция сама решит этот вопрос в соответствии со своими военными потребностями». «Акрополис» заявляла, что Греции нужно укреплять свою оборону, так как она «прекрасно знает, какая трагическая судьба ожидала бы ее, если бы она почивала на русских миролюбивых заверениях». «Апоевматини» информировала читателей, что «для Греции существует проблема приспособления ее вооруженных сил к нуждам атомной войны, то есть вооружение их атомным оружием» [57].

Весной 1959 г. Москву посетил лидер партии прогрессистов Сп. Маркезинис. 27 апреля в Кремле его принял Хрущев. «Нас окружили военными базами, – говорил советский лидер, – но у нас есть ракетное оружие, которое лучше американских ракет... Итак, что может случиться, если США начнут войну? Мы окажемся в неизбежной необходимости уничтожить их военные базы. Думаю, что против Англии достаточно будет 5–6 бомб... В этом случае не все население будет истреблено, но оно будет полностью деморализовано. Те, которые, возможно, останутся в живых, умрут от радиации... Если на нас нападут с баз, которые будут размещены на вашей территории, мы уничтожим вас ракетами». Хрущев предложил следующий вариант: «Греция примет на себя обязательство не допускать размещения на своей территории иностранных атомных баз. Советский Союз примет к сведению такое заявление и обязуется в случае войны не нападать на Грецию ни с воздуха, ни с суши, ни с моря и не использовать против нее ракетного оружия... И оказать помощь в случае нападения на Грецию со стороны других государств». В целом, Хрущев ясно изложил максимум и минимум советских устремлений. Максимум – это нейтралитет Греции, минимум – несоздание ракетных баз [58]. Свое предупреждение грекам Хрущев повторил во время визита в Албанию в июне 1959 г. [59].

13 мая греческому послу в Москве была вручена Памятная записка советского правительства греческому правительству, в которой возможное создание американских ракетных баз в Греции квалифицировалось как враждебный акт. Тональность западной реакции на новый советский демарш задало американское агентство «Ассошиэйтед Пресс», которое сообщало, что «Россия угрожает полным уничтожением греческого народа и материальных богатств страны» [60]. В ответной ноте греческого правительства, врученной Сергееву 4 июня, сообщалось, что греческое правительство не исключает создания атомных и ракетных баз на своей территории «с учетом интересов обороны» [61].

Однако в итоге в октябре 1959 г. американские военные избрали местом передового базирования ракет «Юпитер» не Грецию, а Турцию, где они и были размещены в 1961 г. В Москве же по-прежнему опасались появления американских ракет и в Греции. 10 августа 1961 г. во время беседы с греческим послом Г. Христопулосом Хрущев сказал, что советские военные руководители точно знают, какое количество атомных зарядов понадобится для уничтожения западных стран, в которых размещаются ядерные ракеты. Когда греческий посол спросил, «действительно ли Хрущев серьезно рассматривает уничтожение Великобритании, Греции, включая бесценные памятники культуры, такие как Акрополь», советский лидер ответил, что если начнется ядерная война, то будет «уничтожено все» [62]. На размещение американских ракет средней дальности в Италии и Турции СССР ответил переброской ракет на Кубу, что стало причиной Карибского кризиса. В соответствии с советско-американской договоренностью, в 1963 г. ракеты «Юпитер» были вывезены из Италии и Турции.

По результатам выборов 11 мая ЭДА заняла второе место, уступив только ЭРЭ Караманлиса. Реакцией греческих властей на успех близкой к коммунистам политической партии стало замораживание культурных, научных и спортивных связей с СССР и другими социалистическими странами, которые, по мнению правительства Караманлиса, усиливали влияние ЭДА [63]. Также началась волна репрессий против ЭДА. 5 декабря был арестован герой греческого Сопротивления в годы Второй мировой войны, секретарь ЭДА по организационным вопросам и главный редактор газеты «Авги» М. Глезос, которого обвинили в «соучастии» и «помощи» лицам, занимающимся «шпионской деятельностью» [64].

СССР развернул широкую международную кампанию в защиту Глезоса. В послании Норвежской социал-демократической партии от 26 января 1959 г. Хрущев выразил озабоченность в связи с «массовыми арестами греческих демократов, которым грозит ничем не оправданная жестокая расправа» [65]. В ответ греческая пресса обвинила Хрущева во «вмешательстве» во внутренние дела «свободной и суверенной» Греции. Читателю внушалась мысль, что советские руково-

водители и посольство СССР постоянно вмешиваются в греческий внутриполитический процесс, в том числе в выборы [66]. 3 февраля греческое правительство заявило официальный протест в связи с заявлением Хрущева [67]. Атмосфера советско-греческих отношений еще больше ухудшилась.

Таким образом, после восстановления в полном объеме отношений Москвы и Афин в 1953 г. до греческих парламентских выборов 1956 г. наблюдалось медленное развитие экономических, политических и культурных контактов между двумя странами. Многие советские инициативы по активизации отношений встречали прохладное отношение греческих властей.

Пик советско-греческих отношений пришелся на 1956 г. После выборов в феврале 1956 г. новое правительство ЭРЭ сделало ряд шагов навстречу советским предложениям. При этом премьер-министр Караманлис давал понять, что позитивное развитие греко-советских отношений возможно лишь при условии отказа Москвы от политической поддержки левых, в первую очередь партии ЭДА. Разрабатывая планы усиления советского влияния в Греции и поддержки ЭДА, МИД СССР явно недооценил приверженность греческой политической элиты «западному выбору» и ее решимость не допустить прихода к власти прокоммунистических сил. Неготовность Москвы отказаться от классового подхода в своей греческой политике в итоге привела к охлаждению отношений двух стран.

После венгерских событий 1956 г. и, особенно, с началом советской кампании против атомных баз в Греции в 1957 г. вновь наметилась тенденция к спаду контактов. Ситуация усугубилась в связи с обвинениями Советского Союза во «вмешательстве» в парламентские выборы 1958 г., замораживанием правительством Караманлиса культурных связей с СССР и усилением советского давления в связи с возможностью размещения в Греции ракетно-ядерного оружия. Во второй половине 1958 г. в результате развернутой греческими властями кампании против ЭДА и ограничения связей с СССР возможности Москвы влиять на ситуацию в Греции резко снизились. Таким образом, после периода «потепления» отношения двух стран в 1958–1959 гг. вновь начали «охлаждаться», возросло взаимное недоверие. Греция, несмотря на разногласия по Кипру, продолжала следовать в фарватере антисоветского курса США.

Примечания и список литературы

1. *Hatzivassiliou E. Greece and the Cold War*. Frontline State, 1952–1967. L. ; N.Y., 2006.
2. Улунян Ар. А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001; Улунян Ар. А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М., 2013.
3. Рукомойникова М. В. Проблема реконструкции Греции в политике правительства К. Караманлиса 1955–1963 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
4. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 084. Оп. 42. П. 157. Д. 13. Л. 7, 8.
5. Там же. Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 23–29; Оп. 45. П. 164. Д. 12. Л. 1–6, 22–26, 30–34.
6. Там же. Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 1–4.
7. Там же. Оп. 42. П. 156. Д. 8. Л. 79, 98.
8. Там же. Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 3; Ф. 167. Оп. 20. П. 9. Д. 4. Л. 166–173.
9. Там же. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 135–138, 206–207.
10. Там же. Оп. 44. П. 159. Д. 4. Л. 182–185, 216–219, 283–285, 333–335, 340.
11. Там же. П. 160. Д. 10. Л. 10.
12. Там же. Оп. 42. П. 156. Д. 7. Л. 82–84, 87–89; Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 10.
13. Там же. Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 10, 11, 20.
14. АВП РФ. Ф. 84. Оп. 39. П. 43. Д. 2. Л. 32–38; Ф. 084. Оп. 45. П. 163. Д. 2.
15. Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 17095. Л. 245, 248.
16. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 44. П. 159. Д. 4. Л. 162.
17. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 17093. Л. 166, 180, 181.
18. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 45. П. 163. Д. 5. Л. 87–107, 128–132.
19. Там же. Л. 108–111.
20. Там же. Л. 165–168, 188–192; Ф. 167. Оп. 22. П. 12. Д. 7. Л. 29–31; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 17094. Л. 143.
21. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 17094. Л. 174–178.
22. Там же. Л. 179–188, 191–194.
23. Там же. Л. 196.
24. Там же. Л. 212.
25. Там же. Л. 203, 204, 208, 217.
26. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 46. П. 166. Д. 3. Л. 99.
27. Там же. Д. 4. Л. 2.
28. АВП РФ. Ф. 167. Оп. 22. П. 12. Д. 7. Л. 15, 16, 19, 24–26; Ф. 084. Оп. 45. П. 163. Д. 5. Л. 138–141, 150; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 17094. Л. 37, 39, 222.

29. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 17096. Л. 19; АВП РФ. Ф. 084. Оп. 45. П. 163. Д. 5. Л. 285, 286; Оп. 46. П. 166. Д. 3. Л. 8.

30. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 17095. Л. 120.

31. Там же. Д. 18070. Л. 13, 50, 55; АВП РФ. Ф. 084. Оп. 45. П. 163. Д. 5. Л. 221, 222.

32. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 45. П. 163. Д. 5. Л. 199, 200, 247, 248; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 17095. Л. 89.

33. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 45. П. 164. Д. 12. Л. 73–78.

34. АВП РФ. Ф. 84. Оп. 39. П. 43. Д. 7. Л. 51, 52.

35. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 46. П. 166. Д. 4. Л. 99, 100; Ф. 84. Оп. 40. П. 45. Д. 3. Т. I. Л. 195–200; Д. 4. Т. II. Л. 58–61, 85, 86.

36. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 46. П. 166. Д. 3. Л. 62.

37. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18071. Л. 144.

38. Там же. Л. 70, 71, 113.

39. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 46. П. 166. Д. 3. Л. 115.

40. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18071. Л. 113, 239.

41. Там же. Д. 18072. Л. 111–121, 125, 132, 134, 136, 140, 141.

42. Правда. 1957. 15 дек. С. 3; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18072. Л. 307, 308, 312. Версия текста послания от апреля 1957 г.: АВП РФ. Ф. 084. Оп. 46. П. 166. Д. 10. Л. 10–20.

43. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18072. Л. 317, 318.

44. Правда. 1958. 12 янв. С. 3–4; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18965. Л. 24, 26.

45. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18965. Л. 124, 125, 129, 132.

46. Известия. 1958. 6 февр. С. 4; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18965. Л. 150.

47. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18965. Л. 193, 285.

48. Там же. Л. 194.

49. J. E. Horner (Counselor of Embassy for Political Affairs) to the Department of State. The Missile Base Question: A Political Shadow Play. Athens, Greece. April 8, 1958. U. S. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA (далее – NARA). RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3721. 781.00/4-858.

50. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18965. Л. 273.

51. Там же. Л. 301.

52. Там же. Д. 18966. Л. 147; Правда. 1958. 4 мая. С. 1, 2; J. E. Horner to the Department of State. Joint Weeks No. 19 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 6, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3724. 781.00(W)/5-658.

53. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18966. Л. 147, 148, 151, 153.

54. Memorandum of Conversation. Comments on Greek Elections and the Khrushchev Interview. Participants: A. Angelopoulos (Correspondent for "Acropolis" and "Apogeumati"), S. Campbell (Near Eastern Affairs/Policy Division). Washington, D. C. May 16, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3722. 781.00/5-1658.

55. АВП РФ. Ф. 84. Оп. 41. П. 47. Д. 1. Л. 16–26.

56. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 19944. Л. 120.

57. Там же. Д. 19946. Л. 3, 6.

58. АВП РФ. Ф. 84. Оп. 42. П. 50. Д. 12. Л. 90–99, 130–139.

59. *Gkotzaridis E. A Pacifist's Life and Death: Grigorios Lambrakis and Greece in the Long Shadow of Civil War*. Newcastle upon Tyne, England, 2016. P. 190.

60. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 19946. Л. 87, 89–91.

61. Там же. Л. 205.

62. American Embassy in the Soviet Union to the Secretary of State. Moscow. August 11, 1961. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1960–1963. Box 2039. 781.56311/8–1161; Gkotzaridis E. A. Op. cit. P. 190.

63. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18966. Л. 269–271; Д. 18967. Л. 132; АВП РФ. Ф. 084. Оп. 43. П. 52. Д. 4. Л. 172, 173.

64. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 18969. Л. 282, 283, 285, 286; Д. 19944. Л. 2, 3; Витин М. Г. Манолис Гlezos // Вопросы истории. 1967. № 9. С. 150–151.

65. АВП РФ. Ф. 84. Оп. 42. П. 50. Д. 12. Л. 7; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 19944. Л. 155, 157.

66. R. Folsom (Consul General) to the Secretary of State. Reaction to Soviet "Interference" in Greek Affairs. Salonika, Greece. February 6, 1959. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3722. 781.00/2-659; R. Folsom to the Secretary of State. Additional Reaction to Soviet Interference. Salonika, Greece. February 6, 1959. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3722. 781.00/2-659.

67. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 19944. Л. 158, 162.

Notes and references

1. *Hatzivassiliou E. Greece and the Cold War. Frontline State, 1952–1967*. L.; N.Y., 2006.
2. *Ulunyan Ar. A. Balkany: goryachij mir holodnoj vojny. Greciya i Turciya mezhdu Zapadom i Vostokom. 1945–1960 gg.* [The Balkans: hot peace of cold war. Greece and Turkey between West and East. 1945–1960] M. 2001; *Ulunyan Ar. A. Balkanskij «shchit socializma». Oboronnaya politika Albanii, Bolgarii, Rumynii i YUgoslavii (seredina 50-*

h gg. – 1980 g.) [Balkan "shield of socialism." Defence policy of Albania, Bulgaria, Romania and Yugoslavia (mid 50ies – 1980)]. M. 2013.

3. *Rukomojnikova M. V. Problema rekonstrukcii Grecii v politike pravitel'stva K. Karamanlisa 1955–1963 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Problem of the reconstruction of Greece in the policy of the government of K. Karamanlis 1955–1963: dis. cand. hist. sciences]. M. 2004.

4. *Arhiv vneshej politiki RF* – The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (hereinafter AFP RF). F. 084. Inv. 42. P. 157. File 13. Sh. 7, 8.

5. Ibid. Inv. 44. P. 160. File 10. Sh. 23-29; Inv. 45. P. 164. File 12. Sh. 1-6, 22-26, 30-34.
6. Ibid. Inv. 44. P. 160. File 10. Sh. 1-4.
7. Ibid. Inv. 42. P. 156. File 8. Sh. 79, 98.
8. Ibid. Inv. 44. P. 160. File 10. Sh. 3; F. 167. Inv. 20. P. 9. File 4. Sh. 166-173.
9. Ibid. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 135-138, 206-207.
10. Ibid. Inv. 44. P. 159. File 4. Sh. 182-185, 216-219, 283-285, 333-335, 340.
11. Ibid. P. 160. File 10. Sh. 10.
12. Ibid. Inv. 42. P. 156. File 7. Sh. 82-84, 87-89; Inv. 44. P. 160. File 10. Sh. 10.
13. Ibid. Inv. 44. P. 160. File 10. Sh. 10, 11, 20.
14. AFP RF. F. 84. Inv. 39. P. 43. 2. Sh. 32-38; F. 084. Inv. 45. P. 163. 2.
15. *Gosudarstvennyj arhiv RF* – State archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF). F. P-4459. Inv. 27. File 17095. Sh. 245, 248.
16. AFP RF. F. 084. Inv. 44. P. 159. File 4. Sh. 162.
17. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 17093. Sh. 166, 180, 181.
18. AFP RF. F. 084. Inv. 45. P. 163. 5. Sh. 87-107, 128-132.
19. Ibid. Sh. 108-111.
20. Ibid. Sh. 165-168, 188-192; F. 167. Inv. 22. P. 12. File 7. Sh. 29-31; archives. F. P-4459. Inv. 27. File 17094. Sh. 143.
21. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 17094. Sh. 174 to 178.
22. Ibid. Sh. 179-188, 191-194.
23. Ibid. Sh. 196.
24. Ibid. Sh. 212.
25. Ibid. Sh. 203, 204, 208, 217.
26. AFP RF. F. 084. Inv. 46. P. 166. 3. Sh. 99.
27. Ibid. File 4. Sh. 2.
28. AFP RF. F. 167. Inv. 22. P. 12. File 7. Sh. 15, 16, 19, 24-26; F. 084. Inv. 45. P. 163. 5. Sh. 138-141, 150; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 17094. Sh. 37, 39, 222.
29. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 17096. Sh. 19; AFP RF. F. 084. Inv. 45. P. 163. 5. Sh. 285, 286; Inv. 46. P. 166. 3. Sh. 8.
30. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 17095. Sh. 120.
31. Ibid. File 18070. Sh. 13, 50, 55; AFP RF. F. 084. Inv. 45. P. 163. 5. Sh. 221, 222.
32. AFP RF. F. 084. Inv. 45. P. 163. 5. Sh. 199, 200, 247, 248; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 17095. Sh. 89.
33. AFP RF. F. 084. Inv. 45. P. 164. File 12. Sh. 73-78.
34. AFP RF. F. 84. Inv. 39. P. 43. File 7. Sh. 51, 52.
35. AFP RF. F. 084. Inv. 46. P. 166. File 4. Sh. 99, 100; F. 84. Inv. 40. P. 45. 3. Vol. I. Sh. 195-200; File 4. Vol. II. Sh. 58-61, 85, 86.
36. AFP RF. F. 084. Inv. 46. P. 166. 3. Sh. 62.
37. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18071. Sh. 144.
38. Ibid. Sh. 70, 71, 113.
39. AFP RF. F. 084. Inv. 46. P. 166. 3. Sh. 115.
40. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18071. Sh. 113, 239.
41. Ibid. File 18072. Sh. 111-121, 125, 132, 134, 136, 140, 141.
42. *Pravda* – Truth. 1957. 15 Dec., p. 3; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18072. Sh. 307, 308, 312. The version of the text of the message of April 1957, in: AFP RF. F. 084. Inv. 46. P. 166. File 10. Sh. 10-20.
43. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18072. Sh. 317, 318.
44. *Pravda* – Truth. 1958. 12 Jan., pp. 3-4; SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18965. Sh. 24, 26.
45. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18965. Sh. 124, 125, 129, 132.
46. *Izvestiya* – News. 1958. 6 Feb. S. 4; Garth. F. P-4459. Inv. 27. File 18965. Sh. 150.
47. SARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18965. Sh. 193, 285.
48. Ibid. Sh. 194.
49. J. E. Horner (Counselor of Embassy for Political Affairs) to the Department of State. The Missile Base Question: A Political Shadow Play. Athens, Greece. April 8, 1958. U. S. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA (далее – NARA). RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3721. 781.00/4-858.
50. GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18965. Sh. 273.
51. Ibid. Sh. 301.

52. Ibid. File 18966. Sh. 147; *Pravda – Truth*. 1958. 4 May, pp. 1, 2; J. E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 19 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 6, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3724. 781.00(W)/5-658.

53. GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18966. Sh. 147, 148, 151, 153.

54. Memorandum of Conversation. Comments on Greek Elections and the Khrushchev Interview. Participants: A. Angelopoulos (Correspondent for "Acropolis" and "Apogevmatini"), S. Campbell (Near Eastern Affairs/Policy Division). Washington, File C. May 16, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3722. 781.00/5-1658.

55. AVP RF. F. 84. Inv. 41. P. 47. 1. Sh. 16–26.

56. GF. F. P-4459. Inv. 27. File 19944. Sh. 120.

57. Ibid. File 19946. Sh. 3, 6.

58. AVP RF. F. 84. Inv. 42. P. 50. File 12. Sh. 90-99, 130-139.

59. Gkotzaridis E. *A Pacifist's Life and Death: Grigoris Lambrakis and Greece in the Long Shadow of Civil War*. Newcastle upon Tyne, England, 2016. P. 190.

60. GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 19946. Sh. 87, 89-91.

61. Ibid. Sh. 205.

62. American Embassy in the Soviet Union to the Secretary of State. Moscow. August 11, 1961. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1960–1963. Box 2039. 781.56311/8-1161; Gkotzaridis E. A. *Op. cit.* P. 190.

63. GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18966. Sh. 269-271; File 18967. Sh. 132; AU, Russian Federation. F. 084. Inv. 43. P. 52. File 4. Sh. 172, 173.

64. GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 18969. Sh. 282, 283, 285, 286; File 19944. Sh. 2, 3; In M. G. Manoliz Glesoz // *Questions of history*. 1967, No. 9, pp. 150-151.

65. AVP RF. F. 84. Inv. 42. P. 50. File 12. Sh. 7; GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 19944. Sh. 155, 157.

66. R. Folsom (Consul General) to the Secretary of State. Reaction to Soviet "Interference" in Greek Affairs. Saloniaka, Greece. February 6, 1959. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3722. 781.00/2-659; R. Folsom to the Secretary of State. Additional Reaction to Soviet Interference. Saloniaka, Greece. February 6, 1959. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955–1959. Box 3722. 781.00/2-659.

67. GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 19944. Sh. 158, 162.

67. GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 19944. Sh. 158, 162.

Румынский вектор внешней политики США в 1960–1970-е гг.*

Росина М. А.

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: marina_rosina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу американо-румынских отношений в период ослабления bipolarной конфронтации в 1960–1970-е гг. Автор приходит к выводу, что в Вашингтоне политика разрядки международной напряженности понималась как этап холодной войны. Конфронтация с Москвой и стремление ослабить позиции СССР на международной арене сохранились. Одним из возможных способов достижения главной стратегической цели США рассматривалось налаживание отношений с государствами Восточной Европы. Из всех социалистических стран Румыния демонстрировала наибольшую готовность к сближению. В статье исследуется позиция президентов и сотрудников государственного департамента США по вопросу о перспективах «особого курса» Румынии в социалистическом лагере. Анализируются приоритетные направления и основные принципы политики Соединенных Штатов в отношении Румынии, а также факторы, повлиявшие на формирование американского курса.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика США, Румыния, холодная война, политика разрядки.

Romanian vector of US foreign policy in the 1960–1970s.

Rosina M. A.

candidate of historical sciences, associate professor of the Department of general history and political science,
Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: marina_rosina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of American-Romanian relations in the period of weakening of bipolar confrontation in the 1960–1970s. The author concludes that in Washington the policy of the detente of was understood as a stage of the "cold war". Confrontation with Moscow and the desire to weaken the position of the USSR on the international arena remained. One of the possible ways to achieve the main strategic goal of the United States was to establish relations with the states of Eastern Europe. Of all the socialist countries, Romania showed the greatest readiness for rapprochement. The article explores the position of the presidents and diplomats of the US State Department on the prospects for Romania's "special course" in the socialist camp. The priority directions and main principles of US policy towards Romania are analyzed, as well as the factors that influenced the formation of the American course.

Keywords: international relations, US foreign policy, Romania, the Cold War, the policy of the detente.

На протяжении всего периода холодной войны Соединенные Штаты преследовали цель ослабить позиции СССР на международной арене и стать единственным мировым лидером.

После советско-югославского раскола 1948 г., событий в ГДР 1953 г., Польше и Венгрии 1956 г. американский истеблишмент стал отходить от упрощенного восприятия стран Центральной и Юго-Восточной Европы как послушных сателлитов СССР. Постепенно формировался дифференцированный подход к социалистическим государствам, ориентированный на учет их национальной специфики. Предполагалось максимально возможное улучшение отношений с отдельными государствами Восточной Европы и выборочное «поощрение» той или иной страны в зависимости от того, насколько последняя демонстрировала тенденции к проведению политики, не совпадающей с внешнеполитической линией социалистического содружества. Поиск и налаживание отношений со «слабыми звеньями» социалистического лагеря вошли в число приоритетных направлений восточноевропейской политики США.

Особое внимание Государственного департамента привлекала Румыния, которая на протяжении практически всей холодной войны находилась в соцблоке вынужденно. После вывода в 1958 г. советских войск с территории страны Бухарест стремился занять особую позицию в социалистическом лагере, по возможности уклоняясь от указаний Кремля и проводя самостоятельный внешнеполитический курс, ориентированный на дистанцирование от СССР и налажива-

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-01-00330.

ние отношений с капиталистическими державами. В условиях советско-китайского раскола Бухарест занял нейтральную позицию и в определенной степени одобрил действия КПК. В октябре 1963 г. состоялась неофициальная встреча министра иностранных дел Социалистической Республики Румыния (CPP) К. Мэнеску с госсекретарем США Д. Раком. На ней было отмечено, что вплоть до начала Карибского кризиса румынская сторона ничего не знала о планах размещения советских ракет на Кубе и поэтому, хотя и является союзником СССР, не может вместе с ним нести ответственность за последствия этого шага. В случае возникновения аналогичной ситуации в будущем Мэнеску просил воспринимать Румынию как нейтральное государство [1].

С конца 1950-х гг. руководство страны во главе с Г. Георгиу-Дежем [2] стремилось, насколько возможно, сместить приоритеты с интересов всего соцблока на государственные, понимавшиеся в духе национальной модели коммунизма. В апреле 1964 г. в декларации «О позиции Румынской рабочей партии (РРП) [3] по вопросам международного коммунистического и рабочего движения» была отражена позиция Бухареста по ряду принципиальных вопросов внешней политики и отношений внутри соцблока. Особый акцент в декларации делался на равноправии стран, строящих социализм, и первостепенности национальных, а не интернациональных интересов [4]. С публикацией названного документа принято связывать начало так называемого «особого курса» Румынии в социалистическом сообществе, который окончательно сформировался и достиг расцвета при Н. Чаушеску, возглавившем страну в 1965 г.

В своей восточноевропейской политике администрация Л. Джонсона проявляла к Румынии повышенный интерес. Из посольства в Бухаресте в Вашингтон исправно поступала информация о намерениях румынского руководства, желавшего нормализовать отношения с США в первую очередь в экономической сфере [5]. Перед сотрудниками Государственного департамента и Совета национальной безопасности была поставлена задача выявить характеристики, отличающие Румынию от других социалистических стран, и оценить перспективы возможного американо-румынского сближения [6].

Аналитические материалы Госдепартамента подтверждали, что Чаушеску позиционировал себя последовательным сторонником румынской национальной независимости. Отношения Бухареста и Москвы были неоднозначны. Румыния, стремившаяся к поддержанию хороших экономических отношений с СССР и не выражавшая намерения покинуть ОВД и СЭВ, в то же время демонстрировала решимость противостоять советскому диктату во внешней и внутренней политике. Чаушеску подвергал критике существование военных блоков (в том числе и ОВД [7]. – M. P.) как явления, «несовместимого с национальным суверенитетом» [8]. Такой курс Румынии препятствовал согласованности действий соцстран, что было выгодно для США.

Тем не менее, стремясь к налаживанию контактов с Вашингтоном, Бухарест не был намерен отказываться от поддержания хороших отношений с Китаем и Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ). Румыния была ориентирована на политику дружественных отношений со всеми странами «независимо от их политического устройства» [9]. Румынская сторона сама акцентировала внимание американских дипломатов на том, что Бухарест намерен следовать независимому курсу по реализации национальных интересов [10]. «Особый курс» фактически выражался в политике лавирования Румынии между СССР и капиталистическими державами с целью решить внутриполитические проблемы, освободиться от политического и экономического влияния Москвы и укрепить режим личной власти генерального секретаря РКП [11].

Судя по материалам Государственного департамента, президент Л. Джонсон и государственный секретарь Д. Рак считали допустимым и желательным налаживание экономических отношений с Бухарестом вплоть до предоставления режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле, что способствовало бы большему дистанцированию Румынии от СССР [12].

В феврале 1967 г. через американское посольство США информировали румынскую сторону о том, что Вашингтон стремится расширить свои контакты со странами Восточной Европы, включая Румынию, в экономической, культурной, туристической областях, в науке и образовании. При этом администрация выражала серьезные сомнения, что Конгресс в ближайшее время одобрит торговый законопроект, поскольку этому препятствовало расхождение Вашингтона и Бухареста во взглядах на вьетнамскую проблему [13].

Не меняя позиции по Вьетнаму, на западном направлении Чаушеску продолжил предпринимать действия, шедшие вразрез с общей линией соцлагеря и импонировавшие США. В 1967 г. Румыния установила дипломатические отношения с ФРГ [14], а после Шестидневной войны осталась единственной социалистической страной, сохранившей свое представительство в Израиле.

Соединенные Штаты стремились извлечь максимальную выгоду из складывавшейся ситуации, избегая при этом опрометчивых шагов. Г. Киссинджер, являвшийся в тот период уже из-

вестным политическим аналитиком и консультантом, отмечал, что не следует строить политику в отношении социалистических стран, исходя из иллюзий, которые могут появиться в связи с имеющимися у них некоторыми различиями в концепциях построения и совершенствования социализма [15]. Несмотря на дифференцированный подход к странам Центральной и Юго-Восточной Европы, необходимость действовать на данном направлении очень осторожно, избегая поспешных шагов, признавалась большинством конгрессменов, а также сотрудников Государственного департамента и администрации президента. Поэтому, демонстрируя Бухаресту высокую степень заинтересованности в налаживании двусторонних отношений, обсуждая конкретные области и формы возможного сотрудничества, США до конца 1968 г. старались не афишировать перед мировой общественностью интенсификацию своих контактов с Румынией [16].

Однако американская сторона сочла возможным продемонстрировать на весь мир свое одобрение избранного Румынией курса и тем самым укрепить надежду Бухареста на дальнейшее сближение. В сентябре 1967 г. на пост председателя 22-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН при активной поддержке США был избран министр иностранных дел СПР К. Мэнеску [17]. СССР был вынужден согласиться с этим выбором не из политических соображений, а ради поддержания собственной репутации и престижа социалистического содружества.

В 1968 г. Румыния приняла на своей земле Ш. де Голля – лидера капиталистической Франции. В том же году состоялся визит Чаушеску в Югославию, отношения которой с СССР хотя и были возобновлены, оставались весьма прохладными.

Переломным моментом в восприятии румынской политики стали события 1968 г. Чаушеску резко осудил действия ОВД против Чехословакии и заявил, что нет и не может быть оправдания военному вмешательству во внутренние дела братского социалистического государства, никто извне не имеет права указывать, каким должен быть путь социалистического строительства в каждой отдельной стране. Тем самым он открыто выразил неприятие Румынией «доктрины Брежнева» [18]. Такая позиция укрепляла уверенность США в последовательности и непреклонности внешнеполитического курса Бухареста. Румыния утвердила в числе наиболее перспективных для сотрудничества стран восточноевропейского региона, позицию которой следовало максимально использовать для осложнения отношений внутри соцлагеря.

К концу 1960-х гг. Советскому Союзу удалось достичь паритета с Соединенными Штатами в военно-технической и ядерной сферах, добиться колоссальных для того времени успехов в освоении космоса. Это не могло не пошатнуть позиции Вашингтона на международной арене. Внешне- и внутриполитическая ситуация для США усугублялась вьетнамской войной и подталкивала Вашингтон к ослаблению конфронтации с Советским Союзом.

Период 1969–1979 гг. известен как разрядка международной напряженности. Со стороны американского руководства предполагалось, что Советский Союз на международной арене будет выступать одновременно соперником (в идеологическом плане) и партнером, налаженный диалог с которым предотвратит переход идеологического конфликта в ядерную войну [19]. По сути, разрядка понималась не как прекращение биполярной конфронтации, а как перенос акцента в конкуренции за мировое господство с военной на дипломатическую, экономическую и культурную сферы. Как следствие, сменились и методы противостояния: гонка вооружений уступила место инструментам «мягкой силы».

Максимальное американо-румынское сближение совпало с периодом разрядки. Ярким знаком одобрения политики Чаушеску явился официальный визит Р. Никсона в Бухарест в августе 1969 г. [20] Румыния стала первой в истории социалистической страной, которая приняла на своей земле действующего президента США. И во время, и после этого визита Никсон неоднократно подчеркивал факт налаживания отношений между двумя странами, свидетельством чего являлся ряд важных договоренностей, достигнутых на тот момент [21]. Росли объемы торговли между странами, расширялись кредиты на закупку сельскохозяйственной продукции, уменьшался контроль над экспортом [22]. На протяжении 1970-х гг. США активно использовали Румынию в пропагандистских целях, стремясь показать, что они способны вести конструктивный диалог и иметь дружественные отношения со странами из зоны влияния СССР. Никсон систематически подчеркивал личную заслугу Чаушеску в улучшении отношений между двумя странами [23].

Следуя духу разрядки, Никсон заявлял, что Вашингтон не собирается использовать налаживание отношений со странами Восточной Европы для «подрыва безопасности Советского Союза» [24], однако никто не вправе запретить США налаживать отношения с этими странами. 18 февраля 1970 г. в докладе Конгрессу президент выразил стремление к налаживанию отношений с социалистическими странами Европы, отметив, что Вашингтон готов к развитию отношений «с любой коммунистической страной, которая к ним стремится» [25]. В качестве позитивного

примера приводилась Румыния. Таким способом США старались поощрить отход социалистических стран от заданной Кремлем линии.

Пиком американо-румынского сотрудничества стала ратификация 24 апреля 1975 г. торгового соглашения между Румынией и Соединенными Штатами, которое предусматривало предоставление СПР режима наибольшего благоприятствования в торговле (РНБ) – привилегии, которой не было ни у одной другой страны соцлагеря. Торговля с Румынией стала вестись на недискриминационной основе. Тем не менее данное соглашение действовало на условиях поправки Джексона-Вэнка [26] и предполагало ежегодное подтверждение Конгрессом США режима НБ для Румынии [27]. Несмотря на это для Бухареста открылась возможность получать льготные займы и кредиты, существенно повысить свой престиж на международной арене.

Встречи Чаушеску с президентами США стали регулярными. В ходе взаимных визитов главами государств был достигнут ряд важных соглашений, касающихся укрепления дипломатических отношений, развития экономического, промышленного и технологического партнерства [28]. С точки зрения американских аналитиков, следуя «особым курсом», Румыния достигла в своей внешней политике максимально допустимых пределов независимости для государств – членов ОВД и по данному показателю заметно выделялась среди партнеров по блоку [29].

Летом 1975 г., возвращаясь с Хельсинского совещания, Румынию посетил президент Дж. Форд, который также одобрительно отзывался о сложившихся тенденциях румынской внешней политики и выражал желание наладить нормальные отношения с другими восточноевропейскими странами [30]. Он, как и его предшественник, заявлял о стремлении к доброжелательным отношениям с СССР. Вместе с тем Форд неоднократно подчеркивал, что США выступают за реальную независимость восточноевропейских стран в том числе и от внешнеполитического курса Советского Союза [31].

Дж. Картер, сменивший в 1977 г. Дж. Форда на посту президента, также отмечал, что США придают большое значение налаживанию отношений со странами Восточной Европы, и выражал заинтересованность в обеспечении прочной основы для создания более тесных экономических, культурных и политических отношений [32]. Однако в годы его президентства во главу угла внешней политики США была поставлена проблема защиты прав человека [33], что не могло не осложнить американо-румынских отношений.

В странах Восточной Европы и самом СССР после 1975 г. начало зарождаться правозащитное движение, активизировалась деятельность диссидентов, формировались «хельсинские группы». На этом фоне Румыния постепенно начала терять свою привлекательность для США.

Поступавшие в Вашингтон разведданные содержали информацию о том, что уровень жизни румынского населения был ниже, чем в других социалистических странах, полностью отсутствовало гражданское общество, культ личности Чаушеску доходил до абсурда. Несмотря на то что во всех слоях общества постепенно усиливалось недовольство национальным лидером, оно не находило своего идеального и организационного оформления, поскольку существовал тотальный контроль со стороны государства и широко применялись репрессивные меры [34].

Из США в адрес Румынии начали поступать претензии по осуществлению репрессивной политики и созданию препятствий в реализации хельсинских соглашений. Однако в тот период Вашингтон старался сохранить это в рамках американо-румынских отношений, не информируя о своем недовольстве мировую общественность [35]. Пока это было рационально, США на происходящее в Румынии смотрели сквозь пальцы, что в очередной раз свидетельствовало об их приверженности своей первостепенной стратегической цели – ослаблению СССР.

Анализ румынского вектора американской внешней политики в 1965–1979 гг. показал, что США внимательно следили за отношениями стран внутри социалистического лагеря и хотели не упустить шанс поспособствовать осложнению дружественных отношений Москвы с ее союзниками по блоку. Обозначенная тенденция не только сохранилась, но и усилилась в годы разрядки международной напряженности, которая воспринималась Вашингтоном как специфический этап холодной войны. Конфронтация с СССР сохранилась, но противостояние приняло более мирные формы. В своей внешнеполитической риторике США стремились представить перед СССР в образе «партнера», а не «врага». При этом их главная стратегическая цель – ослабить советские позиции на международной арене – сохранилась. Перспективным способом достижения этой цели рассматривалось налаживание и укрепление отношений со странами Восточной Европы.

Наиболее успешной такая политика оказалась на румынском направлении. Бухарест демонстрировал наибольшую готовность к сотрудничеству с Вашингтоном на официальном уровне, а его стремление к утверждению национальных приоритетов во внешней политике вступало в противоречие с принципами социалистического интернационализма и подрывало единство

действий стран ОВД, что очень импонировало США. Пример Румынии широко использовался в пропагандистских целях. Соединенные Штаты стремились показать миру, что их влияние начинает проникать в советскую сферу, а странам ОВД – что они готовы к взаимовыгодным партнерским отношениям. Такая позиция преследовала цель подтолкнуть отдельные страны социалистического лагеря к более независимой политике.

Примечания и список литературы

1. Стыкалин А. С. Рец.: Негру Е., Негру Г. «Особый курс» Румынии и раздражение Москвы. Советско-румынский спор и антирумынские пропагандистские кампании в Молдавской ССР (1965–1975). Исследование и документы. Т. 1: (1965–1975). Кишинев, 2013. URL: http://istorex.ru/page/stikalin_as_rets_negru_e_negru_g_osobiy_kurs_ruminii; Гладышева А. А. Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 32.
2. Стремясь добиться усиления личной власти, до конца 1950-х гг. Георгиу-Деж позиционировал себя как преданный сторонник Кремля.
3. Такое название партия сохраняла в 1948–1965 гг., позднее она была переименована в Румынскую коммунистическую партию (РКП).
4. Подробнее см.: Покивалова Т. А., Стыкалин А. С. Из истории советско-румынских отношений в эпоху социализма // Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 187.
5. FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. P. 404– 405.
6. Ibid. P. 413–414.
7. Румыния, не выражая желания покинуть ОВД, позволяла себе не всегда и не в полной мере подчиняться решениям Организации. Наиболее ярко это проявилось в ходе чехословацкого кризиса августа 1968 г.
8. FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. P. 420–422.
9. Ibid. P. 414–415.
10. Ibid. P. 420–422.
11. Васильев А. «Особый курс» Н. Чаушеску – внешняя политика в условиях лимитирующих факторов // Россия XXI. 2001. № 4 (июль – август). С. 80.
12. FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. P. 420–422.
13. Ibid. P. 420–425; FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. P. 437–438.
14. Remarks of Welcome at the White House to Chancellor Kiesinger of Germany. August 15, 1967 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=28391&st=Romania&st1=Romania>.
15. Kissinger H. A. The Troubled Partnership. N. Y., 1966. P. 202.
16. FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. P. 422–425.
17. Remarks Before the U.N. General Assembly Following Its Endorsement of the Nuclear Nonproliferation Treaty. June 12, 1968 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=28925&st=Romania&st1=Romania>.
18. FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. P. 426–427; FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. P. 437–438.
19. Самуилов С. М. Внешнеполитический механизм США: эволюция, реформирование, проблемы (1947–2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 25.
20. Remarks on Arrival at Bucharest, Romania. August 2, 1969 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2172&st=Romania&st1=Romania>.
21. Remarks on Arrival at Bucharest, Romania August, 2 1969...; First Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy for the 1970's. February 18, 1970. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2835&st=Romania&st1=Romania>. К числу договоренностей, о которых идет речь, следует отнести соглашения по финансовому урегулированию (1960 г.), соглашение о принятии конкретных мер по улучшению торгово-экономических отношений (1964 г.), различные документы по расширению и активизации культурных, образовательных и научных обменов (1960–1968 гг.), совместное обязательство по расширению научного сотрудничества (1968 г.), договоренности о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии (1968 г.) См.: FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. P. 437–438.
22. Second Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy. February 25, 1971 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2761&st=Romania&st1=Romania>.
23. FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. P. 2-7; Remarks of Welcome to President Nicolae Ceausescu of Romania. December 4, 1973 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=4059&st=Romania&st1=Romania>.
24. Radio Address About Second Annual Foreign Policy Report to the Congress. February 25, 1971 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=3322&st=Romania&st1=Romania>.
25. First Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy for the 1970's. February 18, 1970 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2835&st=Romania&st1=Romania>.

26. Речь идет о поправке 1974 г. к «Закону о торговле США». В соответствии с ней предполагается ограничение торговли США со странами, препятствующими своим гражданам реализации их права на эмиграцию и нарушающими другие права человека.

27. Proclamation 4369—U.S.-Romanian Trade Agreement. April 24, 1975 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=58818&st=Romania&st1=>; FRUS. 1969–1976. Vol. E-15. Part. 1. P. 1.

28. Joint Statement of Principles Following Discussions With President Ceausescu of Romania. December 5, 1973 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=4064&st=Romania&st1=>; Joint Statement on Economic, Industrial, and Technological Cooperation Between the United States and Romania. December 5, 1973 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=4065&st=Romania&st1=>; Presidential Campaign Debate October 6, 1976. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6414&st=Romania&st1=>

29. Белевцева С. Н. Позиция Конгресса и президента США в отношении «особого курса» Румынии во второй половине 1980-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (5). С. 116.

30. FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. P. 1–4; Remarks on Arrival at Bucharest, Romania. August 2, 1975 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5140&st=Romania&st1=>; Remarks and a Question-and-Answer Session With Representatives of Greater Milwaukee Ethnic Organizations. April 2, 1976. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5781&st=Romania&st1=>; Remarks and a Question-and-Answer Session With Members of the American Society of Newspaper Editors April 13, 1976. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5843&st=Johnson&st1=Romania>.

31. Remarks and a Question-and-Answer Session at a Public Forum in Lubbock, Texas. April 30, 1976. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5913&st=Kissinger&st1=Romania>; Presidential Campaign Debate October 6, 1976. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6414&st=Johnson&st1=Romania>.

32. The State of the Union Annual Message to the Congress January 25, 1979. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=32735&st=Vance&st1=Romania>.

33. Digest of Other White House Announcements. October 14, 1977 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6800&st=Romania&st1=>.

34. FRUS. 1977–1980. Vol. XX. Eastern Europe. P. 542–546.

35. Ibid. P. 536–539, 711–712.

Notes and References

1. Stykalin A. S. Rec.: Negru E., Negru G. «Osobyj kurs» Rumynii i razdrazhenie Moskvy. Sovetsko-rumynskij spor i antirumynskie propagandistskie kampanii v Moldavskoj SSR (1965–1975). Issledovanie i dokumenty [Special course on" Romania and the irritation of Moscow. Soviet-Romanian dispute and anti-romanian promoters of the company of Moldova SSR (1965–1975). Research and documents. Vol. 1: (1965–1975)]. Chisinau. 2013. Available at: http://istorex.ru/page/stikalin_as_rets_negru_e_negru_g_osobiy_kurs_ruminii; Gladys A. A. [Formation of a "special course" of Romania in the socialist camp (middle 1950's – early 1960's.)] // Humanities and legal studies. 2014, No., p. 32.

2. In attempts to gain personal power, to the end of the 1950's. Gheorghiu Dej positioned himself as a loyal supporter of the Kremlin.

3. The name of the party was kept during 1948–1965, later it was renamed the Romanian Communist party (RCP).

4. See more: Pokivajlova T. A., Stykalin A. S. Iz istorii sovetsko-rumynskih otnoshenij v ehpohu socializma [From the history of Romanian Soviet relations in the era of socialism] // Slavyanskij al'manah – Slavic almanac. 2016, No. 3-4, p. 187.

5. FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Pp. 404–405.

6. Ibid. Pp. 413–414.

7. Romania, without expressing a desire to leave the Police Department, allowed himself not always fully abide by the decisions of the Organization. This is most clearly manifested in the course of the Czechoslovak crisis in August 1968.

8. FRUS. 1964–1968. Tom. XVII. Eastern Europe. Pp. 420–422.

9. Ibid. Pp. 414–415.

10. Ibid. Pp. 420–422.

11. Vasil'ev A. «Osobyj kurs» N. Chaushevsku – vneshnyaya politika v usloviyah limitiruyushchih faktorov [Special course of N. Ceausescu's foreign policy in terms of limiting factors] // Rossiya XXI – Russia XXI. 2001, No. 4 (July – August), p. 80.

12. FRUS. 1964–1968. Tom. XVII. Eastern Europe. Pp. 420–422.

13. Ibid. Pp. 420–425; FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. Eastern Europe. The Eastern Mediterranean. Pp. 437–438.

14. Remarks of Welcome at the White House to Chancellor Kiesinger of Germany. August 15, 1967 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=28391&st=Romania&st1=Romania>.

15. Kissinger H. A. The Troubled Partnership. N. Y., 1966. P. 202.

16. FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Pp. 422–425.

17. Remarks Before the U.N. General Assembly Following Its Endorsement of the Nuclear Nonproliferation Treaty. June 12, 1968 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=28925&st=Romania&st1=Romania>.

18. FRUS. 1964–1968. Vol. XVII. Eastern Europe. Pp. 426–427; FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. Pp. 437–438.

19. *Samujlov S. M. Vneshnepoliticheskij mekhanizm SSHA: ehvoljuciya, reformirovanie, problemy (1947–2008 gg.) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Nationality of the mechanism of the States: evolution, reform, problems (1947–2008: abstr. dis. dr. hist. sciences]. M. 2010. P.25.

20. Remarks on Arrival at Bucharest, Romania. August 2, 1969 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2172&st=Romania&st1=Romania>.

Remarks on Arrival at Bucharest, Romania August, 2 1969...; First Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy for the 1970's. February 18, 1970. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2835&st=Romania&st1=>.

21. Among the agreements, in question, we should include agreement on the financial settlement (1960) agreement concerning the adoption of specific measures to improve trade and economic relations (1964), various documents on the expansion and revitalization of cultural, educational and scientific exchanges (1960–1968.), a joint commitment to increase scientific collaboration (1968), agreement on cooperation in the peaceful uses of atomic energy (1968) See: FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. Pp. 437–438.

22. Second Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy. February 25, 1971 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2761&st=Romania&st1=>.

23. FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. P. 2-7; Remarks of Welcome to President Nicolae Ceausescu of Romania. December 4, 1973 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=4059&st=Romania&st1=>.

24. Radio Address About Second Annual Foreign Policy Report to the Congress. February 25, 1971 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=3322&st=Romania&st1=>.

25. First Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy for the 1970's. February 18, 1970 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2835&st=Romania&st1=Romania>.

26. We are talking about review of 1974 to the "Law on trade of the United States". It is expected to limit U.S. trade with countries preventing their people to realize their right to emigration and violating other human rights.

27. Proclamation 4369–U.S.-Romanian Trade Agreement. April 24, 1975 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=58818&st=Romania&st1=>; FRUS. 1969–1976. Vol. E-15. Part. 1. P. 1.

28. Joint Statement of Principles Following Discussions With President Ceausescu of Romania. December 5, 1973 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=4064&st=Romania&st1=>; Joint Statement on Economic, Industrial, and Technological Cooperation Between the United States and Romania. December 5, 1973 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=4065&st=Romania&st1=>; Presidential Campaign Debate October 6, 1976. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6414&st=Romania&st1=>

29. *Belevceva S. N. Poziciya Kongressa i prezidenta SSHA v otnoshenii «osobogo kursa» Rumynii vo vtoroj polovine 1980-h gg.* [The position of Congress and the President of the United States against the "special rate" of Romania in the second half of 1980s] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2012, No. 4 (5), p. 116.

30. FRUS. 1969–1976. Vol. XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. Pp. 1–4; Remarks on Arrival at Bucharest, Romania. August 2, 1975 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5140&st=Romania&st1=>; Remarks and a Question-and-Answer Session With Representatives of Greater Milwaukee Ethnic Organizations. April 2, 1976. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5781&st=Romania&st1=>; Remarks and a Question-and-Answer Session With Members of the American Society of Newspaper Editors April 13, 1976. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5843&st=Johnson&st1=Romania>.

31. Remarks and a Question-and-Answer Session at a Public Forum in Lubbock, Texas. April 30, 1976. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5913&st=Kissinger&st1=Romania>; Presidential Campaign Debate October 6, 1976. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6414&st=Johnson&st1=Romania>.

32. The State of the Union Annual Message to the Congress January 25, 1979. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=32735&st=Vance&st1=Romania>.

33. Digest of Other White House Announcements. October 14, 1977 // The American Presidency Project. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6800&st=Romania&st1=>.

34. FRUS. 1977–1980. Vol. XX. Eastern Europe. Pp. 542–546.

35. Ibid. Pp. 536–539, 711–712.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.112.2

О «промежуточных» явлениях в структуре функционально-семантического поля сравнения (на материале немецкого языка)

Постникова С. В.

доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.
E-mail: svetpost11@mail.ru

Аннотация: Динамика развития языковой системы предполагает наличие «промежуточных» зон, в которых сосредоточены единицы с амбивалентными семантическими функциями. Это относится и к ФСП сравнения, в структуре которого существуют «промежуточные» явления, сосредоточенные как на перифериях микрополей внутри ФСП, так и соположенных полей. Синтаксические единицы со значением сравнения сходства, входящие в данные зоны, способны выступать не только как языковые репрезентанты соответствующего ассоциативного фрейма, в зависимости от ситуации общения и интенции адресанта они легко перестраиваются на выполнение функции образной характеристики объекта при частичной или полной нейтрализации. Особая роль принадлежит языковым факторам, способствующим подобной pragматически заданной установке.

Ключевые слова: сравнение сходства, ассоциативный фрейм, «промежуточные» явления, семантическая функция, эмотивная оценка.

On "intermediate" phenomena in the structure of the functional-semantic field of comparison (on a material of German language)

Postnikova S. V.

doctor of philological sciences, professor, National Research Nizhny Novgorod Atate University n.a. N. Lobachevsky.
37 Bolshaya Pokrovskaya str., 603000, Nizhniy Novgorod. E-mail: svetpost11@mail.ru

Abstract: Dynamics of the language system development presumes the existence of "transitional" areas, in which units with the ambivalent semantic functions are localized. This applies to functional-semantic field of comparison, in which structure there are "transitional" phenomena, localized on the peripheries of the microfields inside the functional-semantic field, as well as adjoining fields. The units with a meaning of comparison of similarities, affiliated with these areas, are able syntactically to act not only as the language representatives of the corresponding associative frame. Depending on the communicative situation and intention of the addressant they are easily rebuilt in the function of the image characteristics of the object under partial or complete neutralization of the semantics of comparison of similarity. A special role belongs to the linguistic factors contributing to such pragmatic attitude.

Keywords: comparison of similarities, associative frame, "transitional" areas, semantic function, emotive evaluation.

Развитие полевого метода исследования в лингвистике, основанного в первую очередь на асимметрии языкового знака, наряду с типологией полевых структур, выдвинуло на современном этапе в разряд актуальных вопрос о характере «промежуточных» явлений, образующих зоны взаимопересечения сегментов самого поля или на границах соприкасающихся полей.

Интерес к данному явлению продиктован помимо чисто лингвистической задачи описания той ролью, которую они играют в когнитивно-деятельностном процессе. Действительно, закрепленные в результате этого процесса в концептуальной картине мира представления о внеязыко-

вой действительности могут быть вербализованы определенными языковыми средствами [1], в том числе и такими, которые могут выполнять несобственную семантическую функцию, заданную условиями протекания речевого акта и интенцией эмитента.

Но поскольку особенности восприятия одной и той же ситуации «предопределяют способ ее концептуализации» [2], логично предположить, что в языковой картине мира может быть представлен целый ряд языковых средств, репрезентирующих те или иные стороны соответствующего концепта, используемых окказионально и выполняющих, таким образом, несобственную семантическую функцию. А если к тому же такой концепт представлен ассоциативным фреймом, отражающим, в частности, отношение подобия, сходства [3], т. е. концептуальной единицей, смысл которой не задан а priori, а формируется в дискурсе, то трудно переоценить возможности, которые предоставлены эмитенту для реализации интенции высказывания и достижения коммуникативного эффекта. С этой точки зрения использование единиц, входящих в «промежуточные» зоны, требует от коммуникантов не только общих лингвистических знаний, но и наличия социального опыта, чтобы заложенная в дискурсе информация была адекватно воспринята участниками коммуникации.

Методологической основой интересующего нас аспекта рассмотрения является сформулированный В. М. Павловым тезис о прерывности и непрерывности системы. Если атрибут прерывности (дискретности) отражает «составленность» системы из различаемых в ней элементов, то непрерывность (континуальность) находит отражение в целостности системы как единого объекта [4].

Континуальность системы как отражение динамики ее развития является причиной и следствием «размытости» границ между отдельными микрополями и периферийными участками соположенных полей, причем в принципе она не в последнюю очередь обусловлена «качественной» многоаспектностью всякого языкового явления, которая в свое время отмечалась В. Г. Адмони. Последняя позволяет предположить, что не только лексические, но и морфологические и синтаксические единицы характеризуются множеством пересекающихся значений и функций. Достаточно сослаться на многозначность и полифункциональность временных форм, относительных прилагательных, выступающих, с одной стороны, как лексикализованные единицы, с другой – как корреляты синтаксических структур; некоторых союзов, в частности союза *wie*; на явления грамматической и стилистической транспозиции [5].

На необходимость исследования именно таких явлений, отражающих особенности ментального процесса речепроизводства, указывал Л. В. Щерба [6]. Подобного мнения придерживается и В. М. Павлов, который считает назревшей постановку вопросов «о взаимодействиях между уровнями языковой системы», причем эти взаимодействия «осуществляются... на основе парадигматических и синтагматических связей между уровнем гетерогенными единицами» [7].

В связи с этим представляют интерес «промежуточные» явления в структуре функционально-семантического поля (ФСП) сравнения, наличие которых вполне объяснимо самой природой сравнения как когнитивно-дискурсивного акта, нередко осложненного субъективно-эмоционально-оценочной коннотацией.

«Перестройка» на выполнение несобственной семантической функции наблюдается уже у синтаксических единиц с категориальным значением сравнения неравенства, наиболее облигаторно передающих значение понятийной категории, изоморфных последней и, таким образом, входящих в ядро ФСП сравнения. Как правило, такая перестройка носит речетворческий характер и связана со стремлением эмитента особо подчеркнуть интенсивность проявления выделяемого признака. Ср.: *treu sein wie ein Hund* (umg.) – *treuer sein als ein Hund* = *jmdm. sehr treu, ergeben sein*; или: *müde sein wie ein Hund* – *müder sein als ein Hund* = *sehr müde sein* [8]. Впрочем, для сравнения неравенства это крайне редкое, маргинальное явление, что, на наш взгляд, связано с моделеобразующим характером данной синтаксической структуры [9].

Иная ситуация наблюдается у синтаксических структур со значением сравнения тождества/сходства, которые, хотя и входят в центр ФСП сравнения, однако, тем не менее, различаются по степени облигаторности выражения соответствующей семантики сравнения. Одна из причин кроется в том, что союз *wie* передает лишь значение сравнения как такового, тогда как выражение семантики тождества признаков у сравниваемых объектов требует введения коррелята тождества *so, ebenso* и т. п. и денотативной референтности объектов, причем наличие у них данного признака предполагается известным собеседникам из предыдущего опыта. Напр.: *Mein Bruder ist ebenso alt wie dieses Mädchen*.

Однако при отсутствии отмеченных условий данная семантика постепенно расшатывается вплоть до ее полной нейтрализации и перестройки синтаксической структуры на выражение

сравнения сходства. Первичность приписывания признака сравниваемому объекту и интенсиональная референтность эталона срвнения предоставляет широкие возможности для образной субъективно-оценочной характеристики сравниваемого. Например: *Der Rücken seiner Nase war dünn wie Messerschneide* [10].

При этом, если при частичной взаимоаложимости представлений о сравниваемых в ментальном пространстве собеседников семантика сравнения сходства все же сохраняется, то при их контрадикторности, а следовательно, отсутствии между ними семантической конгруэнтности она значительно бледнеет. Ср.: *Ein Gitarrenklang rollte unter dem Lärm hervor wie eine kleine nasse Perle* [11].

В таких случаях группа «основа сравнения+эталон сравнения» (*tertium comparationis*) выступает как целостное по смыслу образование [12], иногда подчеркнутое орфографически обособлением, а вся синтаксическая единица выполняет скорее функцию образной характеристики «квазисравниваемого». Например: *Der Wachtmeister...erklärte, unbeteiligt wie ein Automat: «Die Sprechzeit ist um»* [13].

В этом плане синтаксические единицы со значением сравнения сходства выступают как первый шаг на пути формирования «промежуточных» явлений, тяготеющих к выражению скорее несобственной семантической функции образной, субъективно-оценочной характеристики «сравниваемого», но не сравнения как такового.

Подобному семантико-функциональному сдвигу нередко сопутствуют особенности структурной организации данного ассоциативного фрейма и его языковой презентации в условиях дискурса. Так, при наличии в концептуальной картине мира коммуникантов конвенциально закрепленного представления об объекте – эталоне сравнения как типичного носителя признака, –экспликация *tertium comparationis* становится излишней, а сама синтаксическая структура приобретает ярко выраженную метафорическую окраску, нередко с элементом интенсификации. Например: *Der Himmel bauscht sich wie ein riesiges Seidenzelt über der Stadt* [14].

Отсутствие сравниваемого также практически нейтрализует в значении союза *wie* сему сравнения, превращая его скорее в структурную «скрепу» между компонентами, вследствие чего сама конструкция выражает лишь гипотетическое сравнение с ярко выраженной прагматической направленностью на субъективно-оценочную характеристику признака, приписываемого объекту или действию: 1) *Wie anders sie war. Schmal, bleich, ernst, mit einem Blick, der wie erloschen schien* [15].

Сравнение сходства является также первоисточником словосложений, в которых при наличии «живых» синтаксических связей между компонентами имплицируется семантика сравнения (*haushoch*), в то время как при их отсутствии отношение сравнения сходства либо полностью нейтрализовано, либо «просматривается» в определенной дистрибуции. Правда, в основном такие словосложения не являются результатом речетворческой деятельности, а входят в систему языка на правах устойчивых единиц с ярко выраженной интенсифицирующей функцией (*schnäueiß, rabenschwarz, himmelblau*). В структуре ФСП сравнения такие единицы расположены на периферии и входят в «промежуточную» зону между данным ФСП, микрополями эмотивной оценки и интенсификации. То же можно утверждать и относительно отсубстантивных дериватов на *-lich, -isch* (*mütterlich, diplomatisch*), сема сравнения сходства в значении которых на современном этапе практически нейтрализована, а ее частичная актуализация контекстуально обусловлена [16].

Итак, синтаксическая единица с семантикой сравнения сходства, несмотря на ее ядерную позицию в структуре ФСП сравнения, легко подвергается семантико-функциональной вариабельности, в процессе которой бледнеет или утрачивается семантика сравнения, а сама структура, в зависимости от лексической наполняемости компонентов, участвующих в данных отношениях, и интенции высказывания в целом, является базой для формирования единиц, образующих «промежуточную» область между микрополем сравнения сходства и полями качественной признаковости и оценочности. Двойственный функционально-семантический статус таких единиц заключается в потенциальной способности, в зависимости от контекста и диалогического дискурса, выступать как средство выражения не только сравнения сходства, но и метафорически окрашенной качественно-оценочной характеристики объектов внеязыковой действительности, нередко сопряженной с интенсификацией признака.

Примечания и список литературы

1. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М. : Наука, 1988. С. 141–172; Борисенкова Л. М. Морфологи-

ческая и семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале немецкого языка). Смоленск : Универсум, 2006. С. 18–21.

2. Кузьмина С. Е. Простое предложение как средство репрезентации концептуального содержания. Н. Новгород : ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 27.

3. Ср.: Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка). Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 43.

4. Павлов В. М. Полевой подход и континуальность языковой системы // Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона. СПб. : Наука, 1998. С. 28–40.

5. См., в частности, о транспозиции прилагательных в класс существительных: Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1962. С. 26.

6. Щерба Л. В. Избранные работы по языкоznанию и фонетике. Т. I. Л. : ЛГУ, 1958. С. 35–36. Тез. 7.

7. Павлов В. М. Полевые структуры в строении языка. СПб., 1996.

8. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. R. Klappensach, W. Steinitz. Bd. 3. Berlin : Akademie. Verlag, 1970. S. 1912.

9. Постникова С. В. Прагматический потенциал сравнения и способы его реализации в речемыслительной деятельности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 6. С. 85–89.

10. Mann Th. Gesammelte Werke in 12 Bänden. Bd. IX. Erzählungen. Berlin, 1955. S. 768.

11. Mann H. Die Götinnen oder die drei Romane der Herzogin von Assy. Berlin ; Weimar, 1976. S. 310.

12. Ср.: Постникова С. В. Сравнение сходства: динамика развития (на материале немецкого языка) // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 405–407.

13. Bredel W. Die Söhne. Berlin, 1955. S. 247.

14. Remarque E.-M. Der schwarze Obelisk. Berlin, 1957. S. 117.

15. Bredel W. Ebenda... S. 195; Постникова С. В. К проблеме синтаксической синонимии как средства репрезентации ментальных процессов познания (на примере некоторых синтаксических структур немецкого языка) // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 207–211.

16. Постникова С. В. Отсубстантивные дериваты как промежуточные явления функционально-семантического поля сравнения (на примере модели на -lich) // Science und Education LTD. I International Research und Practice Conference. Belgorod ; Sheffield. Philological Science. Political Science. Belgorod. 2014. Vol. 9. С. 15–20.

Notes and References.

1. Kubryakova E. S. *Rol' slovoobrazovaniya v formirovaniy yazykovoj kartiny mira* [Role of word formation in the formation of the language picture of the world] // *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. YAzyk i kartina mira* – Role of human factor in language. Language picture of the world. M. Nauka. 1988. Pp. 141–172; Borisenkova L. M. *Morfologicheskaya i semanticheskaya derivaciya v kognitivnom aspekte (na materiale nemeckogo yazyka)* [Morphological and semantic derivation in the cognitive aspect (on the materials of German language)]. Smolensk. Universum. 2006. Pp. 18–21.

2. Kuz'mina S. E. *Prostoe predlozhenie kak sredstvo reprezentacii konceptual'nogo soderzhaniya* [Simple suggestion as a means of representation of conceptual content]. N. Novgorod. FSBEE HPE "Nizhny Novgorod State Linguistic University". 2014. P. 27.

3. Comp.: Nikonova ZH. V. *Frejmovyj analiz rechevyh aktov (na materiale sovremennoj nemeckogo yazyka)* [Frame analysis of speech acts (on the material of modern German language)]. N. Novgorod. NSLU n. a. N. A. Dobrolyubov. 2007. P. 43.

4. Pavlov V. M. *Polevoj podhod i kontinual'nost' yazykovoj sistemy* [Field approach and continuity of the language system] // *Materialy chtenij, posvyashchennyh 90-letiyu so dnya rozhdeniya Solomona Davidovicha Kacnel'sona* – Materials of the readings dedicated to the 90th anniversary of the birth of Solomon Davidovich Kaznel'son. SPb. Nauka. 1998. Pp. 28–40.

5. See, in particular, on transposition of adjectives into the class of nouns: Kurilovich E. *Polozhenie imeni sobstvennogo v yazyke* [Status of a proper name in the language] // *Ocherki po lingvistike* – Essays on linguistics. M. Publishing house of literature in the foreign lang. 1962. P. 26.

6. Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Vol. I. L. LSU. 1958. Pp. 35–36. Thesis 7.

7. Pavlov V. M. *Polevye struktury v stroe yazyka* [Field structure in the system of language]. SPb. 1996.

8. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. R. Klappensach, W. Steinitz. Bd. 3. Berlin : Akademie. Verlag, 1970. P. 1912.

9. Postnikova S. V. *Pragmatischeskij potencial sravneniya i sposoby ego realizacii v rechemyslitel'noj deyatel'nosti* [Pragmatic potential comparisons and ways of its implementation in intellect activity] // *estnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2016, No. 6, pp. 85–89.

10. Mann Th. Gesammelte Werke in 12 Bänden. Bd. IX. Erzählungen. Berlin, 1955. P. 768.

11. Mann H. Die Götinnen oder die drei Romane der Herzogin von Assy. Berlin ; Weimar, 1976. P. 310.

12. Comp.: *Postnikova S. V. Sravnenie skhodstva: dinamika razvitiya (na materiale nemeckogo yazyka)* [Comparison of similarity: the dynamics of development (on the material of German language)] // *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo* – Herald of NNGSU n.a. N. I. Lobachevsky. 2012, No. 1 (2), pp. 405–407.
13. *Bredel W. Die Söhne*. Berlin, 1955. S. 247.
14. *Remarque E.-M. Der schwarze Obelisk*. Berlin, 1957. P. 117.
15. *Bredel W. Ebenda...* P. 195; *Postnikova S. V. K probleme sintaksicheskoy sinonimii kak sredstva reprezentacii mental'nyh processov poznaniya (na primere nekotoryh sintaksicheskikh struktur nemeckogo yazyka)* [To the problem of syntactic synonymy as a means of representation of mental processes of cognition (in the case of some syntactic structures of the German language)] // *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo* – Herald of NNSU n.a. N. I. Lobachevsky. 2016, No. 6, pp. 207–211.
16. *Postnikova S. V. Otsubstantivnye derivaty kak promezhutochnye yavleniya funkcional'no#semanticheskogo polya sravneniya (na primere modeli na -lich)* [From-substantive derivatives as an intermediate phenomenon of functional semantic field comparison (for example, the model for «-lich»)] // Science und Education LTD. I International Research und Practice Conference. Belgorod ; Sheffield. Philological Science. Political Science. Belgorod. 2014. Vol. 9. Pp. 15–20.

Структурно-семантические особенности композитов с последним компонентом «причастие» в английском подъязыке биотехнологий

Кудинова Т. А.

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина. 302019, г. Орел, ул. Генерала Родина, 69.
E-mail: t.Kudinova77@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу структурно-семантических особенностей композитов с последним компонентом «причастие» в английском подъязыке биотехнологий. В статье композит рассматривается как сложное слово, включающее свыше двух основ. В результате исследования было установлено, что самыми распространенными моделями композитов являются модели N + PI и N + PII. Высокая продуктивность этих единиц обосновывается запретом на использование распространенных препозитивных определений в английском предложении. В заключение автор приходит к выводу, что благодаря цельнооформленности компонентов, структурной мотивированности и семантической насыщенности композиты с последним компонентом «причастие» находят широкое применение в английском подъязыке биотехнологий, что связано с необходимостью номинации новых понятий в науке и отражения их наиболее существенных признаков.

Ключевые слова: словосложение, композит (сложное слово) с последним компонентом «причастие», словообразовательная модель, цельнооформленность, мотивированность, английский подъязык биотехнологий.

Structural and semantic features of compounds with the last component “participle” in the English sublanguage of biotechnologies

Kudinova T. A.

candidate of philological sciences, associate professor of foreign languages, Orel State Agrarian University named after N.V. Parahin. 69 General Rodin str., 302019, Orel. E-mail: t.Kudinova77@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of structural and semantic features of compounds with the last component “participle” in the English sublanguage of biotechnologies. In the article a compound is considered as a compound word including more than two stems. During the investigation it has been determined that the most common patterns of compounds are the patterns: N + PI and N + PII. The high productivity of these units is justified by a ban on the use of extended prepositional definitions in the English sentence. At the end of the article the author comes to the conclusion that thanks to the continuity of the components, structural motivation and semantic intensity, compounds with the last component “participle” find a wide application in the English sublanguage of biotechnologies, which is related with the need to nominate new concepts in science and reflect their most significant features.

Keywords: stem-composition, a compound with the last component “participle”, word-building pattern, continuity, motivation, English sublanguage of biotechnologies.

Словосложение справедливо считается одним из основных средств пополнения словарного состава языка. Процесс образования сложных слов или композитов с целью номинации предметов и явлений окружающей действительности по-разному проявляется в языках. Как показывают исследования, в современном английском языке более одной трети новых слов образуется благодаря словосложению [1].

По мнению ряда авторов, композиты – это сложные слова, образованные в результате сложения двух (трех и более) основ, функционирующих как одно лексико-грамматическое целое и выделяющихся в составе предложения как особая лексическая единица благодаря своей цельнооформленности [2].

Под цельнооформленностью сложного слова понимается его «неделимость, невозможность разделения на части и помещения между ними других элементов» [3].

Существенной в этом смысле представляется точка зрения Р. Г. Маковей, который отмечает, что цельнооформленность сложного слова выражается в строго фиксированном порядке следования компонентов (его изменение приведет к потере значения сложного слова), в стирании грамматического значения первого компонента, наличии одного главного ударения, слитном или дефиксном написании сложного слова [4].

М. И. Фомина называет композиты единицами неполной лексикализации, не являющимися одной неделимой лексемой [5], а О. Д. Мешков считает, что «композитное значение формируется внутренними отношениями между компонентами композита» [6].

Широкое использование слов, образованных на основе словосложения, характерно и для терминологии. Распространенность сложных терминов в научном функциональном стиле объясняется не только спецификой сложных слов в современном английском языке, но и целым рядом структурных и семантических причин, в частности отсутствием эксплицитных показателей между компонентами слова, синтаксическим запретом на употребление распространенных препозитивных определений [7], а также необходимостью формирования новой смысловой структуры по определенным принципам.

Сложные термины в научных текстах удобны с точки зрения определений, которые, характеризуясь большой информативностью и семантической нагруженностью, выступают в виде одной лексической единицы, способной характеризовать определяемый предмет одновременно с различных точек зрения.

Изучение научных текстов английского подъязыка биотехнологий и их последующий качественный анализ позволили установить, что сложные термины являются одной из отличительных характеристик терминологии данного подъязыка. Из всего многообразия моделей сложных слов выделим термины с последним компонентом «причастие I» и «причастие II», которые, согласно нашим данным, полученным в результате обследования выборки научных текстов изучаемой отрасли общим объемом 978 950 словоупотреблений [8], подтверждают высокую степень частотности этого типа терминов. В результате обследования были эксплицированы 284 композита, что еще раз доказывает, что термины, построенные по данным моделям, являются типичным строительным материалом и активно участвуют в построении научного высказывания.

Предложенная О. Д. Мешковым классификация сложных слов с последним компонентом «причастие I» и «причастие II» [9] может быть дополнена некоторыми структурами, что еще раз доказывает специфичность научной речи подъязыка биотехнологий в плане языковой номинации. Наиболее продуктивными словообразовательными моделями сложных терминов оказались следующие: 1) N + PI, 2) A + PI, 3) Adv. + PI, 4) Abbr + PI, 5) Pref + PI, 6) N + PII, 7) A + PII, 8) Adv. + PII, 9) Abbr + PII, 10) Pref + PII, где 1) N – существительное, 2) A – прилагательное, 3) PI – причастие I, 4) PII – причастие II, 5) Adv. – наречие, 6) Abbr. – сокращение, 7) Pref. – префикс.

Самыми распространенными моделями в языке биотехнологий являются следующие: **N + PI** и **N + PII**. Высокая продуктивность этих моделей обусловлена запретом по нормам английского синтаксиса использования распространенных препозитивных определений. По модели N + PI образуется 73 термина, например: *allergy-causing (foods), animal-cloning (research), anti-body-producing (cells), antigen-binding (function)*.

Подавляющее большинство терминов данной модели отражают специфику связей между объектом и действием и могут быть соотнесены в равной мере либо с глагольным словосочетанием, либо с атрибутивным причастным оборотом: *gene-cloning = to clone genes, cloning genes*. Вторые компоненты, формирующие вторую группу слов, также широко распространенные в научной литературе, представлены следующими причастиями: *causing, producing, culturing, bearing, fixing, enhancing, binding*. Примечательно, что все они образованы от глаголов, обозначающих процессы, в результате которых что-либо создается или получается в качестве какого-то процесса.

Отдельные образования соответствуют предложным словосочетаниям и развертываются по формуле: N + PI – PI + Prep + N: *root-inducing (plasmid) – inducing by root*. Такие слова также употребляются в целях компрессии и синтаксического удобства.

Будучи отражением в языке социально значимых понятий и повторяясь многократно, такие лексические единицы могут вытеснить параллельно существующие синонимичные словосочетания – причастные обороты. В самом деле, при анализе современного подъязыка биотехнологий нами не были отмечены словосочетания типа: *(genes) causing diseases, (technology) cloning genes, (method) protecting soil*. Вместо них находим регулярные термины: *disease-causing (genes), gene-cloning (technology), soil-protecting (method)*.

Сложные слова, образованные по модели N + PI, как бы отходят от параллельных словосочетаний и функционируют как самостоятельные лексические единицы, выполняя функцию об-

гашения словарного состава стандартного английского языка за счет терминологических единиц.

Модель N + PII является самой продуктивной и составляет, по нашим наблюдениям, 40% всех композитов: *biotechnology-derived (products)*, *ecosystem-oriented (habitat protection strategy)*, *embryo-derived (cells)*.

По своей смысловой структуре композиты, образуемые на основе этой модели, делятся на две количественно неравные группы: структурно-мотивированные и структурно-немотивированные слова. Первые (*hormone-fed, gene-based*) составляют подавляющее большинство, вторые (*custom-designed*) представлены лишь отдельными примерами.

Под структурно-мотивированным композитом понимается сложное слово, которое может быть подвергнуто преобразованию (трансформации) в словосочетании с использованием минимальных средств. При этом слова полученного словосочетания являются теми же частями речи, к которым принадлежат основы сложного слова, например: *oxygen-enriched* = *enriched by oxygen*, *plant-based* = *based on a plant*. Единицы структурно-мотивированных сложных терминов этой модели образуются по двум основным принципам: категориальному аспекту значения существительного и по сильному управлению причастия.

Категориальный аспект значения существительного определяет его способность выступать в роли агента, места, времени, материала по отношению к другому компоненту сложного слова или другому слову в синтагматической цепи. Под влиянием категориального аспекта существительного образуются следующие типы семантических моделей межкомпонентных связей, отражающие соответствующие логические связи между категориями понятий данной тематической области [10]: **агентивный** (*sheep-derived, plant-generated*); **локативный** (*laboratory-generated, field-tested*); **тимпоральный** (*disease-derived*); с **первым компонентом «вещества»** (*water-filled*). При сильном управлении причастия категориальный аспект существительного не проявляется, и формирование смысловой структуры слова происходит под воздействием причастия: *virus-derived (genes)* = *(genes) derived by the virus*; *food-related (applications)* = *(applications) related with food*.

Слова, образующие данные структурно-семантические типы, являются, как правило, членами рядов одноструктурных образований, отношения между компонентами которых детерминируются одним из компонентов: *gene + PII = PII by the gene*; *laboratory + PII = PII in the laboratory*.

Словообразовательные модели с последним компонентом «причастие I» и «причастие II» обладают рядом структурных и семантических особенностей, повышающих арсенал средств выразительности. Наиболее важными среди них являются следующие: 1) присутствие в структуре слова сравнения: *heart-shaped (embryo)*; 2) наличие в составе слова компонентов (аффиксов, основ), обладающих определенной степенью выразительности: *well-adjusted (person)*, *ever-improving (biotechnology)*; 3) маркеры «необычности» смысловых связей между компонентами слова: *egg-white-purified (avidin)*.

Таким образом, в результате анализа композитов английского подъязыка биотехнологий было установлено, что большинство терминов являются мотивированными, т. е. соотносятся со словосочетанием, передающим его значение. Справедливой в этом смысле представляется точка зрения Т. Р. Кияк, который указал на зависимость мотивированности от частотности использования структурной модели: те термины, которые представлены по самой употребительной структурной модели, лучше мотивированы [11].

Порядок следования компонентов сложного термина является отличительным признаком цельнооформленности композита с причастием в качестве второго компонента. В отличие от словосочетания, сложные термины подъязыка характеризует обратный порядок следования компонентов, например: *plant-generated, fluid-filled*. Синонимичным словосочетаниям, напротив, свойственна следующая терминологическая трансформация: *generated by a plant, filled with fluid*.

Исследование выборки сложных терминов с последним компонентом «причастие» позволило выделить четыре основных вида валентной связи между компонентами композитов: 1) «термин – общеупотребительное слово», 2) «общеупотребительное слово – общеупотребительное слово», 3) «общеупотребительное слово – термин», 4) «термин – термин».

Наиболее частотным видом связи является комбинация «термин – общеупотребительное слово», которая составляет 55%. Большинство терминов – имена существительные (*biotechnology, DNA, gene*), а наиболее типичными для подъязыка биотехнологий общеупотребительными глаголами, выступающими в качестве второго компонента и выполняющими функции «причастия I» и «причастия II», являются: *to base, to cause, to produce, to derive: virus-derived (genes), biotechnology-based (process), disease-causing (genes)*.

Сочетание «общеупотребительное слово – общеупотребительное слово» также имеет место в терминосистеме подъязыка – 28%. Присутствие в выборке сложных слов с такой валентностью обусловлено предпочтениями в выборе лексических и в том числе и терминологических средств авторского стиля изложения: *soil-protecting (method), custom-designed (embryo), disease-fighting (foods)*.

Среди глаголов-терминов в качестве второго компонента в сочетании «общеупотребительное слово – термин», составившей 8% от общей выборки, наиболее яркими являются: *to clone, to culture, to induce, to breed: stress-induced (losses), plant-breeding (techniques)*.

Самой малочисленной группой композитов оказались сложные слова, где оба компонента – термины (6%). Отсюда напрашивается вывод, что именно эта группа композитов наиболее точно представляет терминологию подъязыка биотехнологий: *gene-cloning (technology), chromosome-engineering (technique), DNA-modified (organism)*.

При исследовании корпуса текстов английского подъязыка биотехнологий наряду с двухкомпонентными терминами были выделены сложные слова, состоящие из трех и более компонентов, например: *in-culture-enzyme-producing (ENS cells), frozen-and-thawed (cloned embryo, human-antibody-producing (genes)*. Модели образования подобных композитов являются малопродуктивными и составляют всего 6% общего числа сложных терминов.

Как показало исследование, благодаря компрессивности своей формы, семантической и pragматической насыщенности композиты с последним компонентом «причастие» находят широкое применение в английском подъязыке биотехнологий, что связано с необходимостью номинации новых понятий в науке и отражения их наиболее существенных признаков. Описанные особенности функционирования сложных слов в исследуемом подъязыке показательно отражают наиболее типичные моменты структуры и семантики сложного термина, что отличает их от сложных терминов, использующихся в качестве средств номинации в стандарте английского языка.

Примечания и список литературы

1. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 260 с.
2. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. М. : Наука, 1976. 248 с.; Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 1986. 295 с.; Абрамова Г. А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития. М. ; Краснодар : Кубан. гос. ун-т ; О-во любителей рос. словесности, 2003. 246 с.
3. Панин В. В. Некоторые особенности сложных слов в английском и русском языках // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П. П. Ершова. 2014. № 1 (13). С. 144–149.
4. Маковей Р. Г. Проблема структурно-семантического и функционального соотношения компонентов сложных слов в сравнительном аспекте // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. 2012. Вып. 56. С. 7–13.
5. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология : учеб. 4-е изд., испр. М. : Высш. шк., 2001. 415 с.
6. Мешков О. Д. О композитном значении (На материале английских сложных N+N) // Слово в грамматике и словаре. М. : Наука, 1984. С. 124–128.
7. Кудинова Т. А. Особенности перевода сложных слов с последним компонентом «причастие» (на материале английской терминологии биотехнологий) // Коммуникативное пространство культуры : материалы междунар. науч. конф. в Орлов. гос. ин-те культуры 16–17 марта 2017 г. Орел, 2017. С. 356–360.
8. Кудинова Т. А. Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в подъязыке биотехнологий (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2006. 245 с.
9. Мешков О. Д. Указ. соч.
10. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М. : Моск. Лицей, 1993. 309 с.
11. Кияк Т. Р. К проблеме мотивированности научно-технических терминов (на материале немецких и русских терминов международного электротехнического словаря) // Структурно-семантические особенности отраслевой терминологии : межвуз. сб. науч. тр. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. С. 3–12.

Notes and references

1. *Smirnickij A. I. Leksikologiya angliskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. M. Publishing house of literature in the foreign lang. 1956. 260 p.
2. *Meshkov O. D. Slovoobrazovanie sovremennoego angliskogo yazyka* [Word-formation of modern English]. M. Nauka. 1976. 248 p.; *Arnol'd I. V. Leksikologiya sovremennoego angliskogo yazyka : ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* [Lexicology of modern English language: textbook for institutes and fac. of foreign lang]. 3rd ed. rev. and add. M. Vyssh. shk. 1986. 295 p.; *Abramova G. A. Medicinskaya leksika: osnovnye svojstva i tendencii razvitiya* [Medical vocabulary: main characteristics and development trends]. M.; Krasnodar. Kuban State University; Soc.of fans of Rus. literature] 2003. 246 p.

3. Panin V. V. *Nekotorye osobennosti slozhnyh slov v anglijskom i russkom yazykakh* [Some peculiarities of compound words in English and Russian] // *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P. P. Ershova* – Journal of Ishim State Pedagogical Institute n.a. P. P. Ershov. 2014, No. 1 (13), pp. 144–149.
4. Makovej R. G. *Problema strukturno-semanticeskogo i funktsional'nogo sootnosheniya komponentov slozhnyh slov v sravnitel'nom aspekte* [Problem of structural semantic and functional relations of components of complex words in a comparative perspective] // *Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo avtomobil'no-dorozhnogo universiteta* – Herald of Kharkov National Automobile and Road University. 2012, iss. 56, pp. 7–13.
5. Fomina M. I. *Sovremennyj russkij yazyk. Leksikologiya : ucheb. 4-e izd., ispr.* [Modern Russian language. Lexicology: tutorial, 4 publ., rev.] M. Vyssh. shk. 2001. 415 p.
6. Meshkov O. D. *O kompozitnom znachenii (Na materiale anglijskih slozhnyh N+N)* [On composite value (based on the English complex N+N)] // *Slovo v grammatike i slovare* – Word in the grammar and vocabulary. M. Nauka. 1984. Pp. 124–128.
7. Kudinova T. A. *Osobennosti perevoda slozhnyh slov s poslednim komponentom «prichastie» (na materiale anglijskoj terminologii biotekhnologij)* [Peculiarities of translation of compound words with the last component of a "participle" (in the English terminology, biotechnology)] // *Kommunikativnoe prostranstvo kul'tury : materialy mezhdunar. nauch. konf. v Orlov. gos. in-te kul'tury 16–17 marta 2017 g.* – Communicative space of culture: proceedings of the international scientific conf. in the Orel State Institute of Culture, March 16–17, 2017. Orel. 2017. Pp. 356–360.
8. Kudinova T. A. *Strukturno-semanticeskie osobennosti mnogokomponentnyh terminov v pod'yazyke biotekhnologij (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) : dis. ... kand. filol. nauk.* [Structural semantic peculiarities of multicomponent terms in the sublanguage of biotechnologies (in Russian and English languages): dis. cand. philol. sciences]. Orel. 2006. 245 p.
9. Meshkov O. D. Op. cit.
10. Grinev S. V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. M. Moscow Lyceum. 1993. 309 p.
11. Kiyak T. R. *K probleme motivirovannosti nauchno-tehnicheskikh terminov (na materiale nemeckih i russkih terminov mezhdunarodnogo ehlektrrotehnicheskogo slovarya)* [To the problem of motivation of scientific and technical terms (on the material of German and Russian terms of international electrotechnical vocabulary)] // *Strukturno-semanticeskie osobennosti otrazivayushchih terminologii : mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Semantic and structural features of industry terminology: interuniv. coll. of scient. works. Voronezh. Publishing house of Voronezh University. 1982. Pp. 3–12.

Сложносочиненные предложения с союзом и как средство выражения причинно-следственных отношений

Алексеева И. К.

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет). 125993, г. Москва, ГСП-3, Волоколамское шоссе, 4.
E-mail: inna.alexeeva7@yandex.ru

Аннотация: Сложносочиненные предложения с союзом *и* всегда выражают соединительные отношения, но внутри этих отношений могут выделяться отношения причинно-следственные. Союз *и* выполняет роль чистой скрепы (его положение строго фиксировано, он вводит вторую часть предложения), не выражает четко определенных смысловых отношений. Актуальна идея В. А. Белошапковой о семантически нулевом характере союза *и*. В грамматиках русского языка приводятся классификации данных предложений. Наиболее удачная классификация – в грамматике-70. Согласно данной классификации причинно-следственные отношения выражаются в двух семантических разновидностях предложений с союзом *и*: результативных и соединительно-распространительных. В результативных предложениях сообщается о двух явлениях, второе из которых является результатом первого. Характер причинно-следственной обусловленности имеют только результативные предложения с индикативной модальностью первой части. Предложения с индикативной модальностью обеих частей выражают отношения следования, одновременности, предшествования. Во второй части данных предложений может быть гипотетическая модальность побуждения, желательности, потенциальности, ирреальности. В таких предложениях сообщается о явлении, которое делает предполагаемое явление возможным. Причинно-следственные отношения могут выражаться и в соединительно-распространительных предложениях. Вторая часть таких предложений – дополнительное сообщение, вызванное содержанием первого предложения. Предложения распространены в языке художественной литературы. Результаты анализа примеров данных конструкций позволяют сделать вывод, что в сложносочиненных предложениях с союзом *и* причинно-следственные отношения не имеют формального выражения, их наличие определяется контекстом.

Ключевые слова: сложносочиненные предложения, союз *и*, причинно-следственные отношения, гипотетическая модальность, индикативная модальность.

Compound sentences with the union *and* as means of expression of the cause and effect relations

Alekseeva I. K.

candidate of philological sciences, associate professor, Department of Russian language, Moscow Aviation Institute
(National Research University). 4 Volokolamskoe rd., GSP 3, 125993, Moscow. E-mail: inna.alexeeva7@yandex.ru

Abstract: Compound sentences with the union *and* always express the connecting relations, but in these relations the relations cause and effect can be allocated. The union also carries out a role of a clean clamp (his situation is strictly fixed, it enters the second part of the offer), doesn't express accurately certain semantic relations. V. A. Beloshapkova's idea about semantic zero nature of the union is relevant and classifications of these offers are given in grammars of Russian. The most successful classification – in grammar-70. According to this classification the cause and effect relations are expressed in two semantic kinds of offers with the union and: productive and connecting rasprostranitelnyh. In productive offers it is reported about two phenomena, the second of which is result of the first. Only productive offers with an indicative modality of the first part have the nature of cause and effect conditionality. Suggestions with an indicative modality of both parts are expressed by the relations of following, simultaneity, precedence. In the second part of these offers there can be a hypothetical modality of motivation, desirability, potentiality, irreality. In such offers it is reported about the phenomenon which does the estimated phenomenon possible. The cause and effect relations can be expressed also in a connecting rasprostranitelnykh offers. The second part of such offers – the additional report caused by contents of the first offer. Offers are distributed in fiction language. Results of the analysis of examples of these designs allow to draw a conclusion that in compound sentences with the union and the cause and effect relations have no formal expression, their existence is defined by a context.

Keywords: Compound sentences, union *and*, cause and effect relations, hypothetical modality, indicative modality.

В современной лингвистике проблема семантического значения сложных предложений, выражающих причинно-следственные отношения, освещена неполно, односторонне. Поэтому мы считаем необходимым восполнить этот пробел. Объектом нашего исследования выбраны сложносочиненные предложения с союзом *и*.

Сложносочиненными называются такие предложения, части которых соединены сочинительными союзами и грамматически не зависят друг от друга, то есть находятся в отношениях равноправия, равнозначности [1]. Предложения с союзом *и* выражают отношения соединения и являются наиболее обычным и широко распространенным видом сложносочиненных предложений. Они разнообразны по своей форме и по характеру взаимоотношений между ними. Части сложносочиненных предложений с союзом *и* всегда объединены соединительными отношениями, но внутри этих отношений могут выделяться, в качестве частных, отношения причинно-следственные.

Наиболее удачную, с нашей точки зрения, характеристику анализируемых предложений мы находим в работе И. А. Поповой: «Все те тонкие оттенки взаимной обусловленности, взаимной связи явлений, которые не могут быть подведены под логические категории причин и следствий, находят себе выражение при соединении предложений союзом *и*... В выражении отношений следственных самому союзу *и* не принадлежит при этом значение следствия, хотя оно и связывается с союзом *и* в определенном контексте. Союз соединяет два сообщения неоднородного характера, свидетельствуя тем самым об их внутренней смысловой связи и являясь ее показателем. Структура сложносочиненного целого всегда только «двулична», т. е. она распадается на две части: часть, содержащую изложение того, что служит причиной или мотивированкой последующих действий, и часть, содержащую изложение последующих действий или имевших место явлений» [2].

Решающую роль в выявлении характера смысловых взаимоотношений рассматриваемых предложений играет расстановка логических ударений и интонации. Перед союзом *и* выдерживается пауза, и сам союз несет на себе добавочное ударение. Вторая часть предложения произносится с характерной интонацией следствия, вывода.

Анализируя сложносочиненные предложения с союзом *и*, мы можем сделать вывод, что положение союза *и* строго фиксировано: он вводит вторую часть предложения, не выражает четко определенных смысловых отношений. Поэтому мы полностью согласны с мнением В. А. Белошапковой о семантически нулевом характере союза *и*. По ее мнению, союз *и* выполняет функцию чистой скрепы, выражает «лишь наличие связи – без всякой характеристики соединяемых элементов или их смысловых отношений» [3].

По характеру связочных средств Н. Ю. Шведова в грамматике современного русского языка характеризует исследуемые предложения с союзом *и* как предложения с одним показателем связи, в которых единственным связывающим средством является союз *и*.

В академических грамматиках русского языка можно встретить различные классификации сложносочиненных предложений с союзом *и*, выражающих причинно-следственные отношения. В грамматиках русского языка – 50, – 60 вышеуказанные предложения делятся на три группы. Большую группу среди анализируемых предложений составляют предложения, в которых первое простоепредложение является личным, а второе – безличным. Во втором предложении содержится сообщение о каком-либо состоянии как результате того действия, о котором говорится в первом предложении. И. А. Попова подчеркивает «непроизвольный, наплывной характер действия, процесса» в таких предложениях.

Иллюстрацией сказанного могут служить собранные нами примеры из произведений русской литературы:

1. Она была девушка бедная, *и* перебирать женихами ей не приходилось (И. С. Тургенев).
2. Я пьян, *и* мне трудно сообразить (Ф. М. Достоевский).
3. Я это сделал для своей совести, *и* меня благодарить нечего (Л. Н. Толстой).

Если в составе сложносочиненного предложения первое предложение является безличным, а второе – личным, то во втором предложении обычно содержится сообщение о чем-либо как о следствии или выводе, вытекающим из того состояния, о котором говорится в первом предложении. В таких случаях указанная смысловая связь устанавливается на основании соотношения реального содержания того или другого предложения. Следующие примеры могут проиллюстрировать вышеизложенное:

1. На дворе темнеет, *и* я боюсь идти одна (М. А. Шолохов).
2. Ей было холодно, *и* она плотно закутывалась в свою черную шаль (Ф. М. Достоевский).
3. Ему стало жалко себя, *и* слезы выступили на глаза (Л. Н. Толстой).

4. Ей нужно было обвинять кого-нибудь в своем несчастии, и она говорила страшные слова (Л. Н. Толстой).

Вторую группу сложносочиненных предложений с союзом *и*, в которых выражаются причинно-следственные отношения, образуют предложения, состоящие из двух простых, в первом из которых сказуемое именное или причастное, а во втором – глагольное. Если сказуемое первого предложения выражено причастием или прилагательным, то временные значения сказуемых первого и второго предложений, как правило, совпадают: если сказуемое первого предложения имеет в своем составе вспомогательный глагол в форме прошедшего времени, то глагольное сказуемое второго предложения обычно также выражается формой прошедшего времени. Например:

1. Вы были очень интересны, и я даже увлеклась вами (А. П. Чехов).

2. Она была привлекательна, и он влюбился в нее (Л. Н. Толстой).

3. Вся душа его была переполнена воспоминанием о Кити, и в глазах его светилась улыбка торжества и счастья (Л. Н. Толстой).

4. Его обращение стало холодно, и она начала сохнуть (М. Ю. Лермонтов).

Третью группу сложносочиненных предложений с союзом *и*, в которых выражаются причинно-следственные отношения, образуют предложения, состоящие из двух простых, в первом из которых сказуемое выражено глаголом со значением воздействия на кого-либо, восприятия, переживания, а во втором сообщается о том, что явилось результатом, следствием того, о чем говорится в первом предложении. Этот тип сложносочиненных предложений наиболее употребителен:

1. Она сжалась над ним, и согласилась быть его женой (Л. Н. Толстой).

2. Шалый развеселился, и недовольство с него как рукой сняло (М. А. Шолохов).

Анализ примеров исследуемых конструкций позволяет нам сделать вывод, что причинно-следственные отношения могут выражаться в сложносочиненных предложениях с союзом *и*, в которых выражаются и присоединительные отношения. Присоединение широко распространено в языке художественной литературы.

В грамматике-50 находим следующие определения присоединительной связи: «Присоединением называется такая связь двух предложений в составе сложного, при которой содержание второго предложения является дополнительным сообщением, вызванным содержанием первого предложения или возникшим по поводу него» [4].

Присоединение широко распространено в языке художественной литературы.

В грамматике-80 рассматриваемые конструкции классифицируются как предложения с присоединительно-комментирующим значением [5].

Наиболее удачная, на наш взгляд, классификация сложносочиненных предложений с союзом *и*, выражающих причинно-следственные отношения, дана в грамматике-70. Согласно данной классификации причинно-следственные отношения могут выражаться в двух семантических разновидностях предложений с одним показателем связи между частями (предложений с союзом *и*), результативных и соединительно-распространительных предложениях [6].

Анализ исследуемых соединительно-распространительных предложений приведен выше. Обратимся к анализу результативных предложений.

В грамматике-80 Н. Ю. Шведова относят данные предложения к предложениям с позитивной квалификацией связи, в которых на основании контекста могут быть выделены конструкции с результативно-следственным значением [7].

В результативных предложениях сообщается о таких двух явлениях, второе из которых вызвано первым, представляет его результат. В грамматике-70 указывается, что отношения результативности создаются содержанием частей, иногда определенным соотношением их модально-временных планов [8].

Результативные предложения допускают разную модальность их частей, разные виды их временной соотнесенности. Но характер причинно-следственной обусловленности имеют только результативные предложения с индикативной модальностью первой части. Во второй части таких предложений допускается наличие индикативной или гипотетической модальности.

В предложениях с индикативной модальностью в обеих частях сообщается о двух реальных явлениях, первое из которых представляет собой непосредственную причину, основание или необходимое предшествие второго. Степень отчетливости результативных отношений зависит от семантического наполнения частей.

В рассматриваемых предложениях могут употребляться специальные слова, подчеркивающие значение результата. Они ставятся в начале второй части, непосредственно вслед за союзом *и* (и в конце концов, и вот, и тогда).

В результативных предложениях с индикативной модальностью обеих частей возможны разные виды временной соотнесенности: это могут быть отношения следования, одновременности или предшествования:

1. Несправедливо обиженный судьбою поднимет оружие в защиту других, *и тогда я не даром проживу на свете* (В. Г. Короленко) (отношения следования).

2. Хрымины начали судиться, *и тогда их фабрика не работала месяц* (Л. Н. Толстой) (отношения следования).

В предложениях с индикативной модальностью в первой части и гипотетической модальностью во второй части сообщается о реальном явлении, которое делает предполагаемое явление возможным или необходимым. Вторая часть предложения может иметь гипотетическую модальность побуждения, желательности или потенциальности, ирреальности:

1. Мы больше не встретимся, *и забудь обо всем* (А. И. Куприн).

Вторая часть данного предложения имеет гипотетическую модальность побуждения.

2. Мурзик был деревенской собакой, *и в Москве среди асфальта и грохота ему было бы трудно* (К. Г. Паустовский).

Вторая часть данного предложения имеет гипотетическую модальность ирреальности.

3. Ей было стыдно, *и она за миллион не согласилась бы говорить в присутствии посторонней женщины* (Ф. М. Достоевский).

Вторая часть данного предложения имеет гипотетическую модальность ирреальности.

Анализ примеров исследуемых конструкций позволяет нам сделать вывод, что в сложносочиненных предложениях с союзом *и* причинно-следственные отношения не получают формального выражения, их наличие определяется контекстом.

В данной статье подтверждается вывод о семантически нулевом характере союза *и*, а также проводится анализ соединительно-распространительных и результативных сложносочиненных предложений, которые способны передавать причинно-следственный характер связи. Изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что причинно-следственные отношения могут выражаться результативными предложениями с индикативной модальностью первой части сложносочиненного предложения, предложения с индикативной модальностью обеих частей выражают лишь временную соотнесенность пропозиций.

Примечания и список литературы

1. Русская грамматика. Ч. II. Синтаксис. М. : Наука, 1982. С. 615.
2. Попова И. А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В. В. Виноградова. М., 1950. С. 368.
3. Грамматика современного русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. II. М. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 667.
4. Грамматика современного русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. II. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 257.
5. Русская грамматика. Ч. II. М. : Наука, 1982. С. 618.
6. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 656.
7. Русская грамматика. Ч. II. Синтаксис. М. : Наука, 1982. С. 615.
8. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 656.

Notes and References

1. *Russkaya grammatika* – Russian grammar. Part II. Syntax. M. Nauka. 1982. P. 615.
2. *Popova I. A. Slozhnosochinennoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke* [Compound sentence in the modern Russian language] // *Voprosy sintaksisa sovremennoego russkogo yazyka* – Questions of syntax of modern Russian language / edited by V. V. Vinogradov. M. 1950. P. 368.
3. *Grammatika sovremennoego russkogo yazyka* – The grammar of modern Russian language. Vol. II. Syntax. Part II. M. Publ. AS SSSR. 1960. P. 667.
4. *Grammatika sovremennoego russkogo yazyka* – The grammar of modern Russian language. Vol. II. Syntax. Part II. M. Publ. AS USSR. 1954. P. 257.
5. *Russkaya grammatika* – Russian grammar. Part II. M. Nauka. 1982. P. 618.
6. *Grammatika sovremennoego russkogo literaturnogo yazyka* – The grammar of modern Russian literary language. M. 1970. P. 656.
7. *Russkaya grammatika* – Russian grammar. Part II. Syntax. M. Nauka. 1982. P. 615.
8. *Grammatika sovremennoego russkogo literaturnogo yazyka* – The grammar of modern Russian literary language. M. 1970. P. 656.

Codex cumanicus и кумыкский язык. К историко-этимологической и ареальной интерпретации лексико-фонетических изоглосс

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Дагестанский государственный университет. 367000, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 34. E-mail: garun48@mail.ru

Аннотация: Было установлено, что лексико-фонетические черты языка Codex Cumanicus обнаруживают более значительную близость к кумыкскому языку, чем предполагалось до этого. Она оказывается почти аналогичной карачаево-балкарскому и караимскому языкам, но большей по сравнению с крымскотатарским. Это объясняется тем, что после уничтожения прежнего населения Крыма и Северного Причерноморья татаро-монголами сюда переселились с Центрального Кавказа из разрушенных золотоордынских городов Верхний и Нижний Джулут будущие Барыны Крыма. Они были предками нынешних носителей терского диалекта кумыкского языка, которые проживают в настоящее время по р. Терек в Северной Осетии и Чечне. При этом установленные выше факты являются еще одним доказательством указанного происхождения субэтноса Барынов, а также того, что ко времени создания Codex Cumanicus они уже находились в пределах Крыма.

Ключевые слова: Codex Cumanicus, лексико-фонетические изоглоссы, кумыкский язык.

Codex cumanicus and Kumyk language. To the historical-etymological and areal interpretation of lexical-phonetic isoglosses

Guseinov G.-R. A.-K.

doctor of philological sciences, professor of the Russian language, Dagestan State University. 34 Gadzhiev str., 367000, Makhachkala. E-mail: garun48@mail.ru

Abstract: It has been established that lexical-phonetic lines of the Codex Cumanicus language find more considerable proximity to the Kumyk language, than it was supposed before. She is almost similar to Karachay-Balkar and Karaim languages, but bigger in comparison with Crimean Tatar. This results from the fact that after extermination of the former population of the Crimea and Northern Black Sea Coast by Tatar-Mongols have moved here from the Central Caucasus future subethnic division Baryns of the Crimea. They were ancestors of present carriers of a tersky dialect of the Kumyk language who live in North Ossetia and Chechnya now.

Keywords: Codex Cumanicus, lexical-phonetical isoglosses, Kumyk language.

Codex Cumanicus считается письменным памятником куманского (старокыпчакского) языка. Его создание обычно относится к началу XIV в., единственный список находится в Венеции в библиотеке собора Святого Марка. Он впервые был издан в 1828 г. Ю. Клапротом и затем неоднократно становился предметом внимания зарубежных и русских тюркологов.

Однако создание его первой части, именуемой «итальянской», согласно широко распространенной точке зрения, имело место в одном из городов Северного Причерноморья в 1324-1325 гг., вероятнее всего, в Кафе (ныне Феодосия) [1]. Вторая («немецкая») часть Codex Cumanicus относится к 30-м – началу 50-х гг. XIV в. и связывается либо с неизвестным местом Крымского полуострова [2], либо с г. Сараев в низовьях Волги, где Кодекс мог быть переписан в католическом монастыре Св. Иоанна в 1303 г. Здесь в 40-х гг. XIV в., как полагают другие авторы, к нему были сделаны монахами-францисканцами известные добавления [3].

Время возникновения венецианской («итальянской») рукописи обычно ограничивается периодом между 1303 г. (или 1330 г.), согласно дате на первой странице, и 1362 г. Тогда вместе с другими книгами Петрарка подарил эту рукопись Венеции. Полагают также, что окончательное оформление сборника имело место во францисканской миссионерской школе Кафы, в которой изучали татарский язык [4].

Питер Голден [5] полагает, что данный памятник был создан к 1330-1340 гг. Мнения о том, на каком языке был создан данный памятник, довольно разнообразны, и ряд специалистов считает таковым крымскотатарский язык [6]. Сравнительно недавно уже в Крыму была предприня-

та еще одна попытка краткого сравнения материала рассматриваемого памятника с крымскотатарским языком [7].

Рассматриваемый в настоящей публикации аспект взаимоотношений языка *Codex Cumanicus* с западнокыпчакскими (куманскими) языками, к каковым относятся и вышеупомянутый крымскотатарский, уже становился предметом специального рассмотрения, но не все полученные данные и выводы, как полагает А. А. Чеченов [8], «являются окончательными и исчерпывающими». При этом им к анализу привлекаются, но далеко не в полном составе, «главным образом слова общетюркского фонда, способные образовать изоглоссы» и «преимущественно культурного происхождения», включая «небольшое количество заимствованных слов». Цель настоящей работы заключается в историко-этимологическом и ареальном уточнении генезиса лексико-фонетических изоглосс данного памятника, выявленных А. А. Чеченовым, в их отношении к кумыкскому языку как к одному из западнокыпчакских (куманских) языков, с которыми он традиционно и, в принципе, обоснованно сближается.

Лексические изоглоссы

А. А. Чеченовым [9] на основе анализа сорока лексических изоглосс делается вывод о том, что «язык СС сближают с караимским 23 изоглоссы, карачаево-балкарским – 24, крымскотатарским – 22 изоглоссы, кумыкским – 17 изоглосс, ногайским – 16 изоглосс, татарским – 15, казахским – 10». Однако при ближайшем рассмотрении соответствующих лексических материалов кумыкского языка обнаруживается, что в последнем выявляется большее число изоглосс, чем отмечено в указанном исследовании.

Сюда мы можем дополнительно включить следующие слова:

alpavut 'солдат', «известное лишь тракайскому и галицкому диалектам караимского языка» [10], получило отражение в «Орфографическом словаре кумыкского языка» [11], а также, по нашим наблюдениям, в качестве имени собственного употребляется в терском диалекте;

alačiq 'шалаш, хижина, известное только (алачыкъ/алачых/алацыкъ) диалектам караимского языка [12], оказывается представленным и в кумыкском языке: *алачыкъ* 'сарай (для самана, сена)' [13];

alγuš 'благословение' которое, как утверждается, встречается во всех западнокыпчакских языках, за исключением кумыкского [14], между тем зарегистрировано и в кумыкском языке [15];

etgek 'мучение', 'страдание', «известное лишь крымскому диалекту караимского языка» [16], также получило отражение в «Орфографическом словаре кумыкского языка» [17];

jaūu 'враг', сравниваемое лишь с к.-балк., кр.-тат. *жсau* 'то же' [18], обнаруживает большую близость к кум. фолькл. *яв* 'враг';

jalču 'поденщик' включено в кумыкский словарь как «уст. *ялчы* 'наемный работник, наемник; батрак'» [19], хотя утверждается, что это слово встречается во всех диалектах караимского, а также в карачаево-балкарском (*жалчы*) языке [20];

jančuq 'карман', встречающееся в диалектах караимского языка, представлено также и в кумыкском как *яңчыкъ* 'кошель, кошелек' [21].

Таким образом, кумыкский язык обнаруживает практически аналогичную (23–24 изоглоссы) карачаево-балкарскому и караимскому языкам, т. е. наибольшую, степень лексической близости к языку *Codex Cumanicus*. Отметим, что близость СС караимскому языку реализуется по преимуществу за счет совпадений с его диалектами, среди которых обращает на себя внимание преобладание форм крымского диалекта над тракайским и галицким.

Фонетические изоглоссы

Как установлено А. А. Чеченовым [22], из восьмидесяти восьми фонетических изоглосс с языком СС в наибольшей степени сближаются караимский и карачаево-балкарский языки (27 единиц); на втором месте – татарский (16 единиц); на третьем – крымскотатарский (15 единиц); на четвертом – кумыкский (13); на пятом – казахский и ногайский (12). Однако при внимательном подходе, как и в случае с лексикой, число сближений с соответствующими фактами кумыкского языка следует увеличить, принимая во внимание следующие фонетические явления, им не отмеченные:

й ~ i [23] также характерно для кумыкских говоров [24]; сп.: кум. (х.-юрт.) *гумиши* при кум. лит. *гюмюш* 'серебро' [25];

и ~ у [26] также отмечено в кумыкских говорах; сп.: кум. диал. (подгор.) *йумушакъ ~ кум. лит. ыймышакъ* 'мягкий, нежный' [27];

е ~ i [28] отмечается в кум. *бий* 'князь', не привлеченного к рассмотрению в то время, как к.-балк. *бей* 'князь' [29] не получило отражения в известных словарных материалах;

выпадение или сохранение некоторых инлаутных гласных звуков имеет место и в кумыкском языке (*кишнемек* 'ржать' и *къылыч* 'меч' [30]), но оно не получило отражения в рассматриваемых материалах [31];

выпадение *j* также не нашло своего места в указанных материалах [32]; ср.: кум. *игит* 'герой, храбрец' [33].

Аналогично, и с точки зрения фонетических особенностей, кумыкский язык (19 изоглосс) также занимает третье место вслед за караимским и карачаево-балкарским языком по степени близости к языку *Codex Cumanicus*. Установленные выше факты – в кумыкском языке оказываются представленными не 30, как яствует из работы А. А. Чеченова, но 42 или 43 соответствующие лексико-фонетические изоглоссы – противоречат выводу, сделанному А. А. Чеченовым. Как он полагает, «язык СС по данным фонетики и лексики ближайшим образом связан» с карачаево-балкарским (51 изоглосса), караимским (50 изоглосс) и крымскотатарским (37 изоглосс) языками [34].

Заключение

Тем самым лексико-фонетические черты языка данного памятника обнаруживают значительную близость к ныне территориально отдаленному кумыкскому языку. Она оказывается почти аналогичной расположенному ближе к Крыму карачаево-балкарскому языку и представленному там же и западнее караимскому, но большей, чем к крымскотатарскому. При этом, как уже было отмечено в предшествующем отношении, среди лексических изоглосс наблюдается преобладание форм крымского диалекта над тракайским и галицким.

Установленный факт объясняется тем, что вследствие татаро-монгольского нашествия прежнее кыпчакско-половецкое население Крыма и Северного Причерноморья было уничтожено [35]. И после разрушения в 1324 г. одним из хулагуидских полководцев золотоордынских городов Верхний и Нижний Джулат в Северное Причерноморье переселяются с Центрального Кавказа брагунцы – будущие Барыны Крыма и предки нынешних носителей терского диалекта кумыкского языка. Они проживают к настоящему времени в нынешних Северной Осетии и Чечне [36]. При этом установленные выше факты являются еще одним доказательством указанного происхождения субэтноса Барынов, а также того, что ко времени создания *Codex Cumanicus* они уже находились в пределах Крыма.

Что касается, дальнейшего пребывания кумыков-брагунцев в Северном Причерноморье, то уже к XV в. оно подтверждается сведениями архиепископа Султаний Иоанна Галлонифонтийского (1404 г.). Согласно им здесь, наряду с другими народами, которые «почти все... говорят на татарском языке», проживают и кумыки [37].

Примечания и список литературы

1. Дашкевич Я. Р. *Codex Cumanicus* – действительно ли *Cumanicus*? // Вопросы языкоznания. 1988. № 2. С. 69.
2. Дашкевич Я. Р. *Codex Cumanicus* – вопросы возникновения // Вопросы языкоznания. 1985. № 4. С. 82.
3. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л. : Наука, 1982. С. 250.
4. Гаркавец А. Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата : «Наука» КазССР, 1987. С.14–18.
5. См.: Golden Peter. *Codex Cumanicus*. URL: <http://www.odnapll.yazyk.narod.ru/polovtzy.htm>.
6. Гаркавец А. Н. Указ. соч. С. 14–18; Кононов А. Н. Указ. соч. С. 250; См.: Аббуллаева С. «Кодекс Куманикус» – памятник тюркских языков конца XIII – начала XIV веков // Культура народов Причерноморья. 2006. № 91. С. 9–11.
7. См.: Чеченов А. А. Язык памятника «Кодекс Куманикус» (14 в.) в ареальном освещении (Методические материалы). М., 1978. С. 3, 55.
8. Там же. С. 32, 54.
9. Там же. С. 34.
10. Бамматов Б. Г. Къумукъ тилни орфография сезлюгю. Магъачъала, 2005. С. 56.
11. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 34.
12. Ольмесов Н. Х. Сравнительно-историческое изучение диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. Махачкала, 1997. С. 37.
13. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 36.
14. Кумыкско-русский словарь. М. : Сов. энцикл., 1969. С. 37.
15. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 45.
16. Бамматов Б. Г. Указ. соч. С. 379.
17. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 37.
18. Кумыкско-русский словарь. С. 390.
19. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 50.

20. Бамматов Б. Г. Указ. соч. С. 389.
21. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 34.
22. Там же. С. 5–6.
23. Ольмесов Н. Х. Указ. соч. С. 62–63.
24. Этимологический словарь тюркских языков М. : Восточ. лит., 1997. С. 141.
25. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 8.
26. Там же.
27. Этимологический словарь тюркских языков. С. 63–65.
28. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 12.
29. Там же. С. 14.
30. Там же.
31. Кумыкско-русский словарь. С. 168, 213.
32. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 26–27.
33. Там же. С. 29.
34. Кумыкско-русский словарь. С. 147.
35. Чеченов А. А. Указ. соч. С. 55.
36. См.: Дашкевич Я. Р. Армяно-кыпчакский язык XVI–XVII вв. в освещении современников // Вопросы языкоznания. 1981. № 5. С. 79–92; Гусейнов Г.-Р. А.-К. Из истории позднесредневековых взаимоотношений крымских татар с кумыками: род Барын и его происхождение // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». Симферополь, 2013. Т. 26 (65). № 1. Ч. 1. С. 24–28; Гусейнов Г.-Р. А.-К. К этно- и политогенезу крымских татар и кумыков в историческом контексте их древних и средневековых взаимоотношений // Крымское историческое обозрение. Казань, 2014. № 2. С. 23–38.
37. «*Libellus de Notitia Orbis* Ioannes' III (De Galonifontibus?), OP Erzbischofs 16. von Sulthanyeh, von dr. Anton Kern // Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. VIII. Roma, 1938. P. 36.

Notes and References

1. *Dashkevich YA. R. Codex Cumanicus – dejstvitel'no li Cumanicus?* [Codex Cumanicus – is really Cumanicus?] // *Voprosy yazykoznaniya* – Questions of linguistics. 1988, No. 2, p. 69.
2. *Dashkevich YA. R. Codex Cumanicus – voprosy vozniknoveniya* [Codex Cumanicus – the issues of creation] // *Voprosy yazykoznaniya* – Questions of linguistics. 1985, No. 4, p. 82.
3. *Kononov A. N. Istoryya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skij period* [History of the study of Turkic languages in Russia. Pre-October period]. Leningrad. Nauka. 1982. P. 250.
4. *Garkavec A. N. Kypchakskie yazyki: kumanskij i armyano-kypchakskij* [Kypchak languages: Armenian Kipchak and Kuman]. Alma Ata. Nauka Kazakh SSR. 1987. Pp. 14–18.
5. See: Golden Peter. Codex Cumanicus. Available at: <http://www.odnapll.yazyk.narod.ru/polovtzy.htm>.
6. *Garkavec A. N. Op. cit. Pp. 14–18; Kononov A. N. Op. cit. P. 250; Abibullaeva S. «Kodeks Kumanikus» – pamyatnik tyurkskikh yazykov konca XIII – nachala XIV vekov* ["Code Cumanicus" – the monument of Turkic languages of the end of XIII – beginning of XIV centuries] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* – Culture of the Black sea. 2006, No. 91, pp. 9–11.
7. See: *CHechenov A. A. YAzyk pamyatnika «Kodeks Kumanikus» (14 v.) v areal'nom osveshchenii (Metodicheskie materialy)* [Language of monument "Code Cumanicus" (14 c.) in areal coverage (Methodical materials)]. M. 1978. Pp. 3, 55.
8. Ibid. Pp. 32, 54.
9. Ibid. P. 34.
10. Bammatov B. IB. Къумукъ тилни орфография сезлюю. Makhachkala. 2005. P. 56.
11. *CHechenov A. A. Op. cit. P. 34.*
12. *Ol'mesov N. H. Sravnitel'no#istoricheskoe izuchenie dialektnoj sistemy kumykskogo yazyka. Fonetika. Morfonologiya* [Relatively historical study of the dialect system of the Kumyk language. Phonetics. Morphonology]. Makhachkala. 1997. P. 37.
13. *CHechenov A. A. Op. cit. P. 36.*
14. *Kumyksko-russkij slovar'* – Kumyk-Russian dictionary. M. Sov. Encyclopeadea. 1969. P. 37.
15. *CHechenov A. A. Op. cit. P. 45.*
16. *Bammatov B. G' Op. cit. P. 379.*
17. *CHechenov A. A. Op. cit. P.37.*
18. *Kumyksko-russkij slovar'* – Kumyk-Russian dictionary. P. 390.
19. *CHechenov A. A. Op. cit. P. 50.*
20. *Bammatov B. G' Op. cit. P. 389.*
21. *CHechenov A. A. Op. cit. P. 34.*
22. Ibid. Pp. 5–6.
23. *Ol'mesov N. H. Op. cit. Pp. 62–63.*
24. Etymological dictionary of Turkic languages, M. Vost. lit. 1997. P. 141.
25. *CHechenov A. A. Op. cit. P. 8.*
26. Ibid.

27. Etymological dictionary of Turkic languages. Pp. 63–65.
28. Chechenov A. A. Op. cit. P. 12.
29. Ibid. P. 14.
30. Ibid.
31. *Kumyksko-russkij slovar'* – Kumyk-Russian dictionary. Pp. 168, 213.
32. Chechenov A. A. Op. cit. Pp. 26–27.
33. Ibid. P. 29.
34. *Kumyksko-russkij slovar'* – Kumyk-Russian dictionary. P. 147.
35. Chechenov A. A. Op. cit. P. 55.
36. See: Dashkevich YA. R. Armyano-kypchakskij yazyk XVI–XVII vv. v osveshchenii sovremenников [Armenian Kipchak language of the XVI–XVII centuries in the light of its contemporaries] // oprosy yazykoznaniya- Questions of linguistics. 1981, No. 5, pp. 79–92; Gusejnov G.-R. A.-K. Iz istorii pozdnesrednevekovykh vzaimootnoshenij krymskikh tatar s kumykami: rod Baryn i ego proiskhozhdenie [From the history of late medieval relations of Crimean Tatars with the Kumyks: the genus of Baryn and its origin] // Uchenye zapiski Tauricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ser. «Filologiya. Social'nye kommunikacii» – Scientific notes of Taurida National University named after V. I. Vernadsky. Ser. "Philology. Social communication". Simferopol. 2013. Vol. 26 (65). No. 1. Part 1. Pp. 24–28; Gusejnov G.-R. A.-K. Kehtno-i politogenezu krymskikh tatar i kumykov v istoricheskem kontekste ih drevnih i srednevekovykh vzaimootnoshenij [The ethnic and politogenesis of the Crimean Tatar and Kumyk in the historical context of their ancient and medieval relations] // Krymskoe istoricheskoe obozrenie – Crimean historical review. Kazan. 2014, No. 2, pp. 23–38.
37. «Libellus de Notitia Orbis» Ioannes' III (De Galonifontibus?), OP Erzbischofs 16. von Sulthanyeh, von dr. Anton Kern // Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. VIII. Roma, 1938. P. 36.

Позднесредневековые наддиалектные и диалектные (терские) русские лексические элементы кумыкского языка в историко-этимологическом аспекте

Мугумова А. Л.

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка, Дагестанский государственный педагогический университет. 367003, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57. E-mail: garun48@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются наддиалектные и диалектные (терские) русские лексические формы, которые были усвоены в результате позднесредневековых контактов носителей кумыкского и русского языков. В отличие от них, какое-либо, даже минимальное, лексическое взаимодействие между чеченским языком и терскими русскими диалектами не имело места. Кумыкский язык в рассматриваемый период своего развития испытал почти одинаковое влияние как на уровне усвоения наддиалектных, так диалектных (терских) русских лексических форм. К первой группе соответствующих русских заимствований относятся лексические формы, получившие отражение в кумыкском фольклоре и памятниках письменности XVIII в. Они присущи кумыкскому языку в целом и его терскому диалекту. В отличие от них, все заимствования второй группы из терских русских говоров являются общекумыкскими.

Ключевые слова: кумыкский язык, позднесредневековые русские лексические элементы и терские говоры.

Late medieval overdialet and dialect (Terek river's) Russian lexical elements of the Kumyk language in historical and etymological aspects

Mugumova A. L.

candidate of philological sciences, associate professor of Department of theory and history of the Russian language, Dagestan State Pedagogical University. 57 Yaragskiy str., 367003, Makhachkala. E-mail: garun48@mail.ru

Abstract: In article are considered supradialectal and dialectal (Terek) Russian lexical forms, which were acquired as a result of late medieval contacts between the speakers of the Kumyk and Russian languages. Unlike them some even minimal interaction between Chechen language and Terek Russian dialects didn't take place. During the period under consideration, the influence on acquirements of supradialectal and dialectal (Terek) Russian lexical forms was almost the same in the Kumyk language. The first group of corresponding Russian borrowings includes lexical forms reflected in the Kumyk folklore and literary texts of the 18th century. They are peculiar to the Kumyk language in general and to the Terek dialect. In contrast, all the acquirements of group 2 of the Terek Russian dialects are common Kumyk.

Keywords: Kumyk language, late medieval Russian lexical elements and Terek river's dialects.

Известно, что кумыкский язык, как и другие тюркские, имеет сравнительно давнюю диглоссийную письменную традицию, связанную с функционированием со временем Золотой Орды чагатайского (тюрки) языка, а со второй половины XVII в. и народно-разговорного, собственно кумыкского языка, в то время как в устной традиции продолжали использоваться диалекты. При этом кумыки были одним из первых, наряду с ногайцами, народов Северо-Восточного Кавказа, установивших непосредственные связи с первыми русскими второй половины XVI в. поселенцами края – гребенскими (терскими) казаками [1].

Об этом, в частности, свидетельствует позднесредневековая русская топонимика второй половины XVI–XVII вв. местного тюркского (кумыкско-ногайского) происхождения в Нижнем Притеречье [2]. Именно здесь и расселялось в основном русское казачество, речь которого оказала влияние на ареально смежные кумыкские диалекты.

При общей сравнительно высокой степени изученности вопроса о кумыкско-русских языковых взаимоотношениях [3] позднесредневековые русские лексические элементы в кумыкском языке еще не становились предметом специального рассмотрения с точки зрения их историко-этимологической интерпретации. Русские усвоения рассматриваются как на наддиалектном, так и диалектном уровнях с учетом возможности хронологической интерпретации полученных

результатов. Другой задачей работы является установление путей проникновения выявленных русских лексических элементов, особенно диалектных терских, в общекумыкский язык.

В русском дореволюционном переводе одной из кумыкских героических песен (йыров), посвященной деятельности кумыкского князя Султан-Мута (вторая половина XVI–XVII вв.), в удел которого входила и нынешняя Чечня, где при нем поселились терские казаки [4], говорится и о предводителе (русского) войска – боярине [5]. Это словоупотребляется в другом средневековом кумыкском къазакъ-йыре, посвященном набегам, в акающей южнорусской форме, но с закономерным для устной кумыкской речи [6] анлаутным м-, выступающим на месте б-, что характерно для кыпчакских языков [7]: «...Бояр (маярланы) дочь...» [8]. В дальнейшем же в кумыкских документах, написанных в XVIII в. на уже упоминавшемся языке тюрки и адресованных русской администрации (!), это слово используется наряду с другим русизмом *киристан* в той же акающей форме *баяр* [9], но с анлаутным б-.

К устным формам русских заимствований рассматриваемой эпохи представляется возможным отнести и старинное наименование нарядного женского платья в кумыкском языке – *полуша*, которое шили из дорогошего шелка и бархата [10]. Ср. *полуша* ‘женский полушубок’ в брагунском говоре терского кумыкского диалекта [11], носители которого постоянно проживают с конца XVII в. в устье р. Сунжи [12] в территориальной смежности с терским казаками. Его источником может быть русск. (XVI–XVII вв.) слово *полушелковица* ‘полушелковая ткань; шелк, смешанный с бумагой или шерстью’ (прил. *полушелковый*) [13]. Эта ткань изготавлялась в Турции на бумажной основе с крупным узором в XV–XVIII вв. [14] и могла приобретаться кумыками в XVII в. в Терском русском городе-крепости (вторая половина XVI – начало XVIII вв.), где продавались и товары восточного производства [15]. На возможность первоначального бытования такого наименования в брагунском говоре терского кумыкского диалекта указывает известность ему слова *шалкавай* ‘шелковый’ [16] при кум. лит. *чилле, йибек* то же.

Уже упоминавшаяся в предшествующем изложении лексема *киристан* ‘христианин’ из тюркязычных (см. выше) памятников известна и в другой форме *кристиян* в связи с упоминанием христианского богатыря («*кристиян батыр*») Дудара (< русск. разг. *Дудор* < греч. [17]) в другом одноименном с данным словом кумыкском йыре [18]. На давность ее усвоения указывает возможность ее возведения к русск. *крестьян* (XVI в.), *крестьянин* (XVII в.) в значении ‘христианин’ [19]. Вместе с тем она отличается, например, по звучанию от чеч. *керста*, инг. *кераста* ‘христианин’, которые восходят, судя по звучанию, к общерусск. *крест* (при кум. *хач* то же), и усвоена в характерном для нижнетерских, включая более ранние первопоселенческие (с середины XVI в.) гребенские [20], говоров икающем произношении. Это произношение с конца XVII в. отмечается и в старомосковском говоре [21], приобретая в дальнейшем литературный характер. Однако вышеупомянутое кум. *киристан/кристиян* не закрепилось в литературном стандарте, где на уровне «Русско-кумыкского словаря» [22] представлены лексические формы *христианин* и *хачперес* (< арм. *хач* ‘крест’, *перес* ‘несущий’).

Единственным документированным свидетельством вхождения в чеченский язык терских диалектных форм (греб. *ванда* ‘вентерь, рыболовная снасть для ловли крупной рыбы’, наурск. (ср.-терск.) *ванды* ‘самоловки для рыбы’), возводящихся к мар. *ванды* ‘стебель, тростинка’ и известного в русском языке с 1667 г. в форме *ванделый*, считаются чеч., чеб. *ванда*, итум. *вонд* ‘перемет, закидушка’ [23] при известности кум. терск. *ванда* ‘прутяная сеть’ [24]. Данное слово представлено в обоих его говорах – брагунском [25] и кизлярском [26] – в форме *ванда*. Все это указывает на достаточно давнее, если принять во внимание и кум. лит. *манна* ‘верша’ (< **маннда* < **банда* < *ванда*, ср. выше *баяр* > *маяр*) до отмеченного времени, известность данного слова в русских говорах. Поэтому речь идет о привнесении на Терек лексемы *ванда*, усвоенной до 1667 г. из мариийского языка (см. выше) первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе – гребенскими казаками.

В свою очередь, из кум. браг. *ванда* могли быть, на наш взгляд, заимствованы вышеупомянутые чеч., чеб. *ванда*, итум. *вонд* ‘перемет, закидушка’, ибо начало продвижения чеченцев в нынешнюю равнинную зону проживания относится только к первым десятилетиям XVIII в. [27] Таким образом, какое-либо, даже элементарное лексическое, взаимодействие между их языком и диалектами терского казачества не имело места.

Произведенный в предшествующем изложении анализ позволяет полагать, что кумыкский язык в позднесредневековый период своего развития испытал примерно одинаковое влияние русского языка на уровне усвоения как наддиалектных, так диалектных русских лексических форм, источником ряда которых могли послужить терские русские говоры. Первая группа соответствующих заимствований получила отражение в кумыкском историческом фольклоре (*маяр*

‘боярин’), а затем, с нового времени, и в памятниках письменности – баяр то же. Они находятся за пределами современного кумыкского словоупотребления. К устным формам русских усвоений следует отнести и кум. ист. полуша‘старинное наименование нарядного женского платья’, а также, вероятно, семантически связанное с ним брагунское (терское) диалектное шалкавай ‘шелковый’.

За пределами современного словоупотребления находится также лексема *киристан/кристиян* ‘христианин’, бытование которой в русском языке может быть отнесено к XVI–XVII вв. Ее источником в рассматриваемый период могли стать первопоселенческие (с середины XVI в.) гребенские говоры. Из мариийского языка в более позднее, не ранее 1667 г., время через посредство русских и кумыкских (брагунский) терских говоров могло быть заимствовано кум. лит. *манна* ‘верша’.

Примечания и список литературы

1. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К предыстории распространения русского языка в Дагестане // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана. Махачкала, 2007. С. 5–18.
2. Мугумова А. Л. Позднесредневековая русская топонимика тюркского происхождения в Нижнем Притеречье (вторая половина XVI в. – XVII в.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 3 (28). С. 62–64.
3. См.: Гусейнов Г.-Р.А.-К. Указ. соч. С. 5–18.
4. Там же. С. 7.
5. Къумукъланы йырлары. Магъачкъала : Дагкнигоиздат, 2002. Т. II. С. 411.
6. См.: Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. М. : Восточ. лит., 2007. С. 40; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М. : Наука, 2002. С. 262.
7. Там же. С. 40.
8. Къумукъланы йырлары. Магъачкъала : Дагкнигоиздат, 1991. Т. I. С. 242.
9. Оразаев Г. М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Махачкала, 2002. С. 391, 422.
10. См.: Гаджиева С. Ш. Кумыки. М. : Изд. АН СССР, 1961. С. 234, 235.
11. Ольмесов Н. Х. Брагунский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. Махачкала, 1994. С. 103.
12. Виноградов В. Б., Магомадова Т. М. Брагунцы. Кто они и откуда? // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2002. Вып. 1. С. 13.
13. Оразаев Г. М.-Р. Указ. соч. С. 277–278.
14. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Изд. 3-е М. : Сов. энцикл., 1977. Т. 27. С. 9.
15. См.: Акбиеев А. С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998. С. 33–34.
16. Ольмесов Н. Х. Указ. соч. С. 103.
17. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М. : Эксмо, 2005. С. 167.
18. См.: Къумукъланы йырлары. Т. II. С. 88.
19. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Указ. соч. С. 49.
20. Бенская Э. Я. Говор станицы Старый Щедрин Грозненской области. Фонетическая система и морфологический строй : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. С. 8.
21. Колесов В. В. История русского языка. М. ; СПб. : Academia, 2005. С. 197.
22. Русско-кумынский словарь. Махачкала : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1997. С. 643.
23. См.: Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975. С. 229–230.
24. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К истории чеченской лексики (на материале русско-чеченских языковых контактов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1979. С. 12.
25. Ольмесов Н. Х. Указ. соч. С. 103.
26. Хангишиев Ж. М. Къумукъ диалектологиясы. Магъачкъала, 1989. С. 78.
27. Гусейнов Г.-Р. А.-К. О (старо)кумыкском происхождении гребенских казаков-гунеевцев в контексте вопроса об этноязыковой принадлежности средневекового населения Терско-Сулакского междуречья // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2016. № 8. С. 133.

Notes and References

1. Gusejnov G.-R. A.-K. K predystorii rasprostraneniya russkogo yazyka v Dagestane [To the background of the spread of the Russian language in Dagestan] // Russkij yazyk v istorii i kul'ture narodov Dagestana – Russian language in the history and culture of peoples of Dagestan. Makhachkala. 2007. Pp. 5–18.
2. Mugumova A. L. Pozdnesrednevekovaya russkaya toponimika tyurkskogo proiskhozhdeniya v Nizhnem Priterech'e (vtoraya polovina XVI v. – XVII v.) [Late medieval Russian place names of Turkic origin in the Lower Preterite (second half of XVI century – XVII century)] // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki – Herald of the Academy of sciences of the Chechen Republic. 2015, No. 3 (28), pp. 62–64.
3. See: Gusejnov G.-R. A.-K. Op. cit. Pp. 5–18.

4. Ibid. P.7.
5. Къумукъланы йырлары. Makhachkala. Dagknigoizdat. 2002. Vol. II. P. 411.
6. See: *Dybo A. V. Lingvisticheskie kontakty rannih tyurkov* [Linguistic contacts of early Turks]. M. Vost. lit. 2007. P. 40, *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* – Comparative historical grammar of the Turkic languages. M. Nauka. 2002. P. 262.
7. Ibid. P. 40.
8. Къумукъланы йырлары. Makhachkala. Dagknigoizdat. 1991. Vol. I. P. 242.
9. *Orazaev G. M.-R. Pamyatniki tyurkoyazychnoj delovoj perepiski v Dagestane XVIII v.* [Monuments of the Turkic-speaking service in the XVIII century in Dagestan]. Makhachkala. 2002. Pp. 391, 422.
10. See: *Gadzhieva S. SH. Kumyki* [Kumyks.] M. Publ. AS SSSR. 1961. Pp. 234, 235.
11. *Ol'mesov N. H. Braginskij govor i ego mesto v sisteme dialektov kumykskogo yazyka* [Braginski dialect and its place in the system of the dialects of the Kumyk language]. Makhachkala, 1994. P. 103.
12. *Vinogradov V. B., Magomadova T. M. Braguncy. Kto oni i otkuda?* [Bragonzi. Who are they and where?] // *Vesti Kumykskogo nauchno#kul'turnogo obshchestva* – News of Kumyk cultural and scientific society. Makhachkala. 2002. Iss. 1. P.13.
13. *Orazaev G. M.-R. Op. cit.* Pp. 277, 278.
14. *Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya: v 30 t.* - Great Soviet encyclopedia: in 30 vol. Ed. 3d. M : Sov. Encyclopeadea. 1977. Vol. 27. P.9.
15. See: *Akbiev A. S. Kumyki. Vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XVIII veka* [Kumyks. The second half XVII – first half XVIII century]. Makhachkala.. 1998. P. 33-34.
16. *Ol'mesov N. H. Op. cit.* P. 103.
17. *Superanskaya A. V. Slovar' russkikh lichnyh imen* [Dictionary of Russian personal names]. M. Eksmo. 2005. P. 167.
18. See: Къумукъланы йырлары. Vol. II. P. 88.
19. *Gusejnov G.-R. A.-K. Op. cit.* P. 49.
20. *Benskaya EH. YA. Govor stanicy Staryj SHChedrin Groznenskoj oblasti. Foneticheskaya sistema i morfologicheskij stroj : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Dialect of the village of Shchedrin of Old Grozny region. Phonetic system and morphological structure: abstr. dis. cand. philol. sciences]. L. 1955. P.8.
21. *Kolesov V. V. Istoriya russkogo yazyka* [History of Russian language]. M.; SPb. Academia. 2005. P. 197.
22. *Russko-kumykskij slovar'* - Russian Kumyk dictionary. Makhachkala. State Publ. of Foreign and Nat. Dictionaries. 1997. P. 643.
23. See: *Aliroev I. YU. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj slovar' otrraslevoj leksiki chechenskogo i ingushskogo yazykov i dialektov.* [Relatively comparative dictionary of special vocabulary of the Chechen and Ingush languages and dialects]. Makhachkala. 1975. Pp. 229-230.
24. *Gusejnov G.-R. A.-K. K istorii chechenskoj leksiki (na materiale russko-chechenskih yazykovyh kontaktov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [History of the Chechen language (on the material of Russian Chechen language): abstr. dis. cand. philol. sciences]. Tbilisi. 1979. P.12.
25. *Ol'mesov N. H. Op. cit.* P. 103.
26. *Hangishiev ZH. M. K"umuk" dialektologiyasy* [Chumaky dialectologia]. Makhachkala. 1989. P. 78.
27. *Gusejnov G.-R. A.-K. O (staro)kumykskom proiskhozhenii grebenskih kazakov#gunoevcev v kontekste voprosa ob ehtnoyazykoj prinadlezhnosti srednevekovogo naseleniya Tersko#Sulakskogo mezhdurech'ya* [(old)Kumyk origins of Greben Cossacks gunaeva in the context of the question about ethno-linguistic affiliation of the medieval population of the Terek Sulak interfluve] // *Srednevekovye tyurko#tatarskie gosudarstva* – Medieval Turko-Tatar states. Kazan. 2016, No. 8, p. 133.

О критерии комфортности восприятия речи в транснациональной деловой коммуникации

Мележик К. А.

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Таврическая академия. 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4. E-mail: melezhik.karina@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрывается концепт языковой комфортности, который трактуется автором как один из основных оценочных критериев, способных фиксировать уровень достаточного владения английским языком в условиях деловой транснациональной коммуникации, когда языковая комфортность служит показателем успешной организации эффективного обмена информацией. По аналогии с принципом психологической комфортности, т. е. психологической защищенности коммуниканта и создания условий для самореализации, принцип языковой комфортности предполагает ту или иную степень способности использовать контактный английский язык как эффективное средство участия в коммуникативном процессе, где задействованы представители разных исходных языков. Целью исследования является систематизация причин, вызывающих нарушение критерия комфортности транснациональной коммуникации на контактном английском языке, и разработка социолингвистической классификации этих причин. Особенности реализации критерия комфортности изучались на материале 40 интервью, проведенных с российскими информантами на английском языке, с применением методов социолингвистического эксперимента и научного наблюдения. Результаты исследования могут быть обобщены в следующей классификации причин нарушения комфортности коммуникации: 1) коммуникативные проблемы являются следствием недостаточного уровня владения английским языком; 2) нарушения комфортности коммуникации для российских участников имеют место в результате того, что английское произношение иностранных собеседников в потоке речи характеризуется отклонениями от стандартных норм; 3) фактором, препятствующим пониманию для русскоязычных участников коммуникации, является идиоматичность и метафоричность речи их зарубежных партнеров, использование сленга; 4) появление дискомфорта общения может быть вызвано нарушением линейного порядка дискурса в случае прерывания спонтанной речи интерферирующими вопросами англоязычных собеседников; 5) коммуникативные неудачи могут появляться в результате психологического дискомфорта, вызванного эмоциональными и поведенческими причинами.

Ключевые слова: языковая комфортность, транснациональная коммуникация, контактный английский язык, коммуникативные неудачи, нарушения комфортности коммуникации, российские участники, социолингвистическое интервью, языковые причины.

On the criteria of comfort of speech production and perception in transnational business communication

Melezhik K. A.

candidat of philological sciences, professor, head of Department of foreign languages, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Taurida Academy. 4 Akademik Vernadskiy str., 295007, Simferopol.
E-mail: melezhik.karina@yandex.ru

Abstract: The article discusses the concept of language comfort, which is interpreted by the author as one of the main evaluation criteria capable of recording the level of sufficient English proficiency in transnational business communication, when the language comfort is an indicator of the successful organization of effective information exchange. By analogy with the principle of psychological comfort, i.e. psychological protection of the communicant and creating conditions for self-realization, the principle of language comfort implies certain degree of ability to use contact English as an effective means of participation in the communicative process where speakers of different first languages are involved. The aim of the study is to systematize the reasons causing a violation of the comfort criteria of transnational communication in contact English, and to develop a sociolinguistic classification of these causes. The peculiarities of the realization of the comfort criterion were studied on the basis of 40 interviews conducted with Russian informants in English, using methods of sociolinguistic experiment and scientific observation. The results of the study can be summarized in the following classification of the reasons for the violation of the comfort of communication: 1) communicative problems are a consequence of an insufficient level of English language proficiency; 2) Violations of the comfort of communication for Russian L1 speakers occur as a result of the fact that the English pronunciation of foreign interlocutors in the flow of speech is characterized by deviations from standard norms; 3) the factor that prevents understanding for Russian-speaking communication participants is the idiomatic

and metaphorical speech of their foreign partners, the use of slang; 4) the emergence of discomfort of communication can be caused by a violation of the linear order of discourse in the event of the interruption of spontaneous speech by the interfering questions of English-speaking interlocutors; 5) communicative failures can appear as a result of psychological discomfort caused by emotional and behavioral causes.

Keywords: language comfort, transnational communication, contact English, communicative failures, breaches of the comfort of communication, Russian participants, sociolinguistic interview, language reasons.

Транснациональная коммуникация, в которой участвуют представители различных исходных языков, характеризуется как «социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных коммуникативных средств» [1]. Характер этой коммуникации связан, во-первых, с такой структурой социальных отношений, которая основана на определенных нормах и правилах жизнедеятельности и поведения людей [2], и, во-вторых, с необходимостью использовать доступный всем участникам контактный инструмент общения, которым в условиях глобализации служит транснациональный английский язык (АЯ).

В трактовке Р. Фрида деловая коммуникация – это а) дискурс, направленный на группу или отдельных ее членов, и б) дискурс, исходящий от группы или отдельных ее членов, с целью оказания воздействия на их функционирование [3].

Деловая транснациональная коммуникация представляет собой не только необходимый этап процесса создания и реализации информации, но и особый вид деятельности, который, по утверждению М. Г. Шилиной, становится новой предметной областью, равнозначной экономической, политической и культурной областям, что определяет существенный потенциал и перспективы развития данного вида деятельности [4].

Данное исследование исходит из того тезиса, что фактор языковой комфортности является одним из основных и часто применяемых критериев, имеющих непосредственно оценочную природу и способных фиксировать уровень достаточности владения контактным языком, используемым в процессе транснациональной коммуникации. Комфортность принято определять как: 1) условия, обстоятельства, благоприятно воздействующие на самочувствие, деятельность кого-либо; 2) хорошее самочувствие, настроение, создаваемое такими условиями, обстоятельствами [5].

Если принцип психологической комфортности предполагает психологическую защищенность коммуниканта, обеспечение эмоционального комфорта, создание условий для самореализации, то принцип языковой комфортности предполагает ту или иную степень способности использовать язык как эффективное средство коммуникации. Базовым, при обсуждении языковой комфортности, выступает «понятие простоты в значении несложности, легкости понимания и выполнения» [6].

Основанием для применения критерия языковой комфортности в транснациональной коммуникации служит трактовка лексико-семантических, морфо-синтаксических и фонетических средств АЯ как необходимых и достаточных инструментов организации знаний, функционирующих в профессиональной среде. Языковая комфортность здесь понимается как «такой способ организации информационной среды, который создает условия для наиболее эффективной переработки информации», «наличие информационных предпосылок, стимулирующих творческое мышление» [7]. Языковая комфортность оптимизирует организацию общения, дает возможность корректировки обмена информацией и ее усвоения «без существенных и неожиданных трудностей и смены привычных установок» [8].

Целью статьи является систематизация причин, вызывающих нарушение критерия комфортности транснациональной коммуникации, а **новизна** исследования заключается в том, что впервые предлагается социолингвистическая классификация этих причин.

Особенности реализации критерия комфортности в англоязычной транснациональной коммуникации изучались на материале 40 интервью, проведенных с российскими информантами, которым по роду своей деятельности приходится обмениваться деловой информацией на АЯ с иностранными партнерами. Интервью проводились на АЯ путем межличностного вербального общения в Интернете – по скайпу, электронной почте, с использованием социальных сетей (LinkedIn, Facebook).

Информантам сообщалось, что они участвуют в исследовательском проекте, целью которого является выработка рекомендаций по применению английского как языка деловой коммуникации в транснациональных контекстах. Информанты – это, в основном, молодые люди в возрасте от 20 до 35 лет, сознающие необходимость свободного владения АЯ.

Анализируя представления участников опроса об уровне достаточности их АЯ для комфорtnого общения, мы руководствовались гипотезой о том, что категория комфорtnости транснациональной коммуникации является тем показателем, который свидетельствует об оптимальном взаимодействии в процессе обмена информацией между людьми, использующими контактный АЯ. Респондентам предложили ответить на следующие вопросы:

Считаете ли вы, что ваш уровень владения АЯ достаточен для обеспечения эффективного и комфорtnого взаимодействия в деловой транснациональной коммуникации? *Do you see your English as fit to ensure effective and comfortable business interaction with international colleagues?*

Встречаетесь ли вы с языковыми проблемами в процессе делового общения: а) на многолюдных мероприятиях, б) на встречах с небольшим количеством участников, в) в беседах «с глазу на глаз», – и насколько комфортно вы себя при этом чувствуете? Выберите один ответ из четырех: 1. Довольно некомфортно; 2. OK; 3. Довольно комфортно; 4. Очень комфортно.

Do you have any problems of understanding or being understood, and how comfortable do you feel at a) general staff meetings; b) narrow meetings; c) eye-to eye meetings? Choose one answer: 1. Pretty uncomfortable; 2. OK; 3. Comfortable enough; 4. Very comfortable.

Далее приведем выдержки из отдельных высказываний информантов, сопровождаемые переводом автора статьи. Примечание: все выдержки из высказываний информантов приводятся с сохранением лексико-семантических и морфо-сintаксических особенностей их АЯ. Поскольку опрос проводился на условиях анонимности, в скобках указаны только инициалы, которыми респонденты идентифицировали свои ответы.

1. Нарушения комфорtnости коммуникации, вызванные недостаточным уровнем владения АЯ

Многие информанты объясняют отсутствие комфорtnости общения за счет недостаточного уровня владения АЯ. Они признают, что встречаются с серьезными коммуникативными проблемами, вызванными недостаточным уровнем владения АЯ:

Л. А.: *Problems, sometimes I have with the native English speakers and with non-native from Europe. So uncomfortable.* (Иногда у меня проблемы с носителями АЯ и с неносителями из Европы. Так не-комфортно.)

Ю. К.: *So if your English is not good, you must count with it, that some people will have problems understanding you. But other coworkers must also accept, that you will be crippling the language and they must live with it.* (Итак, если ваш английский не очень хорош, вы должны учитывать, что некоторые люди будут иметь проблемы с пониманием вас. Но другие коллеги также должны принять, что вы будете калечить язык, и им придется с этим мириться.)

Для одних респондентов большую трудность представляет выступление на АЯ:

Н. Д.: *I have difficulties giving a presentation. I am often lost only because they speak in English.* (Мне трудно делать презентацию. Я часто теряюсь только потому, что они говорят по-английски.)

Для других респондентов наиболее проблематичным оказалось участие в обсуждении каких-либо вопросов в присутствии иностранцев, поскольку у них не было адекватного словаря и опыта выступлений на АЯ:

В. Ц.: *It's most difficult in discussions! When you don't give the right answer, don't find right word.* (Труднее всего в дискуссиях! Когда вы не даете правильный ответ, не находите правильного слова.)

Р. Б.: *Difficulties in finding right words for good answer in a discussion. Then you better keep silent.* (Трудности в поиске нужных слов для хорошего ответа в дискуссии. Тогда вам лучше промолчать.)

Информанты, владеющие профессиональным словарем и получившие опыт общения с иностранцами, умеют преодолевать трудности понимания.

С. М.: *I can almost always understand most of the words. After all, most of them are the same technical words they're just said a bit differently, and I can almost always get the basic message.* (Я почти всегда понимаю большинство слов. В конце концов, большинство из них – это те же технические слова, они просто произносятся немного по-другому, и я почти всегда могу понять основной смысл.)

Даже общение по телефону постепенно перестает быть проблемой и не вызывает состояния языкового дискомфорта, как сообщает Н. Б.: *Listening to speakers on the phone is probably the most difficult situation for me, especially with accents. But I find that if I have spoken with the individual several times I can understand clearly.* (Слушать разговор по телефону, вероятно, является самой сложной ситуацией для меня, особенно, когда говорят с акцентом. Но я нахожу, что если я поговорю с человеком несколько раз, я могу понять ясно.)

2. Нарушения комфорtnости коммуникации, вызванные акцентом собеседников

Серьезной проблемой для русскоязычных информантов оказались национальные и региональные акценты их иностранных собеседников. Интерпретируя какое-либо сообщение ино-

странных партнеров, русскоязычные участники деловой коммуникации сталкиваются с тем, что английское произношение в потоке речи характеризуется отклонениями от известных им стандартных норм.

Так, А. А. говорит о сложности понимания акцентированной речи: *When I visit foreign countries on business, meet English speakers whose speeches are beyond my understanding.* (Когда я приезжаю в зарубежные страны по делам, встречаю говорящих на английском языке, чье произношение я вообще не могу понять.)

Для многих информантов понимание незнакомого акцента требует затраты определенных усилий:

О. М.: *I have trouble with certain accents – it always takes me the first half hour or so before I really get to understand the accent.* (У меня проблемы с определенными акцентами – пройдет полчаса или около того, прежде чем я действительно начну понимать этот акцент.)

Д. З.: *Years ago I worked in a company with Italian programmers. When they wanted to speak with the German in the next office, they had me translate, from Italian English to German English, because they couldn't understand each other's accents. Now I'm pretty good with Italian and German accents.* (Несколько лет назад я работал в компании с итальянскими программистами. Когда они хотели поговорить с немцем в соседнем офисе, они заставили меня перевести с итальянского английского на немецкий, потому что они не могли понять акценты друг друга. Теперь я очень хорошо знаком с итальянскими и немецкими акцентами.)

3. Нарушения комфортности коммуникации, вызванные идиоматичностью речи собеседников

Еще одним фактором, препятствующим пониманию для русскоязычных участников коммуникации, является идиоматичность речи их зарубежных партнеров. Многие информанты подчеркивают, что сленг представляет для них более серьезную проблему:

С. Г.: *Accents are not usually the problem. But if anyone uses slang... the slang is where the greatest difficulties are.* (Акценты обычно не являются проблемой. Но если кто-то использует сленг... сленг – вот где самые большие трудности.)

Н. В.: *I think my English is all right. Being a Russian native speaker, I understand professionals both from Europe or Great Britain very well, however when it comes to interpersonal talk between them, I can understand almost everything as well but idioms and metaphors don't make any sense. That is definitely English but I can hear only single clear words.* (Я думаю, что мой английский в порядке. Являясь русским носителем языка, я очень хорошо понимаю профессионалов из Европы или Великобритании, однако, когда речь идет о межличностных разговорах между ними, я могу понять почти все, но идиомы и метафоры не имеют никакого смысла. Это определенно английский, но я слышу только отдельные четкие слова.)

4. Нарушения комфортности коммуникации, вызванные прерыванием линейности дискурса

Нарушение линейного порядка дискурса в спонтанной речи участников может быть вызвано интерферирующими вопросами англоязычных собеседников, что также ведет к появлению дискомфорта общения. В ситуациях спонтанных вопросов возникает своего рода разнонаправленное взаимодействие, суть которого заключается в том, что, если до этого смысловая ориентация в данном коммуникативном контексте была общей для всех участников, то теперь она может индивидуально развиваться для говорящего, который пытается мобилизовать свои ограниченные ресурсы АЯ, чтобы сформулировать ответ.

Ю. Ш.: *Interrupting speakers sometimes is difficult. It is also difficult to express differences in opinions.* (Плохо, если говорящего иногда прерывают. Трудно также выразить различия в мнениях.)

Индивидуальные различия в скорости речи иностранных участников и скорости понимания их русскоязычных партнеров также вызывают дискомфорт общения, как об этом говорит информант И. К.: *I have problems understanding people speaking too quickly.* (У меня возникают проблемы с пониманием, когда люди говорят слишком быстро.)

Интересно, что вследствие трудностей смыслоразличения на сегментном уровне высокая скорость речи часто ассоциируется с недостаточной громкостью (*low voice*):

И. К.: *It's usually difficult to understand English speakers who are speaking too fast, and in low voice.* (Как правило, трудно понять англоговорящих, которые говорят слишком быстро и тихо.)

Зачастую нарушение механизма производства и восприятия речи, которое информанты объясняют повышенной скоростью и/или пониженной громкостью речи, связано с недостаточным уровнем языковой компетенции, что в значительной мере ограничивает их возможности как участия в обсуждении каких-либо вопросов, так и понимания деталей обсуждения. В созна-

нии русскоязычных информантов высокая скорость и правильность построения речи часто ассоциируются с носителями АЯ:

Н. К.: *I understand better when they try to speak slowly and clearly and avoid metaphors or unusual words.* (Я понимаю лучше, когда они стараются говорить медленно и четко и избегают метафор или необычных слов.)

5. Нарушения комфортности коммуникации, вызванные эмоционально-поведенческими проблемами

Информанты считают психологический дискомфорт серьезным фактором, нарушающим взаимодействие собеседников. Более опытные участники опроса предлагают советы менее опытным коллегам, как реагировать на критические замечания о недостаточном уровне владения АЯ.

Во-первых, следует не принимать такие замечания как обиду, а работать над совершенствованием языковых навыков:

С. Г.: *If someone comments on your poor English, no offense intended, but the best way to get the comments to stop is to learn and correct your speaking skills as appropriate.* (Если кто-то комментирует ваш слабый английский язык, это не оскорблениe, но лучший способ прекратить комментарии – это учить язык и улучшать свои навыки говорения.)

Во-вторых, надо понимать, что целью критики является не осуждение, а желание, чтобы работа была выполнена должным образом:

Е. П.: *Often your colleagues say you don't have good English. I understand why it makes you self-conscious, but don't worry too much about it. The truth is, no one is judging you. They just want to get the job done.* (Часто ваши коллеги говорят, что у вас нет хорошего английского. Я понимаю, почему это вас беспокоит, но не надо слишком беспокоиться об этом. Правда в том, что никто не судит вас. Они просто хотят, чтобы работа была сделана.)

В-третьих, надо сознавать, что вас просят более ясно излагать информацию, чтобы избежать возможных коммуникативных неудач:

Т. С.: *It's OK for people to ask you to repeat what you just said if they don't understand it. It's not meant to be offensive, but it's better for people to say something than to sit in silence and have a communication failure.* (Все в порядке, когда люди просят вас повторить то, что вы только что сказали, если они этого не понимают. Это не оскорбительно, но лучше, чтобы они что-то сказали, а не сидели молча и не понимали вас.)

В-четвертых, следует беспокоиться не о том, что могут сказать или подумать ваши коллеги, а о надлежащем выполнении своей работы:

И. М.: *The main problem is not what your colleagues are saying, it's your self-perception. You're doing your job well so far and most people have no problem understanding.* (Главная проблема заключается не в том, что говорят ваши коллеги, а в вашем самовосприятии. Вы хорошо работаете, и у большинства людей нет проблем с пониманием вас.)

Выводы. Сопоставление оценок языковой комфортности общения в проведенных интервью показывает, что, в целом, между информантами, наряду со значительным расхождением в уровне владения АЯ, имеется общее понимание причин, вызывающих нарушение языкового взаимодействия. Более того, их языковое взаимодействие представляет собой один из компонентов ядра общеевропейского англоязычного коммуникативного пространства, так как они являются частью международного сообщества европейских пользователей АЯ.

Установлены пять групп факторов, которые могут привести к нарушению комфортности восприятия и производства речи в деловой коммуникации.

Во-первых, это связано с недостаточным уровнем индивидуальной языковой компетенции информантов, что в значительной мере ограничивает их возможности участия в обсуждении каких-либо вопросов и понимания деталей обсуждения.

Во-вторых, интерпретируя какое-либо сообщение иностранных партнеров, русскоязычные участники деловой коммуникации сталкиваются с тем, что английское произношение в потоке речи характеризуется отклонениями от известных им стандартных норм.

В-третьих, это метафоричность и идиоматичность речи иностранных собеседников.

В-четвертых, нарушение механизма взаимодействия участников может быть вызвано спонтанным прерыванием потока речи и индивидуальными различиями в скорости производства и восприятия речи.

В-пятых, это психологические проблемы, вызванные эмоционально-поведенческими причинами.

Подчеркнем, что перечисленные выше общие факторы, вызывающие дискомфортность коммуникации и нарушение механизма производства и восприятия речи, действуют индивидуально для каждого русскоязычного участника деловой коммуникации.

Примечания и список литературы

1. Бориснев С. В. Социология коммуникации. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 14.
2. Борисов Е. Ф. Словарь экономических терминов и иностранных слов // Хрестоматия по экономической теории / сост. Е. Ф. Борисов. М. : Юристъ, 2000. С. 506.
3. Freed R. C. Postmodern practice: Perspectives and prospects // N. L. Blyler, Ch. Thralls (eds.). Professional Communication: The Social Perspective. Calif. : Sage, 1993. P. 197–198.
4. Шилина М. Г. Интернет-коммуникация как фактор трансформации информационной сферы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 38.
5. Словарь новых слов русского языка: (середина 50-х – середина 80-х годов) / под ред. Н. З. Коптевой. СПб., 1995. С. 304.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. С. 1027.
7. Соколовская Т. Б. О комфорtnости информационной среды // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1980. № 11. С. 6–7.
8. Дальберг И. Организация знаний: ее сфера и возможности // Организация знаний: проблемы и тенденции : программа и тез. докл. конф., Москва, 10–14 мая 1993 г. М., 1993. С. 7; Шрейдер Ю. А. Категория комфорtnости как основной критерий организации знаний // Междунар. форум по информ. и документации. 1993. Т. 18. № 3/4. С. 17.

Notes and References

1. Borisnyov S. V. *Sociologiya kommunikacii* [Sociology of communication]. M. YUNITI-DANA. 2003. P. 14.
2. Borisov E. F. *Slovar' ekonomicheskikh terminov i inostrannyh slov* [Dictionary of economic terms and foreign words] // *Hrestomatiya po ekonomicheskoy teorii* – Readings in economic theory / comp. E. F. Borisov. M. Yurist. 2000. P. 506.
3. Freed R. C. Postmodern practice: Perspectives and prospects // N. L. Blyler, Ch. Thralls (eds.). Professional Communication: The Social Perspective. Calif. : Sage, 1993. Pp. 197–198.
4. SHilina M. G. *Internet-kommunikaciya kak faktor transformacii informacionnoj sfery : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Internet communication as a factor of transformation of the information sphere : abstract of dis. ... Dr philol. sciences]. SPb. St. Peter b. state University, MT, 2012. P. 38.
5. *Slovar' novyh slov russkogo yazyka: (seredina 50-h – seredina 80-h godov)* - Dictionary of new words of the Russian language (mid 50's – mid 80-s) / ed. Z. Koptelova. SPb. 1995. P. 304.
6. *Bol'shoj tolkovyyj slovar' russkogo yazyka* – Big explanatory dictionary of Russian language / comp. S. A. Kuznetsov. SPb. Norint. 1998. P. 1027.
7. Sokolovskaya T. B. *O komfortnosti informacionnoj sredy* [On comfort of information environment] // *NTI. Ser. 2. Inform. processsy i sistemy* – STI. Ser. 2. Inform. processes and systems. 1980, No. 11, pp. 6–7.
8. Dal'berg I. *Organizaciya znanij: ee sfera i vozmozhnosti* [Knowledge organization: its scope and possibilities] // *Organizaciya znanij: problemy i tendencii : programma i tez. dokl. konf., Moskva, 10–14 maya 1993 g.* – Knowledge organization: issues and trends: programme and abstracts of reports of conf. Moscow, 10–14 may, 1993. P. 7; SHrejder YU. A. *Kategorija komfortnosti kak osnovnoj kriterij organizacii znanij* [Category of comfort as the primary criterion of knowledge organization] // *Mezhdunar. forum po inform. i dokumentacii* – Intern. forum on inform. and documentation. 1993. Vol. 18. No. 3/4. P. 17.

Русские термины-омонимы французского происхождения

Ткачева А. Н.

доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. 191119, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, 13. E-mail: Tkatcheva-Ann@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена русским терминам *авангард*, *кадры* / *кадр*, *титр*, используемым в разных областях жизнедеятельности. Автор анализирует историю появления терминов и происхождения их французских слов-прототипов из лексикографических источников, исследует процессы лексического заимствования, семантической асимиляции галлизмов. Русские термины произошли от французских омонимов, ставшими таковыми в процессе семантического распада многозначного слова. На базе значений терминов-омонимов формируются слова разных тематических групп, что демонстрирует семантическую обособленность галлизмов. Различается контекстное окружение терминов-омонимов, проанализированное в предложениях, взятых из национального корпуса русского языка. Делается вывод, что русские термины с одинаковой звуковой и письменной словоформой выражают разные, не пересекающиеся по смыслу понятия, для наименования которых в русском словаре возникала необходимость.

Ключевые слова: галлизмы, термины, лексическое заимствование, словообразование, омонимия, полисемия.

Russian terms-homonyms of French origin

Tkacheva A. N.

associate professor of Department of foreign languages, St. Petersburg State University of Film and Television.
13 Pravy str., 191119, Saint Petersburg. E-mail: Tkatcheva-Ann@yandex.ru

Abstract: The article describes the Russian terms *авангард*, *кадры* / *кадр*, *титр* which are used in different areas of activity. The author analyzes some data of the appearance of Russian terms and the origin of their French words-prototypes from the lexicographical sources. The author affirms that the terms have been borrowed from the French homonyms of one etymological origin. The lexical borrowing and the semantic assimilation of Russian lexical units are being analyzed. The contextual environments from the Russian language's National Corpus and the word-formation of the Russian terms's are being compared. The author approves that the Russian terms are homonyms with the identical forms, different lexical meanings and different contextual environment.

Keywords: gallicisms, terms, lexical borrowing, word-formation, homonymy, polysemy.

Французско-русские культурные, военные и научные связи были первопричиной языковых контактов и перенесения слов из французского языка в русский. В результате этих заимствований в русском языке появились термины, обозначающие вещи и явления в разных сферах жизнедеятельности. Среди них есть термины, совпадающие по звучанию и написанию, но используемые в различных отраслях: «авангард» в военном деле и «авангард» в искусстве; «кадры» в военном деле и «кадры» в кинематографии; «титр» в химии и «титр» в кинематографии. Возникает вопрос: являются ли эти заимствования французского происхождения омонимами, т. е. словами со случайно совпадающей словоформой, или же они являются полисемантическими словами? Для ответа на этот вопрос следует изучить историю появления и процесс семантической эволюции данных галлизмов.

Но прежде необходимо обозначить исходные теоретические положения, опираясь на которые, будут проанализированы вышеуказанные термины.

Отечественный ученый А. А. Горбов разделяет языковые явления «лексического заимствования» и «семантического калькирования». «Лексическое заимствование» – это вхождение в словарь новой лексической единицы, при котором полностью заимствуется форма и содержание иноязычного слова. «Семантическое калькирование» – это копирование заимствованным словом переносного значения иноязычного слова-прототипа [1].

Лингвист утверждает, что для распознания многозначной лексической единицы необходима семантическая связь между заимствованными значениями даже при наличии общего «иноязычного оригинала». Именно отсутствие смыслового стержня является критерием выделения

омонимов. Соответственно, вышеуказанные галлицизмы будут исследованы на предмет присутствия / отсутствия смыслового единства значений, выражаемых одной словоформой.

АВАНГАРД

Французское существительное *avant-garde* произошло от слов *avant* ('раньше', 'передняя часть') и *garde* ('охрана', 'стража', 'гвардия'). Первая письменная регистрация лексемы датируется XII в. в значении "partie d'une armée qui marche en avant du gros des troupes" ('армейская часть, идущая впереди войсковых частей') [2].

Русское существительное «авангард» восходит к французскому *avant-garde*. «Авангард» распространился как термин в военном деле в начале XVIII в. и употреблялся в ограниченном, специальном значении [3]. В. И. Даль в своем словаре отмечал две формы: 1) существительное женского рода «авангардия» в смысле 'передовая дивизия флота'; 2) существительное мужского рода «авангард» в смысле 'передовой отряд' [4]. Постепенно существительное «авангардия» исчезла, а слово «авангард» осталось в русском словаре как военный термин: «авангард под командованием», «авангард эсминцев», «авангард пехотного корпуса», «переставить в авангард разведчика» [5].

Со временем во французском языке лексема *avant-garde* приобрела экспрессивность. Ею стали называть революционно настроенных политиков: "qui joue ou prétend jouer un rôle de précurseur, par ses audaces" ('кто играет или претендует на передовую роль вследствие своих прогрессивных взглядов') [6]. Считается, что Робеспьер впервые использовал слово *avant-garde* в переносном значении в 1794 г. [7]

Галлицизм «авангард» стал тоже употребляться в figurальном значении «передовая, ведущая часть какой-н. общественной группы, класса» [8]. По национальному корпусу глаголов в русском языке существительное «авангард» часто употребляется в смысле 'передовая группа': «авангард населения», «авангард партий», «авангард бандитов», «авангард молодежи», «авангард бизнеса», «авангард бактерий» и др. [9]

Налицо признаки семантического калькирования: 1) общий иноязычный оригинал; 2) семантическая связь между значениями ('передовой отряд' и 'передовая группа'); 3) переводная тождественность прямых значений *avant-garde* и «авангард» ('передовой отряд') [10]. Вероятно, русский военный термин «авангард» скопировал образное значение своего слова-прототипа *avant-garde*, чем расширил свою семантику.

В 1918 г. во французском языке впервые было зафиксировано существительное мужского рода *avant-gardisme*, образованное от *avant-garde*: "le fait d'être de l'avant-garde" ('стремление быть в авангарде') [11]. И очень скоро слово *avant-gardisme* стало названием ряда течений в искусстве XX в. (живопись, литература, скульптура, музыка, архитектура).

Культурные обмены XX в. способствовали быстрому проникновению французской лексемы *avant-gardisme* в русский язык. Русское существительное «авангардизм» обозначает направления в искусстве, «отходящие от реализма и ищащие новые формы художественного выражения» [12]. Согласно национальному корпусу русского языка слово «авангардизм» используется при описании произведений, где разрушаются принятые нормы в искусстве: «символизм, абстракционизм, авангардизм и прочие "измы"»; «идеология авангардизма»; «русский авангардизм»; «авангардизм в постановке»; «характеристики авангардизма» [13].

Со временем произошло отсечение конечного компонента формы «авангардизм». В результате в современном русском языке появился сокращенный вариант полной формы «авангардизм» – «авангард». Лексема «авангард» употребляется в значении 'форма искусства' наравне с лексемой «авангардизм»: «барокко и авангард», «живописный авангард», «символизм и авангард», «авангард и живая классика», «русский и европейский авангард» [14].

Материальная тождественность двух терминов «авангард», соотносимых с военным делом и искусством, фиксируется во многих словарях [15]. Однако языковое совпадение двух форм «авангард» случайно. Отсутствие семантической связи между значениями 'передовой отряд' и 'передовая группа', с одной стороны, и значением 'форма искусства', с другой, говорит о лексическом заимствовании двух экспонентов («авангард» и «авангардизм») с сопутствующей им семантикой. Первоначальное расхождение слов в плане выражения подтверждает это мнение. Также в пользу этого суждения говорит факт формирования слов разных тематических групп от рассматриваемых единиц: «авангардный» от «авангард» 'часть войск' и 'передовая группа'; «авангардистский» от «авангард» 'форма искусства' [16].

Итак, можно говорить о двух формально идентичных терминах «авангард» (в военном деле и в искусстве) с общим этимоном, не имеющих никакой смысловой общности.

КАДР

Впервые французское существительное *cadre*, производное от итальянского существительного *quadro*, появилось в произведении Рабле в 1549 г. в значении 'четырехугольник' [17]. Лексема оказалась весьма продуктивной, произведя около 17 различных значений [18]. В лексикографии некоторые значения описываются как слова-омонимы: 1) "Bordure entourant une glace, un tableau" ('рама'); 2) "Ce qui circonscrit" ('обстановка', 'окружение'); 3) "Ensemble des officiers et sous officiers qui dirigent les soldats d'un corps de troupe" ('руководящий военный состав') [19]. Считается, что как военный термин лексема *cadre* стала использоваться со временем Наполеона Бонапарта [20].

Во время Отечественной войны 1812 г. и войны 1813–1814 гг. русский язык перенял военный термин *cadre* [21]. В. И. Даля описывает слова «кадра» или «кадры» как одно заимствование из французского языка: «офицеры, унтера и фланговые рядовые, составляющие основу полка либо иной части войска, ядро, которое в случае надобности, пополняется рекрутами» [22].

Современные французское слово *les cadres* и русское слово «кадры» во множественном числе кроме терминологического значения в военном деле имеют значение 'руководящий состав', 'инженерно-управленческий состав' [23]. Думается, что галлизм увеличил свою многозначность, усвоив переносное значение своего иноязычного оригинала 'состав работников той или иной отрасли деятельности, производства' [24]. Но возможно, что эта сема появилась в итоге самостоятельной смысловой модификации русского слова.

По национальному корпусу русского языка существительное «кадр» в русском языке равно употребляется как во множественном числе («кадры банков», «опытные ценные кадры», «научные кадры», «кадры для правительства»), так и в единственном числе для называния 'отдельного человека как работника': «кадр, умеющий руководить и направлять», «он новый кадр», «верный кадр» [25].

С развитием фотографии и кинематографа и в связи с потребностью в наименовании новой технологии русский язык заимствовал французское слово *cadre* в значении «рамка». Появился новый термин «кадр», который значит: 1) 'изображение на фотопленке или фотобумаге объекта съемки или его части, ограниченное определенными размерами'; 2) 'отдельный снимок на кинопленке, на котором зафиксирована одна из фаз движения или статического положения объектов съемки; 3) в *теле-видении* – 'изображение на экране' [26]. Слово употребляется как в единственном числе («неотснятый кадр», «кадр из фильма ужасов», «попадание в кадр», «эротический кадр»), так и во множественном числе («откровенные кадры», «редкие архивные кадры», «кадры из жизни») [27].

«Кадры» / «кадр» 'состав работников' и «кадры» / «кадр» 'изображение' рассматриваются как омонимы во многих словарях [28], поскольку их совпадение ограничивается материальной формой, и они не обнаруживают общих семантических компонентов. Русские термины заимствовались в разное время от омонимов, возникших из-за полного разрыва полисемии.

ТИТР

Французское слово *titre* развилось от латинского *titulus* и появляется в письменных источниках с 1283 г. в значении 'надпись' ("inscription"). Лексема получала множество буквальных и модифицированных значений и распадалась на омонимы: 'заглавие'; 'титул'; 'звание'; 'акт'; 'ценная бумага', 'документ'; 'проба'; 'процентное содержание', 'крепость раствора'; *текст*. 'сорт', 'номер (нитки)'; 'знак сокращения', 'титло' [29]. Термин *titre* 'сорт', 'номер' (нитки) в текстильной промышленности восходит к значению 'качество', 'характеристика' ("qualification"). Термин *titre* 'крепость раствора' в химии происходит от значения 'пропорция' ("désignation d'une proportion") [30]. Термины появляются в XVIII в.

В XVIII в. в русском языке появился новый галлизм *титр* в области текстильной промышленности в результате торговых взаимоотношений [31]. Затем, по всей видимости, появился *титр* в области химии в результате научных обменов. Оба термина отмечаются в словарях современного русского языка: 1) в хим. анализе – 'концентрация раствора, выражаемая числом граммов вещества в 1 мл раствора'; 2) уст. 'единица линейной плотности волокон или нитей, в которой масса измерялась в денье, а длина составляла 450 м'. Лексикографы отмечают, что термин *титр* в текстильной промышленности уже устарел и вышел из употребления [32].

С начала XX в. в кинофильмах в необходимых местах начинали вставлять пояснительные тексты. Эти тексты заменяли реплики героев, сообщали время действия, намерения и особенности персонажей. Французы стали использовать слово *titre* в кинематографе в значении 'надпись' [33].

Русский язык заимствовал слово «титр» в значении 'вступительная надпись или пояснительный текст в кинофильме' вместе с появлением нового кинематографического явления [34].

Некоторые словари современного русского языка описывают «титр» как многозначную лексему с тремя значениями («титр» в химии, «титр» в текстильной промышленности, «титр» в

кино) [35]. Другие словари представляют два слова-омонима «титр» («титр» в химическом анализе и «титр» как вступительная надпись на кадрах кинофильма) [36].

По национальному корпусу русского языка «титр» массово используется и в химии («титр вируса», «титр антител», «титр сыворотки», «титр крови», «титр кислоты»), и в кинематографии («титр на экране», «крупный титр на переднем плане», «титр в кадре») [37]. Однако контекстное окружение лексических единиц различно.

На базе значений терминов «титр» формируются слова разных тематических групп. Так, от кинотермина «титр» – «титровый» ('относящийся к титру, титрам'), а от термина в химии «титр» – «титровать» ('постепенно прибавлять раствор какого-н. вещества с известным титром к раствору другого вещества, концентрацию которого надо установить'). Это демонстрирует семантическую обособленность кинотермина «титр» и термина «титр» в химии, возникших от омонимов французского языка, образовавшихся, в свою очередь, вследствие разрушения единства многозначного слова.

Л. П. Крысин считает, что отсутствие «общего семантического компонента» между значениями характерно для слов-омонимов даже в случае наличия общего этимона [38]. Таким образом, правомерно отнести химический термин «титр» и кинотермин «титр» к омонимам, поскольку их значения ассоциативно не связаны.

ВЫВОДЫ

1. У терминов «авангард» в военном деле и «авангард» в искусстве, «кадры» в военном деле и «кадры» в кинематографии, «титр» в химии и «титр» в кинематографе одно этимологическое происхождение, общая звуковая и письменная оболочка и разная семантика.

2. Русские термины восходят к омонимам французского языка, ставших таковыми в процессе нарушения полисемантической структуры одного слова.

3. Отсутствие смысловой связи является основанием считать термины с одинаковой словоформой и с различающимся смысловым наполнением омонимами, заимствованными в разное время для наименования появившихся объектов действительности.

Примечания и список литературы

1. Горбов А. А. Что такое «вторичное заимствование»? // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ : в 15 т. 2015. С. 68–73.
2. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2003. Р. 193.
3. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 2007. Т. 1. С. 23.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 1. С. 48.
5. Национальный корпус русского языка. URL : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.11.2017).
6. Le Nouveau Petit Robert... Р. 193.
7. Dauzat A., Dubois J., Mittérand H. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris : Larousse, 1994. Р. 330.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. URL: <http://yroky.net/slovari/slovar-krisin-l-p-tolkoviy-slovar-inoyazichnih-slov> (дата обращения: 24.11.2017).
9. Национальный корпус русского языка...
10. Горбов А. А. Указ. соч.
11. Le Nouveau Petit Robert... Р. 193.
12. Крысин Л. П. Указ. соч.
13. Национальный корпус русского языка...
14. Там же.
15. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 слов. М. : ACT : Астрель, 2006. С. 13.
16. Крысин Л. П. Указ. соч.
17. Dauzat A., Dubois J., Mittérand H. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris : Larousse, 1994. Р. 112.
18. Гак В. Г. Новый французско-русский словарь. М. : Рус яз., 2002. 1195 с.; Язык и литература. 2002. № 2. С. 153.
19. Le Nouveau Petit Robert... Р. 327.
20. Черных П. Я. Указ. соч. С. 366.
21. Там же.
22. Даль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 64.
23. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов... С. 153.
24. Крысин Л. П. Указ. соч.
25. Национальный корпус русского языка....
26. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов... С. 322.

27. Национальный корпус русского языка...
28. Крысин Л. П. Указ. соч.
29. Гак В. Г. Новый французско-русский словарь...; Язык и литература. 2002. № 2. С. 1089–1090.
30. Le Nouveau Petit Robert... P. 2622.
31. Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. М. : Легпромбытиздан, 1996. С. 275.
32. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов... С. 786.
33. Le Nouveau Petit Robert... P. 2622.
34. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов... С. 786.
35. Там же. С. 786.
36. Крысин Л. П. Указ. соч.
37. Национальный корпус русского языка...
38. Крысин Л. П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200404401> (дата обращения: 24.11.2017).

Notes and references

1. Gorbov A. A. *Что такое «вторичное заимствование»?* [What is "secondary borrowing"?] // *Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury : materialy XIII Kongressa MAPRYAL : v 15 t.* – Russian language and literature in the space of world culture: materials of XIII Congress of International Association of Teachers of Russian Language and Literature: in 15 vol. 2015. Pp. 68–73.
2. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2003. P. 193.
3. Chernyh P. YA. *Istoriko#ehtimologicheskij slovar' sovremennoj russkogo jazyka : v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vol.] M. Rus. yaz. 2007. Vol. 1. P. 23.
4. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t.* [Explanatory dictionary of living great Russian language: in 4 volumes]. M. OLMA-PRESS. 2003. Vol. 1. P. 48.
5. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* – National corpus of the Russian language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (date accessed: 24.11.2017).
6. Le Nouveau Petit Robert... P. 193.
7. Dauzat A., Dubois J., Mittérand H. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris : Larousse, 1994. P. 330.
8. Krysin L. P. *Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov.* [Explanatory dictionary of foreign words]. Available at: http://yroky.net/slovari/slovar_krisin_l_p_tolkovyj_slovar_inoyazichnih_slov (date accessed: 24.11.2017).
9. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* – National corpus of the Russian language.
10. Gorbov A. A. Op. cit.
11. Le Nouveau Petit Robert... P. 193.
12. Krysin L. P. Op. cit.
13. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* – National corpus of the Russian language...
14. Ibid.
15. *Bol'shoj illyustrirovannyj slovar' inostrannyh slov: 17 000 slov* – Big illustrated dictionary of foreign words: 17,000 words. M. AST: Astrel. 2006. P.13.
16. Krysin L. P. Op. cit.
17. Dauzat A., Dubois J., Mittérand H. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris : Larousse, 1994. P. 112.
18. Gak V. G. *Novyj francuzsko-russkij slovar'* [New French – Russian dictionary]. M. Russian language. 2002. 1195 p. *Yazyk i literatura* – Language and literature. 2002, No. 2, p. 153.
19. Le Nouveau Petit Robert... P. 327.
20. Chernyh P. YA. Op. cit. P. 366.
21. Ibid.
22. Dal V. I. Op. cit. Vol. 2. P. 64.
23. *Bol'shoj illyustrirovannyj slovar' inostrannyh slov* – Big illustrated dictionary of foreign words... P. 153.
24. Krysin L. P. Op. cit.
25. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* – National corpus of the Russian language....
26. Big illustrated dictionary of foreign words... P. 322.
27. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* – National corpus of the Russian language...
28. Krysin L. P. Op. cit.
29. Gak V. G. *Novyj francuzsko-russkij slovar'* [New French Russian dictionary]; *Yazyk i literatura* – Language and literature. 2002, No. 2, pp. 1089-1090.
30. Le Nouveau Petit Robert... P. 2622.
31. Orlenko L. V. *Terminologicheskij slovar' odezhdy* [Glossary of clothing]. M. Legprombytizdat. 1996. P. 275.
32. *Bol'shoj illyustrirovannyj slovar' inostrannyh slov* – Big illustrated dictionary of foreign words... P. 786.
33. Le Nouveau Petit Robert... P. 2622.
34. *Bol'shoj illyustrirovannyj slovar' inostrannyh slov* – Big illustrated dictionary of foreign words... P. 786.
35. Ibid. P. 786.
36. Krysin L. P. Op. cit.

37. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* – National corpus of the Russian language...

38. Krysin L. P. *Vtorichnoe zaimstvovanie i ego opisanie v tolkovom slovare* [Secondary borrowing and its description in the dictionary]. Available at: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200404401> (date accessed: 24.11.2017).

О применении топонима как средства манипуляции

Кондакова И. А.

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: usr11522@vyatsu.ru

Аннотация: В статье показано применение имени собственного (онима) как одного из средств манипуляции массовым сознанием. Тот факт, что все ассоциации, связанные с каждым конкретным онимом, в большинстве случаев не фиксируются словарями, не отрицает их устойчивости и постоянства для представителей определенной языковой общности. Подобное свойство позволяет применять онимы как средства манипуляции (например, в рекламе). Манипулятивный потенциал онима, в частности, тесно связан с идеей престижности/непрестижности, имеющей биологическую основу, а потому не теряющей своей актуальности на протяжении всей истории. Топоним является одним из наиболее эффективных средств выражения данной идеи.

Ключевые слова: топоним, имя собственное, манипуляция, значение.

On applying of toponym as a means of manipulation

Kondakova I. A.

candidate of philological sciences, associate professor of linguistics and translation, Vyatka State University.
36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: usr11522@vyatsu.ru

Abstract: The article shows one of the means of manipulating in speech: special way of using proper names. It is evident that all the associations with certain proper names are still not registered in any special dictionaries, still they form rather steady, sustainable, inert units in the collective mind of language community; and through that this very property of proper names can be 'exploited' for the sake of mass manipulating in different spheres (including advertising). Manipulating is closely connected with the idea of being prestigious/non-prestigious, which has remained one of the most topical throughout the history of humanity, and which is deeply rooted in the biological instinct of dominance inherent to any living being. Associations connected with proper names are imprinted in people's minds could serve as a proof of their being more than just meaningless labels of animate and inanimate objects.

Keywords: proper name, place-name, manipulating, meaning.

В настоящее время нет единого мнения относительно наличия у имени собственного значения и относительно характера этого значения. Противопоставляются две точки зрения: в то время как одни исследователи полагают, что имена собственные либо не имеют значения вообще, другие считают, что онимы обладают значением, которое, однако, отлично от значения апеллятива, при этом существует точка зрения, что значение онима превосходит значение апеллятива. Автор статьи разделяет мнение, что онимы, оставаясь маркерами одушевленных и неодушевленных объектов разного рода, представляют собой нечто большее, нежели просто ярлык, они способны выражать понятие и наделены целым рядом коннотаций, которые, однако, реализуются не все одновременно, а открываются в соответствии с контекстуальным окружением (фокусировкой на том или ином качестве). Данные коннотации, известные в пределах определенной языковой общности, могут эксплуатироваться носителями языка в различных практических целях (реклама, политика, экономика, социальная сфера и т. д.).

Онимические коннотации могут учитываться при разработке манипулятивных стратегий. Под языковым манипулированием понимается «сознательное и целенаправленное использование особенностей устройства и употребления языка» [1]. Языковые аспекты манипулирования в рекламном тексте в настоящее время являются объектом пристального внимания исследователей, в частности, приводятся классификации манипулятивных приемов в тексте [2]. Однако, кажется, нет предела изобретательности рекламистов, и представляется возможным дополнить предложенные списки приемов еще одним, данный прием связан с употреблением имени собственного, он основан на ассоциациях, связанных с конкретным онимом в коллективном сознании. При этом в каждом отдельном случае важно рассмотреть предпосылки употребления данного онима.

Онимы в тексте могут выполнять аксиологическую функцию, которая определяется свойствами именуемого онимом объекта. Представляется, что положительная оценка, закрепленная за онимом, связана с целым рядом факторов, одним из которых является степень социальной престижности именуемого им объекта (например, топообъекта или лица).

Следует отметить, что английскому обществу всегда была свойственна четкая классовая дифференциация (в современном английском обществе традиционно выделяют шесть [3], иногда семь классов [4]). Понятие социального статуса было и остается чрезвычайно значимым. Социальный статус коррелирует со степенью престижности/непрестижности пребывания/проживания в том или ином месте, обучения или работы в том или ином учреждении, социальных контактов с тем или иным лицом. Одним из важнейших языковых маркеров степени престижности служат топонимы: не раз отмечалось, что адрес в Великобритании служит не просто указателем на местоположение того или иного объекта, он указывает на социальный и имущественный статус человека. Попытки презентировать собственную личность и все, что с ней связано, в наиболее выгодном свете, запечатлеть в сознании как можно большего количества себе подобных устойчивую ассоциацию собственной персоны и ее всевозможных атрибутов с идеей престижа можно наблюдать повсеместно, как в политике, СМИ, рекламе, так и в повседневной жизни. В основе самого понятия престижа лежит не столько социальный, сколько биологический фактор, а именно – стремление к доминантности: как отмечает профессор С. В. Савельев, человеческий мозг «формировался как система управления поведением, необходимым для решения простых биологических проблем. На протяжении пяти миллионов лет единственной целью эволюции когнитивных процессов была и остается пища, размножение и доминантность. Все остальные свойства мозга являются своеобразными артефактами решения этих основных проблем» [5]. Общеизвестно, что в рекламе активно эксплуатируются все три насущные потребности. Остановимся на идее доминантности. Одним из способов повысить свой социальный статус, престиж (по сути, усилить свою доминантность) является прямая и косвенная вербальная саморепрезентация, а также, ровно настолько, насколько позволяют моральные принципы, часто вступающие в противоречие с успешностью биологической адаптивности той или иной особи, отрицательная презентация, дискредитация явного или наиболее вероятного конкурента в любой из сфер жизни. Реклама как социальное явление основывается на саморепрезентации, в которой «все средства хороши»: в рекламе применяется широкий спектр манипулятивных приемов, связанных с утверждением и поддержанием престижности чего-либо или кого-либо.

Рассмотрим связь имени собственного с идеей социального престижа на примере литературного произведения. Вспомним рассказ Г. Грина «When Greek meets Greek» (в русском переводе рассказ вышел под названием «Одного поля ягоды»), в основе которого лежит игра топонимических коннотаций, оценок, закрепленных за топонимами. «Центральным» топонимом в рассказе является название небольшого английского городка – Оксфорд. Однако, как известно, это не простой городок, ибо там расположен один из самых известных и самых престижных университетов в Великобритании и в мире (впрочем, языковые исследования концепта «иностраниец» в английском языке четко выявляют, что самим британцам, которых мало волнует мнение извне, вполне достаточно осознавать престижность данного вуза в их стране). В сознании англичан Оксфорд наделен ореолом культуры, престижности, аристократичности, он представляет собой некую цель, некий «маяк», к которому все стремятся, но которого, увы, не все достигают. В сознании носителей языка существует тесная связь города и университета. Несмотря на то что собственно топонимический концепт *Oxford* шире, чем концепт университета, который, по сути, является компонентом топоконцепта, на общенациональном уровне концепт университета более значим, чем топонимический концепт. Концепт «Оксфордский университет» является прототипом-образцом «лучших качеств» университета в общественном сознании, ему как прототипу «присуща социальная функция» [6]. Этим фактом и пользуется герой рассказа, Мистер Прискет, когда, желая заработать, он подает в газету объявление о наборе студентов заочного обучения. То, что данное учебное заведение находится в Оксфорде, уже говорит само за себя, хотя данное заведение не имеет ни малейшего отношения к известному университету, а только лишь находится в том же городе. Когда же компаньон мистера Прискета высказывает ему описание по поводу того, что обман откроется, тот заявляет, что в объявлении нигде не упомянуто, что это именно тот университет, Оксфорд указан всего лишь как адрес. Таким образом, Мистер Прискет манипулирует стереотипностью мышления читателей газеты в своих коммерческих целях, но уличить его во лжи нельзя, ибо он не лжет – его учебное заведение действительно расположено в Оксфорде.

Еще одним топонимом, упоминаемым в рассказе, является топоним *Borstal*, название деревни в графстве Кент, которое в сознании британцев прочно ассоциируется с расположенным в

тех местах куда менее престижным исправительным учебным заведением Борстал для малолетних преступников в возрасте от 16 до 21 года. Автор «сталкивает» в контексте одного рассказа топонимы *Borstal* и *Oxford* в применении к одному и тому же персонажу: молодой человек только что вышел из Борстала, и отец сразу же собирается определить его в «Оксфорд». Топонимы *Oxford* и *Borstal* обладают антонимичными коннотациями: создается эффект оксюморона коннотаций (максимум и минимум престижа), а вместе с тем и юмористический эффект. Хозяйка, у которой отец молодого человека снимает квартиру, знает, что его сын находится в Борстale, и заявляет своему постояльцу, что его сын сидит в тюрьме, на что мистер Драйвен (фамилия отца юноши по иронии судьбы совпадает с одной из известных английских аристократических фамилий, чем он время от времени не упускает возможности воспользоваться) сдержанно и в соответствии с лучшими традициями политкорректности отвечает, что Борстал – это никакая не тюрьма, а учебное заведение, как любое другое ('*Borstal is quite another institution. It's a kind of college*' [7]). В ответ хозяйка заявляет, что, вероятно, да, Борстал – это такое же учебное заведение, как и колледж святого Амбродия ('*Like St Ambrose's*' [8]). Ирония хозяйки очевидна, притом что, учитывая реальное положение вещей, ее слова гораздо ближе к истине, чем она сама, вероятно, подозревает. Однако мистер Драйвен предпочитает не замечать иронии, соглашаясь с ней, но признавая, что, вероятно, все же колледж святого Амбродия будет рангом выше, отвечая сдержанно и очень по-английски (используется стилистический прием преуменьшения): '*Perhaps not quite the same rank*' [9]. Для британцев предметом большой гордости является тот факт, что их ребенок учится в Оксфорде, и мистер Драйвен – не исключение: '*he felt an odd mixture of amusement and pride: now he had his son at Oxford*' [10]. Мистер Драйвен, по сути, обманывая сам себя и, естественно, зная об этом, тем не менее «обманываться рад» – иллюзия престижа учебного заведения (как и иллюзия собственной аристократичности, связанная со звучной фамилией Драйвен) помогает ему возвыситься в собственных глазах за счет слова *Oxford*, он таким образом повышает собственную доминантность, что само по себе для него ценно.

Интересно, что молодое поколение в лице юного выпускника Борстала и племянницы мистера Прискета не только «подыгрывают» старшим, понимая подвох, но и планирует дать развитие воззрениям мистера Прискета и мистера Драйвена, превзойти их.

Как отмечает Н. Н. Болдырев, «коммуникативные удачи или неудачи, взаимопонимание и правильная интерпретация высказываний обусловлены во многом степенью адекватной "настройки" концептуальных систем коммуникантов относительно друг друга» [11]. Из приведенных примеров следует, что эти настройки порой выгодно нарушить, «расшатать», что нередко не представляет особого труда, ибо коллективное восприятие того или иного объекта на общенациональном уровне инертно, что, в частности, связано с тенденцией приписывать многозначному в концептуальном плане имени то концептуальное значение, которое наиболее значимо на общенациональном уровне.

Можно только добавить, что в самом Оксфорде, наряду с престижным старинным университетом, также расположен *Oxford Brookes University*, построенный в 90-х гг., там обучаются в основном иностранные студенты, которые стремятся привезти домой диплом «Оксфордского университета», ибо у них на родине никто не задастся вопросом, сколько в Оксфорде университетов на самом деле и что это за университеты [12]. «По схожему принципу на бренде "Оксфорд" паразитируют бесчисленные языковые и летние школы, пользующиеся популярностью во всем мире исключительно из-за географической локации» [13]. Престижное название может даже несколько трансформироваться, но доля престижа при этом остается, и имя продолжает работать в рекламных целях, как, например, название онлайн школы Фоксфорд. Таким образом, концепт *Oxford* обладает значительной устойчивостью не только на общенациональном, но и на глобальном уровне.

Вышеизложенное также свидетельствует в пользу того, что имена собственные обладают значением, и это значение связано с дополнительной информацией об именуемом объекте, которая определяется целым рядом экстралингвистических факторов, и хотя это значение не всегда фиксируется словарями, оно известно носителям языка, оно может развиваться и даже транслироваться (представляется, что намеренно) на другие языковые общности. Информация, связанная с оном (в первую очередь речь идет о топониме) «выкристаллизовывается» в некое абстрактное понятие. Так понятие суперпрестижности и понятие цели связано с английскими топонимами *Oxford* (то же можно сказать и о топониме *London*).

Примечания и список литературы

1. Шустова С. В., Платонова Е. А. Манипулирование в рекламном тексте: лексико-семантический аспект // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2017. № 1 (9). С. 48.
2. Там же; Сергеева Е. В. Тактика манипулятивной подачи информации в рекламном и политическом тексте // Человек в информационном пространстве : сб. науч. тр. / под общ. ред. Н. В. Аниськиной. Ярославль, 2014. С. 203–208.

3. <http://lavinablog.com/?p=4323> (доступ 18.06.2017).
4. http://www.bbc.com/russian/society/2013/04/130403_british_society_classes (доступ 18.06.2017).
5. Савельев С. В. Биологические ограничения когнитивных центров мозга человека // Когнитивные исследования языка. Т. XIV. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкоznания РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 131.
6. Манерко Л. А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань, 2002. С. 18.
7. Greene Gr. When Greek Meets Greek // The Basement Room. Short Stories. М. : Б-ка для домашнего чтения, 1970. Р. 106.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же. С. 107.
11. Болдырев Н. Н. Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации // Когнитивные исследования языка. Вып. XI / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкоznания РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 39.
12. <http://www.gq.ru/lifestyle/seks-trava-i-klassovaya-nenavist-v-oksforde>
13. Там же.

Notes and References

1. SHustova S. V., Platonova E. A. Manipulirovanie v reklamnom tekste: leksiko#semanticheskij aspekt [Manipulation in advertising text: the lexical semantic aspect] // Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literatury – Research journal of Russian language and literature. 2017, No. 1 (9), p. 48.
2. Ibid; Sergeeva E. V. Taktika manipulyativnoj podachi informacii v reklamnom i politicheskom tekste [Tactics of manipulative presenting of information in advertising and political texts] // Chelovek v informacionnom prostranstve : sb. nauch. tr. – People in information space: coll. scient. works under the general editorship of N. V. Anis'kina. Yaroslavl. 2014. Pp. 203-208.
3. <http://lavinablog.com/?p=4323> (access 18.06.2017).
4. http://www.bbc.com/russian/society/2013/04/130403_british_society_classes (access 18.06.2017).
5. Savel'ev S. V. Biologicheskie ograniceniya kognitivnyh centrov mozga cheloveka [Biological constraints of the cognitive centers of the human brain] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. T. XIV. Kognitivnaya lingvistika: itogi, perspektivy – Cognitive studies of language. Vol. XIV. Cognitive linguistics: results and perspectives / chief ed. of series: N. N. Boldyrev. M. In-t of linguistics; Tambov. Publ. of TSU n.a. G. R. Derzhavin. 2013. P. 131.
6. Manerko L. A. Osnovy konceptual'nogo integrirovaniya mental'nyh prostranstv [Foundations of the conceptual integration of mental spaces] // Tekst i diskurs: tradicionnyj i kognitivno-funkcional'nyj aspekty issledovaniya – Text and discourse: traditional and cognitive-functional aspects of the study. Ryazan. 2002. P. 18.
7. Greene Gr. When Greek Meets Greek // The Basement Room. Short Stories. М. Б-ка для домашнего чтения, 1970. Р. 106.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid. P. 107.
11. Boldyrev N. N. Problemy konceptual'nogo vzaimodejstviya v processe verbal'noj kommunikacii [The conceptual problems of interaction in the process of verbal communication] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XI – Cognitive studies of language. Vol. XI / chief ed. of series N. N. Boldyrev. M. In-t of linguistics; Tambov. Publ. of TSU n. a. G. R. Derzhavin. 2012. P. 39.
12. <http://www.gq.ru/lifestyle/seks-trava-i-klassovaya-nenavist-v-oksforde>.
13. Ibid.

Топонимические концепты моды (на примере русского и китайского языков)

Ягафарова Л. Т.

доцент кафедры филологии, Университет управления «ТИСБИ». 420012, г. Казань, ул. Муштари, 13.

E-mail: yagafarovaliliya06@mail.ru

Глушкова С. Ю.

старший преподаватель кафедры алтайстики и китаеведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420111, г. Казань, ул. Пушкина, 1. E-mail: svetaelina@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются получившие широкое распространение в последнее время топонимические концепты, связанные с изучением направления города как идентификатора пространства, что особенно важно в современном информационном мире через актуализацию феномена моды в русском и китайском языках с позиции лингвокультурного подхода. Исследование дает возможность проанализировать менталитет двух народов, проявляющийся на ассоциативном уровне носителей определенной лингвокультуры на основе всеобъемлющего явления моды, проникающего во все сферы деятельности человека. Особое внимание уделяется структуре концептов, лексическому наполнению, количественной составляющей для выявления их коммуникативной релевантности. В результате исследования пришли к выводам о значимости западных географических наименований в актуализации концепта Мода как в российской лингвокультуре, так и в китайской. Однако для восприятия моды китайцами одних западных объектов недостаточно; в вербализации также участвуют местные географические объекты (Гонконг), чего нельзя сказать о ситуации в российском социуме.

Ключевые слова: концепт, топоним, мода, лингвокультура, китайский язык, русский язык.

Toponymic concepts of fashion (on the example of Russian and Chinese languages)

Yagafarova L. T.

associate professor of the Department of philology, University of Management "TISBI". 13 Mushtari str., 420012, Kazan. E-mail: yagafarovaliliya06@mail.ru

Glushkova S. Yu.

senior lecturer at the Department of Altaic and Chinese studies, Kazan (Volga region) Federal University. 1 Pushkin str., 420111, Kazan. E-mail: svetaelina@gmail.com

Abstract: In article the toponymic concepts which were widely adopted recently connected with studying of the direction of the city as the space identifier that is especially important in the modern information world through updating of a phenomenon of fashion in the Russian and Chinese languages from a position of lingvoculture approach are investigated. Research gives the chance to analyse the mentality of two people which is shown at the associative level of carriers of the defined lingvoculture on the basis of the comprehensive phenomenon of fashion getting into all fields of activity of the person. The special attention is paid to structure of concepts, lexical filling, a quantitative component for detection of their communicative relevance. As a result of research came to conclusions about the importance of the western geographical names in updating of a concept Fashion both in the Russian lingvoculture and in the Chinese. However for perception of fashion Chinese of one western objects it isn't enough; and verbalizations also participate local geographical objects (Hong Kong) that can't be told about a situation in the Russian society.

Keywords: concept; toponym; fashion; lingvoculture; Chinese; Russian.

На протяжении долгого времени мода задает тон веяниям, господствующим в мире, и определяет их направление. Эти веяния затронули все сферы, в которых живет и развивается человек: одежда, стиль жизни, работа, мироощущение и пр. Пространством реализации моды является город, его здания, общественные места, улицы, поэтому мода и город имеют неразрывную связь. Говоря о лингвистике и об изучении в рамках этого научного направления города, отме-

тим, что «в современном информационном обществе усиливается роль топонимов – идентификаторов географических объектов – как точных ориентиров в пространстве, отражающих менталитет народа» [1]. Концепт же, будучи сгустком культуры, выполняет функцию отображения менталитета и всех его изменений через языковое пространство.

Говоря о структуре концепта, следует отметить, что он «группируется вокруг некой «сильной» (т. е. ценностно акцентированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы» [2]. «Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию» [3].

Цель данной работы – выявление топонимических концептов в раскрытии феномена моды в русской и китайской лингвокультурах, т. е. тех городов, которые ассоциируются с зарождением моды у разных носителей.

Методами исследования выступили: 1) описательный метод, в рамках которого использовались приемы наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации; 2) метод концептуального анализа, предполагающий выявление концептов и способов их вербализации; 3) статистический метод с употреблением приема количественного анализа, обеспечивающий точность в выявлении частотности концептов и концептуальных признаков.

В качестве материала исследования выступили анкеты-опросники свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие по 300 респондентов среди российских и китайских студентов.

В русской лингвокультуре парадоксальным является тот факт, что ни один российский город не вошел в список городов (стран), ассоциирующихся с понятием моды. В результате опроса мы выявили следующие топонимические концепты моды: **Франция (300), Англия (276), Америка (233), Италия (119)**, с их главными городами моды соответственно: **Париж, Лондон, Нью-Йорк, Милан**.

Концепт **Франция** – самый коммуникативно релевантный концепт моды современного времени, поскольку приоритет французских вещей имеет высокую ценностную значимость в текстах. Доминирующий компонент **Франция** выражен лексемой **Франция (французский)** либо языковым эквивалентом – **Париж (парижский)**. В своей структуре имеет ядро и периферию.

Ядро концепта актуализируется эксплицитным способом: 1) лексемами, которые совпадают с доминантой концепта и являются ей однокоренными: **Франция (22), французский (93);** 2) лексемами-гипонимами к доминанте концепта и однокоренными единицами: **Париж (65), парижский (30)**. Периферия концепта вербализуется имплицитным способом: лексемами, отображающими концептуальные признаки «шопинг», «эстетика», «торговые марки»: **Шанель (50), бутик (29), Лагерфельд (5), совершенство (4), магазин (2)**.

Концепт **Англия** наряду с концептом **Франция** занимает лидирующие позиции по части зарождения моды. Доминирующий компонент выражен лексемой **Англия** либо его языковым эквивалентом **Лондон**; концепт состоит из ядерной и периферийной частей.

Ядро концепта актуализируется эксплицитным способом: 1) лексическими единицами, либо совпадающими с доминантой концепта, либо являющимися однокоренными: **Англия (31), английский (158);** 2) лексемами-гипонимами к доминанте концепта и однокоренными единицами: **Лондон (50), лондонский (18)**. Периферийные лексемы вербализуют концепт имплицитным способом: единицами, актуализирующими концептуальные признаки: **королева (9), показ (5),держанность (3)**.

Концепт **Америка** также является значимым топонимическим концептом моды в сознании носителей лингвокультуры. В его вербализации прежде всего участвуют лексема **Америка** или единица, актуализирующая американскую моду, **Нью-Йорк**; состоит из ядерной и периферийной частей.

Ядерная сфера наполнена лексемами, объективирующими концепт эксплицитным способом: 1) единицами, которые совпадают с доминантой концепта и являются ей однокоренными: **Америка (80), американский (64);** 2) лексемами-гипонимами к доминанте концепта и однокоренными единицами: **Нью-Йорк (69), нью-йоркский (11)**. Периферийная зона состоит из единиц, вербализующих концепт имплицитным способом: лексем, актуализирующих концептуальный признак: **сногшибательность (сногшибательный) (9)**.

Концепт **Италия** занимает последнее место из списка топонимических концептов, актуализирующих заграничные географические объекты, связанные с уровнем популярности иностранных модных лейблов в нашем отечественном пространстве. Концепт выражен лексемой **Италия** либо его однокоренным эквивалентом **итальянский** и состоит из ядра и периферии.

Ядро актуализируется эксплицитным способом: 1) лексемами, совпадающими с доминантой концепта и являющейся ей однокоренными: **Италия (35), итальянский (53), итальянцы (3)**;

2) лексемами-гипонимами к доминанте концепта: *Милан* (19). *Периферия* вербализуется имплицитным способом: лексемами, актуализирующими модные марки Италии: *Райфл* (5), *Армани* (4).

В китайской лингвокультуре интересным является тот факт, что три китайских города вошли в список городов (стран), ассоциирующихся с понятием моды. В результате опроса мы выявили следующие топонимические концепты моды: **Франция** (300), **Китай** (Гонконг) (298), **Италия** (108) с их главными городами моды соответственно: **Париж**, **Пекин** – **Шанхай**, **Гонконг**, **Милан**.

Китайцы также считают Париж столицей моды, модных домов и брендов. Ядро концепта **Франция** актуализируется эксплицитным способом: 1) лексемой, которая совпадают с доминантой концепта **法国** **Франция** (53), **法国的** **французский** (40); 2) лексемами-гипонимами к доминанте концепта и однокоренными единицами: **巴黎** **Париж** (60), **巴黎的** **парижский** (40). *Периферия* концепта вербализуется имплицитным способом: лексемами, отображающими концептуальные признаки **购物** «шопинг» (50), **品牌** «торговые марки, бренд»: **香奈** **Шанель** (30), **专卖店** **бутик** (27).

Концепт **Китай** (Гонконг) наряду с концептом Франция представлен достаточно нечетко в сознании китайцев с точки зрения моды. Ядро концепта актуализируется эксплицитным способом: 1) лексическими единицами, либо совпадающими с доминантой концепта, либо с использованием морфем: **中国** **Китай** (38), **中国的** **китайский** (82); 2) лексемами-гипонимами к доминанте концепта и однокоренными единицами: **北京** **Пекин** (50), **香港** **Гонконг** (78) **上海** **Шанхай** (50). *Периферийные* лексемы достаточно размыты.

Концепт **Италия** в китайской лингвокультуре также занимает последнее место среди концептов, актуализирующих заграничные географические объекты, связанные с уровнем популярности иностранных модных лейблов. Концепт выражен лексемой **意大利** **Италия**. Ядро актуализируется эксплицитным способом: 1) лексемами, совпадающими с доминантой концепта и являющимися ей однокоренными: **意大利** **Италия** (29), **意大利的** **итальянский** (42), **意大利人** **итальянцы** (5); 2) лексемами-гипонимами к доминанте концепта: **米兰** **Милан** (19). *Периферия* вербализуется имплицитным способом: лексемами, актуализирующими модные марки Италии: **阿玛尼** **Армани** (4), **古驰** **Гуччи** (9).

Таким образом, современное общество ассоциирует моду преимущественно с Западом. Доказательством тому служит активное функционирование топонимических концептов в сознании носителей, обозначающих западные географические объекты и в русской и китайской лингвокультурах. И если в сознании российского общества парадоксальным образом отсутствуют наименования крупных городов России как законодателей моды, то для китайцев мода создается не только западными брендами, но и собственно китайскими, так как моде Китая всегда был присущ местный колорит, а культура и быт вносили в нее поправки.

Китайцы любят покупать дорогие бренды с логотипами, чтобы все могли отметить уровень их благополучия. Это идет из глубин сознания, из китайского менталитета и обуславливается экономической и исторической подоплеками: из-за повсеместной бедности в стране чувство безопасности играет большую роль. Но в последние годы многие состоятельные китайцы предпочитают интеллектуальную роскошь, их вкусы становятся менее рафинированными и более определенными [4]. Их начинает волновать то, что представляет собой бренд и его продукция в целом, ставя под вопрос истинную ценность той или иной вещи. Приоритет отдается не только слепому подчинению модным лейблам, но и соответствуию их стилю жизни и индивидуальным параметрам.

Примечания и список литературы

1. Ковлакас Е. Ф. Вестник Военного университета. 2011. № 4 (27). С. 78.
2. Карасик В. И., Слыскин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : ВГУ, 2001. С. 77.
3. Антология концептов / В. И. Карасик, И. А. Стернин. Т. 1. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 14.
4. <http://baike.baidu.com/item/%E6%97%B6%E5%B0%9A/8276>

Notes and References

1. Kovlakas E. F. Vestnik Voenogo universiteta [Herald of the Military University]. 2011, No. 4 (27), p. 78.
2. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya [Linguocultural concept as a unit of study] // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki : sb. nauch. tr. – Methodological problems of cognitive linguistics: collection of scientific works / ed. by I. A. Sternin. Voronezh. Voronezh State University. 2001. P. 77.
3. Antologiya konceptov – The anthology of concepts / V. I. Karasik, I. A. Sternin. Vol. 1. Volgograd. Paradigm. 2005. P. 14.
4. <http://baike.baidu.com/item/%E6%97%B6%E5%B0%9A/8276>

О процессуальной модели формирования иноязычной лингвистической компетенции

Кожевникова И. Г.

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. 394030, г. Воронеж, ул. Карла Маркса, 67А. E-mail: ava4971@mail.ru

Рыбакова Л. В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. 394030, г. Воронеж, ул. Карла Маркса, 67А. E-mail: lvr2310@mail.ru

Аннотация: В статье описаны практические результаты реализации разработанного авторами мотивационно-ориентированного подхода к организации самостоятельной работы магистрантов. Подход основывается на применении ряда понятий процессуальных теорий мотивации к обучению иностранным языкам. Анализируя соотношение внутренних и внешних параметров учебной ситуации, авторы выделяют три фактора, которые влияют на эффективность процесса обучения и базируются на следующих корреляциях: 1) возможности магистрантов и сложность задач; 2) автономия и внешний контроль; 3) внутренняя и внешняя оценка эффективности.

Авторы анализируют результаты практического применения разработанного подхода, которые демонстрируют, как обучающийся выбирает определенный тип поведения, как он распределяет свои усилия по достижению цели и воспринимает результаты и как его восприятие влияет на выбор типа дальнейшего учебного поведения.

Ключевые слова: самостоятельная работа магистрантов, учебная мотивация, процессуальная мотивация, студенто-ориентированное обучение, индивидуальный подход к обучению.

On the procedural model of formation of foreign language competence

Kozhevnikova I. G.

doctor of philological sciences, professor of Department of foreign languages, Russian Economic University n. a. G. V. Plekhanov. 67A Karl Marks str., 394030, Voronezh. E-mail: ava4971@mail.ru

Rybakova L. V.

candidate of philological sciences, associate professor of Department of foreign languages, Russian Economic University n.a. G. V. Plekhanov. 67A Karl Marks str., 394030, Voronezh. E-mail: lvr2310@mail.ru

Abstract: The article describes some practical outcomes of the implementation of the authors' motivation-oriented approach to the organization of independent work of students. The approach is based upon the main concepts of procedural motivation theories as applied to teaching foreign languages. The authors determine three factors that affect the process of learning and are based on the correlations between internal and external parameters of the learning situation 1) students' opportunities and tasks, 2) students' autonomy and external control and 3) internal and external evaluation of performance.

The authors analyse some outcomes of the practical application of the approach which demonstrate how the learner chooses a particular type of behaviour, how he distributes his efforts towards achieving the goal and perceives the results and how his perception influences the choice of the type of further learning behaviour.

Keywords: independent work of students, learning motivation, procedural motivation, student-oriented teaching, individual approach to teaching.

Среди современных направлений вузовской педагогики все большее значение приобретают вопросы организации самостоятельной работы студентов (СРС). Повышенное внимание к СРС продиктовано самой системой высшего образования, и вузовская педагогика располагает большим количеством теоретических и практических исследований, посвященных СРС.

Однако при том внимании, которое уделяется СРС как источнику повышения эффективности вузовского обучения, вопросы мотивации самостоятельной учебной деятельности требуют более пристального рассмотрения.

Целью настоящей статьи является изучение способов повышения эффективности управления самостоятельной работой магистрантов с опорой на процессуальную мотивацию.

Под процессуальной мотивацией мы понимаем мотивацию, возникающую в процессе регулярной самостоятельной учебной деятельности и детерминирующую выбор магистрантом того или иного типа учебного поведения в результате взаимодействия личностного и ситуационного факторов. Следуя за В. И. Чирковым, под личностным фактором мы понимаем «мотивационные диспозиции личности (потребности, мотивы, установки, ценности), а под ситуационным – внешние, окружающие человека условия (поведение других людей, отношения, оценки, реакции окружающих, физические условия и т. д.)» [1].

В связи с поставленной целью рассмотрим следующие вопросы:

- 1) анализ особенностей взаимодействия постоянных и переменных факторов учебной ситуации в процессе организации СРС;
- 2) обобщение результатов апробации авторской мотивационно-ориентированной концепции СРС в конкретной учебной ситуации (магистратура неязыкового вуза).

При разработке мотивационно-ориентированного подхода к управлению СРС мы исходили из такого понимания учебной ситуации, в рамках которого она включает в себя содержание дисциплины, специфику дисциплины и этап системы образования как постоянные факторы, а также особенности интеллектуального и психологического профиля студенческой группы как переменные факторы.

Постоянные факторы определяют задачи, содержание и необходимый объем СРС в плане освоения дисциплины, а также перечень и требуемый уровень сформированности навыков СРС, представленные в рабочей программе дисциплины.

Необходимые для предлагаемого подхода методические принципы сформулированы нами для учебной ситуации с указанными ниже постоянными факторами, а именно:

1) концепция СРС разрабатывалась для студентов первого курса магистратуры с учетом того, что на данном этапе образования обучаемые должны иметь высокую степень сформированности навыков СРС;

2) предмет изучения – дисциплина «Иностранный язык делового и профессионального общения (английский)», характеризующаяся, по нашему мнению, такими специфическими и существенными для организации СРС параметрами, как а) необходимость использования иностранного языка для получения знаний в других предметных областях; б) значительный объем теоретического материала при отсутствии лекционных часов; в) значительный объем часов СРС по сравнению с аудиторной нагрузкой.

К переменным факторам учебной ситуации мы относим набор индивидуально-психологических характеристик магистрантов конкретной учебной группы, определяющих их отношение к учебному процессу.

Несомненно, что при постановке целей человек руководствуется своими представлениями о возможности их достижения и веры в их контролируемость и доступность. На следующем этапе человек переходит к осуществлению деятельности, на характер выполнения которой (длительность, интенсивность, непрерывность) влияют его индивидуальные особенности [2].

Учитывая сказанное выше, при планировании содержания СРС мы поставили следующие практические задачи:

- определить такой объем и содержание материалов для СРС, который позволяет обеспечить освоение теоретического материала на базе аутентичных англоязычных источников информации, при этом максимально высвободив аудиторные часы для практической работы;
- разработать систему заданий для СРС различного уровня сложности с учетом возможных различий в структуре учебной мотивации магистрантов, а также в уровне их владения навыками СРС и иностранным языком;
- при разработке системы заданий и форм контроля планомерно повышать степень автономности обучающихся, опираясь на формирование навыка самоконтроля.

Важно отметить, что в качестве источника учебных материалов для СРС были задействованы исключительно интернет-ресурсы, использование которых, как показывают практические исследования, «позволяет значительно повысить процессуальную мотивацию и, как следствие, превратить самостоятельную работу студентов в целенаправленный педагогический процесс организации и стимулирования учебно-познавательной деятельности, в ходе которой учащиеся помимо освоения дисциплины приобретают стойкие умения и навыки самостоятельной работы» [3].

Для практической реализации указанных задач мы применили алгоритм «теория – прогноз – апробация – коррекция прогноза».

Прогноз был основан на выборе таких управленческих решений, которые позволят сбалансировать задачи освоения дисциплины и возможности магистрантов, повысив, таким образом, успешность СРС.

Коррекция прогноза осуществлялась нами на основе анализа академических результатов изучения дисциплины, обобщения наблюдений за работой обучающихся и учета мнения самих магистрантов относительно различных аспектов самостоятельной работы.

Анализ процессуальных теорий с точки зрения их применения к учебному процессу позволил нам выявить ряд параметров, характеризующих особенности того, каким образом учащийся выбирает конкретный тип поведения, как распределяет свои усилия на пути к достижению цели и воспринимает результаты и как его восприятие влияет на выбор типа дальнейшего поведения [4]. К таким параметрам мы относим постановку задач, целеполагание, оценку собственных возможностей, автономность, трудовые затраты, результативность, оценку результата.

По отношению к обучающимся как действующему субъекту мы разделили перечисленные параметры на две группы: внешнюю и внутреннюю. Постановка задач является внешним параметром, а автономность, целеполагание, трудозатратность и результативность – внутренними. Что касается оценки результатов, то этот параметр имеет двусторонний характер, включая внешнюю оценку другими людьми и внутреннюю (собственную) оценку результатов своей деятельности магистрантом.

СРС, осуществляемая в рамках изучения определенной дисциплины под руководством преподавателя, является одновременно автономной и внешне управляемой. Поэтому при определении факторов, влияющих на процесс СРС, необходимо рассматривать внутренние и внешние параметры в их взаимодействии и соотношении.

С учетом названных групп параметров нами были выделены три фактора, определяющие степень сбалансированности активности обучающегося как действующего субъекта учебного процесса и управляющей роли преподавателя:

1. Фактор оценки соразмерности собственных возможностей и поставленных задач.
2. Фактор соотношения автономности и внешнего контроля.
3. Фактор соотношения внутренней и внешней оценки результативности.

Рассмотрим каждый из сформулированных факторов применительно к учебному процессу в рамках алгоритма «теория – прогноз – апробация – коррекция прогноза».

I. Фактор оценки соразмерности возможностей исполнителя и поставленных задач.

Известно, что неадекватность соотношения уровня сложности задачи и уровня готовности человека к ее самостоятельному выполнению возникает как при завышенной, так и при заниженной сложности, что в обоих случаях приводит к снижению мотивации.

При планировании СРС мы учитывали два основных источника трудностей, способных повлиять на сбалансированность рассматриваемого фактора: объем СРС и уровень владения иностранным языком.

Считая, что готовность обучающегося приложить усилия должна базироваться на четком представлении о задачах, характере самостоятельной работы и ее объеме, на первом занятии мы:

- нацелили обучающихся на достижение результата в каждом блоке самостоятельной работы как условие успешного изучения дисциплины в целом;
- сфокусировали внимание на приобретении навыков делового общения как основной цели дисциплины, выделив навыки владения иностранным языком в качестве средства достижения цели;
- дали обоснование целесообразности вынесения значительного объема теоретического материала на самостоятельное изучение.

Для обеспечения магистрантам возможности планировать свою работу заранее и выбирать оптимальный режим была определена такая стратегия организации СРС, при которой весь блок заданий по каждой теме дается в начале ее изучения. В завершение изучения каждой темы обучающиеся сдают итоговую письменную работу. При этом выполнение всех финальных заданий и презентация одного доклада в течение семестра обеспечивают допуск к сдаче зачета и экзамена.

При апробации разработанной стратегии мы внесли ряд корректировок. В отношении предполагаемых трудностей, связанных с большим объемом материалов для СРС, выяснилось, что тревогу обучающихся главным образом вызывал не сам объем, а такие причины, как нехватка времени (при наличии интереса и желания) и жесткость сроков сдачи финальных работ.

В результате мы дополнили стратегию управления СРС следующими существенными условиями, введенными в основном по инициативе самих магистрантов:

- гибкие сроки сдачи итоговых письменных заданий по темам и времени презентации докладов при условии их обязательности;
- регулярное информирование обучающихся о разделах в блоке СРС, которые будут востребованы на следующем занятии;
- предоставление списка вопросов, выносимых на зачет и экзамен в начале изучения дисциплины.

II. Фактор соотношения автономности и внешнего контроля.

Учет фактора автономности, на наш взгляд, занимает центральное место в разработке мотивационно-ориентированного подхода к управлению СРС. Подобное утверждение опирается на основательную теоретическую базу [5].

В отношении учебной деятельности фактор автономности связывается в первую очередь с формированием навыков самостоятельной работы и пониманием магистрантом того, «что и как он хочет изучать, с какой интенсивностью, а главное, что за выполнение поставленных задач и конечный результат он сам берет на себя ответственность» [6].

Наряду с фактором автономности, соотносимой с внутренней мотивацией, важнейшей особенностью учебной деятельности является обязательное наличие внешней регуляции и контроля за результатами деятельности со стороны преподавателя, т. е. внешней мотивации.

Придерживаясь мнения о том, что внутренняя мотивация значительно сильнее и стабильнее внешней, мы считаем, что важнейшим условием успешности СРС является подчинение приемов управления СРС задаче формирования и укрепления внутренней мотивации обучающихся путем оптимизации соотношения уровня автономности и внешнего контроля.

Приступая к разработке СРС в магистратуре, мы исходили из того, что уровень автономности на этой ступени высшего образования характеризуется наиболее высокой степенью развития, поэтому при планировании мы делали ставку на увеличение доли автономности с опорой на навык самоконтроля и уменьшение доли внешнего контроля.

Внешний контроль, связанный с управляющей функцией преподавателя, по нашему мнению, должен был ограничиться постановкой итоговых задач дисциплины (вопросы к зачету и экзамену) и промежуточных задач освоения тематических блоков СРС (перечень источников информации с сопроводительной системой заданий), а также фиксацией результатов с заранее известным магистрантам перечнем контрольных точек (тесты, итоговые письменные задания по каждой теме, доклады). Поурочный контроль выполнения каждого задания и детальная проверка самого факта выполнения требуемого объема СРС были исключены как противоречащие прогнозируемому соотношению автономности и внешнего контроля на уровне магистратуры.

Отметим здесь, что степень автономности в значительной мере зависит от уже имеющегося опыта самостоятельной работы. Однако даже при высокой степени автономности магистранты испытывали потребность в обратной связи в процессе самостоятельной учебной деятельности. Таким образом, помимо функции традиционного оценивания результатов СРС преподавателем внешний контроль приобрел рекомендательно-направляющую функцию, реализующуюся в процессе СРС.

Востребованность этой функции подтверждается и мнением самих обучающихся, высказанным в рамках опроса, проводившегося на заключительном занятии с целью выявления представлений магистрантов о роли самостоятельной работы в процессе обучения. Цель опроса была педагогической – побудить обучающихся еще раз проанализировать свою работу и акцентировать важность навыков самостоятельной работы в жизни. Магистрантам предлагалось ответить только на те вопросы, относительно которых у них имелось четко сформулированное собственное мнение.

Один из вопросов касался представлений обучающихся о соотношении внутреннего и внешнего контроля и имел следующую формулировку: «Вы готовы контролировать себя сами? Какова, на ваш взгляд, должна быть роль преподавателя в организации самостоятельной работы и контроле ее результатов?»

Сразу следует отметить, что только половина участвовавших в опросе обучающихся ответили на этот вопрос. При этом прямого ответа на первую часть вопроса не дал никто. Что касается роли преподавателя, ответы включали следующие формулировки: «нужна определенная доля контроля со стороны преподавателя»; «контроль такого плана как, например, онлайн задания, результат выполнения которых можно сразу узнать»; роль преподавателя – «в предоставлении заданий, по которым можно узнать ответ после их выполнения»; «целесообразно вести самостоятельную работу на добровольной основе, но учитывать ее наличие на экзамене или зачете, ведь ее наличие говорит о более глубоком знании предмета».

В приведенных формулировках прослеживается как потребность во внешнем контроле, так и потребность в автономии. Показательно, что никто из отвечающих не отметил собственно контролирующую функцию преподавателя, осуществляющую в форме оценки за самостоятельно выполненное задание. При этом в соотношении «внешний контроль/самоконтроль» ведущая роль явно отдавалась первому: «самоконтроль важен, но не должен быть обязательным, преподаватель необходим для общего контроля»; «самоконтроль – хороший метод развития самодисциплины, но только не в том, что касается учебы».

Основываясь на приведенных в настоящей работе данных, мы можем уверенно сказать, что увеличение уровня автономности зависит от предыдущего опыта самостоятельной учебной работы, характеризуется повышением значимости самоконтроля и диктует снижение уровня внешнего контроля за счет изменения соотношения между функцией оценивания результатов и рекомендательно-направляющей функцией в пользу второй.

III. Фактор соотношения внутренней и внешней оценки результативности.

Все процессуальные теории мотивации в большинстве своем ориентированы на изучение условий результативности. Субъект деятельности должен осознать, что результат им достигнут. Считается, что осознание результативности выполнения задания является дополнительным стимулом к продолжению деятельности и к повторному использованию приемов деятельности, приведших к положительному результату [7].

Известно, что поведение человека в процессе деятельности зависит от того, как человек оценивает свой предыдущий опыт с точки зрения причин успехов и неудач. Причины успехов и неудач делятся в сознании человека на внешние и внутренние. Первые связаны с оценкой результатов деятельности другими людьми. Вторые – с оценкой собственных способностей и приложенных усилий. Через систему соотношения внешних и внутренних оценок проявляется зависимость поведения человека от результативности его предыдущего опыта [8].

В терминах процессуальных теорий внешняя оценка соотносится с вознаграждением, внутренняя – с его ценностью, а ценность – с критериями успешности. Успех процессуальной мотивации зависит от оптимального соотношения личных возможностей, ожидаемого вознаграждения и его ценности. Ценность вознаграждения зависит от затраченных усилий, а также от со-поставления полученного вознаграждения с вознаграждениями других людей за аналогичную работу и с собственными вознаграждениями в предыдущих периодах.

На основании приведенных теоретических положений можно понять, что основой формирования внутренней оценки является результативность опыта деятельности, а инструментом формирования критерии успешности является сравнение. Исходя из зависимости результата от способностей и приложенных усилий, можно выделить базовые направления действия внутренних критериев успешности, которые, как указывает Х. Хекхаузен, ориентированы

- на результат деятельности в плане повышения уровня мастерства;
- сравнение результата деятельности со своими прошлыми достижениями;
- сравнение своих результатов с достижениями других [9].

Перечисленные ориентиры были выбраны нами в качестве определяющих в системе оценивания результатов СРС. При оценивании финальных письменных работ по блокам СРС мы, помимо собственно оценки, обязательно давали подробные комментарии к каждой работе, прежде всего отмечая положительные моменты и выделяя области успешности. Указывая на недочеты, мы старались не нарушить общего восприятия успешности. Для этого не просто констатировались недостатки и ошибки, а давались рекомендации по их устранению в будущем, нацеливая обучающихся на преодоление трудностей как условие достижения наилучших результатов. Рекомендации, особенно в начале работы, на этапе знакомства с обучающимися и изучения их психологической реакции на неудачи, давались в осторожных формулировках, например: «Для дальнейшего улучшения вашей работы рекомендую обратить внимание на ...» или «Учитывая такие требования к ..., в этой части работы я бы изменила ...». Следует пояснить, что точность и детальность формулировок были очень важны, т. к. подобная индивидуальная работа с магистрантами осуществлялась в электронном виде и отсутствие прямого контакта не давало возможности наблюдать реакцию магистранта на замечания.

Говоря о механизме сравнения как инструменте формирования внутренней оценки результативности, следует отметить, что как бы ни была важна обратная связь с преподавателем, она не дает возможности обучающимся сравнить свои достижения с достижениями других. Полноценная самооценка возможна только в результате взаимодействия с другими членами студенческой группы во время аудиторных занятий. Если подобное взаимодействие как результат самостоятельно проделанной работы проходит успешно, то для многих магистрантов оно является

дополнительным стимулом активизации СРС. Подобный вывод подтверждается, например, опытом презентации докладов. Презентация одного доклада в течение семестра, как уже говорилось, являлась обязательным условием допуска к зачету и экзамену, а с точки зрения организации СРС – формой отчетности о проделанной работе. В одной из групп первые доклады оказались весьма интересными и вызвали живую реакцию аудитории, которая вылилась в спонтанную дискуссию. В результате выступающие, в полном соответствии с теорией мотивации, повторили свой успешный опыт, подготовив и представив еще один доклад, несмотря на то что это не входило в список обязательных требований. Думается, что успех первых докладов положительным образом повлиял и на отношение к этому виду СРС других обучающихся.

В целом опыт управления СРС с опорой на активизацию процессуальной мотивации доказал свою эффективность, выразившуюся не только в высоких академических достижениях магистрантов в плане овладения дисциплиной, но и в плане формирования «правильного» отношения обучающихся к СРС. В качестве подтверждения приведем данные опроса, который мы уже упоминали выше. Отвечая на вопрос «Как вы относитесь к увеличению доли самостоятельной работы магистрантов в процессе обучения?», никто из магистрантов не связал СРС с получением хорошей оценки на экзамене, отдав в предложенных вариантах ответа: «а) необходимое условие развития личности, б) неизбежное условие получения хорошей оценки на экзамене» предпочтение первому варианту.

В результате анализа результатов практического применения описанного в статье подхода к организации СРС авторы пришли к выводу о том, что формирование навыка самостоятельной учебной деятельности обучающихся в парадигме «знания – умения – навыки» носит не линейный, а возвратно-поступательный характер.

Процесс самостоятельного получения новых знаний и формирование новых умений, базирующиеся на уже имеющихся знаниях, проходят апробацию в практике их применения (формирование навыка). При этом выявляется круг вопросов, требующих получения дополнительных знаний, т. е. осуществляется постановка задач самостоятельной работы по пополнению знаний и определение приоритетных направлений их решения. В восприятии обучающихся задачи, выявленные таким образом, рассматриваются, скорее, как внутренняя потребность, а не внешняя за данность и, соответственно, стимулируют повышение внутренней мотивации. Роль преподавателя при этом сводится к «подведению» магистрантов к осознанию потребности в получении новых знаний и регулярному стимулированию этой потребности путем усложнения задач по сравнению с уже достигнутым и на основе достигнутого.

Подводя итог, обобщим результаты описанного опыта управления СРС и сделаем выводы.

1. Мотивационно-ориентированный подход к организации и управлению СРС дает возможность акцентировать значимость самостоятельной работы в учебном процессе через формирование восприятия обучающихся ее ценности как для успешного овладения конкретной дисциплиной, так и для реализации познавательной потребности и стремления к саморазвитию.

2. Формирование навыков самостоятельной работы базируется на поддержании потребности обучающихся в автономии, которая выражается в осознании учащимися своей активной роли в процессе обучения и необходимости приложения усилий для достижения результата. Это реализуется через развитие самоконтроля как умения планировать свои действия, распределять усилия и, главное, критически оценивать результаты своей деятельности с точки зрения успешности и причин неудач и, на этой основе, корректировать свои действия.

3. Развитие навыка самостоятельной учебной деятельности, позволяющего, во-первых, организовать процесс самообразования и, во-вторых, перенести накопленный опыт самостоятельной работы на другие виды деятельности.

4. Учет психологии мотивации в управление самостоятельной работой нацеливает преподавателя на формирование и укрепление уверенности обучающихся в собственных возможностях и убежденности в том, что достижение нужного уровня требований им по силам. Исходя из этого в качестве первостепенных выделяем практические задачи:

– разработка уровня под подхода к постановке учебных задач СРС с учетом потенциально возможных различий в степени подготовки, структуре целеполагания, накопленном опыте и восприятии обучающихся результатов самостоятельной учебной деятельности (что, собственно, позволяет максимально реализовать принцип индивидуального подхода к обучению);

– нахождение оптимального баланса оценивающей и рекомендательно-направляющей функций внешнего контроля для различных учебных ситуаций;

– обеспечение способов внеаудиторной обратной связи с преподавателем в процессе выполнения СРС;

– обеспечение такого взаимодействия обучающихся в рамках аудиторных занятий, которое позволит им применить самостоятельно полученные знания и критически оценить результаты своей самостоятельной работы, стимулировав таким образом развитие навыка самоконтроля и обеспечив возвратно-поступательный характер этапов освоения дисциплины: знания – умения – навыки – новые знания.

Каждая из перечисленных задач заслуживает отдельного теоретического осмысления и практического исследования и намечает перспективные направления изучения способов повышения эффективности СРС на стыке методики и психологии.

В дополнение к сказанному отметим, что рассмотренный метод управления СРС, позволяющий максимально реализовать принцип индивидуального подхода к обучению, может быть использован для разработки методик дистанционного обучения, становящихся в настоящее время все более востребованными.

Примечания и список литературы

1. Чирков В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 116–132.
2. Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Особенности мотивации достижения и учебной мотивации студентов, демонстрирующих разные типы академических достижений (ЕГЭ, победы в олимпиадах, академическая успеваемость) // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 4. URL: <http://psystudy.ru>.
3. Рыбакова Л. В. Об опыте использования интернет-ресурсов для повышения эффективности самостоятельной работы студентов // Высшее образование и иностранные языки: история, направления, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. 21 декабря 2015 г. Воронеж : НАУКА- ЮНИПРЕСС, 2016. С. 119–126.
4. Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Указ. соч.; Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. М. : Смысл, 2006. 336 с.
5. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина и др. 3-е изд. СПб. : Питер, 2003. 172 с.; Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008b. Vol. 49. P. 182–185; L. W. Porter and E. E. Lawler Managerial Attitude and Performance, Richard D. Irwin, Homowoxi III, 1968; Ryan R. M., Deci E. L. Self-regulation and the problem of human autonomy: Does psychology need choice, self-determination, and will? // Journal of Personality. 2006. Vol. 74. P. 1557–1586.
6. Кожевникова И. Г. Развитие креативных способностей студентов на занятиях по иностранному языку // Инновационная педагогика и образовательные технологии: современный опыт преподавания иностранных языков в высшей школе : сб. науч. тр. Воронеж : «Науч. кн.», 2015. С. 53–56.
7. Дергачева О. Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Района // Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002. С. 103–121; Vroom V. H. Work and motivation. N. Y. : Wiley, 1964.
8. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана // Психология мотивации достижения : учеб. пособие. М. : Смысл : Академия, 2006. С. 201–245.
9. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. СПб. : Речь, 2001. С. 17–23. URL: <http://flogiston.ru/library/hekhauzen>

Notes and references

1. CHirkov V. I. Samodeterminaciya i vnutrennaya motivaciya povedeniya cheloveka [Self-determination and inner motivation of human behavior] // Voprosy psichologii – Questions of psychology. 1996, No. 3, pp. 116-132.
2. Gordeeva T. O., Osin E. N. Osobennosti motivacii dostizheniya i uchebnoj motivacii studentov, demonstriruyushchih raznye tipy akademicheskikh dostizhenij (EGEH, pobedy v olimpiadah, akademicheskaya uspevaemost') [Features of achievement motivation and learning motivation of students, demonstrating the different types of academic achievement (exam, winning the competitions, academic achievement)] // Psichologicheskie issledovaniya – Psychological research. 2012, vol.5, No. 24, p.4. Available at: <http://psystudy.ru>.
3. Rybakova L. V. Ob opyte ispol'zovaniya internet-resursov dlya povysheniya effektivnosti samostoyatel'noj raboty studentov [Experience in the use of Internet resources to improve the efficiency of independent work of students] // Vysshee obrazovanie i inostrannye yazyki: istoriya, napravleniya, perspektivy : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 21 dekabrya 2015 g – Higher education and foreign languages: history, trends, prospects: materials of Intern. scientific-pract. Conf. 21 Dec., 2015. Voronezh. NAUKA – YUNIPRESS. 2016. Pp. 119–126.
4. Gordeeva T. O., Osin E. N. Op. cit.; Gordeeva T. O. Psichologiya motivacii dostizheniya [Psychology of achievement motivation]. M. Smysl. 2006. 336 p.
5. Maslou A. Motivaciya i lichnost' [Motivation and personality] / transl. from English T. Gutman, N. Mukhina, and others. 3rd ed. SPb. Piter. 2003. 172 p.; Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008b. Vol. 49. Pp. 182–185; L. W. Porter and E. E. Lawler Managerial Attitude and Performance, Richard D. Irwin, Homowoxi III, 1968; Ryan R. M. Deci E. L. Self-regulation and the problem of human autonomy: Does psychology need choice, self-determination, and will? // Journal of Personality. 2006. Vol. 74. Pp. 1557–1586.

6. Kozhevnikova I. G. Razvitie kreativnyh sposobnostej studentov na zanyatiyah po inostrannomu yazyku [Development of creative abilities of students in the classroom in a foreign language] // nnovacionnaya pedagogika i obrazovatel'nye tekhnologii: sovremennyj opyt prepodavaniya inostrannyh yazykov v vysshej shkole : sb. nauch. tr. – Innovative pedagogy and educational technology: experience of teaching foreign languages in higher education: coll. od scient. works. Voronezh. "Nauch. kn.". 2015. Pp. 53-56.
7. Dergacheva O. E. Avtonomiya i samodeterminaciya v psihologii motivacii: teoriya EH. Desi i R. Rajona [Autonomy and self-determination in the psychology of motivation: theory of E. Deci and R. Ryan] // Modern psychology of motivation / ed. by D. A. Leontiev. M. Smysl. 2002. Pp. 103-121; Vroom V. H. Work and motivation. N. Y. : Wiley, 1964.
8. Gordeeva T. O. Teoriya samodeterminacii EH. Desi i R. Rajana [Self-determination theory of E. Deci and R. Ryan] // Psihologiya motivacii dostizheniya : ucheb. posobie – Psychology of achievement motivation: tutorial. M. Academy. 2006. Pp. 201-245.
9. Hekhauzen H. Psihologiya motivacii dostizheniya [Psychology of motivation of achievement]. SPb. 2001. Pp. 17-23. Available at: <http://flogiston.ru/library/hekhauzen>

Собирание вятского фольклора любителями-фольклористами во второй половине XIX – начале XX в.*

Поздеев В. А.

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: slavapozd@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается история собирания вятского фольклорно-этнографического материала любителями и профессионалами-исследователями во второй половине XIX в. Этот период был особенно интересен с точки зрения привлечения к собиранию чиновников, учителей, священнослужителей, студентов и школьников. В истории вятской фольклористики известны такие имена, как Д. К. Зеленин, М. А. Колосов, Ф. М. Истомин, К. М. Ляпунов, В. К. Магнитский, которые профессионально собирали диалектологический и фольклорно-этнографический материал. Большой вклад внесли Н. А. Добротворский, И. М. Софийский и многие другие собиратели-любители.

Ключевые слова: собиратели-любители, вятский фольклор и этнография, история собирания вятского фольклора.

Collecting Vyatka folklore in the second half of the XIX – early XX centuries by amateur folklorists

Pozdeev V. A.

doctor of philological sciences, associate professor, professor of Department of Russian and foreign literature
and methods of teaching, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: slavapozd@yandex.ru

Abstract: The article deals with the history of collecting Vyatka folklore and ethnographic material by amateurs and professional researchers in the second half of the 19th century. This period was particularly interesting from the point of view of attracting officials, teachers, clergymen, students and schoolchildren to the gathering. In the history of Vyatka folklore, such names as D. K. Zelenin, M. A. Kolosov, F. M. Istomin, K. M. Lyapunov, V. K. Magnitsky are known, who professionally collected folk-ethnographic and dialectological material. A great contribution was made by N. A. Dobrotvorsky, I. M. Sofiysky and many other amateur collectors.

Keywords: amateur gatherers, Vyatka folklore and ethnography, the history of collecting Vyatka folklore.

История собирания и изучения вятского фольклорно-этнографического материала имеет некоторые лакуны. Так, самый интенсивный период собирания фольклора в Вятской губернии привлекал мало внимания историков фольклористики, тогда как середина 60–70-х гг. XIX в. ознаменована повышенным интересом к быту, верованиям, обрядам русских и инородцев (вотяков, пермяков, черемисов).

Выбор эмпирической базы как для любителей, так и для исследователей-профессионалов традиционной культуры был обусловлен конкретно-практическими особенностями направленности этнографических и фольклорных исследований, а также имевшимися возможностями знакомства с соответствующими традиционными этнографическими источниками, при непосредственном наблюдении их в «жизни».

Именно с середины 60–70-х гг. XIX в. проводили научные экспедиции филологи М. А. Колосов, Ф. М. Истомин, музыкант К. М. Ляпунов. М. А. Колосов, профессор Варшавского университета, записывал северо-русские диалекты и примеры фольклорных текстов, в которых эти диалектные слова употреблялись (39 песен: колядки, свадебные, подблюдные, хороводные, исторические). По итогам экспедиции в Вятскую губернию М. А. Колосов опубликовал несколько статей, в которых отнес ее к числу очень бедных фольклорным материалом [1]. Его замечания первона-

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00137 «Инерция и новация в вятском этнофольклорном материале (проблема реалий и номинаций в народном сознании: семантический и поэтический уровни)».

чально отрицательно повлияли на организацию серьезных экспедиций в Вятскую губернию, но в 1880-е гг. местные собиратели попытались опровергнуть такое мнение. Именно в 80-90-е гг. XIX в. и до начала XX в. картина постепенно меняется.

Богатый фольклорный и этнографический материал собрал и опубликовал политический ссыльный Н. А. Добротворский. Этнографический очерк «Пермяки» Н. А. Добротворского был напечатан в журнале «Вестник Европы» в 3-й и 4-й книжках за 1883 г. За время вятской ссылки он подготовил несколько статей историко-этнографического и фольклорного характера, которые были опубликованы в «Вятских губернских ведомостях». В архиве Русского географического общества хранится рукопись Н. А. Добротворского «Сказки, легенды, предания и т. д. (Орловск. у[езд], Вятской губ.) Запис. Н. Добротворский» [2].

Заметным явлением стала публикация статьи В. К. Магницкого «Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии» (1883), в которой автор приводит массу этнографического и фольклорного материала из собственных записей и записей крестьян [3].

Фольклор вятских детей довольно скромно представлен в публикациях XIX в., однако в этом ряду стоит особо выделить книгу Е. А. Покровского «Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной)» (1887) [4]. В ней известный в свое время педиатр, антрополог, психолог, педагог собрал описания нескольких десятков различных вятских игр: подвижных, с хороводами, с игрушками, с мячом и палками, с шарами, с костями, домашних и уличных, летних и зимних, различные виды жребия. Среди корреспондентов Покровского были сельский учитель В. Тихомиров, секретарь губернского статистического комитета Н. А. Спасский и некто Тихомович из Елабуги.

Однако необходимо отметить, что в Вятской губернии большую работу по фиксированию фольклорного и этнографического материала провели скромные любители – фольклористы и народные этнографы.

Так, в сборник вятских народных сказок, составленный Д. К. Зелениным, вошли не только сказки записанные самим ученым и профессором М. А. Колосовым, которые составили важнейшую часть книги, но также записи учительницы Е. П. Поповой, студентки Л. В. Курочкиной, учительницы Е. А. Костровой, священника В. Покровского, крестьянина М. И. Сунцова, учительницы А. Н. Шаховой, учеников Елабужского реального училища под руководством учителя В. П. Егорова, крестьянина Трегубова, студента Т. К. Борисова и, наконец, священника Н. Блинова [5].

В другой известный «Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества», подготовленный А. М. Смирновым, вошли вятские сказки, записанные политическим ссыльным Н. А. Добротворским, учителем Е. Т. Соловьевым и восемью другими собирателями [6].

Пожалуй, самые интересные и самые значительные песни были записаны тогда учителями, школьниками, студентами, крестьянами и другими любителями фольклора.

Илья Михайлович Софийский, чиновник, инспектор народных училищ, внес заметный вклад в фольклористику Вятской земли. Составленный им «Сборник загадок Слободского уезда Вятской губернии» – это лучшее собрание старых вятских народных загадок. И. М. Софийский подготовил и издал этот сборник с помощью сельских учителей, на основе записей десятков школьников из бывшего Слободского уезда. Он опубликовал свой сборник как иллюстрацию к местному говору, потому что И. М. Софийский собирал загадки не с фольклорной, а с лингвистической целью. Хотя сборник имел другое предназначение, но само построение сборника говорит о том, что публикатор стремился представить материал в более полном виде, так, он приводит отгадки сразу после загадок. Важно то, что загадки публикуются в нескольких вариантах произношения [7].

Вот что писал сам И. М. Софийский в предисловии к публикации: «Предлагаемые загадки записаны в ноябре месяце 1890 года учениками и ученицами начальных народных училищ Слободского уезда <...> Труд автора (составителя сего) заключался только в просмотре этих самостоятельных ученических письменных работ, сравнении вариантов загадок и посильном объяснении текстов их. Последнее любопытно в том отношении, что вятский простонародный говор изобилует многими особенностями, по сравнению с его общим великороссийским, – ученики же и ученицы писали со слуха своим простым, безыскусственным неписьменным языком. Для любителей словесности должно быть довольно ценным <...> Об этнографическом значении данного материала говорить нет надобности, – оно понятно всякому...» [8]

Разумеется, интересны разные аспекты сборника. Интересно познакомиться с тем, как говорили дети и подростки в Слободском уезде на рубеже 80-90-х гг. прошлого века. Но главная ценность сборника все же фольклорная. Около 900 загадок, записанных в одном уезде в один месяц, позволяют внимательно изучить их бытование, сравнить с последующими записями, про-

следить развитие времени. И. М. Софийский отмечал такую особенность, как разница в восприятии сельскими и городскими детьми различных вещей. Он писал, что «загадки, полученные из более или менее глухих местностей, куда отнесены быть могут все здешние сельские училища, носят на себе отпечаток патриархальной простоты нравов, напротив, загадки, полученные из училищ городских, а особенно заводских, указывают на какую-то распущенность, – некоторые из них выражены грубым языком, полны двусмысленности и пр.» [9].

И. М. Софийскому принадлежит инициатива появления в «Памятной книжке Вятской губернии на 1894 год» этнографического очерка А. Л. Полушкиной «Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии» [10]. В свое время И. М. Софийский просил обратить внимание «в интересах учебно-воспитательного дела» в практике начальных народных школ на факты этнографии и филологии. Учительница Анна Лаврентьевна Полушкина увлеклась этим и написала очерк о «трех главнейших моментах жизни человека». Однако она рано умерла, и И. М. Софийский решил издать ее материалы, собранные в деревнях, где Полушкина учительствовала. Это еще один фольклорный материал, к которому сегодняшние фольклористы обращаются довольно часто. Публикатор писал в предисловии: «Труд издателя заключается только в некоторых компилятивных дополнениях и примечаниях к очерку» [11]. Также И. М. Софийский привел в примечаниях к очерку Полушкиной значительный этнографический и фольклорный материал из записей двух других учительниц: Л. Дрягиной из Сунского училища и Е. Сушкиной из Косинского училища.

В записях и комментариях к ним – 57 песен и плачей 1 072 строки; кроме того, отрывки из причетов над умершими, свадебные песни, переработанная историческая историческая песня о Захаре Чернышеве, баллады, солдатские и плясовые песни. Важным принципом описания любителями является очень подробное описание обстановки, в которой пелись песни. «За все свадебное время еще поется много песен, так называемых «сидячих», потому что когда поются эти песни, то не пляшут уже, а сидят» [12].

При описании похоронных обрядов Полушкина и Сушкива передают плачи крестьянок по отцу и мужу. Полушкина подмечала самые малые детали обряда, например, «когда уже закрыли гроб крышкой, она увидела на крышке сквозное отверстие от выломившегося сучка, ухватилась за него и давай причитать: «Родимый ты мой тятенька! И дощечки-то не нашлось тебе получше, поглаже... Дождь пойдет, дыру нальет, тебя смочит... Жив-то ты был, дождь тебя часто мочил на работушке, и теперь будешь сырехонек лежать...»» [13]

Собиратели-любители часто обращались к описанию различных примет из обыденной жизни, а также во время каких-либо обрядов. Так, в описании похоронного обряда Полушкина приводит приметы, которые предвещают болезнь и смерть: «Прихворнется ли немножко человеку и в этом случае не обходится без примет. По каким-либо незначительным, случайным в другой раз и непонятным обстоятельствам, крестьяне предугадывают будущее и твердо верят в исполнение того, что определяет им та или другая примета. Часто даже эти же приметы заставляют их действовать решительнее и смелее. Так, например, войди в избу, где находится больной; домашние его с отчаянием в душе говорят: «нет уж ему, родимому, не встать, ведь нет уж нет!» –, Отчего же уж и не встать, по-твоему? ведь на все воля Божия!» – «Да вот ще, голубка; занемог то он, сердешный, в субботу, да и на бабью постель слег, нет уж, не жди» <...> Выражение „на бабью постель слег“ значит, что ранее его был болен кто-либо из семьи женского пола, и если тот член семьи выздоровеет, а после захворает кто-либо из мужского пола, то это уже, знать, что он не выздоровеет» [14].

Полушкина довольно подробно описывает течение болезни и ее последствия. Она описывает, как больные надеялись на причастия от священнослужителей. ««Видно надо и батьку привезти», заявляют в семье: – «долго ли до греха... а то, может, Бог даст, и полегчает после, причесья то»» [15].

Вятская губерния не отличалась высоким уровнем медицинского обслуживания, поэтому и народ не надеялся на медицинских работников. Полушкина передает разговор с родственниками: «Что же, звали вы фельдшера, бывал он у вас? – Был, был и фершал, сколь и вещей давал пить и все, да уж все поправы то нет. Велел он ошо на голову то снегу клась, или холодной водой мочить ее снегом, да ште то мы уж не смеем, и так уж плох; а тут накося, снегом!...» [16]

Чаще всего больного лечили различными заговорами. Полушкина не приводит текст заговоров, но описывает различные способы «лечения» знахарки, а также передает отношение к этому действию родственников: «Карповна то наговаривала, и в печке то парили, и в печке то трухой прогревали, и поим то не тем-другим, да уж смертно знать, так не воротишь» [17]. Родственники посыпали в село за священником, чтобы соборовать маслом больного. Собиратель описывает все

детали этого последнего обряда: «Больного сводят с печи, где большею частию держат их; одевают в чистое белье и готовят все нужное. Приезжает священник, собираются родные и знакомые больного и начинается обряд соборования. При этом в руки всем присутствующим даются восковые зажженные свечи» [18]. Приметы были важными элементами в понимании дальнейшей судьбы больного: «По дыму от этих свеч узнают, останется ли жить больной: если дым, идет к двери избы, то, больной, говорят, не встанет; а если на середь, то переможется <...> если он после соборования уснет, то предполагают ему выздоровление, а если нет, то смерть» [19]. Полушкина отмечала, что смерть ждут в третий, шестой, девятый и двенадцатый день после соборования, так как эти дни считались самыми тяжелыми.

Очень важными приметами являлись «прихоти» в еде больного, например, если больной запросит киселя, блинов или пива, значит умрет. К этому времени также приурочены приметы о том, что в доме может быть покойник. Если больной умрет вечером или ночью, и в это время в доме бывает растворена квашня, то предполагали, что в семье в том же году будет другой покойник [20].

В самые предсмертные минуты больного перемещали в передний/красный угол избы, зажигалась восковая свечка, а также ставили чашку воды, для того чтобы душа по пути окунулась в ней и омыла грехи [21].

В 1893 г. появилось собрание вятских песен С. Л. Скворцовой «Народные песни Вятской губернии», в котором было представлено 124 песенных текста многих жанров: детские прибаутки и песенки, свадебные, плясовые, беседные, подблюдные, святочные, хороводные, семиковые, троицкие, масленичные, песни рабочей поры, рекрутские. Записи сделаны в разных волостях Вятского, Орловского, Котельничского и Нолинского уездов. «Вообще все песни Вятской губернии, – писала в предисловии собирательница, – мало содержат в себе поэзии. Какую ни возьмешь из песен, везде этот реализм, постоянное напоминание действительной жизни, жизни прозы, труда, дневной заботы, грубой иронии» [22]. Такая характеристика вятского крестьянского фольклора закономерна для того времени, потому что она отражает взгляды интеллигенции на быт и эстетические взгляды простого народа. Однако Скворцова о плясовых песнях писала, что они были любимыми в Вятском и Орловском уездах, а в замечаниях по поводу святочных песен она отмечала, что во время святочных вечеров молодежь играла в «фанты, четь и нечет, кошка и мышка, веревочка, жгуты, колечко» [23]. Это интересные сведения, которые показывают, что и в деревнях уже приобщались к городской культуре.

В свое время Д. К. Зеленин писал по поводу собирания этнографического материала любителями: «Действительно, большое спасибо Филимонову, Магницкому, Спасскому, Блинову и другим, потрудившимся для изучения народной демонологии. Имена этих скромных тружеников никогда не забудет местная история. Но исследования заслуживает не одна только демонология, но и все прочие особенности народного быта. Сколько тут крайне интересного и совсем неизученного. Троицы плятница.... Братчина и т. д., – какой богатейший материал для наблюдателя и исследователя, интересующихся народным бытом. Местным Губернским ведомостям и особенно "Памятным Книжкам" нужно сказать большое спасибо: они сделали многое для изучения местного народного быта» [24].

Сельские учителя, священнослужители были, пожалуй, самыми активными и основными собирателями произведений народного творчества. Так, мы видим, что А. Л. Полушкина, С. Л. Скворцова посвятили собиранию фольклора несколько лет своей жизни. Такая обширная информация о народном быте: от рождения до смерти, различные верования, приметы и т. п. – составляет своеобразную энциклопедию, которая не утратила своего значения и в настоящее время.

Примечания и список литературы

1. Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия : Отчет Отд-нию русского языка и словесности. СПб., 1877. С. (С. Отд-ния русского языка и словесности Имп. АН.). Т. XVII. № 3. 343 с.
2. Архив Русского географического общества. Ф. 10. Оп. 1. Д. 39–41.
3. Магницкий В. К. Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка, 1883. 58 с.
4. Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские: (В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М., 1887. 368 с. : ил.
5. Великорусские сказки Вятской губернии. С приложением шести вотяцких сказок : сб. Д. К. Зеленина. Пг., 1915. 640 с.
6. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества / изд. А. М. Смирнов. Петроград, 1917. Вып. 1. 504 с. (Записки Русского географического общества по Отд-нию этнографии. Т. 44).

7. Софийский И. М. Загадки Слободского уезда Вятской губернии / предисл. И. Н. Смирнова // Календарь Вятской губернии на 1892 год. Вятка, 1891. С. 168–226.
8. Там же. С. 168.
9. Там же. С. 168.
10. Полушкина А. Л. Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке и смерти крестьян Слободского уезда Вятской губернии / подгот. к изданию И. Софийский // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 205–254.
11. Полушкина А. Л. Указ. соч. С. 208.
12. Там же. С. 241.
13. Там же. С. 253.
14. Там же. С. 249.
15. Там же. С. 249.
16. Там же. С. 249–250.
17. Там же. С. 250.
18. Там же. С. 250.
19. Там же. С. 250.
20. Там же. С. 250.
21. Там же. С. 250.
22. Скворцова С. Народные песни Вятской губернии, собранные С. Скворцовой // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год. Вятка, 1893. С. 344.
23. Там же. С. 371.
24. Зеленин Д. К. «Кока» и «бука» // Приложение к «Вятским губернским ведомостям». 1904. 1 янв. С. 2.

Notes and References

1. Колосов М. А. *Zametki o yazyke i narodnoj poezhii v oblasti severno-velikorusskogo narechiya : Otchet Otd- niyu russkogo yazyka i slovesnosti* [Notes on the language and folk poetry in North-dialects: the Report of Dep. of Russian language and literature]. SPb. 1877. С. (Dep. of Russian language and literature Imp. AS). Vol. XVII. No. 3. 343 p.
2. *Arhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva* – Archive of the Russian geographical society. F. 10. Inv. 1. File 39–41.
3. Магникий В. К. *Pover'ya i obryady (zapuki) v Urzhumskom uezde Vyatskoj gubernii* [Beliefs and rituals (zapuki) in Urzhum County of Vyatka province]. Vyatka. 1883. 58 p.
4. Покровский Е. А. *Detskie igry, preimushchestvenno russkie: (V svyazi s istoriej, ehtnografiej, pedagogiej i gigienoj)* [Children's games, mainly Russian (In connection with the history, Ethnography, pedagogies and hygiene)]. M. 1887. 368 p.: Il.
5. *Velikorusskie skazki Vyatskoj gubernii. S prilozheniem shesti votyackikh skazok : sb. D. K. Zelenina* – Great tales of Vyatka province. With the application of six votaci tales: collection of D. K. Zelenin]. Pg. 1915. 640 p.
6. *Sbornik velikorusskikh skazok Arhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva* – A collection of Russian fairy tales the archive of the Russian geographical society / ed. A. M. Smirnov. Petrograd. 1917. Vol. 1. 504 p. (Notes of the Russian geographical society. Dep. of Ethnography. Vol. 44).
7. Софийский И. М. *Zagadki Slobodskogo uezda Vyatskoj gubernii* [Riddles of Slobodskoy county of Vyatka province] / pref. by I. N. Smirnov // *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1892 god* – Calendar of Vyatka province for 1892. Vyatka. 1891. Pp. 168–226.
8. Ibid. P. 168.
9. Ibid. P. 168.
10. Полушкина А. Л. *Pover'ya, obryady i obychai pri rozhdenii, brake i smerti krest'yan Slobodskogo uezda Vyatskoj gubernii / podgot. k izdaniyu I. Sofijskij* [Beliefs, rituals and customs at birth, marriage and death of the peasants Slobodskoy county of Vyatka province] / prepared for publication by I. Sophijskiy // *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1893 god* – Calendar of Vyatka province for 1893. Vyatka. 1892. Pp. 205–254.
11. Полушкина А. Л. Op. cit. P. 208.
12. Ibid. P. 241.
13. Ibid. P. 253.
14. Ibid. P. 249.
15. Ibid. P. 249.
16. Ibid. P. 249–250.
17. Ibid. P. 250.
18. Ibid. P. 250.
19. Ibid. P. 250.
20. Ibid. P. 250.
21. Ibid. P. 250.
22. Скворцова С. *Narodnye pesni Vyatskoj gubernii, sobrannye S. Skvorcovoy* [Folk songs of Vyatka province, collected by S. Skvorcova] // *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1894 god* – Calendar and the memorable book of the Vyatka province for 1894. Vyatka. 1893. P. 344.
23. Ibid. P. 371.
24. Зеленин Д. К. «Кока» и «бука» ["Coca" and "бука"] // *Prilozhenie k «Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to Vyatka provincial statements. 1904. 1 Jan. P. 2.

Реалии и номинации провинциального городского пространства (на материале микротопонимов города Йошкар-Олы)*

Ефимова Н. И.

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Марийский государственный университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.
E-mail: nordragon@mail.ru

Золотова Т. А.

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, русской литературы и журналистики, Марийский государственный университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.
E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

Аннотация: В статье современный город рассматривается как объект филологического исследования в рамках подходов культурной географии. Провинциальный город, по мнению авторов, является собой так называемое реально-воображенное пространство, и сутью представлений о нем становится «локальный текст». Именно «локальный текст» и воплощает в себе представление о городе.

Авторы констатируют возможность изучения «локального текста» города на материале интернет-фольклора, граффити, творчества представленных в нем субкультур, а также реалий и их номинаций (микротопонимов). В статье исследуется комплекс представлений, возникших вокруг новой архитектурной реалии города Йошкар-Олы. Скульптура «Йошкин кот» оказалась способной объединить сленгизм-топоним и широкие культурно-литературные аллюзии, породить элемент обрядовой практики (обеспечение удачи, загадывание желания), сформировать вокруг себя целый комплекс городских предметных реалий и значений.

Ключевые слова: культурная география, городское пространство, «локальный текст», реалии, номинация, микротопоним, Йошкар-Ола.

Realities and nominations of provincial urban space (mycrotoponyms in the town of Yoshkar-Ola)

Efimova N. I.

candidate of philological sciences, associate professor, head of Department of English philology, Mari State University. 1 Lenin square, 424000, Yoshkar Ola. E-mail: nordragon@mail.ru

Zolotova T. A.

doctor of philological sciences, professor of Department of Russian language, Russian literature and journalism, Mari State University. 1 Lenin square, 424000, Yoshkar Ola. E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

Abstract: The article focuses on the contemporary city as an object of philological research if regarded from the perspective of imaginative geography. A provincial town is the so called real and imaginary space and its local text reflects it to the full. The authors state a possibility of studying the local text of a town using the Internet folklore, graffiti, creative output of subcultures, realia and their nominations (microtoponyms). In particular, the authors examine a complex of ideas that have emerged around a new architectural detail (the sculpture of *The Cat of Yoshka*).

The sculpture *The Cat of Yoshka* united the toponym of slang character with a wide range of cultural and literary allusions, gave rise to some kind of ritual practice (providing luck, making a wish), and formed a variety of the town's realia and meanings.

Keywords: imaginative geography, urban space, local text, realia, nomination, mycrotoponym, Yoshkar-Ola.

Современный город независимо от своего столичного или провинциального статуса представляет собой большой интерес для филологических исследований комплексного характера, объединивших лингвистические, фольклористические, литературоведческие, искусствоведческие и антропологические изыскания. Городское пространство может и должно восприниматься

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Марий Эл в рамках научного проекта № 16-14-12005 а(р), а также РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00137. The reported study was funded by RFBR and Government of the Mari El according to the research project № 16-14-12005 and the research project № 16-04-00137.

как «носитель социальных и символических значений и как культурно нагруженная категория» [1], феномен культурной географии позволяет существенно расширить объектное поле филологических исследований до «текста» города.

В терминологии культурной географии город – это «реально-воображенное пространство» [2]. Данный термин, приведенный французскими социологами, по своей сути перекликается с понятием «локальный текст», трактуемым М. Л. Лурье как «совокупность устойчивых предметных позиций, стереотипных суждений, объяснительных моделей, повествовательных мотивов и сюжетов, ментальных и речевых клише и т. п., которые имеют хождение в местной культурной традиции и посредством которых сообщество, ассоциирующее себя с данным местом, выстраивает образ этого места, характеризует его по временным, пространственным, социокультурным, аксиологическим параметрам» [3]. Именно «локальный текст» и воплощает в себе представление о городе. Ранее нами уже изучались отдельные явления, связанные с городским провинциальным топосом и в том или иной мере представляющие собой текст в традиционном понимании (произведения интернет-фольклора горожан в жанре мема, демотиватора и «гифки», граффити, городские мотивы в песенной лирике) [4]. В рамках данной статьи речь пойдет, в частности, о некоторых реалиях и номинациях города Йошкар-Ола.

Исторически город Йошкар-Ола ничем не отличался от соседних с ним городов-столиц национальных республик и областных центров. Большинство городов такого типа, расположенных в Поволжье и имеющих в настоящее время население до одного миллиона, были основаны в XVI столетии, достаточно медленно развивались, в советский период были значительно благоустроены, обросли типовой застройкой и стали образовательным и промышленным центром своей области / республики. Единственный в стране город с экзотическим названием на букву «Й» был мало известен, но благодаря активной, хотя и неоднозначной, деятельности бывшей администрации республики в «нулевые» годы, стремившейся преодолеть провинциальность Йошкар-Олы, ситуация несколько изменилась – о городе появилась отдельная статья в «Кратком иллюстрированном словаре клише и стереотипов» [5], издании, впрочем, известном узкому кругу читателей. Благодаря быстрой и эффектной застройке, копирующей и всячески сочетающей в себе достопримечательности Москвы и европейских городов, возведению большого количества храмов Йошкар-Ола стала сравнительно популярным туристическим маршрутом. Соответственно, с появлением множества новых реалий исследователь вправе ожидать отражения этих изменений в «локальном тексте» «условного провинциального локуса», которым, по мнению А. Ю. Веселовой, оставалась и остается Йошкар-Ола [6].

Особенности сегодняшнего йошкар-олинского «локального текста» были выявлены нами ранее на материале интернет-фольклора горожан. К ним относится осознание провинциальности и стремление к ее преодолению, формирование образа города без учета туристических планов администрации, фокус на отрицательных сторонах жизни горожан (ограниченность круга общения, неразвитая инфраструктура), фиксация быстроты изменений облика города, комплекс представлений об отдельных реалиях [7].

Последние из вышеперечисленного, в терминологии А. Розенхольм и И. Савкиной, «говорящие места», «открывают перспективу на пространственную организацию культуры, а как конструкции культурного порядка они проливают свет на силу находящихся внутри литературы (кино, музыки, телевидения) моделей пространства» [8], они дают повод для возникновения «локального текста», одновременно становятся его узловыми точками. К таким объектам среди йошкаролинских реалий, безусловно, относится скульптура «Йошкин кот».

Популярный среди молодежи города сленговый топоним Йошка («Ешка»), часто употребляющийся в локальном сетевом фольклоре, появился не позднее 80-х гг.; в 90-е ярко проявился в среде толкинистской субкультуры, когда на популярный в стране игровой полигон, расположенный в Марий Эл, приезжала молодежь из разных городов России. Сленгизм Йошка легко прижился благодаря созвучию с фразеологизмом «ешкин кот», активно употребляемым с 60-х гг. XX столетия и набравшим популярность в художественной литературе 2000-х [9].

Топоним Йошка также имел коннотацию чего-то далекого, таинственного и недоброго, что можно объяснить не только очевидной отсылкой к традиционному персонажу русских сказок. По наблюдению одного из участников движения ролевиков, участники субкультуры «из Йошки» предпочитали отыгрывать роли отрицательных героев. Сегодня сленгизм сократился до ЙО или чаще YO (Yo), знакового междометия хип-хоп культуры, что привело к появлению дополнительного значения – «нечто модное, нездешнее». Такой вариант используется в электронном адресе городского сайта (yocity.ru), названии подросткового танцевального коллектива MatrYOSHKA, объединившем концепты «игра», «русское», «Йошкар-Ола» и «крутое», номинации крупного тор-

гового центра – Йокка. Постепенно сленгизм Йошка и компонент -уо укоренились в «локальном тексте» и неожиданно перешли границы субстандартной лексики, когда в 2011 г. в центре города появилась скульптура «Йошкин кот» – произведение, созданное коллективом художников: С. Яндубаевым, А. Ширниным и А. Шиловым. Это самая «живая» скульптура из множества современных и исторических монументов города, чья популярность поддерживается не только тиражированием ее изображения на сувенирной продукции, но и активными репостами в социальных сетях, горожане публикуют свои фотографии, а также мемы юмористического и/или критического содержания: за шуточным изображением скрывается целый пласт культурных ассоциаций и подтекста: фамильяр Бабы-яги, булгаковский Бегемот, фривольная поза животного, эвфемизация самой номинации и пр. Скульптура «Йошкин кот» стала не только яркой архитектурной деталью, о чем свидетельствуют многочисленные фото и мемы горожан, не только хорошим ориентиром (примечателен вопрос таксистов, везущих пассажиров к зданию университета: «Вас у Кота высадить или у шлагбаума?»), но и реалией, организующей культурное пространство города. «Локальный текст» Йошкар-Олы значительно обогатился, сформировались новые предметно-тематические и смысловые связи: появилось некое подобие ритуальной практики (почесать Кота на удачу / загадать желание), была установлена скульптура «Йошкина кошка», в целом, скульптура «Йошкин кот» как новый символ Йошкар-Олы хорошо вписалася в текущий тренд интернет-культуры – всяческое выражение симпатии к котам. Сама номинация также тиражируется – название «Йошкин кот» носят один из видов продукции местного ликеро-водочного завода, хостел, городской музыкальный фестиваль.

Таким образом, скульптура «Йошкин кот» оказалась способной объединить сленгизм-топоним и широкие культурно-литературные аллюзии, породить элемент обрядовой практики (обеспечение удачи, загадывание желания), сформировать вокруг себя целый комплекс городских предметных реалий и значений.

Примечания и список литературы

1. Топография популярной культуры : сб. ст. / ред.-сост. А. Розенхольм, И. Савкина. М. : Новое лит. обозрение, 2015. С. 1. URL: <https://profilib.com/ctenie/93235/kollektiv-avtorov-topografi-populyarnoy-kultury.php> (дата обращения: 09.09.2017).
2. Там же. С. 3.
3. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / под ред. М. Лурье // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 213.
4. Ефимова Н. И. Сетевой фольклор локальных и фанатских сообществ (на материале «городского текста» г. Йошкар-Олы и субкультурного текста поттеристов) // Верbal'naya kul'tura sovremennoj molodezhi : kollektivnaya monografiya / pod obsh. red. T. A. Zolotovoy. Йошкар-Ола : FGBOU VO «Marijskij gos. un-t», 2016. С. 8-63.
5. Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов : К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. СПб. : Ин-т логики, 2009. 168 с.
6. Веселова А. Ю. Йошкар-Ола // Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов : К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. СПб. : Институт логики, 2009. С. 61.
7. Локальный текст города в визуальных мемах йошкаролинцев // Верbal'naya kul'tura sovremennoj molodezhi : kollektivnaya monografiya / pod obsh. red. T. A. Zolotovoy. Йошкар-Ола : FGBOU VO «Marijskij gos. un-t», 2016. С. 38-63.
8. Топография популярной культуры... С. 2.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.

Notes and References

1. *Topografiya populyarnoj kul'tury : sb. st.* - The topography of popular culture: collection of articles / ed.-comp. A. Rosenholm, I. Savkina. M. New literary review. 2015. P. 1. Available at: <https://profilib.com/ctenie/93235/kollektiv-avtorov-topografi-populyarnoy-kultury.php> (date accessed: 09.09.2017).
2. *Ibid.* P.3.
3. *Slovar' lokal'nogo teksta kak metod opisaniya gorodskoj kul'turnoj tradicii (na primere Mogileva-Podol'skogo)*- Dictionary of the local text as a method of describing the urban cultural tradition (on the example of Mogilev-Podolsky) / ed. by M. Lurie // Shtetl, the twenty-first century: Field studies / comp. V. A. Dymshits, A. L. Lvov, A. V. Sokolova. SPb. Publ. of Europe Un. in St. Petersburg. 2008. P. 213.
4. *Efimova N. I. Setevoi fol'klor lokal'nyh i fanatskih soobshchestv (na materiale «gorodskogo teksta» g. Йошкар-Олы i subkul'turnogo teksta potteristov)* [Network local folklore and fan communities (on the material of the "urban text", Yoshkar Ola and subculture text of the Potterists)] // *Verbal'naya kul'tura sovremennoj molodezhi : kollektivnaya monografiya* – Verbal culture of contemporary young people: the collective monograph / under the general editorship of T. A. Zolotova. Yoshkar Ola."Mari State University". 2016. Pp. 8-63.

5. *Kratkiĭ illyustrirovannyi slovar' klishe i stereotipov : K 60-letiyu Pavla Anatol'evicha Klubkova* – Brief illustrated dictionary of clichés and stereotypes To the 60th anniversary of Pavel Anatolyevich Klubkov. SPb. Institute of logic. 2009. 168 p.

6. *Veselova A. YU. Joshkar-Ola [Yoshkar Ola]* // *Kratkiĭ illyustrirovannyi slovar' klishe i stereotipov : K 60#letiyu Pavla Anatol'evicha Klubkova* – Brief illustrated dictionary of clichés and stereotypes : To the 60th anniversary of Pavel Anatolyevich Klubkov. SPb. Institute for logic. 2009. P. 61.

7. *Lokal'nyj tekst goroda v vizual'nyh memah joshkarolincev* – Local text of a town in the visual meme of Yoshkar-Ola // *Verbal'naya kul'tura sovremennoj molodezhi : kollektivnaya monografiya* – Verbal culture of contemporary young people: the collective monograph / under the general editorship of T. A. Zolotova. Yoshkar Ola. "Mari State University". 2016. Pp. 38-63.

8. *Topografiya populyarnoj kul'tury...* – The topography of popular culture... P. 2.

9. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* – National corpus of the Russian language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.

Средства создания экспрессивности в сказке и способы их перевода

Порческу Г. В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. 610007, г. Киров, ул. Ленина, 198. E-mail: galinapor@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблемам перевода культурно-маркированных текстов, а именно, народных сказок. Сказка отражает специфические особенности образа жизни, характера, ценностей народа, поэтому проблемы межкультурной коммуникации наиболее ярко проявляются в процессе перевода такого типа текстов. Одним из путей решения этой проблемы является адекватная передача образной информации произведения и воссоздание в переводе стилистического эффекта оригинала. На примере английских волшебных сказок рассматриваются средства создания экспрессивности в английской сказке, даются примеры их использования. В статье также анализируются способы передачи этих средств при переводе на русский язык, рассматриваются переводческие решения и трансформации, используемые при переводе. При переводе следует обращать внимание на устойчивые формулы, говорящие имена, средства создания экспрессивности, при переводе которых используются такие приемы, как компенсация, калькирование, функциональная замена, лексические добавления, генерализация и смысловое развитие.

Ключевые слова: волшебная сказка, средства создания экспрессивности, переводческие трансформации.

Means of making expressiveness in the tale and methods of their translation

Porchescu G. V.

candidate of philological sciences, associate professor of linguistics and translation, Vyatka State University.
198 Lenin str., 610007, Kirov. E-mail: galinapor@mail.ru

Abstract: The paper is devoted to the translation problems of culturally marked texts, namely folk tales, and methods of solving these problems. The fairy tale reflects the specific features of lifestyle, character, and values of the people, therefore the problems of intercultural communication are quite evident when translating this type of texts. One of the ways to solve these problems is adequate translation of expressive means and devices to reproduce the stylistic effect of the original. The use of expressive means and stylistic devices is studied on the example of English fairy tales and techniques used in their translation into Russian are analyzed.

Keywords: folk tale, expressive means and stylistic devices, translation techniques.

Культурная картина того или иного народа отражается, прежде всего, в фольклоре. Сказка, являясь одним из основных жанров устного народного творчества, обладает этническими особенностями, в ней отражаются специфические особенности образа жизни народа, природной среды, условий проживания, особенности национального характера, традиции, моральные и этические ценности нации, поэтому в сказке барьеры межкультурной коммуникации проявляются наиболее ярко. Проблема преодоления этих барьеров является одним из наиболее интересных аспектов теории перевода. Одним из путей решения этой проблемы является адекватная передача образной информации произведения и воссоздание в переводе стилистического эффекта оригинала. В настоящей статье представлены результаты исследования использования средств экспрессивности в английской волшебной сказке и особенностей их передачи при переводе на русский язык.

Сказка понимается как эпический жанр устного народного творчества прозаического или поэтического характера, основными свойствами которого называют установку на вымысел, чудо, развлекательность, дидактичность [1]. Сюжеты, образы и ситуации, описываемые сказкой, специфичны для определенного этноса; эта специфика находит выражение в именах действующих лиц, названиях животных и растений, месте действия, в самобытных традиционных языковых формулах [2].

Сказки принято делить на две большие группы: народные и литературные. Народные сказки не имеют авторства, существуют в устной форме и могут иметь несколько вариантов; литера-

турная сказка создается писателем и фиксируется в письменной форме. С. П. Белокурова [3], Н. А. Викторова [4], И. В. Цикушева [5] отмечают тесную связь литературной сказки с народной, поскольку она имеет те же жанровые признаки: волшебно-сказочное время и пространство, система образов, раскрывающая конфликт сказки, категория волшебного. Имеется и ряд отличий: композиция, сюжетное пространство, индивидуальность/обобщенность образов героев, наличие образа автора [6]. Выделяют фольклорно-литературную (писательские пересказы-переработки известных народных сказок, своего рода промежуточное звено между народной и литературной сказкой) [7] и индивидуально-авторскую разновидности литературной сказки [8].

В основе классификаций сказок лежат различные критерии. Одно из наиболее полных описаний возможных классификаций представлено в работе И. В. Цикушевой [9]. Так, по *тематике* выделяют волшебные, бытовые и сказки о животных (анималистические), кумулятивные (основаны на многократном повторении одних и тех же действий или элементов, этот вид описывается в работе Т. Н. Астафурова и Н. А. Акименко [10]). По *пафосу* – героические, лирические, юмористические, сатирические, философские, психологические. По *близости к другим литературным жанрам* – сказки-новеллы, сказки-повести, сказки-притчи, сказки-пьесы, сказки-пародии, сказки абсурда, научно-фантастические сказки.

Средства создания экспрессивности в сказке изучались на материале английских волшебных сказок, которые имеют довольно четкую композицию и именно по этому признаку выделяются в отдельную группу [11]. Волшебная сказка понимается как стройная структура, состоящая из постоянных и устойчивых элементов с ограниченным числом функций и неизменной последовательностью в сюжете. Устойчивая композиция волшебной сказки определяет выбор вербальных и невербальных средств, среди которых наблюдается обилие образных художественных средств (эпитеты, сравнения, оксюморон, антитеза и пр.), разнообразные способы создания языковой игры, устойчивые речевые формулы [12].

Сказка является своеобразной сокровищницей народной мудрости, универсальным средством передачи знаний об окружающем мире и самом человеке. Сказка призвана оказывать эмоциональное воздействие, благодаря чему она лучше запоминается и успешней выполняет свою функцию трансляции знаний. Поэтому языковая экспрессивность, которая выражается на разных языковых уровнях, является одним из основных свойств сказки. На лексическом уровне важную роль в создании образности сказки играют метафора, эпитет, метонимия, гипербола и др.; на фонетическом – аллитерация; на морфологическом – использование устаревших форм слова (yon, thee, comest); на синтаксическом уровне – эмфатические конструкции, инверсия, параллельные конструкции, полисинтетон и др.

Статистический анализ использования экспрессивных средств языка проводился на материале 15 английских волшебных сказок из сборников сказок «English Fairy Tales» и «More English Fairy Tales» в обработке фольклориста и литературного критика Дж. Джейкобса. В процессе переработки сказок Джейкобс во многом следовал традициям братьев Гримм: ориентация на детскую аудиторию, исключение вульгаризмов и упрощение диалектных форм, непонятных ребенку. Он подчеркивал, что сказки, собранные им, предназначены для чтения вслух и адаптированы для детского восприятия.

Волшебные сказки являются одним из наиболее выразительных и ярких типов сказки. Они обладают четким набором характерных элементов: наличие зачина (*Once upon a time, Once there lived, There was once*), концовки (*and they lived happily*), присказки в стихотворной форме (*The cock crew, away they flew*); действие закона троичности; у персонажа всегда есть возможность изменить неприятную ситуацию, в которой они оказываются; «живая картинность» (герои сказок перелетают через море, сражаются с великанами, преодолевают огромные расстояния...).

Из 238 примеров использования в исследуемом материале экспрессивных средств, отобранных методом сплошной выборки, 40% составляют лексические средства, 27% относится на долю синтаксических экспрессивных средств, 20% – морфологические экспрессивные средства, 6%, 5% и 2% относятся на долю графических, фонетических средств и средств на уровне текста соответственно.

Одним из наиболее частотных средств создания экспрессивности на уровне лексики являются эпитеты (*a squeaky voice, stiff old back*), метафоры (*bag of bones*), гипербола (*fly at one stroke, grow in a moment*), антономасия (*Lazy Jack, Beauty*), лексические повторы (*deep, deep sea; a horrible, horrible form*).

На синтаксическом уровне необходимо выделить такие средства, как инверсия (*Long was the way*), сравнительные конструкции (*so fortunate as he was*), использование анафоры или эпифоры (*He gave a pull but it stuck, and she gave a pull but it stuck...*), параллельных конструкций, полисинтетона.

На морфологическом уровне наблюдается использование устаревших форм слов (*thou, wishest, meseemed*) и сокращений в речи главных героев ('em, o' nights).

Существуют две основные стратегии перевода сказок [13]: научный перевод, адресуемый специалистам, как, например, переводы русских народных сказок У. Ролстона; и литературно-художественное переложение, учитывающее интересы более широкой, чаще всего детской аудитории. Первая стратегия перевода стремится к точности в передаче смысла и формы оригинала, вторая же допускает отступления в деталях при сохранении основной сюжетной линии, решая развлекательно-познавательную и воспитательные функции.

В переводческой литературе [14] говорится, что при переводе народных сказок следует обращать особое внимание на пространственные и временные формулы, говорящие имена, рифмованные строки, неприкосновенные символы и законы сказочной логики, адекватного перевода которых можно добиться с помощью таких приемов, как компенсация, калькирование, поиск функционального эквивалента, переводческий комментарий, неологизмы.

При переводе сказок следует помнить о том, что категория экспрессивности является основным свойством языка сказки. Выделяют два основных способа передачи экспрессивных средств: использование регулярных соответствий и применение трансформаций, при этом нужно стараться сохранить функцию экспрессивного средства в переведомом тексте. Важно учитывать, что каждый язык имеет характерный именно для него набор экспрессивно-стилистических средств. В русском языке, например, отмечается общая тенденция к опоре на семантические элементы, а в английском языке преимущественно используются формальные элементы, т. е. переводчику следует избегать копирования экспрессивных средств оригинала.

При переводе лексических экспрессивных средств в ряде случаев, когда вариант перевода сохраняет свою эмоциональную составляющую, возможно использование словарных соответствий, например при передаче эпитетов, лексических повторов. Сравнение передается в основном калькированием. Повтор при переводе может сохраняться, иногда второй элемент приобретает приставку *pre-*: *a horrible, horrible form* – страшное-престрашное чудовище. Такой тип повтора часто встречается в русской сказке и выполняет усилительную функцию. Иногда при переводе повтора требуется использование трансформаций, так при переводе корневого повтора *the blackest black* используется модуляция: *He put on the blackest black...* – Он надел самую черную траурную одежду...

При переводе говорящих имен помогает использование метода компонентного анализа, в результате которого осуществляется выбор наиболее релевантной семы как основной единицы перевода. Например, при переводе имени коровы *Facey* анализ слова дает такие характеристики, как красивый, милый лицом, симпатичный. Образуя существительное от прилагательного *милый*, получаем вариант *Милашка*. Передача гиперболы осуществляется с помощью таких трансформаций, как генерализация и смысловое развитие. Например, при переводе *that ever saw sun or wind* используется выражение с более широким значением – *какого только свет видывал*. Такого рода сравнения часто встречаются в русских сказках. Кроме того, используя данный вариант перевода, компенсируется потеря яркого образа исходного текста введением формы глагола давно прошедшего времени (*видывал*), что является морфологическим средством создания экспрессивности.

Эмфатические конструкции традиционно компенсируются лексическими добавлениями. Аналогичный способ перевода используется при переводе английской инверсии, поскольку инверсия в русском языке не является столь же ярким экспрессивным средством, как в английском. Например, чтобы показать длину пути, который проделал герой, используется лексический повтор прилагательного *длинный*: *Long was the way...* – Путь был длинный-предлениный....

Устаревшие формы слов, отражающие разговорный стиль речи главных героев, компенсируются разговорными суффиксами *-ка* (*I'll tell thee, poor silly country fellow...* – Послушай-ка, деревенщина...); использованием разговорных форм слов (*learn wit from a wiser man than thyself* – учиться надо у того, кто поумнее тебя).

В ряде случаев, когда, например, при переводе ономатопеи и стихотворных строк, включенных в текст сказки, используют функциональный аналог. Так, в переводе присказки из сказки *The Magpie's Nest* главное – сохранить ее функцию: знакомство слушателя с нереальным, выдуманным миром, в котором все наоборот:

*Once upon a time when pigs spoke rhyme
And monkeys chewed tobacco,
And hens took snuff to make them tough,
And ducks went quack, quack, quack, O!*

*Давным-давно, когда овцы ели пшено,
А мартышки табак жевали, а куры его клевали,
Свиньи хрюкали стихами,
Утки крякали с петухами!*

В целом, стоит отметить, что одним из главных переводческих приемов сохранения экспрессивности при переводе сказок является компенсация. Эта трансформация применяется для перевода таких экспрессивных средств, как полисинтетон, корневой повтор, устаревшие формы слов. Кроме того, при переводе средств создания экспрессивности английской сказки на русский язык часто приходится повышать экспрессивность с помощью различного рода добавлений. Русская сказка ритмизована сильнее, поэтому необходимо добавлять средства создания ритмизации.

Обращение к народной культуре вызывает интерес многих ученых: лингвистов и культурологов, фольклористов. Народная сказка хранит неисчерпаемые богатства народной мудрости. Она отражает специфику национальной культуры, и поэтому всегда актуальна для изучения. При переводе народных сказок следует обращать особое внимание на устойчивые формулы, говорящие имена, рифмованные строки, неприкосновенные символы и законы сказочной логики, средства создания экспрессивности, адекватного восприятия которых носителями языка перевода можно добиться с помощью таких приемов, как компенсация, калькирование, функциональная замена, лексические добавления, генерализация и смысловое развитие.

Примечания и список литературы

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб : Паритет, 2006. 320 с.; Плахова О. А. Английские сказки в этнолингвистическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 24 с.
2. Егорова О. А. Традиционные формулы как явление народной культуры (на материале рус. и англ. фольклор. сказки) : дис. ... канд. культурологии. М., 2002. 259 с.
3. Белокурова С. П. Указ. соч.
4. Викторова Н. А. Английская литературная сказка эпохи постмодернизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 21 с.
5. Цикушева И. В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 52–55.
6. Там же. С. 54.
7. Там же.
8. Брауде Л. Ю. Современная литературная сказка // Скандинавская литературная сказка. М. : Наука, 1979. С. 1–10.
9. Цикушева И. В. Указ. соч. С. 21.
10. Астафурова Т. Н. Акименко Н. А. Лингвокультурное пространство англосаксонского сказочного дискурса // Вестник ВолГУ. 2007. Сер. 2. Вып. 6. С. 130–136.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. С. 65.
12. Эпоева Л. В. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языка волшебной сказки : на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://www.dissertat.com/content/lingvokulturologicheskie-i-kognitivnye-aspekte-izucheniya-yazyka-volshebnoi-skazki-na-materi> (дата обращения: 22.11.2017).
13. Богданова Т. Н. Русская сказка в англоязычной традиции // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 4. С. 273.
14. Казакова Т. А. Imagery in Translation. СПб. : Союз, 2003. 311 с.; Егорова О. А. Указ. соч.

Notes and References

1. Belokurova S. P. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of literary terms]. St. Petersburg. Paritet. 2006. 320 p.; Plakhova O. A. [English tales in ethnolinguistic aspect: abstr. dis. ... cand. philol. sciences] N. Novgorod. 2007. 24 p.
2. Egorova O. A. Tradicionnye formuly kak yavlenie narodnoj kul'tury (na materiale rus. i angl. fol'klor. skazki) : dis. ... kand. kul'turologii [Traditional formula as a phenomenon of folk culture (on the material of Russian and Eng. folklor tales): dis. cand. of culturology] M. 2002. 259 p.
3. Belokurova S. P. Op. cit.
4. Viktorova N. A. Anglijskaya literaturnaya skazka ehpochi postmodernizma : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [English literary tale of the era of postmodernism: abstr. dis. cand. philol. sciences]. Kazan. 2011. 21 p.
5. Cikusheva I. V. Zhanrovye osobennosti literaturnoj skazki (na materiale russkoj i anglijskoj literatury) [Genre features of a literary fairy tale (on a material of Russian and English literature)] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie – Herald of Adygea State University. Ser. 2: Philology and history of art. 2008, No. 1, pp. 52–55.
6. Ibid. P. 54.
7. Ibid.
8. Braude L. YU. Sovremennaya literaturnaya skazka [Modern literary fairy tale] // Skandinavskaya literaturnaya skazka – Scandinavian literary fairy tale. M. Nauka. 1979. Pp. 1–10.
9. Timashev I. V. Op. cit. P. 21.
10. Astafurova T. N. Akimenko N. A. Lingvokul'turnoe prostranstvo anglosaksonskogo skazochnogo diskursa [Linguocultural space of the Anglo-Saxon fairy-tale discourse] // Vestnik VolGU – Herald of the VolSU. 2007. Ser. 2. Iss. 6. Pp. 130–136.

11. Propp V. YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of a fairy tale]. L. Publishing house of Leningrad State University. 1986. P. 65.
12. EHpoeva L. V. *Lingvokul'turologicheskie i kognitivnye aspekty izucheniya yazyka volshebnoj skazki: na materiale anglijskogo i russkogo yazykov: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic-culturological and cognitive aspects of language learning fairy tales: in English and Russian languages: dis. cand. philol. sciences]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskie-i-kognitivnye-aspekty-izucheniya-yazyka-volshebnoi-skazki-na-materi> (date accessed: 22.11.2017).
13. Bogrdanova T. N. *Russkaya skazka v angloyazychnoj tradicii* [Russian fairy tale in the English tradition] // *Vestnik TGU* – Herald of TSU. 2010, iss. 4, p. 273.
14. Kazakova T. A. *Imagery in Translation* [Imagery in Translation]. SPb. Union. 2003. 311 p.; Egorova O. A. Op. cit.

**Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 12 (2017)**

16+

Подписано в печать 29.12.2017 г.
Дата выхода в свет 22.01.2018 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 200. Заказ № 5030.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36